ПК
50
Д-40
автогр.
Джаншиев. Основы
судебной реформы.
М., - 1891 -

В. А. М.
„Юному годами, но дряхл…"

ОСНОВЫ
СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ

(къ 25-ти лѣтію новаго суда).

ИСТОРИКО-ЮРИДИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ.

Судебные Уставы истекаютъ не отъ произвола, а отъ началъ истины и справедливости, въ той степени, въ какой они выработаны наукою и опытомъ.

Предисл. къ Суд. Уст.

Книжный Фонд
Москов Библиот Отдел
БИБЛИОТЕКА Максакова
№

347.96(47)

ГР. ДЖАНШІЕВА.

ПРИЛОЖЕНІЕ: Опись „Дѣла о преобразованіи судебной части въ Россіи".

В. М.

МОСКВА.
Типографія М. П. Щепкина, Арбатъ, домъ Каринской.
1891.

Госуд. публичная историческая библиотека РСФСР

ПК 50 Д40

ОСНОВЫ
СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ

(къ 25-тилѣтію новаго суда).

ИСТОРИКО-ЮРИДИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ.

Судебные Уставы истекаютъ не отъ произвола, а отъ началъ истины и справедливости, въ той степени, въ какой они выработаны наукою и опытомъ.

Предисл. къ Суд. Уст.

ГР. ДЖАНШІЕВА.

ПРИЛОЖЕНІЕ: Опись „Дѣла о преобразованіи судебной части въ Россіи".

Р. С. Ф. С. Р. БИБЛІОТЕКА Народнаго Комиссариата по просвѣщенію.

МОСКВА.
Типографія М. П. Щепкина, Арбатъ, домъ Каринской.
1891.

Государственная историческая библиотека РСФСР

Госуд. публичная
историческая
библиотека РСФСР

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТ КРАСН. ПРОФЕССУРЫ
№

Госуд. публичная
историческая
библиотека РСФСР

21022 | 8 м

„Съ твердою помощью началъ науки вы съумѣете р а д и к а л ь н о мыслить всякую общественную болѣзнь, ясно сознавая настоящее, прозрѣвая будущее, какъ пророкъ, и своею р а ц і о н а л ь н о ю дѣятельностью приготовите благосостояніе вашему отечеству, а себѣ в ѣ ч н у ю п а м я т ь людей, приготовлявшихъ благодатную почву и сѣявшихъ сѣмена добра.“

Изъ вступит. лекціи П. Г. Рѣдкина.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

ДОБЛЕСТНОЙ ПАМЯТИ

д ѣ я т е л е й с у д е б н о й р е ф о р м ы,

С. И. Заруднаго, Н. А. Буцковскаго, Д. Н. Замятнина.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стран.
Предисловіе		VI
ГЛАВА I.	Что такое новый судъ	1
ГЛАВА II.	Когда и почему судебная реформа получила „радикальный характеръ"	27
ГЛАВА III.	Историческій очеркъ составленія Судебныхъ Уставовъ	36
ГЛАВА IV.	Отдѣленіе власти судебной отъ административной	58
ГЛАВА V.	Выборное начало въ новомъ судѣ	71
ГЛАВА VI.	Н. А. Будковскій и судъ присяжныхъ	86
ГЛАВА VII.	Записка Д. А. Ровинскаго объ учрежденіи суда присяжныхъ	126
ГЛАВА VIII.	Судъ невѣждъ надъ судебною реформою	138
ГЛАВА IX.	Первая новелла	150
ГЛАВА X.	Вторая новелла	184
ГЛАВА XI.	Новелла 12-го февраля 1887 г. объ ограниченіи гласности	198
ГЛАВА XII.	Новелла 7-го іюля 1889 г. о	223
ГЛАВА XIII.	О возникновеніи суда сословныхъ представителей	253
ГЛАВА XIV.	Законы 7-го іюля 1889 года и судъ сословныхъ представителей	265
ГЛАВА XV.	Нашъ судъ присяжныхъ и его враги	285
ГЛАВА XVI.	Устройство судебной части въ области земскихъ начальниковъ	311
ГЛАВА XVII.	Процессуальныя правила 29-го декабря 1889 года	335

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Опись дѣла о преобразованіи судебной части въ Россіи . . 1—52

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Поруганъ храмъ безумною гордыней,
Толпа забыла слѣдъ къ священнымъ алтарямъ,
Лишь вѣрный жрецъ, въ покинутой руинѣ,
Усерднѣе кадитъ поверженнымъ богамъ,
Съ благоговѣньемъ преклоняясь предъ поруганной святыней.

В. Гюго (К—я).

17-го апрѣля 1891 г.

Ожесточенныя нападки, коимъ съ давнихъ поръ подвергается наше новое образцовое судебное законодательство, со стороны реакціонной печати, къ чести нашей юридической науки, не находятъ въ ней ни малѣйшей поддержки и сочувствія. Напротивъ, эта недостойная травля, направленная противъ основныхъ истинъ юридической науки и общечелоѣческаго опыта выраженіемъ коихъ служитъ наша великая судебная реформа, какъ бы усугубила симпатію и уваженіе къ ней нашихъ ученыхъ процессуалистовъ и юристовъ-практиковъ.

Въ превосходномъ изслѣдованіи, вышедшемъ въ 1884 году, въ самый разгаръ похода противъ Судебныхъ Уставовъ, одинъ изъ лучшихъ нашихъ процессуалистовъ, тов. оберъ-

прокур. угол. кас. деп., професс. И. Я. Фойницкій, называетъ эти Уставы «самымъ цѣннымъ украшеніемъ великаго освободительнаго царствованія», а судъ присяжныхъ «наиболѣе близкою къ идеалу» формою суда. Указывая на то, что къ исходу втораго десятилѣтія юридическая наука провожаетъ судебную реформу съ тою же «любовью и уваженіемъ», съ которыми она была встрѣчена, нашъ ученый криминалистъ опредѣляетъ обязанность русскаго юриста такъ: «Она состоитъ въ томъ, говоритъ онъ, чтобы *оберегать* начала Судебныхъ Уставовъ въ ихъ первоначальной чистотѣ, *ограждать* животворящій ихъ духъ и внутренній ихъ смыслъ отъ всякихъ искаженій и передѣлокъ, составляющихъ ясный или прикрытый поворотъ къ старому порядку вещей» [1]).

Эта необходимость *защиты* основъ судебной реформы продолжаетъ быть и до нашихъ дней настоятельною задачею русскаго юриста. Какъ это странно звучитъ, не правда ли?

Спустя 26½ лѣтъ послѣ изданія Судебныхъ Уставовъ и послѣ 25-тилѣтняго примѣненія ихъ на дѣлѣ—все еще нуждаются *въ защитѣ* азбучныя истины, провозглашенныя ими!?

Это — безспорно прискорбное, обидное явленіе, но наличность его не подлежитъ со-

---

[1]) См. Курсъ уголовнаго судопр. проф. Фойницкаго. СПб. 1884. т. I, стр. 156.

Такой же сочувственный отзывъ мы встрѣчаемъ и въ курсѣ уголовнаго судопроизводства проф. Д. Г. Тальберга, который видитъ въ Судебныхъ Уставахъ «безспорное достояніе не только русской, но и общеевропейской культуры». См. его Русск. угол. судопр. Кіевъ, 1889, предисл.

мнѣнію, хотя оно и представляется для нашихъ дней столько же неожиданнымъ, сколько и непонятнымъ.

Въ самомъ дѣлѣ, можно не соглашаться, но все-таки можно понять тѣ страхи и опасенія, которые внушалъ нашимъ консерваторамъ высокій полетъ и смѣлый духъ преобразовательнаго творчества, воодушевлявшій дѣятелей судебной реформы 61 – 62 гг. Даже люди благомыслящіе могли не находить въ себѣ или по возрасту, или по темпераменту и складу мыслей, достаточно душевной бодрости и нравственной отваги, чтобы идти за этими смѣлыми пловцами, отважно шедшими впередъ подъ знаменемъ науки и правды. Даже люди не робкаго десятка, какъ напр. одинъ изъ извѣстнѣйшихъ нашихъ криминалистовъ, могли находить черезчуръ смѣлымъ устройство у насъ суда присяжныхъ и еще болѣе «смѣлымъ» предположеніе ввести въ него «вчерашняго раба» рядомъ съ недавнимъ его господиномъ. Всѣ подобные сомнѣнія и страхи были, въ виду новости этого дѣла и предразсудковъ, съ нимъ связанныхъ, болѣе или менѣе умѣстны, своевременны и извинительны *до осуществленія* на практикѣ этого института. Но разъ этотъ смѣлый «до дерзости шагъ» [1]) съ первыхъ же мѣсяцевъ своего дѣйствія, какъ это было признано и обществомъ, и оффиціальными сферами [2]), увѣнчался успѣхомъ; разъ успѣхъ су-

---

[1]) Стр. 447, п. с. Фойницкаго.

[2]) См. Всеподдан. отчетъ министра юстиціи въ Журналѣ Министр. юст. 1867 г., № 2.

дебной реформы вообще и суда присяжныхъ въ частности «*превзошелъ самыя смѣлыя ожиданія*» и разсѣялъ самыя «основательныя, повидимому, опасенія» [1]) какими разумными соображеніями можно оправдать теперешнія чрезвычайныя усилія реакціонной печати доказать «опасность» судебной реформы, ея «преждевременность» «несовмѣстимость» съ нашимъ общественнымъ строемъ? Такая ретроспективная нерѣшительность и запоздалая осторожность не напоминаетъ ли патологическую мнительность того больнаго, который, благополучно вынесши трудную операцію, *послѣ нея* сталъ бы рисовать опасности ея, или забавную трусость того полководца, который, выигравъ трудное сраженіе, заднимъ числомъ сталъ бы въ мрачномъ свѣтѣ рисовать ужасныя послѣдствія пораженія! Въ такомъ же смѣшномъ положеніи находятся и нынѣшніе враги суда присяжныхъ, доказывающіе, послѣ 25-тилѣтняго его существованія, заднимъ числомъ и a priori, невозможность его существованія въ Россіи.

Смѣшно, не смѣшно, а фактъ тотъ, что до сихъ поръ противники Судебныхъ Уставовъ не потеряли еще надежды добиться коренной «реформы судебной реформы»! Тѣмъ, которые думаютъ, что въ настоящее время представляется анахронизмомъ ломать копья «въ защиту» элементарныхъ истинъ, положенныхъ въ основу нашего новаго судебнаго законодательнаго, мы бы порекомендовали ознакомиться

---

[1]) См. *Москов. Вѣдом.* отъ 28-го марта 1867 г. № 69.

хотя бы съ послѣднею выходкою одного изъ органовъ реакціонной печати противъ суда присяжныхъ. Онъ не стѣснился усмотрѣть въ недавней безобразной расправѣ уличной толпы, растерзавшей оправданныхъ терроризованными присяжными италіанцевъ, «естественный», хотя и «кровавый приговоръ *надъ самимъ судомъ присяжныхъ*», который въ качествѣ «суда улицы» не долженъ и не можетъ, по удостовѣренію университетской газеты, внушать «уваженіе» и пользоваться «авторитетомъ» у толпы. Въ концѣ концовъ, въ ново-орлеанской драмѣ означенная газета видитъ «въ сущности конечный логическій и практическій выводъ изъ института суда присяжныхъ» [1]). И такія-то дикія сужденія, возводящія расправу обезумѣвшей толпы на степень безапеляціоннаго трибунала для рѣшенія юридическихъ вопросовъ, высказываются не въ какомъ-нибудь мелкомъ уличномъ листкѣ, а чуть не ex cathedra, въ большой политической газетѣ, украшенной ученымъ гербомъ.

O tempora, o mores!...

Если подобныя возмутительныя сентенціи можно высказывать публично, безъ опасенія вызвать всеобщее негодованіе—не значитъ ли это, что основы судебной реформы продолжаютъ «обрѣтаться не въ авантажѣ» и, стало быть, нуждаются «въ защитѣ».

---

[1]) См. *Москов. Вѣдом.* № отъ 12-го марта 1891 г.

* * *

Лучшая защита судебной реформы безспорно заключается въ ней самой, въ исторіи ея происхожденія, въ ознакомленіи съ тѣми обширными и драгоцѣнными матеріалами, которые наглядно показываютъ, какъ въ ходѣ работъ по судебному преобразованію постепенно росли и зрѣли тѣ великія начала европейскаго публичнаго права, которыя положены въ основу Судебныхъ Уставовъ. Матеріалы эти почти вовсе еще не разработанны нашими юристами и самое существованіе ихъ извѣстно даже не всѣмъ лицамъ, спеціально занимающимся судебною реформою [1]). Вызвать и оживить, въ виду юбилея новаго суда, интересъ къ детальной разработкѣ этихъ въ высшей степени поучительныхъ матеріаловъ исторіи его — такова была главная цѣль автора.

Несмотря на то, что одинъ изъ главныхъ, редакторовъ Судебныхъ Уставовъ, статсъ-секретарь департамента законовъ Государственнаго Совѣта С. И. Зарудный сдѣлалъ все для облегченія всесторонняго изученія исторіи ихъ, она, какъ замѣчено, остается почти terra incognita.

С. И. Зарудный, игравшій если не оффиціально, то фактически самую главную роль при составленіи Судебныхъ Уставовъ и принимавшій близко къ сердцу ихъ судьбу, озаботился и о сохраненіи матеріаловъ для ихъ исторіи. По его иниціативѣ всѣ матеріалы печатались

---

[1]) См. ниже въ главѣ II о книгѣ „Судъ и полиція“ В. Фукса.

по мѣрѣ поступленія ихъ. Въ 1866 году по окончаніи всѣхъ законодательныхъ работъ по составленію и введенію Суд. Уст. въ дѣйствіе, С. И. Зарудный распорядился о приведеніи въ порядокъ всѣхъ матеріаловъ. Разобравъ и разсортировавъ ихъ, онъ составилъ 74 тома *Дѣла о преобразованіи судебной части*. Три комплекта этого *Дѣла* были переданы: въ С.-Петербургскую Публичную библіотеку, въ архивъ Государственнаго Совѣта и библіотеку бывшаго II отдѣленія Е. И. В. канцеляріи [1]).

Тотъ же Зарудный составилъ каталогъ, или Опись этого *Дѣла*, представляющую нынѣ большую библіографическую рѣдкость [2]).

Печатая эту Опись, я имѣю въ виду облегчить благороднымъ труженикамъ судебной реформы возможность защитить себя и свое великое и святое дѣло. Друзья и враги ея невольно должны будутъ проникнуться уваженіемъ къ нимъ, увидѣвши во-очіо, какой гигантскій трудъ былъ понесенъ ими для тщательной подготовки и всесторонней разработки матеріаловъ, изъ которыхъ было сложено зданіе нашего новаго суда. Друзья еще больше укрѣпятся въ своемъ уваженіи къ судебной реформѣ, у враговъ

---

1) Изъ частныхъ лицъ единственнымъ полнымъ комплектомъ обладаетъ только А. С. Зарудный, сынъ С. И. Столько мнѣ извѣстно, имѣются также весьма значительныя собранія у заслуженнаго ветерана судебной реформы предсѣдателя граж. деп. Госуд. Сов. Н. И. Стояновскаго, члена Госуд. Сов. Д. Г. фонъ-Дервиза и А. П. Вилинбахова, принимавшихъ участіе въ подготовительныхъ работахъ по составленію Судебныхъ Уставовъ.

2) Ни одна изъ московскихъ библіотекъ не имѣетъ этой „Описи“.

же ея, обвиняющихъ ея дѣятелей въ «легкомысленномъ отношеніи къ дѣлу», можетъ-быть, выступитъ краска стыда... а вѣдь извѣстно — erubuit, salva res est! Кто знаетъ, быть-можетъ этотъ сухой, но краснорѣчивый свидѣтель колоссальнаго труда дѣятелей судебной реформы хоть нѣсколько образумитъ ея враговъ, площадная брань, злостные клеветы которыхъ такъ жестоко омрачаетъ настроеніе, подобающее настоящей юбилейной годовщинѣ...

* * *

Но pereat tristitia! хоть на одинъ день, день, съ коимъ связано дорогое воспоминаніе о введеніи судебной реформы, «этого *великаго преобразованія*, съ которымъ, какъ справедливо говорилъ М. Н. Катковъ въ день открытія новаго суда, по важности и значенію, можетъ сравниться немногое изъ того, что совершилось прежде и немногое изъ того, что можетъ обѣщать впереди самый широкій прогрессъ» [1]). Въ сегодняшній радостный, вѣчно памятный день открытія новыхъ судебныхъ установленій [2]), въ виду правила—gaudete cum gaudentibus,—мысль невольно ищетъ радостныхъ картинъ, утѣшительныхъ симптомовъ и намековъ на свѣтлое, лучшее будущее. Какъ ни трудно удовлетворить этому законному желанію, а нужно дать ему какой-нибудь исходъ! Поищемъ! Быть-можетъ и найдемъ нѣчто, если не будемъ очень

[1]) См. *Москов. Вѣдом.* 1866 г. № 86.

[2]) Подробности открытія Д. Н. Замятнинымъ первыхъ новыхъ судебныхъ установленій въ Петербургѣ см. въ главѣ VI моей книги „Страница изъ исторіи судебной реформы“ М. 1883 г.

требовательны! Если еще не видно красной зари окончательнаго торжества «началъ истины и справедливости», положенныхъ въ основаніе судебной реформы, то удовольствуемся хоть однимъ свѣтлымъ лучомъ, хоть слабымъ намекомъ на возможность наступленія этого торжества въ будущемъ. Къ счастью, мы можемъ указать на одинъ такой утѣшительный симптомъ или намекъ.

Въ одной изъ газетъ, — далеко не отличающейся безусловною преданностью основамъ судебной реформы,—на-дняхъ мы неожиданно встрѣтили о судѣ присяжныхъ нижеслѣдующую прекрасную замѣтку, подъ которою могли бы подписаться всѣ друзья новаго суда.

По поводу одного вердикта петербургскихъ присяжныхъ, оправдавшихъ убійцу, петербургская газета разсуждаетъ такъ:

Признавъ, что, убивая Сергѣеву, Павелъ Котельниковъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ аффекта,—говоритъ петербургская газета,—присяжные засѣдатели его оправдали. Въ прежнее время присяжнымъ сильно *досталось бы за этотъ оправдательный приговоръ. Но Каткова въ живыхъ уже нѣтъ и метать громы противъ суда уже некому. Сожалѣть объ этомъ не стоитъ. Несмотря на нападки, судъ присяжныхъ блистательно доказалъ свою цѣлесообразность и жизненность и пустилъ прочные корни въ русской общественной жизни. Послѣ крестьянской, реформа суда—самая прочная изъ всѣхъ* реформъ минувшаго царствованія. О приговорѣ по дѣлу Котельникова можно судить, конечно, различно, но ничто не доказываетъ, чтобы присяжные засѣдатели допустили въ этомъ дѣлѣ ошибку, а если и допустили, то все-таки лучше оправдать десять виновныхъ, чѣмъ обвинить одного невиннаго. Бѣды отъ этого оправданія нѣтъ никакой, ибо при тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ оно состоялось, оно *не можетъ* имѣть деморализирующаго вліянія. Котельниковъ, положимъ, оправданъ, но зато Лишантьевъ, тоже убившій женщину, обвиненъ тѣми же петербургскими присяжными засѣдателями. *Нельзя* было бы говорить: судъ присяжныхъ оправдываетъ убійство! или: судъ присяжныхъ не представляетъ для личной безопасности гражданъ достаточной

гарантіи. Дѣло вовсе не въ этомъ, а въ томъ, что въ процессѣ Котельникова нашлись обстоятельства, *перетянувшія вѣсы правосудія въ пользу убійцы, чего, въ другомъ упомянутомъ дѣлѣ не случилось* *).

Что и требовалось доказать!...

Хотя это дѣльное разсужденіе появилось въ газетѣ, не отличающейся устойчивостью взглядовъ, но въ данномъ случаѣ эта особенность ея скорѣе усиливаетъ значеніе приведенной замѣтки. Если эта газета, обыкновенно чутко прислушивающаяся къ господствующимъ въ обществѣ теченіямъ, рѣшилась помѣстить подобную здравую замѣтку о вердиктѣ присяжныхъ, который въ другое время осыпанъ былъ бы за подобное оправданіе убійства площадною бранью, то это можетъ служить нѣкоторымъ показателемъ совершающагося или совершившагося въ обществѣ поворота, въ смыслѣ усвоенія имъ болѣе разумной точки зрѣнія на судъ присяжныхъ. А такъ какъ судъ присяжныхъ составляетъ центральный узелъ судебной реформы, то можно, или, скорѣе, пріятно, радостно надѣяться, что и относительно другихъ основъ ея въ обществѣ установятся, наконецъ, болѣе правильные взгляды и что недалеко то время, когда оно единодушно скажетъ зоиламъ великаго законодательнаго акта 1864 г.:

Ты разглядѣлъ на солнцѣ пятна
И проглядѣлъ его лучи!

Москва.

Гр. Д—въ.

---

*) См. *Новое Время* отъ 15-го марта 1891 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Что такое новый судъ.

> – Пока Россія будетъ процвѣтать, пока дѣла ея будутъ идти *къ лучшему, а не къ худшему*, начала, вводимыя къ намъ новыми Судебными Уставами, будутъ въ силѣ, и съ основанными на нихъ учрежденіями будетъ на вѣки вѣковъ связано имя преобразователя Россіи.
>
> *М. Н. Катковъ.*

I.

Минуло уже двадцать пять лѣтъ со дня введенія въ дѣйствіе знаменитыхъ Судебныхъ Уставовъ 20-го ноября 1864 года, впослѣдствіи названныхъ Уставами Императора Александра II, „дабы они служили, какъ гласитъ указъ 17-го апрѣля 1884 года, законодательнымъ памятникомъ прошлаго царствованія“, и составляющихъ, по выраженію другаго оффиціальнаго документа, „гордость нашу и славу минувшаго царствованія“ [1]).

Четверть вѣка, казалось бы, достаточно продолжительный періодъ времени для того, чтобы вполнѣ выяснился для общества и основной смыслъ новаго суда, и направленіе дополненій, необходимыхъ для дальнѣйшаго его усовершенствованія. Не то мы

---

1) См. Высочайшій рескриптъ 1881 г. на имя кн. А. М. Горчакова.

видимъ на дѣлѣ. Немногія изъ реформъ прошлаго царствованія сдѣлались предметомъ такихъ систематическихъ, ожесточенныхъ и тенденціозныхъ нападковъ, какъ „новыя“ судебныя учрежденія, съ первыхъ же шаговъ своихъ дѣйствій. Поэтому едва ли будетъ излишне напомнить лишній разъ о сущности судебной реформы и о томъ направленіи, которое должны имѣть дальнѣйшія дополненія, или новеллы, чтобы сохранился неприкосновеннымъ духъ „новаго“ суда.

Любопытное явленіе: вотъ уже минуло 25 лѣтъ, а все еще учрежденія, изданныя законоположеніемъ 20-го ноября 1864 г., продолжаютъ преимущественно предъ всѣми другими преобразованными учрежденіями носить эпитетъ „новыхъ“. Это не случайность. „Новый“ судъ и по пространству интересовъ и явленій, захваченныхъ имъ, и по глубинѣ лежащихъ въ основѣ его „новыхъ“ идей безспорно занимаетъ особое мѣсто въ ряду реформъ прошлаго царствованія (само собою разумѣется, великая крестьянская реформа, стоящая, такъ сказать, внѣ конкурса, въ этотъ счетъ не идетъ).

Такъ и была понята судебная реформа съ перваго момента своего появленія. Въ ней усматривали на ряду съ другими реформами *школу* гражданскаго воспитанія и общественнаго назиданія. „Въ публичныхъ судахъ, читаемъ въ одномъ изъ выдающихся журналовъ того времени, общество начало читать новые безыскусственные романы; передъ его глазами развивалась драма и высокая комедія, написанная самою жизнью, и общество не ограничивалось при этомъ ролью зрителя: его призвали къ *строгой критикѣ*, въ основѣ которой должна лежать совѣсть, а надъ всѣмъ этимъ раздался голосъ судьи, который требовалъ: *правды*, одной правды“ [1]). „Немногое изъ того, что совершилось прежде, — писалъ другой изъ извѣстныхъ публицистовъ того времени,—и немногое изъ того, что можетъ обѣщать намъ впереди самый широкій прогрессъ, можетъ

---

[1]) См. *Вѣстникъ Европы*, 1867, № 12.

сравниться по важности и значенію съ судебною реформою, съ этимъ великимъ преобразованіемъ, долженствующимъ принести Россіи гражданское обновленіе и провести ясную черту между проходящимъ и грядущимъ“ [1]).

Все казалось *новымъ* въ этихъ новыхъ учрежденіяхъ, начиная отъ внѣшней обстановки (гласность, устное судоговореніе, равенство) всѣхъ предъ судомъ, скорость судопроизводства и вѣжливое, гуманное обращеніе съ подсудимыми и кончая, такъ сказать, закулисными пружинами, органическими силами, невидимыми для большой публики, но имѣющими первостепенное значеніе для той или другой постановки судебныхъ учрежденій и правосудія. Въ этомъ отношеніи перемѣна, произведенная судебною реформою 1864 г., была еще болѣе разительна, хотя и не столь очевидна для массъ, какъ внѣшнія перемѣны. Сущность этой внутренней перемѣны, составляющей сущность и самой судебной реформы, прекрасно была резюмирована въ извѣстномъ пояснительномъ указѣ сената 20-го ноября, сопровождавшемъ Судебные Уставы. Въ немъ указывалось, какъ цѣль судебной реформы—дать народу правый и равный для всѣхъ судъ, и какъ средства для этого—„*возвышеніе* судебной власти и утвержденіе *уваженія къ закону*“.

Комментируя эти немногія, но многозначительныя слова Указа, тогдашняя публицистика старалась разъяснить значеніе и смыслъ, скрытно лежащія въ нихъ *implicite*, хотя не высказанныя прямо, по понятнымъ соображеніямъ, въ оффиціальномъ актѣ.

Названный выше публицистъ, М. Н. Катковъ, не обинуясь, прямо высказывалъ, что наша судебная реформа „есть не столько реформа, сколько *созданіе* судебной власти“, что раньше судебная бюрократическая администрація была „все во всемъ“, а суды были лишь придаткомъ администраціи, и

---

1) См. *Моск. Вѣд.* 1866 г. №№ 86, 156, 1867 г. № 69.

что у насъ съ установленіемъ суда независимаго и самостоятельнаго *впервые* водворяется въ нашей политической жизни начало *законности и права* и сама администрація должна усвоить себѣ это новое начало“ [1]).

При поверхностномъ взглядѣ на вещи, можетъ показаться страннымъ и даже утрированнымъ такое воззрѣніе на судебную реформу. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не была задолго еще до нея провозглашена 1-ю же ст. I тома, изданнаго въ царствованіе Николая I Свода Законовъ, что имперія россійская управляется *на твердомъ основаніи законовъ?* Въ такомъ случаѣ, что же означали слова указа 20-го ноября 1864 г. объ „утвержденіи уваженія къ закону“? Чтобы понять ихъ смыслъ, нужно имѣть въ виду, что указанная 1-я ст. Основ. Закон. была однимъ изъ тѣхъ прекрасныхъ теоретическихъ положеній или благихъ пожеланій, которыми такъ изобилуетъ, можно сказать, кишмя-кишитъ Сводъ Законовъ. Что это было именно такъ, это выяснилось до очевидности тогда, когда на предложеніе, сдѣланное въ концѣ 50-хъ годовъ предъ составленіемъ Судебныхъ Уставовъ, указать на главнѣйшія причины нашей судебной неурядицы, со всѣхъ сторонъ правительственные агенты стали указывать въ числѣ причинъ ея—„*на первомъ мѣстѣ повсемѣстное неуваженіе къ закону и повседневное его нарушеніе*“ [2]).

Гдѣ же лежала причина такого прискорбнаго явленія? Въ игнорированіи тѣхъ элементарныхъ истинъ цивилизованнаго общежитія, которыя составляютъ, можно сказать, азбуку раціональнаго судопроизводства. Она учитъ, что безъ несмѣняемыхъ судей и суда присяжныхъ немыслимъ независимый судъ, а безъ независимаго суда немыслимо торжество законности и уваженія къ закону. У насъ же во все продолженіе тридцатилѣтняго (1825—1855)

---

[1]) Въ такомъ же духѣ высказывались *С.-Петербургскія Вѣдомости*, *Голосъ* и др.

[2]) См. т. XII Дѣла о преобр. суд. части, Сводъ общихъ замѣч., стр. 9.

будированія противъ Европы и погони за мнимою самобытностью, предполагали возможнымъ сочетать твердую законность съ зависимостью суда отъ администраціи и съ господствомъ безпредѣльнаго и повсемѣстнаго административнаго благоусмотрѣнія или, что то же, произвола.

Намъ теперь нельзя и представить себѣ, до какой степени самообольщенія доходила эта вѣра въ систему болѣе или менѣе благонамѣреннаго, если не просвѣщеннаго произвола, призваннаго, при помощи административнаго всевѣдѣнія, контролировать судебныя и другія учрежденія, общество, и даже семью и при посредствѣ чрезвычайныхъ агентовъ власти— споспѣшествовать торжеству правды и благоденствію на Руси. Въ этомъ отношеніи любопытный ретроспективный свѣтъ бросаетъ на весь режимъ николаевской эпохи опубликованная недавно инструкція перваго начальника упраздненнаго въ 1880 году III отдѣленія графа Бенкендорфа.

Разъясняя главную цѣль этого учрежденія, гр. Бенкендорфъ внушаетъ своимъ агентамъ, что они должны обратить вниманіе на безпорядки и закону противные поступки *во всѣхъ частяхъ* управленія; наблюдать, чтобы спокойствіе и право гражданъ не были нарушены людьми властными, сильными, внимать *гласу страждущаго* человѣчества и *защищать беззащитнаго и безгласнаго гражданина*. Все это достигается при посредствѣ, съ одной стороны, внушенія и увѣщанія заблудшихся стремиться къ добру, а съ другой — донесеніемъ своему начальству [1]). Такова была цѣль этого вполнѣ „самобытнаго“ полу-рыцарскаго, полу-миссіонерскаго учрежденія, при возникновеніи его въ 1826 г.

Фіаско III отдѣленія, въ качествѣ учрежденія невидимо, но дѣятельно контролирующаго à la Гарунъ-аль-Рашидъ все и вся, начиная отъ судебныхъ рѣшеній и кончая семейными и супружескими несогласіями, было неизбѣжно. Среди самой админи-

[1]) См. *Русскій Архивъ* 1889 г., № 7.

страціи [1]) поднялись голоса противъ этого учрежденія, поставленнаго внѣ закона и призваннаго, на основаніи безконтрольныхъ донесеній, перевершать всѣ судебныя рѣшенія [2]). Нечего и говорить, что законъ и судебныя рѣшенія, и безъ того не имѣвшіе у насъ большаго значенья, потеряли, благодаря всемогуществу агентовъ III отдѣленія, всякій авторитетъ. Значеніе суда и судейскаго званія такъ упало, что не только въ патріархальныя времена генерала Дубельта [3]), не стѣснявшагося въ возстановленіи, по указаніямъ сердцевѣдѣнія, „нарушенныхъ судомъ правъ“, но даже и въ либеральное время, предшествовавшее судебной реформѣ 1864 г., администрація свободно хозяйничала въ судахъ. Благодушнѣйшій изъ администраторовъ, с.-петербургскій генералъ-губернаторъ князь А. А. Суворовъ, не постѣснился арестовать въ 1860 г. члена суда вслѣдствіе навѣта проигравшаго дѣло высокопоставленнаго лица [4]).

Съ воцареніемъ Александра II рядомъ съ задачею упраздненія крѣпостнаго права выступилъ и вопросъ объ уничтоженіи находившагося въ связи съ нимъ всемогущества администраціи [5]) и „неуваженія къ закону“.

---

1) Къ этому времени относится извѣстное мнѣніе адмирала Мордвинова, который въ 1827 г. писалъ между прочимъ слѣдующее: „всегда и вездѣ признаваемо было за непреложную истину, что раздѣленіе властей составляетъ совершенство правительствъ: законодательная, судебная и исполнительная власти должны въ упражненіяхъ и дѣяніямъ своихъ быть раздѣлены“. Въ видѣ примѣра, Мордвиновъ указывалъ на современное состояніе Турціи.

2) Объ отношеніи московскаго генералъ-губернатора Д. В. Голицына къ агентамъ III отдѣленія см. *Русск. Стар.* 1889 г., № 7; о враждебномъ отношеніи къ этому учрежденію будущаго его шефа гр. Орлова см. *Русскій Архивъ*, 1889 г., № 7.

3) Любопытныя данныя приведены въ статьѣ Колмакова „Старый судъ“, *Русская Старина*, 1886 г., № 12.

4) Ibidem, ст. Колмакова.

5) „Смѣшеніе властей, разсуждалъ въ 1862 г. государственный совѣтъ, было отчасти неизбѣжнымъ послѣдствіемъ крѣпостнаго права“. См. стр. 54, т. XVIII, „Дѣла о преобр. суд. части“.

Послѣ неудачнаго опыта съ самобытнымъ анахронизмомъ, въ видѣ учрежденія полновластныхъ агентовъ сердцевѣдѣнія пришлось волею-неволею обратиться къ „гнилому Западу“, къ его многовѣковому опыту и наукѣ. „Первое и необходимое для насъ условіе успѣха,—говоритъ В. С. Соловьевъ, это—отречься отъ пустой претензіи внѣевропейской или противоевропейской самобытности“ [1]). Замѣчаніе это оправдалось и въ данномъ случаѣ. Чѣмъ болѣе стало проясняться у насъ общественное сознаніе, тѣмъ болѣе укоренялось убѣжденіе, что для возстановленія уваженія къ законности и водворенія на мѣсто усмотрѣнія — *законности и правоваго порядка,* прежде всего нужно обратиться къ испытанному Европою институту—къ отдѣленію судебной власти отъ административной и учрежденію независимыхъ отъ администраціи судебныхъ установленій. Это убѣжденіе, постепенно проникавшее со второй половины 50-хъ годовъ даже въ работы умѣреннѣйшаго изъ „постепеновцевъ“ гр. Д. Н. Блудова (см. ниже), окончательно укрѣпилось въ началѣ 60-хъ годовъ и привело къ созданію Судебныхъ Уставовъ 1864 г. Вотъ въ чемъ заключается ихъ основной смыслъ и вотъ почему указъ 20-го ноября съ удареніемъ упоминалъ объ утвержденіи *„уваженія къ закону и объ возвышеніи судебной власти и дачѣ ей надлежащей самостоятельности“*.

Но нетрудно было предвидѣть, что новымъ учрежденіямъ, призваннымъ водворить уваженіе къ закону, придется вступить въ упорную и продолжительную борьбу съ старыми крѣпостными порядками, навыками и предразсудками. Борьба эта, начавшаяся, можно сказать, на другой же день послѣ открытія новаго суда, продолжается до нашихъ дней. Борьба этихъ двухъ противоположныхъ началъ мѣняла лишь формы и оттѣнки, но въ существѣ оставалась одною и тою же. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ въ современныхъ нападкахъ реакціонной пе-

---

[1]) Націон. вопросъ въ Россіи, стр. VI.

чати на новый судъ мы не слышимъ отголоска тѣхъ же обвиненій въ революціонно-демократическихъ тенденціяхъ, которыя впервые раздались въ 1866 г. со столбцовъ крѣпостнической *Вѣсти* изъ лагеря „революціонныхъ консерваторовъ, какъ назвалъ его Ю. Ѳ. Самаринъ, и истинный смыслъ которыхъ такъ прекрасно былъ разоблаченъ тогдашнею печатью и во главѣ ея органомъ М. Н. Каткова? „Думаютъ ли безстрастные рыцари *Вѣсти*, писалъ этотъ публицистъ, до того отуманить своихъ читателей, чтобы убѣдить ихъ въ преимуществѣ стараго порядка судопроизводства предъ новымъ? Est modus in rebus. Почитая своихъ читателей за стадо Панургово, нельзя все-таки увѣрять, что въ старыхъ судахъ упущенія не были возможны потому, что все тамъ происходило келейно, надъ сильнымъ вліяніемъ администраціи“ [1]).

Безъ сомнѣнія, истекшее 25-тилѣтіе прошло не безслѣдно, и теперь развѣ самые отчаянные поклонники дореформенныхъ крѣпостныхъ порядковъ рѣшаются публично защищать мысли, считавшейся оффиціальною догмою права до судебной реформы. Впрочемъ даже и бойкіе прожектеры „реформы судебной реформы“ [2]) не рѣшаются нынѣ доказывать вредъ гласнаго суда и состязательнаго судоговоренія и адвокатуры, какъ это дѣлалось еще такъ недавно съ университетскихъ и оберъ-прокурорскихъ каѳедръ [3]). Противъ раздѣленія властей на высшихъ ступеняхъ не рѣшаются высказаться съ прежнею откровенностью и только для уѣздовъ признается польза „властной руки“, т. е смѣшеніе власти. Даже противъ суда присяжныхъ въ придачу голословной брани только и могли привести мертворожденное положеніе о *теоретической* несо-

---

[1]) См. *Моск. Вѣд.*, 1866, № 263.

[2]) См. „Судъ и полиція“, В. Фукса, стр. 136 и слѣд.

[3]) См. Я. Баршева — „Основ. угол. судопроизв.“, стр. 65, и отзывъ оберъ-прокурора Н. П. Семенова о вредности и безчестности адвокатуры въ принципѣ. Т. LIX. Дѣла о преобраз. суд. части.

вмѣстимости его съ существующею у насъ формою правленія. Но затѣмъ, если вглядѣться во всѣ детали проектированной „реформы судебной реформы“, то не трудно усмотрѣть какъ въ проэктахъ объ упраздненіи „судебной республики“ и искорененіи „политическихъ доктринъ à la Руссо“, такъ и въ болѣе скромномъ предложеніи „вдвинуть суды въ общегосударственный механизмъ“, воскресаетъ старое недовольство независимостью суда и старое вожделѣніе умалить его значеніе и расширить и возвысить въ ущербъ ему власть административную.

Но неужели, скажутъ иные, все въ Судебныхъ Уставахъ такъ совершенно, что ни одна статья, ни одна буква не подлежитъ въ нихъ измѣненію? Никогда ничего подобнаго ни мы, ни другіе защитники *основъ* судебной реформы, вопреки увѣренію ея враговъ, не утверждали и не утверждаемъ. И возможность, и законность, и даже необходимость послѣдующихъ измѣненій и постановленій Судебныхъ Уставовъ никогда и никѣмъ не оспаривались. Весь вопросъ только сводился и сводится къ тому, въ какомъ направленіи должны быть производимы эти дополненія, чтобы новый судъ могъ плодотворно функціонировать.

„Если,—писалъ государственный секретарь В. П. Бутковъ въ 1863 г.,—при необходимомъ по указаніямъ опыта исправленіи Судебныхъ Уставовъ будутъ тщательно сохраняемы *основныя положенія* ихъ, и если притомъ судебная власть будетъ поставлена въ полную и совершенную независимость отъ власти административной, то успѣхъ судебной реформы едва ли можетъ подлежать какому-либо сомнѣнію“ [1]). Противъ подобныхъ перемѣнъ, конечно, никто бы не сталъ возражать изъ защитниковъ судебной реформы.

Къ сожалѣнію, уже съ 1866 года, т.-е. съ первыхъ же дней дѣйствія новаго суда, дѣлались уже попытки косвенно или прямо внести въ судебную

---

[1]) См. т. XXXIX. Дѣло преобр. суд. части.

реформу измѣненія, несогласныя съ ея духомъ, и поколебать ея основы. Противъ такихъ-то искаженій единодушно всегда возражали всѣ убѣжденные сторонники новаго суда. „Всякое измѣненіе, именно по этому поводу писалъ одинъ изъ самыхъ талантливыхъ защитниковъ его М. Н. Катковъ, направленное не къ худшему, а къ лучшему, можетъ клониться лишь къ тому, чтобы судебное дѣло *не менѣе, а болѣе* соотвѣтствовало своему назначенію, что бы *судебная власть была не менѣе, а болѣе независима*... Не было ли бы грустно, чтобы изъ начинающагося новаго дѣла была *вынута душа его* и оставлена *шелуха*, которая бы давала только сильнѣе чувствовать тщету начинанія? Мы считаемъ себя вправѣ сказать, заключалъ онъ, одно: лучшее *пожеланіе русскаго патріота* состоитъ въ томъ, чтобы изъ судебной реформы, изъ этого великаго зданія *не* было вынимаемо *камней* и чтобы измѣненія Судебныхъ Уставовъ допускались лишь въ случаѣ очевидной необходимости и притомъ согласовались *съ общимъ духомъ* новой системы“ [1]). Эти прекрасныя слова, эту своего рода „магическую формулу“ а=а не мѣшаетъ иногда вспоминать нынѣшнимъ „консерваторамъ“, многое позабывшимъ изъ недавняго прошлаго и ничему не научившимся.

II.

Чтобы нагляднѣе была, a contrario, неизмѣримая пропасть, отдѣляющая нашъ новый судъ отъ его предшественника, не лишнее напомнить о нѣкоторыхъ чертахъ нашего дореформеннаго суда.

Поразительно коротка память у русскаго общества,—писалъ И. С. Аксаковъ въ 1884 году по поводу ожесточенныхъ нападковъ, сыпавшихся въ то время съ особенною силою на новый судъ. И въ самомъ дѣлѣ, кто же могъ подумать, что не прой-

---

1) *Моск. Вѣд.*, 1866 г., №№ 198 и 263.

детъ и полныхъ 20 лѣтъ, какъ будутъ забыты всѣ язвы и безобразія нашего стараго, продажнаго и прогнившаго насквозь инквизиціоннаго суда и будетъ онъ рисоваться въ воображеніи современниковъ нашихъ, какъ одинъ изъ дорогихъ, симпатичныхъ институтовъ „добраго стараго времени“, принесенныхъ въ жертву, въ минуту слабости, безсмысленному увлеченію иноземными доктринами? Кто бы могъ подумать, что ко дню гражданскаго совершеннолѣтія новаго суда настолько ослабнетъ историческая память, что найдутся смѣльчаки, которые безъ краски на лицѣ будутъ увѣрять, что старые суды оклеветаны неблагонамѣренными либералами? А такое невѣроятное издѣвательство надъ исторіею, такое очевидное искаженіе смысла и значенія судебной реформы совершилось и совершается на нашихъ глазахъ. Еще недавно въ одномъ изъ консервативныхъ журналовъ „правосудіе по закону“, олицетворяемое старымъ судомъ, противополагалось правосудію „по изволенію улицы“, т.-е. суду общественной совѣсти. Чтобы утаить всѣ безобразія стараго суда, на это не хватило смѣлости у автора, вообще болѣе чѣмъ смѣлаго въ обращеніи съ историческими фактами и законодательными актами [1]). Онъ признаетъ, что старый судъ „оправдывалъ не мало злодѣевъ“, что отъ него „пострадали и невиноватые“, но все это не мѣшаетъ панегиристу стараго суда выдать ему похвальный аттестатъ на томъ основаніи, что „если не всегда, то очень часто неправильность приговора низшаго суда исправлялась высшимъ“. Вотъ въ какомъ розовомъ свѣтѣ рисуется въ воображеніи завзятыхъ поклонниковъ дореформенныхъ порядковъ образъ того суда, при которомъ Русь была,—по мѣткому выраженію поэта,—„полна неправды черной“!...

---

[1]) Такъ, авторъ увѣряетъ, что министръ юстиціи не можетъ въ законодательномъ порядкѣ вносить потребные для улучшенія судебной части проекты,—почему бы вы думали?—потому, что онъ „связанъ“ *(sic)* Судебными Уставами.

Случаевъ проявленія этой черной неправды было такъ много, что если бы кто вздумалъ исчислить ихъ, то, говоря евангельскимъ языкомъ, „самому міру не вмѣстить бы написанныхъ книгъ“. Но въ виду дѣлаемыхъ нынѣ попытокъ, въ разсчетѣ на запамятованіе публики, возвысить старый судъ на счетъ новаго, не мѣшаетъ напомнить хоть нѣсколько типичныхъ случаевъ изъ печальной хроники стараго суда, взятыхъ изъ *одной* записки.

Судебныя ошибки всегда возможны, но ошибки ошибкамъ рознь. Есть грубыя ошибки, которыя при хорошихъ законахъ невозможны, а при дурныхъ неизбѣжны. Вотъ, напримѣръ, возмутительный случай ошибки, легко объяснимый при существованіи негласнаго, бумажнаго судопроизводства. Въ 1853 году въ орловской уголовной палатѣ разсматривалось дѣло государственнаго крестьянина, обвиняемаго въ убійствѣ жены. По дѣлу выяснилось слѣдующее. Мужъ часто наказывалъ жену свою за развратное поведеніе. Послѣ одного изъ такихъ наказаній жена скрылась и не могла быть разыскана. На мужа пало подозрѣніе въ убійствѣ. Въ виду того, что трупъ убитой не былъ разысканъ, орловская палата полагала оставить крестьянина только въ подозрѣніи и не рѣшилась обвинить, несмотря на то, что при дѣлѣ имѣлся протоколъ за подписью 7-ми должностныхъ лицъ о признаніи, будтобы сдѣланномъ обвиняемымъ. Губернаторъ не согласился съ мнѣніемъ орловской палаты, а потому дѣло поступило въ сенатъ. Здѣсь состоялось слѣдующее рѣшеніе: крестьянина за убійство жены лишить всѣхъ правъ состоянія, на эшафотѣ чрезъ палача наказать 100 ударами плетей и, по наложеніи позорнаго клейма, отправить его на каторжную работу въ Восточную Сибирь. Этотъ сенатскій приговоръ былъ приведенъ въ точности въ исполненіе. Правосудіе сдѣлало свое дѣло и... дѣло было сдано въ архивъ.... Прошло послѣ того нѣсколько лѣтъ — и что же? Оказалось, что мнимоубитая жена все время жила съ своимъ любовни-

комъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ той деревни, гдѣ жилъ ея мужъ, а протоколъ съ сознаніемъ подсудимаго оказался ложнымъ отъ перваго до послѣдняго слова. Мыслимо ли что-нибудь подобное въ современномъ гласномъ судѣ? Думаемъ, что не станутъ этого утверждать самые ожесточенные враги его. Пойдемъ дальше. Раззоренный, потерявшій здоровье, опозоренный клеймомъ крестьянинъ вернулся домой, но ему отказано было въ вознагражденіи за причиненные вредъ и убытки на томъ основаніи, что гг. сенаторы признали, что они *неотвѣтственны* за свои ошибки. Что бы сказали современные Катоны, если бы новый судъ или, какъ они называютъ, „судебная республика“, — провозгласила такой принципъ собственной непогрѣшимости и безотвѣтственности?

Замѣчательно, что нашъ старый процессъ, при которомъ возможны были случаи, подобные описанному, всячески затруднялъ подсудимымъ доступъ въ высшія инстанціи. Массу барьеровъ ставилъ законъ, сенатъ же, съ своей стороны, при помощи самаго безсердечнаго буквоѣдства старался задѣлать послѣднія щели, черезъ которыя еще могли проникать мольбы страждущихъ подсудимыхъ. Приведу нѣсколько примѣровъ. 21-го января 1858 г. крестьянинъ Калошинъ жаловался сенату, что онъ за отступленіе отъ православія въ духовные христіане въ 1852 г. былъ преданъ суду и несмотря на то, что онъ освобожденъ въ силу коронаціоннаго манифеста отъ суда, въ теченіе *пяти* лѣтъ содержался подъ стражею, и что жена его, за то же „преступленіе“ лишена всѣхъ особенныхъ правъ и сослана на житье на Кавказъ, а ребенокъ отъ нея отобранъ. Сенатъ наотрѣзъ отказался разсмотрѣть это прошеніе на томъ основаніи, что прошеніе написано было на гербовой бумагѣ 60-ти-коп. достоинства, вмѣсто рублеваго. Одинъ изъ сенаторовъ внесъ собственный рубль, и тогда сенатъ отказалъ по существу, ссылаясь на то, что мужъ не можетъ просить за осужденную жену, хотя по об-

щему смыслу законовъ нельзя было не признать за нимъ такого права [1]).

Желая уменьшить число подаваемыхъ жалобъ, законъ почти лишалъ подсудимыхъ, непривилегированныхъ сословій, права обжалованія. Люди „подлаго званія", т.-е., не изъятыя отъ тѣлесныхъ наказаній, могли приносить жалобу сенату лишь послѣ того, какъ надъ ними наказаніе уже исполнено, т.-е., когда они понесли тѣлесное наказаніе и очутились въ Сибири. Но и эта мѣра признана была недостаточною для огражденія спокойствія судей, и законъ грозилъ подсудимому, все еще не потерявшему вѣру въ правосудіе послѣ произведенной надъ нимъ экзекуціи, новымъ наказаніемъ, если принесенная имъ жалоба будетъ признана—неосновательною. „Можно ли требовать, писалъ по этому поводу сенаторъ Ховенъ, знакомый близко со старыми судебными порядками,—отъ несчастнаго безграмотнаго и необразованнаго ссыльнаго, чтобы онъ изъ отдаленнѣйшихъ мѣстъ Сибири могъ уличить по всѣмъ правиламъ правовѣдѣнія своихъ судей въ неправильныхъ дѣйствіяхъ. Таковой несчастный жалобщикъ, кажется, уже довольно страдаетъ, если жалоба его оставляется безъ уваженія, и онъ долженъ часто невинно страдать въ ужасной каторгѣ; за что же подъ предлогомъ клеветника усугубить его страданія тюремнымъ заключеніемъ или 60-ю ударами розогъ, отъ каковаго наказанія сенатъ *никогда* никого не избавляетъ, считая это непремѣнною своею обязанностью? Сколько невинно осужденныхъ, опасаясь наказанія за неправильную будто бы жалобу ихъ, молчатъ и *какъ мученики* переносятъ жестокую судьбу свою?!".

Хорошъ былъ законъ, но еще лучше были мудрые его истолкователи! Невѣжественнымъ подьячимъ стараго суда ставится теперь въ заслугу, что они рабски слѣдовали „буквѣ" закона, какъ бы она ни

---

[1]) См. записку сенатора Фонъ-деръ-Ховена.

была жестока и безсмысленна. Но и эта сомнительнаго достоинства похвала не вполнѣ ими заслужена. Бывали случаи, а именно, когда нужно было стѣснить и безъ того урѣзанныя до крайности средства защиты, — что сенатскіе юристы рѣшались „предположительно“ лишать подсудимыхъ права обжалованія. Такъ, сенатъ, даже безъ прямаго предписанія закона, призналъ, что приговоренные къ рабочему дому не могутъ „ни апеллировать, ни обжаловать“. Это замѣчательное изреченіе сенатъ высказалъ по слѣдующему поводу. Къ якутскому мѣщанину предъявлено было иркутскимъ купцомъ не явленное нигдѣ заемное письмо въ 5.000 рублей. Когда якуту удалось доказать, что онъ въ качествѣ безграмотнаго не могъ подписать документа, купецъ прибѣгъ къ такому подвоху: онъ склонилъ полицію „подъ предлогомъ розыска какихъ-то счетовъ“ сдѣлать у якута обыскъ. Якутъ, боясь, какъ бы не подбросили ему чего-нибудь опаснаго, потребовалъ присутствія понятыхъ. Обыскъ произведенъ не былъ, но началось особое дѣло о „сопротивленіи властямъ“. Якутъ былъ осужденъ, лишенъ правъ и преимуществъ и приговоренъ къ заключенію въ рабочій домъ, а по неимѣнію рабочаго дома, наказанъ на городской площади розгами 60-ю ударами. Въ 1860 г. якутъ жаловался сенату на неправильное осужденіе за мнимое сопротивленіе властямъ и неправильную замѣну для него, какъ мѣщанина, вопреки ст. 86 и 89 Улож., тѣлеснымъ наказаніемъ заключенія въ рабочій домъ. Но сенатъ, ссылаясь на свою практику о непринятіи жалобъ отъ осужденныхъ къ заключенію въ рабочій домъ, жалобу оставилъ безъ разсмотрѣнія. Якутъ подалъ жалобу на имя Государя. Дѣло поступило въ общее собраніе сената, которое осталось при своемъ заключеніи и полагало возбудить въ законодательномъ порядкѣ вопросъ о подобныхъ жалобахъ. Гр. Блудовъ счелъ излишнимъ возбужденіе вопроса, и тѣмъ кончилось это вопіющее дѣло.

Одно изъ драгоцѣннѣйшихъ преимуществъ новаго суда—это внесенный имъ впервые принципъ *дѣй-*

ствительнаго равенства предъ закономъ. И за это то его свойство, благодаря которому баринъ и мужикъ поставлены на одну доску, онъ сталъ особенно ненавистенъ въ извѣстныхъ кругахъ. Старый судъ былъ свободенъ отъ такого „возмутительнаго“ недостатка. Барину, человѣку со средствами, съ связями,—словомъ, привилегированному преступнику нечего было бояться суда. Всею тяжестью своего жестокаго ослѣпленія и безсердечнаго скудоумія онъ обрушивался на низшіе классы и на людей безъ средствъ, безъ общественнаго положенія. Недаромъ народъ сравнивалъ судъ съ паутиною, чрезъ которую шмель проскакиваетъ, а муха вязнетъ. Засудить крестьянина за мнимое убійство жены, якута за мнимое сопротивленіе властямъ ничего не значило, но осудить закоренѣлаго преступника, если въ немъ принимало участіе вліятельное лицо, не въ состояніи былъ старый судъ съ его рабскими инстинктами. Въ теоріи-то и онъ былъ равный для всѣхъ. Равенство даже доведено было до того, что у насъ выходила пародія на „судъ перовъ“. Но участіе перовъ для мужиковъ было, какъ видно изъ приведенныхъ выше дѣлъ, плохою гарантіею. И не мудрено. Что это были за перы—можно видѣть изъ слѣдующаго случая, разсказаннаго въ *Русской Старинѣ* 1886 года Колмаковымъ. Министръ юстиціи гр. Панинъ зашелъ какъ-то въ петербургскій уѣздный судъ, гдѣ встрѣтилъ одного человѣка въ исподнемъ платьѣ, съ метлою въ рукахъ. На вопросъ министра, „гдѣ судья“, онъ отвѣчалъ, что судьи нѣтъ, а на вопросъ, гдѣ засѣдатель, отвѣчалъ: я засѣдатель. Графъ, взглянувъ на него, произнесъ: „вы... ты...“ и ушелъ, не желая далѣе любоваться сценой судебной буколики.

Хорошія связи обезпечивали преступнику безнаказанность. Вотъ случай, имѣвшій мѣсто въ Рязанской губерніи наканунѣ открытія новыхъ судовъ. Мѣстный исправникъ такъ неслыханно-гадко надругался надъ крестьянскими дѣвушками, что тогдашнія газеты не рѣшались даже намеками охарактеризовать гнусное преступленіе его. Но въ исправ-

никѣ принимала живое участіе мѣстная высшая администрація. Этого было достаточно. Исправникъ былъ приговоренъ къ домашнему аресту на нѣсколько дней. По поводу этого приговора *Моск. Вѣд.* съ справедливымъ негодованіемъ восклицали: „Какая оскорбительная насмѣшка надъ тѣмъ, что̀ люди зовутъ справедливостью и чтутъ какъ общественную нравственность! Одинъ другаго стоитъ: и поступки уѣзднаго блюстителя благочинія, и приговоръ надъ нимъ губернской юстиціи... Но что такое губернская юстиція, что такое эти судьи,— вопрошала газета, — долженствующіе уступить мѣсто другому судоустройству, ничего общаго съ нимъ не имѣющему? Они лишены всякой *самостоятельности*, когда ихъ приговорамъ подлежатъ административныя лица и когда, стало быть, губернскія власти чувствуютъ себя особенно заинтересованными".

Такъ вотъ гдѣ лежитъ загадка той навсегда изчезнувшей дореформенной идилліи, когда ни о какомъ антагонизмѣ между судомъ и администраціею не было и не могло быть рѣчи. Теперь стоитъ суду покарать то или другое лицо, пользующееся связями, какъ поднимаются крики о самодержавіи судей, о вмѣшательствѣ суда улицы въ сферы, подлежащія вѣдѣнію высшихъ административныхъ соображеній. Прежде подобной дисгармоніи, конечно, не могло быть. Стоило представителямъ администраціи намекнуть кому слѣдовало, и протеже ея, вѣдомый преступникъ, выходилъ сухъ изъ воды.

Въ 1850-мъ году бухгалтеръ гродненскаго приказа общественнаго призрѣнія учинилъ вмѣстѣ съ секретаремъ подлогъ, благодаря которому приказъ лишился 7,000 р. „Дабы не огорчать,—пишетъ въ своей запискѣ сенаторъ Ховенъ,—блаженныя памяти Императора Николая Павловича, уже безъ того весьма растревоженнаго обнаруженнымъ въ той эпохѣ множествомъ значительныхъ похищеній государственныхъ суммъ (какъ видите, еще до „суда улицы" аппетитъ къ казенному пирогу былъ довольно сильно распространенъ), члены приказа воз-

мѣстили его убытки, а проворовавшійся бухгалтеръ, вмѣстѣ съ соучастникомъ своимъ, секретаремъ, были преданы суду. Но у секретаря была „сильная рука“ въ канцеляріи генералъ губернатора И. Г. Бибикова. Изъ канцеляріи дали понять, что самъ Бибиковъ „интересуется“ судьбою секретаря. Этого было достаточно. Гродненская уголовная палата оставила только въ подозрѣніи. Генералъ-губернаторъ утвердилъ приговоръ палаты.

Такъ велика была приниженность суда предъ администраціею, что судъ безпрекословно подчинялся не только давленію со стороны высшихъ губернскихъ властей, но даже внушенію со стороны инвалиднаго начальства. Въ 1855 году въ городѣ Медыни инвалидные солдаты убили въ банѣ трехъ проститутокъ. Настоящій убійца былъ пойманъ, но инвалидное начальство, желая выгородить участниковъ преступленія, т.-е. унтеръ-офицеровъ медынской инвалидной команды, склонило убійцу указать соучастникомъ своимъ 18-тилѣтняго юношу, Дмитрія Аверьянова. Хотя кучеръ и хозяинъ его доказывали, что онъ не былъ въ Медыни во время совершенія преступленія, но слѣдователь, квартальный надзиратель, самыми жестокими пытками, «истязаніями» заставлялъ Аверьянова сознаться. Несчастный Аверьяновъ продолжалъ отрицать свою виновность. Тогда рѣшились составить отъ имени Аверьянова подложное сознаніе. Настоящій преступникъ, терзаемый совѣстью, объявилъ въ острогѣ священнику, начальнику губерніи и губернскому жандармскому офицеру, что оговорилъ Аверьянова ложно. Солдата-убійцу судилъ военный судъ, который сослалъ его въ каторжныя работы и освободилъ въ силу коронаціоннаго манифеста 1856 г. отъ тѣлеснаго наказанія; Аверьянова же судила калужская уголовная палата и тоже приговорила къ каторжнымъ работамъ. Мало этого,—вопреки прямаго смысла закона, несовершеннолѣтній Аверьяновъ былъ наказанъ на эшафотѣ 80-ю ударами плетей и обезображенъ позорнымъ клеймомъ. Въ ужасной судьбѣ Аверьянова приняло участіе одно

высокопоставленное лицо. Было исходатайствовано Высочайшее повелѣніе о пересмотрѣ дѣла. Дознаніе обнаружило полную невинность Аверьянова, но когда дѣло поступило въ сенатъ, то Аверьяновъ былъ оставленъ въ подозрѣніи, не смотря на доказанную его невинность. И знаете, чѣмъ объясняется этотъ возмутительный приговоръ? Желаніемъ оградить членовъ калужской палаты отъ гражданской отвѣтственности предъ невинно осужденнымъ Аверьяновымъ. А онъ послѣ семи лѣтняго мученія, въ 1862 г. возвратился къ своей престарѣлой матери, потерявъ совершенно здоровье. Позорное клеймо, на него наложенное, лишило его возможности наняться на какую нибудь работу, и онъ долженъ былъ питаться Христовымъ именемъ. Такъ была загублена жизнь этого 18-тилѣтняго невиннаго страдальца и благодаря чему же? Благодаря тому, что начальникъ инвалидной команды, изъ глупаго самолюбія, припуталъ невиннаго человѣка, а калужская палата, въ интересахъ сохраненія „добраго согласія“ между представителями разныхъ вѣдомствъ, не могла отказать въ такой бездѣлицѣ, какъ осужденіе невиннаго. Что за важность, въ самомъ дѣлѣ, что разбита жизнь какого-то Аверьянова!

Не бѣда, что потерпитъ мужикъ.

Если таково было вліяніе низшихъ агентовъ администраціи, то не мудрено, что вліяніе высшей администраціи было безгранично. Она вмѣшивалась какъ въ гражданскія, такъ и уголовныя дѣла. Покойный министръ внутреннихъ дѣлъ С. С. Ланской съ рѣдкимъ добродушіемъ опредѣлялъ свои отношенія къ министру юстиціи Панину. „Онъ у васъ все судитъ да рядитъ,—говорилъ онъ одному чиновнику министерства юстиціи,—а мы все-таки будемъ ѣздить по-своему... на вашей юстиціи“. И дѣйствительно, только лѣнивый на ней не ѣздилъ.

Самымъ главнымъ, такъ сказать, органическимъ порокомъ стараго суда было то, что даже приговоры его, не вызванные подкупомъ или давленіемъ свыше, поражали или круглымъ невѣжествомъ, или такимъ чудовищнымъ формализмомъ, который по-

казываетъ, что за № дѣла забывалась живая личность подсудимаго, за внѣшнею законностью упускалась изъ виду внутренняя правда, словомъ, подъ видомъ правосудія творилась вопіющая неправда.

Насъ не удивитъ такой порядокъ вещей, если вспомнимъ составъ стараго суда. Главная пружина стараго суда—секретарь-крючокъ, продавшій свою душу если не всегда деньгамъ, то безсмысленнымъ формамъ, ради которыхъ не могъ и не хотѣлъ онъ видѣть дѣйствительность.

А судьи кто? Мы уже видѣли выше — судью съ метлою въ рукахъ! Бывали и не такіе: для ускоренія рѣшенія дѣлъ иногда командировался въ палаты *ultima ratio* стараго режима—жандармскій офицеръ, которому предписывалось не выѣзжать изъ города, пока не будутъ рѣшены всѣ дѣла. Являлся онъ въ палату, и въ его присутствіи предсѣдатель, — пишетъ г. Колмаковъ, — поднося дѣло къ глазамъ, или, лучше сказать, къ носу, произносилъ резолюцію: утвердить, отмѣнить. Жандармъ послѣ доносилъ о счастливомъ выполненіи возложенной миссіи.

Случалось и такъ, что предсѣдатель принималъ особыя экстренныя мѣры для ускоренія движенія дѣлъ: приглашалъ юристовъ... мѣстнаго губернскаго острога (фактъ!) и раздавалъ имъ дѣла для составленія приговоровъ.

Легко представить себѣ, каковы были рѣшенія острожныхъ юристовъ!

Выше мы приводили дѣло несчастнаго якута, который былъ осужденъ за требованіе понятыхъ при обыскѣ, какъ за сопротивленіе властямъ. Но мы не досказали всей исторіи этого дѣла. По слѣдствію оказалось, что предъявленные на якута векселя дѣйствительно подложны и что подлогъ совершилъ мѣщанинъ Поповъ. Что же дѣлаетъ судъ? Общее присутствіе якутской ратуши и окружнаго суда относительно Попова постановляетъ такой приговоръ: „сдѣлать Попову строгое *внушеніе*, чтобы онъ *впредь не смѣлъ* составлять отъ чужаго имени век-

селей безъ законной на то довѣренности". Можно было счесть это за вымыселъ, если бы слова эти не стояли въ документѣ, не подлежащемъ сомнѣнію.

Да что якутскій судъ,—изъ практики сената можно привести безчисленное множество перловъ старой юриспруденціи. Въ 1855 году бугульминской полиціи было заявлено конторою откупа, что сидѣлецъ, крестьянинъ Баталовъ, не доставилъ 33 р. и не уплатилъ за убытки штрафа, всего 68 р. Это чисто гражданское дѣло объ отчетности получило слѣдующій оборотъ. Бугульминскій судъ оправдалъ Баталова, но самарская палата за мнимый захватъ, приговоривъ его къ лишенію всѣхъ особенныхъ правъ, ссылкѣ въ Сибирь и 70 ударамъ розогъ, заключила его въ острогъ. Баталовъ пробовалъ принесть жалобу въ сенатъ, въ которой указывалъ, что о кражѣ не могло быть рѣчи, потому что касса повѣрялась ежедневно. Но сенатъ возвратилъ жалобу *безъ разсмотрѣнія*, указавъ, что она не можетъ быть принята до приведенія приговора въ исполненіе. Баталовъ былъ наказанъ розгами, сосланъ въ Сибирь и изъ Сибири снова обратился съ жалобою въ сенатъ, въ которой онъ объяснилъ, что, имѣя отъ роду около 60-ти лѣтъ, въ острогѣ все время находился въ болѣзненномъ состояніи, что жена и 7 человѣкъ дѣтей лишились средствъ къ пропитанію. Въ сенатѣ поднялся въ его защиту только одинъ голосъ, который требовалъ возвращенія изъ ссылки и взысканія въ пользу его вознагражденія съ членовъ самарской палаты; остальные же сенаторы подали за оставленіе жалобы безъ послѣдствій. Дѣло поступило по Высочайшему повелѣнію въ общее собраніе сената, но и оно отказало въ жалобѣ Баталову и сверхъ того приговорило его за неправую жалобу къ наказанію розгами 50-ю ударами. И это называлось правосудіемъ всего 20 — 30 лѣтъ тому назадъ!

Въ 1855 году былъ заключенъ въ московскій острогъ индѣецъ Михаилъ Войкатріо, вслѣдствіе возведеннаго на него братомъ его (огнепоклонникомъ) богачомъ Гемраджи Войкатріо обвиненія въ

кражѣ. На самомъ дѣлѣ деньги были подарены Михаилу, а обвиненіе взведено Гемраджи изъ мести за переходъ въ христіанство. Однако слѣдствіе „повернули“ (не трудно догадаться какими путями) противъ обвиняемаго. Московская уголовная палата осудила Войкатріо. Дѣло по протесту прокурора перешло въ сенатъ, при чемъ обнаружился рядъ злоупотребленій со стороны судей и слѣдователя. Оказалось, что допросы были отбираемы отъ Войкатріо безъ переводчика, тогда какъ онъ не понималъ русскаго языка, а сами слѣдователи за него подложно подписали, какъ будто Войкатріо сознался въ кражѣ. Сенатъ по обыкновенію (чтобы оградить судей палаты отъ отвѣтственности) вмѣсто полнаго оправданія оставилъ Войкатріо въ подозрѣніи. Но вы думаете чрезъ это кончились его страданія? Еще въ 1862 г. молилъ онъ сенатъ освободить его изъ острога и отдать на вѣрное поручительство, указывая на то, что въ теченіе семилѣтняго тюремнаго заключенія онъ разстроилъ здоровье. Но сенатъ оставлялъ долго жалобу безъ послѣдствій, въ виду того, что оберъ-прокуроръ велъ переписку съ министерствомъ юстиціи о томъ, пропустить или опротестовать опредѣленіе сената. А невинный страдалецъ томился въ тюрьмѣ. — И это было не въ Якутской области, а въ Москвѣ!

Послѣ этого мы поймемъ смыслъ заклинаній или заговоровъ, въ которыхъ народъ молилъ, чтобы „не довелось имѣть дѣло съ судомъ ни правому, ни виноватому“.

Говорятъ, новый судъ „милостивъ“. Что же тутъ дурнаго? Вѣдь милость или гуманность едва ли противорѣчитъ идеѣ правосудія. Не даромъ французскій поэтъ сказалъ:

Nul n'est juste s'il n'est doux.

Нѣтъ, говорятъ, судъ долженъ помнить одну только закономѣрность, т. е. мертвящее буквоѣдство. Старый судъ давалъ въ изобиліи образчики такого жестокаго буквоѣдства, которые въ наше время кажутся чѣмъ-то неправдоподобнымъ.

Сирота, 14-ти-лѣтній мальчикъ, жившій подаяніями, обвинялся въ поддѣлкѣ серебряной монеты въ 20 коп. Поддѣлка была самая грубая, и мальчикъ былъ пойманъ въ булочной, когда онъ покупалъ хлѣбъ. Началось дѣло. Уголовная палата приговорила мальчика къ лишенію всѣхъ правъ состоянія, къ ссылкѣ въ каторжную работу и къ тѣлесному наказанію, по несовершеннолѣтію, вмѣсто 100 ударовъ черезъ палача плетью, 100 ударамъ розогъ. Сенатъ полагалъ ходатайствовать передъ верховной властью о замѣнѣ мальчику этого наказанія 50 ударами розогъ и отдачею въ баталіонъ военныхъ кантонистовъ. Но министръ юстиціи гр. Панинъ отказался дать ходъ этому ходатайству. Онъ разсудилъ, что мальчику и безъ того оказано достаточно милости вслѣдствіе замѣны 100 ударовъ плетью 100 ударами розогъ и что нѣтъ основанія не отправлять 14-ти лѣтняго мальчика въ каторгу.

И это говорилъ не членъ какого-нибудь якутскаго окружнаго суда, а глава и высшій руководитель и охранитель интересовъ юстиціи въ Россіи. Для удовлетворенія этой во-истину слѣпой и безчеловѣчной Ѳемиды, нужна была непремѣнно очистительная жертва въ видѣ 100 ударовъ розогъ, никакъ не меньше—даже 50 ударовъ являлось бы, по толкованію ея верховнаго жреца, оскорбленіемъ идеи правосудія.

Едва ли нужно приводить еще доказательство тупаго формализма и безсердечной жестокости стараго суда. Вы чувствуете осязательно, что у этихъ судей стараго закона не дрогнула бы рука, чтобы именемъ закона отрѣзать фунтъ мяса и „непремѣнно ближе къ сердцу“. Эти ветхозавѣтные жрецы стараго мстительнаго правосудія неспособны видѣть за обложкою дѣла живаго человѣка съ его горемъ и страданіемъ, за безжизненною юридическою формулою жизненную правду. Безнадежный, неизлѣчимый порокъ стараго суда въ томъ и заключался, что представители его не могли даже и представить себѣ, чтобы мыслимо было творить судъ и въ то же время не засѣкать, не замучить, не засудить.

Достойными просвѣтителями и руководителями старой юриспруденціи были извѣстные представители тогдашней юридической науки, братья-криминалисты, учившіе, что плеть есть „одна изъ формъ, въ которыхъ идея правды и справедливости находитъ себѣ наиболѣе приличное осуществленіе, что злая воля преступника требуетъ воздаянія въ видѣ трехвостной плети съ достодолжнымъ угобженіемъ“. Онъ говорилъ, и его не тошнило, а мы слушали, и насъ тоже не тошнило,—замѣчаетъ по этому поводу нашъ маститый сатирикъ...

И всего только 20 съ чѣмъ-то лѣтъ отдѣляютъ насъ отъ времени, когда подобные юристы, проповѣдники жестокой буквы и бездушной формы, творили судъ и „обрабатывали науку“! Современному поколѣнію нужно напрягать всю силу своего воображенія, чтобы представить себѣ образы дѣятелей этого *sacvi et infesti virtutibus temporis*, этого жестокаго и безславнаго времени...

25 лѣтъ тому назадъ старый инквизиціонный процессъ прекратилъ свое существованіе, и только какъ тяжелый кошмаръ иногда выступаетъ воспоминаніе о немъ. Благовѣстъ новаго суда: „правда и милость да царствуютъ въ судахъ“ радостно, но чуть слышно прозвучавшій въ памятномъ коронаціонномъ манифестѣ 26-го августа 1856 г., сталъ въ незабвенный день 20-го ноября 1864 г. словомъ закона, обработаннымъ по указаніямъ науки и опыта цивилизованныхъ народовъ. Ровно 25 годъ тому назадъ это животворящее слово воплотилось въ великое дѣло „новаго суда“. Едва вѣрили современники своимъ глазамъ, когда, словно по манію волшебнаго жезла, на мѣсто продажнаго жестокаго суда, водворился гласный судъ, судъ общественной совѣсти, на мѣсто суда по бумагамъ, на мѣсто расправы звѣря со звѣремъ, установился разумный, гуманный судъ *человѣка надъ человѣкомъ*, стремящійся проникнуть въ душу подсудимаго и разсудить дѣло по сущей правдѣ. „По истинѣ едва вѣрится,—замѣчала газета Каткова, — чтобы въ столь короткое время такъ крѣпко и такъ успѣшно принялось дѣло столь

великое и столь мало похожее на прежніе наши порядки, начиная отъ *основной идеи* и до мельчайшихъ подробностей. То, о чемъ года два назадъ можно было только мечтать, что̀ возбуждало столько, повидимому, справедливыхъ сомнѣній, теперь находится въ полномъ дѣйствіи... Судъ присяжныхъ, *лучшая гарантія гражданской свободы*, совершается у насъ во-очію, и успѣхъ превосходитъ самыя смѣлыя ожиданія" (*Моск. Вѣдом.* 1867 г. № 69). Такъ совершалось насажденіе суда праваго и милостиваго на мѣсто суда продажнаго и жестокаго.

Но если намъ теперь трудно понять и представить себѣ, какъ совершился столь быстро, почти чудесно, великій актъ перехода отъ мрака къ свѣту, то еще труднѣе понять, какъ могла впослѣдствіи явиться тоска по этомъ мракѣ. Трудно понять, какъ у этихъ Гертрудъ, у которыхъ еще не износились башмаки, въ которыхъ они шли за тріумфальною колесницею новаго суда, какъ у этихъ легкомысленныхъ Гертрудъ настолько затуманился разсудокъ, что они стали унижать новый судъ передъ старымъ, унижать „Гиперіона предъ этимъ сатиромъ козлоногимъ"...

Здѣсь не мѣсто входить въ подробный анализъ причинъ этого печальнаго явленія. Ограничусь только замѣчаніемъ, что оно было предсказано людьми дальновидными. „Новые (судебные) порядки по необходимости должны,—писали *Моск. Вѣд.*—сталкиваться со старыми порядками, которые существуютъ издавна и господствовали до сихъ поръ исключительно. До сихъ поръ бюрократическая администрація была у насъ *все во всемъ;* прежнія судебныя учрежденія были только придаткомъ къ администраціи. Теперь возникло *новое* начало, которое, не ограничиваясь судебными учрежденіями, должно оказать свое дѣйствіе *повсюду* и видоизмѣнить *весь строй* нашего гражданскаго быта... Вступающій въ жизнь порядокъ,—съ грустью продолжала газета,—встрѣчается со старыми понятіями и навыками, и весьма естественно возникаетъ опасеніе, что будутъ дѣ-

латься разнаго рода покушенія подорвать его силу; такъ всегда (?) и вездѣ (?) бываетъ; такъ, по всему вѣроятію, будетъ и съ тѣми порядками, которые возникаютъ въ Россіи вслѣдствіе великихъ и всеобъемлющихъ реформъ, долженствующихъ положить *ясную черту* между прошедшимъ и грядущимъ"...

Пророчество, увы! исполнилось вполнѣ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Когда и почему судебная реформа получила „радикальный характеръ“.

> Вы не будете вынуждены прибѣгать, идя ощупью, не освѣщаемые наукою, къ полумѣрамъ, къ средствамъ палліативнымъ, къ разнымъ кунстштюкамъ, перебиваясь ими со-дня-на-день, лишь бы на короткій срокъ вашего служенія, а затѣмъ aprѐs moi le déluge. Нѣтъ, съ твердою помощью началъ науки вы *сумѣете радикально лѣчить* всякую общественную болѣзнь, ясно сознавая настоящее, прозрѣвши будущее, какъ пророкъ, и своею *раціональною* дѣятельностью приготовите благосостояніе вашему отечеству, а себѣ вѣчную память людей, приготовлявшихъ благодатную почву и сѣявшихъ сѣмена добра.
>
> Изъ лекцій *П. Г. Рѣдкина.*

Странная вещь! Вотъ уже прошло болѣе четверти вѣка со дня изданія Судебныхъ Уставовъ Императора Александра II, а между тѣмъ до сихъ поръ основные пункты исторіи этого замѣчательнаго законодательнаго памятника недостаточно еще разъяснены и установлены.

Ходячее мнѣніе привыкло представлять дѣло въ такомъ видѣ, что до 1861 года, т.-е. пока дѣло судебнаго преобразованія находилось въ рукахъ стараго юриста николаевской эпохи, Д. Н. Блудова, все шло прекрасно. Предполагалось безъ „радикальной“ ломки, безъ теоретическихъ увлеченій произвести преобразованіе, которое должно было

внести нѣкоторое усовершенствованіе въ наше старое судопроизводство. Съ передачею же главнаго руководства судебной реформою государственному секретарю В. П. Буткову и его главному помощнику С. И. Зарудному происходитъ разительная перемѣна: являются новые люди (въ томъ числѣ Н. А. Буцковскій, Д. А. Ровинскій, К. П. Побѣдоносцевъ), приглашенные, по Высочайшему повелѣнію, въ государственную канцелярію, и сразу все мѣняется. Всѣ старыя работы гр. Блудова отбрасываются въ сторону, и новые реформаторы, не заботясь ни о „традиціяхъ“ прошлаго, ни объ условіяхъ среды, съ изумительнымъ легкомысліемъ, сочиняютъ проекты изъ своей головы или, того хуже, „списываютъ“ съ иностранныхъ кодексовъ или учебниковъ законы, идущіе въ разрѣзъ съ кореннымъ строемъ русской жизни.

Словомъ, выходитъ такъ, что Судебные Уставы какъ бы въ одно мгновеніе вышли изъ головы молодыхъ юристовъ государственной канцеляріи, какъ Минерва изъ головы Юпитера, но не во всеоружіи зрѣлой мудрости, какъ этотъ дивный продуктъ творчества великаго олимпійца, а какъ недоношенный плодъ ребяческаго недомыслія и политическаго легкомыслія. Такова ходячая версія возникновенія Судебныхъ Уставовъ, настойчиво повторяемая въ послѣднее время не только въ летучихъ газетныхъ замѣткахъ, но и въ болѣе обстоятельныхъ журнальныхъ статьяхъ и даже въ спеціальныхъ монографіяхъ.

Такого взгляда держался и покойный Викторъ Фуксъ, напечатавшій въ теченіе послѣднихъ лѣтъ цѣлый рядъ статей о судебной реформѣ сначала въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, потомъ издавшій ихъ, въ переработанномъ видѣ, отдѣльною книгою подъ заглавіемъ „*Судъ и полиція*“.

По изложенію автора выходитъ, что до 1862—1864 гг. дѣло судебной реформы совершало свое покойное и стройное теченіе, направляемое такимъ опытнымъ и свѣдущимъ кормчимъ какъ бывшій начальникъ II-го отдѣленія Е. И. В. канцеляріи

гр. Д. Н. Блудовъ. На межѣ 1861—1862 года появились невѣсть откуда вандалы-либералы и наступилъ конецъ „историко-органическому“ направленію.

Словно изступленные, набросились они на прекрасное созданіе гр. Блудова, проекты II-го отдѣленія, и только переломавъ и исковеркавъ ихъ, во имя *радикальной доктрины*, они успокоились. „Эти осторожные и практическіе проекты II-го отдѣленія,—сѣтуетъ г. Фуксъ,—были сданы въ архивъ и были замѣнены въ 1862—1864 гг., по иниціативѣ теоретиковъ судебной реформы, комбинаціею, которая по своей *политической тенденціозности*, а еще болѣе по своему *сантиментальному оптимизму*, не представляла никакихъ задатковъ для правильнаго органическаго развитія. Не коренясь въ исторической почвѣ, не соотвѣтствуя практическимъ условіямъ современной дѣйствительности,—продолжаетъ авторъ, — эта комбинація представляла собою не усовершенствованіе нашихъ *прежнихъ формъ и органовъ*, но нѣчто *совершенно новое* и *извращавшее* въ конецъ *законы* нашего историческаго развитія“.

Итакъ, главная вина авторовъ судебнаго законодательства 1864 года заключается въ томъ, что они, вопреки практическимъ, т.-е. мудрымъ предначертаніямъ гр. Блудова, вмѣсто „усовершенствованія старыхъ формъ“ и сохраненія старой „исторической почвы“, увлекшись *радикальною доктриною*, легкомысленно внесли въ нашу жизнь нѣчто совершенно новое и чуждое ей.

Это тяжкое, по нынѣшнему времени, обвиненіе отличается однако болѣе страстностью, чѣмъ точностью, болѣе предубѣжденностью, чѣмъ основательностью. Источникъ такого ходячаго возрѣнія лежитъ въ одномъ почти невѣроятно крупномъ *недоразумѣніи*, а именно: въ *незнакомствѣ съ подлинными документами* судебной реформы. Это недоразумѣніе, которое даетъ почву для нападковъ систематическимъ недоброжелателямъ судебной реформы и даже вводитъ въ заблужденіе людей, повидимому, стремящихся отнестись къ ней безпристрастно, заслуживаетъ того, чтобы на немъ остановиться.

Вотъ гдѣ кроется—если не источникъ, то поводъ къ упомянутому недоразумѣнію. Трудами одного изъ виднѣйшихъ дѣятелей судебной реформы, покойнаго С. И. Зарудnаго, бывшаго, можно сказать, усерднѣйшимъ и преданнѣйшимъ ея дѣятелемъ съ самаго дня ея зарожденія, давно уже собраны и разсортированы обширные *подлинные* матеріалы, легшіе въ основу великаго законодательнаго акта 1864 года. Эти любопытные матеріалы, составляющіе 74 тома (большинство *in folio*) „Дѣла о преобразованіи судебной части въ Россіи“ [1]), даютъ самый надежный ключъ къ уразумѣнію хода и исхода дѣла о преобразованіи судебной части въ Россіи. Обширность и малодоступность (для лицъ, не живущихъ въ Петербургѣ) этихъ драгоцѣнныхъ матеріаловъ служатъ причиною тому, что до сихъ поръ они никѣмъ еще и не обработаны должнымъ образомъ.

Но, какъ извѣстно, существуетъ прекрасное и очень популярное изданіе, въ 4-хъ томахъ, „Судебныхъ Уставовъ съ изложеніемъ разсужденій, на коихъ они основаны“, заключающее массу драгоцѣннаго матеріала и появившееся въ свѣтъ благодаря трудамъ того же С. И. Зарудnаго. Но само собою разумѣется, что этотъ драгоцѣнный компендіумъ, эта, такъ-сказать, судебная *vulgata*, не можетъ замѣнить знакомства съ подлинными 74-мя томами „Дѣла о преобразованіи судебной части въ Россіи“. Для ежедневнаго практическаго обихода это популярное изданіе, извѣстное подъ названіемъ „Судебныхъ Уставовъ съ комментаріями“, представляетъ весьма удобное и незамѣнимое пособіе, но для полнаго ознакомленія и правильнаго сужденія о всѣхъ фазахъ судебной реформы, этого громаднаго предпріятія, растянувшагося на протяженіи шестнадцати лѣтъ, необходимо ознакомиться съ подлинными документами, а не болѣе или менѣе подробными извлеченіями изъ нихъ, приведенными въ изданіи государственной канцеляріи.

---

[1]) См. приложеніе.

Только при знакомствѣ съ подлиннымъ дѣломъ уясняется настоящій [1]) *генезисъ* дѣла, выясняется движеніе и развитіе идей, теченій и правовыхъ системъ, вліявшихъ на ходъ работъ по судебной реформѣ. А иначе легко впасть въ односторонность и ошибку, въ которую впалъ и г. Викторъ Фуксъ. Въ своей новой книгѣ г. Фуксъ повторяетъ свое прежнее мнѣніе о томъ, что проекты Блудова 1857—1861 гг. отличались благоразумною *постепенностью (?)*, „которая *не колебала (?)* установившагося порядка внезапными и всеобъемлющими перемѣнами". Словомъ, выходитъ опять варіація на старую тему, что до 1861 г. все шло благополучно, тихо и покойно; являются въ 1861 г. либералы-теоретики, которые не то съ дѣтскою рѣзвостью, не то съ вандальскою жестокостью ломаютъ проекты гр. Блудова, носившіе „историко-органическій" характеръ, и, заплативъ данъ неумѣстному радикализму, открываютъ доступъ въ русское законодательство вреднымъ чужестраннымъ доктринамъ.

Такую сказку о „радикализмѣ" судебной реформы, будто бы впервые появившемся съ 1861 г., можетъ сочинить только тотъ, кто не видалъ ни одного тома подлиннаго „Дѣла о преобразованіи судебной части въ Россіи" и довольствовался бѣглымъ чтеніемъ извлеченій, напечатанныхъ въ вышеупомянутомъ изданіи Судебныхъ Уставовъ [2]). Тотъ же, кто поже-

---

[1]) Считаю долгомъ принести тутъ повинную: не будучи до 1884 г. знакомъ съ означеннымъ «Дѣломъ», и самъ я не разъ впадалъ въ ошибку въ своихъ работахъ по судебной реформѣ.

[2]) И дѣйствительно г. Фуксъ и *не подозрѣваетъ* существованія означеннаго „Дѣла", этого главнаго источника исторіи судебной реформы. Укажемъ на одинъ разительный примѣръ. Г. Фуксъ такъ далекъ отъ мысли о необходимости или, лучше сказать, возможности справляться съ подлинными документами, что долженъ оперировать болѣе или менѣе тонкими логическими соображеніями для того, чтобы опредѣлить содержаніе и составъ проекта уголов. суд., составленнаго Блудовымъ (стр. 36), тогда какъ стоило только взять въ руки т. VI и VII „Дѣла о преобр. суд. части въ Россіи", чтобы найти въ немъ проектъ полнаго устава судопроизводства по преступл. и проступ., заключающій въ себѣ семь раздѣловъ и объяснительныя къ нему записки.

лаетъ *sine ira et studio* познакомиться съ подлинными матеріалами судебной реформы, неминуемо придетъ къ заключенію, что еще за четыре года до 1861 г., т.-е. съ началомъ новаго царствованія происходитъ *радикальный переворотъ* въ направленіи судебной реформы.

Говоря такъ, мы нисколько не умаляемъ громадныхъ заслугъ дѣятелей судебной реформы 61—64 годовъ и безспорнаго вліянія на дальнѣйшее направленіе судебной реформы вѣчно памятнаго освободительнаго акта 19-го февраля. Великій актъ 1861 г., прямо или косвенно отразившійся на *всѣхъ* сферахъ законодательства и общественной жизни, конечно, оказалъ огромное вліяніе и на постановку судебной реформы [1]). Мы не противъ той мысли возражаемъ, что съ 1861 г. судебная реформа вступила въ новый либерально-научный фазисъ, и что были институты (напримѣръ судъ присяжныхъ), о которыхъ до „воли“ нельзя было и думать, мы оспариваемъ лишь увѣреніе, что только съ этихъ поръ судебная реформа, въ отличіе отъ проектовъ гр. Блудова, будто желавшаго „постепеннаго преобразованія“, получила *радикальный* характеръ. Нѣтъ, не теоретики 60-хъ годовъ, а не кто иной, какъ практикъ гр. Блудовъ, принимавшій участіе въ судѣ надъ декабристами и съ этихъ поръ весьма мало наклонный къ радикализму, этотъ *sui generis* „дьякъ въ приказахъ посѣдѣлый“, вникнувъ „въ сущность дѣла“, *первый* оффиціально выкинулъ знамя *радикализма* и доказалъ необходимость полнаго измѣненія стараго судебнаго строя.

Какъ ни парадоксально, на первый взглядъ, высказанное нами положеніе, но безстрастные подлинные документы съ очевидностью убѣждаютъ, что не кто иной, какъ именно гр. Д. Н. Блудовъ,

---

[1]) Интересующіеся этимъ вопросомъ, къ сожалѣнію, очень мало разработаннымъ въ нашей литературѣ, найдутъ нѣкоторыя подробности въ нашей книгѣ „С. И. Зарудный и судебная реформа“.

осторожнѣйшій изъ осторожныхъ реформаторовъ, всегда державшійся девиза:

Immer langsam voran!

былъ родоначальникомъ *радикальнаго* направленія судебной реформы. Въ этомъ отношеніи особенно поучительна большая объяснительная записка (149 печатныхъ страницъ) графа Блудова отъ 1857 г. [1]), съ которою не мѣшаетъ познакомиться тѣмъ, которые привыкли неумѣренно восторгаться работами его и клясться ими *in verba magistri*.

Въ этой любопытной запискѣ мы находимъ обстоятельныя свѣдѣнія о томъ, какъ этотъ завзятый поклонникъ „частичныхъ улучшеній“ (припомнимъ его Уложеніе 1845 г., которое онъ не безъ авторской гордости называлъ „усовершенствованнымъ сводомъ“) долженъ былъ отступить отъ своего любимаго образа дѣйствія. Гр. Блудовъ съ большою искренностью сознается и какъ бы кается въ томъ, что „ближайшее знакомство съ сущностью порученнаго ему дѣла“ заставило его совершить актъ грѣхопаденія и выступить на путь *радикальной* реформы. Во избѣжаніе обвиненія въ неправильномъ истолкованіи словъ гр. Блудова, считаемъ нелишнимъ привести *in extenso* нѣкоторыя мѣста изъ этой замѣчательной и по формѣ, и по содержанію записки.

„Съ перваго взгляда можетъ показаться, говоритъ онъ, что было бы достаточно ограничиться лишь нѣкоторыми *частными исправленіями* нынѣшняго порядка производства дѣлъ гражданскихъ, напримѣръ лучшимъ, надежнѣйшимъ доставленіемъ вызововъ суда, точнѣйшимъ назначеніемъ сроковъ для разныхъ дѣйствій какъ тяжущихся, такъ и судебныхъ мѣстъ и Канцелярій ихъ (NB. прописная буква въ подлинникѣ), установленіемъ яснѣйшей, удовлетворительнѣйшей формы для докладныхъ за-

[1]) См. II томъ „Дѣла о преобразованіи судебной части въ Россіи“, Общ. объясн. записка къ пр. уст. гр. суд.

писокъ, сокращеніемъ сроковъ аппеляціонныхъ, уменьшеніемъ числа бумагъ, принимаемыхъ отъ тяжущихся, и т. п. Сей образъ дѣйствій при исправленіи узаконеній о производствѣ имѣетъ и долженъ имѣть многихъ защитниковъ, ибо оному удобнѣе и легче слѣдовать на практикѣ. Сверхъ того, какъ обыкновенно, а въ большей части случаевъ и справедливо замѣчаютъ, успѣхъ вводимыхъ постепенно и медленно преобразованій вѣроятнѣе и надежнѣе. *Мнѣ также казалось*, при началѣ моего труда, что можно бы было улучшить наше судопроизводство гражданское посредствомъ исправленія лишь нѣкоторыхъ отдѣльныхъ онаго постановленій. Но чѣмъ тщательнѣе я вникалъ въ сущность порученнаго мнѣ Высочайшимъ довѣріемъ дѣла, разсматривая съ разныхъ сторонъ всѣ неудобства нынѣшняго порядка судопроизводства гражданскаго, а съ тѣмъ вмѣстѣ *причины* и, буде смѣю употребить сіе слово, самое *происхожденіе* (курсивъ въ подлинникѣ) сихъ неудобствъ, имѣя притомъ въ виду, что между всѣми постановленіями существуетъ естественная, *неразрывная связь* — тѣмъ очевиднѣе и сильнѣе мнѣ представлялась истина, уже признанная многими свѣдущими и опытными по сей части людьми, что *чрезъ частныя* измѣненія *мы не только не достигнемъ желаемой*, указанной намъ *цѣли*, но *едва ли* даже въ нѣкоторомъ отношеніи *не удалимся* отъ нея. Дабы исправить надлежащимъ, удовлетворительнымъ образомъ наши узаконенія о производствѣ дѣлъ гражданскихъ, не довольно усовершенствованіе той или другой изъ сторонъ онаго, надобно стараться устранить причины зла, т.-е. безпорядковъ въ самомъ ихъ корнѣ; а для сего необходимо принять другую, *совершенно отличную* отъ настоящей систему, основанную на тѣхъ общихъ, *непреложныхъ* началахъ, безъ коихъ не можетъ быть правильнаго судопроизводства гражданскаго въ строгомъ смыслѣ слова...

«Намъ въ особенности, говоритъ дальше гр. Блудовъ, нельзя и думать о какомъ-либо усовершенствованіи сей части нашего законодательства, безъ измѣненія *самой основной мысли* ея, безъ принятія, не толь-

ко *отличныхъ*, но до нѣкоторой степени *противныхъ* ей началъ» [1]).

Приведенная выписка, кажется, достаточно ясно показываетъ, какими причинами обусловливался *радикализмъ судебной реформы*, который ставится нынѣ въ вину «легкомысленнымъ либераламъ 60-хъ годовъ», и кто былъ его родоначальникомъ. Источникъ радикализма лежалъ не въ томъ, что эти послѣдніе питали «влеченіе, родъ недуга» къ либерализму и доктринѣ, а въ самомъ свойствѣ предмета. Если ужъ такой «фабій кунктаторъ», какъ гр. Блудовъ, считалъ необходимою ломку всего зданія, то это доказываетъ, что оно прогнило насквозь.

Вотъ къ какому заключенію приводитъ безпристрастное изслѣдованіе подлинныхъ источниковъ судебной реформы. *Радикализмъ* судебной реформы вызывался сознаніемъ негодности всего стараго суда, съ очевидностью для всѣхъ обнаружившейся ко второй половинѣ 50-хъ годовъ, къ началу новаго царствованія, когда обнаружилось и много другихъ язвъ дореформеннаго строя жизни. Въ эту «эпоху всеобщаго просвѣтлѣнія умовъ», которое доктринеры застоя называютъ теперь «эпохою умопомраченія», настолько для всѣхъ выяснилась необходимость коренной реформы всей судебной системы, что самъ безстрастный представитель ортодоксальнаго консерватизма, гр. Блудовъ, выступилъ поборникомъ «кореннаго» измѣненія процесса.

Послѣ сказаннаго ясно, насколько справедливо увѣреніе г. Виктора Фукса, что проекты гр. Блудова 1854 — 61 годовъ отличались «благоразумною *постепенностью*, которая не колебала (?!) установившагося порядка внезапными и всеобъемлющими реформами», тогда какъ на самомъ дѣлѣ изъ *ipsissima verba* гр. Блудова явствуетъ, что онъ вынужденъ былъ отказаться отъ мысли о «частичныхъ улучшеніяхъ» и рекомендовать принятіе «совершенно отличной отъ настоящей системы судопроизвод-

[1]) См. „Дѣло о преобр. суд. части“, т. II. Общ. объясн. записка къ уст. гражд. судопр., стр. 4, 5, 8,

ства», основанной на общихъ, т. е. теоретическихъ «*непреложныхъ началахъ*». И послѣ этого г. Фуксъ еще рѣшается утверждать, что гр. Блудовъ былъ далекъ отъ «теоретическихъ экспериментовъ»!

Такъ идеализируетъ г. Фуксъ все вышедшее изъ-подъ пера гр. Блудова.

Скажемъ два слова объ идеализаціи, допускаемой г. Фуксомъ. Ну, идеализація, проектовъ гр. Блудова еще куда ни шла! Но мы не можемъ постичь, какъ можно упрекать дѣятелей 60-хъ годовъ въ «сантиментальномъ оптимизмѣ» и въ то же время самому идеализировать нашъ столь печальной памяти «старый судъ», какъ это дѣлаетъ г. Фуксъ, увѣряя, что «не во всемъ объемѣ и не во всѣхъ традиціяхъ *(sic)* старый судъ долженъ былъ быть замѣненъ новымъ».

Безъ сердечной, горячей, коли угодно—наивной вѣры въ силу добра и разума или, что то же, безъ «сантиментальнаго оптимизма» не совершалось ничего великаго, благодѣтельнаго въ исторіи.

Не ты ль одно все совершило
Святое горячее сердце?—

говоритъ Гёте.

Такимъ образомъ противъ идеализаціи или оптимизма нельзя возставать. Весь вопросъ только въ томъ, каковъ *объектъ* этой идеализаціи.

Но едва ли въ этомъ отношеніи дѣятели 60-хъ годовъ впали въ ошибку, избравъ объектомъ идеализаціи или «сантиментальнаго оптимизма»,— какъ выражается г. Фуксъ,—тѣ великія идеи, учрежденія и традиціи, которыми дорожитъ и гордится все цивилизованное человѣчество, а не тѣ «традиціи стараго суда», которыя идеализируетъ самъ г. Фуксъ,—того самаго суда, при одномъ воспоминаніи о которомъ, по справедливому замѣчанію знатока старыхъ судебныхъ порядковъ И. С. Аксакова, «волосъ встаетъ дыбомъ, морозъ деретъ по кожѣ» (*Русь*, 15-го февраля 1884 г.). Идеализація стараго суда — это такое же патологическое явленіе, какъ апологія кнута и крѣпостнаго права.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Историческій очеркъ составленія судебныхъ уставовъ.

Нашъ нормальный путь не подраженіе, а разумное примѣненіе общихъ началъ, выработанныхъ юридическою наукою.

Н. А. Буцковскій.

I.

Первые зачатки судебной реформы относятся къ началу сороковыхъ годовъ. Въ 1832 г. окончена была предпринятая гр. Сперанскимъ работа по приведенію въ извѣстность и по систематизаціи всего стараго и дѣйствующаго русскаго законодательства. Результатомъ этой работы было изданіе Полнаго Собранія Законовъ и Свода Законовъ. Вслѣдъ за этимъ возникла мысль объ улучшеніи уголовнаго процесса, но она тотчасъ же была оставлена, такъ какъ убѣдились, что необходимо прежде всего пересмотрѣть дѣйствовавшіе въ то время уголовные законы, показавшіеся черезчуръ жестокими даже въ это жестокое время. Въ 1845 г. появилось Уложеніе о наказаніяхъ, составленное подъ главнымъ руководствомъ привилегированнаго короннаго юриста графа Д. Н. Блудова, главнымъ образомъ изъ старыхъ, но нѣсколько смягченныхъ уголовныхъ законовъ. Самъ гр. Блудовъ называлъ свою кодификацію усовершенствованнымъ сводомъ.

Одновременно съ составленіемъ проекта Уголовнаго Уложенія, начаты были подготовительныя ра-

боты и по улучшенію гражданскаго процесса. Въ 1843 г. гр. Блудовъ затребовалъ отъ членовъ судебнаго вѣдомства замѣчаній о доказанныхъ практикою недостаткахъ дѣйствующаго судебнаго законодательства и, на основаніи полученныхъ свѣдѣній, составилъ „предположеніе“ о нѣкоторыхъ необходимыхъ улучшеніяхъ. Не трудно догадаться о характерѣ ихъ. Въ это время всеобщаго умственнаго и законодательнаго застоя, время боязни предъ рѣшительными преобразованіями и пристрастія къ полумѣрамъ, заплатамъ на старомъ рубищѣ, — предложенное гр. Блудовымъ мѣропріятіе также носило чисто палліативный характеръ. О необходимости полнаго переустройства и дезинфекціи прогнившаго насквозь зданія стараго суда, извѣстнаго всѣмъ своею чудовищною продажностью и безконечною волокитою, никто и не думалъ [1]).

Гр. Блудовъ ограничивался проектированіемъ второстепенныхъ техническихъ улучшеній въ родѣ отмѣны рукоприкладства, указанія секретаремъ „приличныхъ дѣлу“ законовъ, сокращенія числа инстанцій и т. п. Онъ входилъ по этимъ предметамъ въ безконечную переписку съ тогдашнимъ министромъ юстиціи гр. В. Н. Панинымъ, который, находя „новшества“ слишкомъ смѣлыми „теоретическими (sic) увлеченіями, съ неустанною энергіею отстаивалъ

---

1) О всѣмъ извѣстной продажности стараго суда распространяться не будемъ. Что же касается „волокиты“, ограничимся двумя примѣрами. Въ 1836 г. возникло дѣло Шидловскихъ. До 1856 г. оно двѣнадцать разъ восходило до сената, гдѣ состоялось 12 противорѣчивыхъ указовъ, и все-таки въ теченіе двадцати лѣтъ оно не было рѣшено по существу, а разрѣшенъ былъ только вопросъ о „предоставленіи хода сему дѣлу“. Е. П. Старицкій (нынѣ членъ государственнаго совѣта) въ запискѣ своей, напечатанной въ т. IX Дѣла о пребр. суд. части, исчисляетъ рядъ дѣлъ, по коимъ въ теченіе 10—15 лѣтъ еще въ первой инстанціи шла переписка о дополненіяхъ и справкахъ. По одному дѣлу не поступало затребованной справки въ теченіе 6 лѣтъ, несмотря на множество подтвержденій и *46* (сорокъ шесть не опечатка!) *представленій* губернскому правленію о понужденіи уѣзднаго начальника (стр. 1—2 Записки). Такихъ примѣровъ можно бы привесть тысячи.

каждую мелочь дѣйствовавшаго процесса, какъ драгоцѣнное наслѣдіе „столѣтняго творчества“!

Гр. Блудовъ, догадавшись, что изъ этой безплодной переписки, что изъ этого „труда тяжкаго, по безконечности“, не можетъ выйти ничего путнаго, рѣшилъ дѣло судебнаго преобразованія сосредоточить при состоящемъ подъ его главнымъ управленіемъ II отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. Съ этою цѣлью онъ исходатайствовалъ въ 1850 и 1852 годахъ Высочайшія повелѣнія объ учрежденіи при II отдѣленіи комитетовъ для составленія проектовъ уставовъ уголовнаго и гражданскаго судопроизводствъ. Въ составъ гражданскаго комитета вошли—товарищъ министра юстиціи Илличевскій, сенаторы Веймарнъ, Губе (нынѣ членъ государственнаго совѣта) Карніолинъ-Пинскій, членъ консультаціи министерства юстиціи Карцевъ, замѣненный впослѣдствіи оберъ-прокуроромъ I-го департамента сената Любощинскимъ [1]). Дѣлопроизводителемъ былъ назначенъ астрономъ по образованію и юристъ-самоучка, впослѣдствіи знаменитый цивилистъ, С. И. Зарудный, вложившій всю свою душу въ дѣло судебной реформы и такъ много сдѣлавшій въ послѣдній фазисъ ея развитія [2]).

Не трудно сказать, чѣмъ бы окончились труды этого комитета, если бы они были доведены до конца. По всей вѣроятности мы бы получили опять новый образчикъ „усовершенствованнаго Свода“ наподобіе Уложенія 1845 г., т.-е. компромиссъ и компиляцію стараго и новаго, лишенную цѣльности и послѣдовательности. Но до окончанія работъ комитета произошло событіе, сообщившее имъ *новую* силу и окраску и вообще вдвинувшее дѣло судебной реформы въ новый фазисъ.

---

[1]) Личный составъ уголовнаго комитета, къ сожалѣнію, не поименованъ въ имѣющихся въ нашемъ распоряженіи документахъ.

[2]) См. книгу мою: „С. И. Зарудный и судебная реформа“ М. 1888 г.

Наступившій въ обществѣ, вслѣдъ за воцареніемъ Императора Александра II-го нравственный и умственный подъемъ, такъ сильно сказавшійся на всей нашей политической и умственной жизни, сказался и на работахъ блудовскаго комитета. Встрепенулся и воспрянулъ духомъ и старый либералъ и бывшій „арзамасецъ“ Д. Н. Блудовъ, восторженно рукоплескавшій нѣкогда словамъ Александра I-го, что „либеральныя начала одни могутъ служить *основою счастія народовъ*“. Казалось, свыше тридцатилѣтній реакціонный режимъ (1820—1855), подъ которымъ прошла вся почти государственная дѣятельность гр. Блудова, долженъ былъ до конца высушить въ немъ всѣ зачатки либерализма; однако вышло иначе, и при первыхъ же благопріятныхъ для нихъ вѣяніяхъ, они воспрянули къ новой жизни. Въ 1855—1860 гг. гр. Блудовъ далъ сильный толчокъ работамъ по судебной реформѣ и внесъ въ государственный совѣтъ Уставъ гражданскаго судопроизводства, Положеніе о присяжныхъ повѣренныхъ, Уставъ уголовнаго судопроизводства и, наконецъ, Уставъ судоустройства. Сравнительно съ палліативными предположеніями 40-хъ годовъ гр. Блудова, проекты его 1857—1860 годовъ составляли громадный, почти разительный шагъ впередъ. Даже въ области наиболѣе консервативной, въ гражданскомъ процессѣ, намѣчены были довольно радикально измѣненія сообразно требованіямъ непреложныхъ началъ „юридической науки“ [1]).

Въ числѣ этихъ „непреложныхъ началъ“, принятыхъ въ руководство гр. Блудовымъ, были: отдѣленіе власти судебной отъ административной, уничтоженіе канцелярской тайны и введеніе гласности и устности, введеніе состязательнаго процесса и учрежденіе сословія присяжныхъ повѣренныхъ, рѣшеніе дѣлъ по существу только въ двухъ инстанціяхъ и пр. Въ уголовномъ процессѣ предлагалось:

---

[1]) См. т. II. Дѣло о преобр. судебн. части, Общ. Объясн. Зап., стр. 3—6.

устраненіе полиціи отъ производства слѣдствія, введеніе устности, состязательности, упраздненіе слѣдственнаго начала, введеніе обвинительной системы и института защиты, значительное ослабленіе теоріи законныхъ докательствъ и предоставленіе нѣкотораго простора судейскому убѣжденію, уничтоженіе сословныхъ судовъ и пр. Таковы были тѣ новыя и противныя дѣйствовавшему тогда законодательству „непреложныя общія начала", введеніе которыхъ сдѣлало для графа Блудова возможнымъ не одно „тщательное вниканіе въ дѣло" (объ нихъ онъ не смѣлъ бы и мечтать при режимѣ 40-хъ годовъ). Примѣненіе нѣкоторыхъ „непреложныхъ началъ" стало возможнымъ для графа Блудова только благодаря тому прогрессивному направленію мысли, которое охватило наши правительственные и общественные круги во второй половинѣ 50-хъ годовъ,— послѣ паденія Севастополя, кровавая и геройскомучительная эпопея коего бросила столь печальный и поучительный отблескъ на господствовавшую у насъ дотолѣ систему управленія.

II.

Въ 1861—1862 годахъ судебная реформа дѣлаетъ новую эволюцію по пути развитія „непреложныхъ общихъ началъ". Великій актъ освобожденія крестьянъ оказалъ частью прямое и частью косвенное, но въ общемъ громадное воздѣйствіе на дальнѣйшее движеніе и ускореніе этого преобразованія Но воздѣйствіе заключало въ себѣ весьма опредѣленное содержаніе, а не имѣло того утрированнаго не то метафизическаго, не то мистическаго значенія, по смыслу котораго, какъ увѣряютъ „самобытники", Положеніе 19-го февраля имѣло и должно имѣть вліяніе на *всѣ* будущія времена и на *всѣ* наши преоб-

разованія [1]). Вотъ въ чемъ выразилось прямое вліяніе 19-го февраля. Для многомилліоннаго населенія „вчерашнихъ рабовъ", впервые возвратившихъ себѣ, благодаря освободительному акту 19-го февраля, гражданскія права необходимо было взамѣнъ уничтоженнаго *помѣщичьяго суда*, если только возможно назвать его судомъ, учредить государственный судъ. Косвенное же воздѣйствіе „дѣла 19-го февраля" было то доброе воодушевленіе и гуманное увлеченіе, которое вызвало благополучное окончаніе этого громаднаго предпріятія и которое влило новыя силы въ дѣятелей этого времени. „Если бы въ 1861 году не состоялось, по волѣ Самодержца Всероссійскаго [2]),—пишетъ въ своихъ автобіографическихъ замѣткахъ, важнѣйшій авторитетъ по исторіи судебной реформы, С. И. Зарудный, — освобожденіе крестьянъ *съ землею*, то *ни въ какомъ случаѣ* не были бы утверждены 20-го ноября 1864 г. Судебные Уставы. При крѣпостномъ правѣ,—продолжаетъ онъ,—въ сущности не было надобности въ справедливомъ судѣ. Настоящими судьями были тогда только помѣщики, надъ ними господствовалъ высшій своевольный судъ. Помѣщики не могли ему не покориться; но въ ихъ рукахъ сосредоточилась власть надъ большинствомъ народонаселенія. Крестьяне расправлялись съ помѣщиками судомъ Линча. Послѣ 19-го февраля и высшіе наши сановники сознали, что появилась безотлагательная необходимость въ судѣ скоромъ и справедливомъ" [3]).

Мы можемъ наглядно прослѣдить вліяніе „19-го февраля" на судебную реформу еще на одномъ част-

---

[1]) См. „Освобожденіе крестьянъ" Н. П. Семенова, стр. 1—3, XII.

[2]) Фактъ вліянія и личнаго энергическаго руководства этимъ „святымъ" дѣломъ освобожденія Императора Александра II все болѣе и болѣе подтверждается непосредственными свидѣтельствами. См. письмо А. В. Головнина къ кн. Барятинскому о засѣданіи государственнаго совѣта 28-го января 1861 г. (*Русскій Архивъ*, 1869 г., № 6).

[3]) См. *Русскую Старину*, 1888 г., № 9.

номъ примѣрѣ, на вопросѣ объ отдѣленіи власти судебной отъ административной. Вопросъ этотъ ставился и гр. Блудовымъ, но съ паденіемъ крѣпостнаго права онъ получаетъ болѣе твердую и рѣшительную постановку.

„Смѣшеніе властей, разсуждалъ въ 1862 г. государственный совѣтъ, было отчасти *неизбѣжнымъ послѣдствіемъ* крѣпостнаго состоянія. Помѣщичьи крестьяне, составлявшіе около половины всего нашего народонаселенія и лишенные гражданскихъ правъ, имѣли въ лицѣ своего владѣльца хозяина, судью и исполнителя своихъ рѣшеній... Такое же смѣшеніе властей наблюдалось и на учрежденіяхъ крестьянъ другихъ вѣдомствъ, гдѣ хозяйственныя и полицейскія власти сдѣлались вмѣстѣ съ тѣмъ и судебными. При такомъ смѣшеніи властей въ отдѣльныхъ управленіяхъ, оно должно было проникнуть и въ *общее управленіе Имперіи*, и такъ *всѣ административныя власти*, начиная отъ становаго пристава до губернатора и даже до министровъ, вмѣшиваясь въ силу самаго закона, въ ходъ судебныхъ дѣлъ и тѣмъ самымъ ослабляя истинное значеніе суда, останавливаютъ правильное отправленіе правосудія“. Указавъ далѣе на смѣшеніе властей, сословность суда и многочисленность инстанцій, истекавшія изъ прежняго (крѣпостнаго) устройства нашего общества, государственный совѣтъ замѣчаетъ, что всѣ эти недостатки „должны быть устранены съ уничтоженіемъ причины, оправдывавшей прежній порядокъ“ [1]).

Отмѣтивъ общій характеръ вліянія освобожденія крестьянъ, перейдемъ теперь къ подробностямъ.

Событія развивались въ такомъ порядкѣ. Осенью 1861 года вернулся въ Петербургъ изъ Крыма Императоръ Александръ II—бодрый, веселый, довольный, удовлетворенный, счастливый, — счастливый тѣмъ особымъ и великимъ счастьемъ, которое даетъ лицамъ, располагающимъ судьбами народовъ, сознаніе исполненнаго долга и твердаго выполненія завѣщанной исторіей, трудной, но благородной мис-

[1]) См. т. XVII Дѣла о преобр. суд. ч., стр. 55—57.

сіи [1]). Геній свободы и гуманности витал въ то время надъ Россіею. Благородное воодушевленіе, чувство, внезапно, но—увы!—не на долго, вспыхнувшаго жгучаго стыда предъ исторіею, сознаніе нравственнаго долга предъ „низшею братіею“ создавали въ обществѣ неудержимое стремленіе обновить старый крѣпостной строй жизни, державшійся только на насиліи, произволѣ и беззаконіи. Чего-чего только нельзя предпринять и быстро и удачно выполнить при такомъ бодромъ и гуманномъ настроеніи, которое только очерствѣлому рабовладѣльческому сердцу можетъ казаться временемъ „бѣлой горячки“!.. [2])

Тотчасъ по возвращеніи въ Петербургъ, Государь пожелалъ узнать, къ какомъ положеніи находится дѣло о судебномъ преобразованіи. Государственный секретарь В. П. Бутковъ во всеподданнѣйшей запискѣ указывалъ на встрѣченныя государственною канцеляріею затрудненія при докладѣ составленныхъ гр. Блудовымъ въ разное время и не согласованныхъ между собою проектовъ Уставовъ гражд. и угол. судопроизводства и судоустройства, и высказалъ, что детальному разсмотрѣнію означенныхъ проектовъ должно предшествовать „опредѣленіе и утвержденіе *основныхъ началъ*“ предполагаемаго судопроизводства. Докладъ В П Буткова былъ Высочайше одобренъ и, въ исполненіе состоявшагося на основаніи онаго Высочайшаго повелѣнія, былъ составленъ 19-го октября 1861 г. В. П. Бутковымъ, по соглашенію съ предсѣдавшимъ въ государственномъ совѣтѣ гр. Д. Н. Блудовымъ, новый и болѣе подробный докладъ *о порядкѣ разсмотрѣнія* въ государственномъ совѣтѣ проектовъ судебнаго преобразованія. — 23-го октября 1861 г. уже состоялось Высочайшее утвержденіе этого до-

---

[1]) Какъ извѣстно, алармисты пугали призракомъ народныхъ волненій по поводу объявленія воли. Покойный Государь замѣтилъ: «Надѣюсь, этого не будетъ», и эта надежда оправдалась.

[2]) См. статью г. Григорова «Кое-что о мировомъ судѣ». *Моск. Вѣд.*, 1889 г., № 35.

клада, выдвинувшее дѣло судебнаго преобразованія въ третій и послѣдній фазисъ его развитія.

Вслѣдствіе наступившихъ послѣ 19-го февраля болѣе прогрессивныхъ вѣяній, признано было неудобнымъ поручить, въ этой новой стадіи дѣла, руководство старому, даже очень старому, кормчему его, гр. Блудову (ему минуло въ 1862 году 77 лѣтъ). Новое вино опасно было вливать въ старые мѣхи. По всему видно, что это чувствовалось всѣми, не исключая и самого графа Блудова, котораго съ этихъ поръ почтительно, но послѣдовательно удаляютъ съ поста, болѣе не соотвѣтствовавшаго его положенію и силамъ. Эту цѣль и преслѣдовалъ, между прочимъ, означенный докладъ, принадлежавшій перу вышеупомянутаго С. И. Зарудnаго, состоявшаго съ 1857 г. статсъ-секретаремъ департамента законовъ государственнаго совѣта.

Сущность названнаго доклада сводилась къ тому, что поручалось государственной канцеляріи сообща съ „прикомандированными къ ней юристами“ извлечь изъ блудовскихъ проектовъ, составленныхъ при II отдѣленіи Его Императорскаго Величества канцеляріи, „главныя основныя начала“. Съ оффиціальной точки зрѣнія перемѣна была небольшая. Въ работахъ государственной канцеляріи должны были принимать участіе также и чиновники того же II-го отдѣленія и министерства юстиціи, и даже номинальное „высшее наблюденіе“ оставалось за гр. Блудовымъ. Но въ дѣйствительности дѣло судебной реформы явственно выступало на новый, болѣе рѣшительный путь. Иниціатива и главное руководство имъ замѣтно переходило къ В. П. Буткову и его главному сотруднику С. И. Зарудному, при дѣятельномъ участіи новыхъ, свѣжихъ силъ «прикомандированныхъ юристовъ“: Н. А. Буцковскаго, Н. И. Стояновскаго, Д. А. Ровинскаго, К. П. Побѣдоносцева, А. М. Плавскаго и чиновъ государственной канцеляріи: П. Н. Даневскаго, С. П. Шубина и А. П. Вилинбахова. Одно уже привлеченіе къ дѣлу „юристовъ“ какъ таковыхъ, т.-е. какъ представителей „права“, а не просто чинов-

никовъ „законовѣдовъ“ [1]), свидѣтельствовало о томъ, что въ оффиціальныхъ сферахъ „новое начало“, юридическая наука, „право“, сдѣлало довольно серьезное завоеваніе на счетъ и въ ущербъ традиціонной табели о рангахъ и „законовѣдѣнія“. Оставалось закрѣпить это цѣнное завоеваніе и обезпечить „прикомандированнымъ юристамъ“, изъ коихъ большинство было воодушевлено гуманными и либеральными стремленіями, возможность широкаго общенія съ юридическою наукою. Этотъ шагъ не заставилъ себя долго ждать.

Уже къ концу 1861 года „юристы“ живо разобрали блудовскіе проекты и нашли въ нихъ то, что̀ и слѣдовало ожидать. Извлеченныя „основныя начала“ показали, что проекты не согласованы между собою и что необходимъ пересмотръ и полная переработка ихъ на основаніяхъ научныхъ или на основаніи тѣхъ „общихъ непреложныхъ началъ“, о которыхъ писалъ гр. Блудовъ еще въ 1857 г., но провести которыя пришлось другимъ.

Съ начала 1862 года гр. Блудова смѣняетъ, по должности предсѣдательствующаго въ государственномъ совѣтѣ, кн. П. П. Гагаринъ, и съ этихъ поръ гр. Блудовъ сходитъ со сцены. Но, къ чести его нужно замѣтить, онъ не счелъ умѣстнымъ держать *quand même* оппозицію тѣмъ „новшествамъ“, которыя проникли послѣ него въ судебную реформу, и, считая ихъ появленіе естественнымъ развитіемъ начатаго имъ дѣла, принялъ ихъ просто и *sans phrases*.

Первымъ дѣломъ кн. Гагарина было исходатайствовать „юристамъ“ оффиціальное разрѣшеніе на полную свободу дѣйствій и возможность свободнаго пользованія вышеупомянутыми „непрелож-

---

[1]) Нашъ маститый юристъ П. Г. Рѣдкинъ въ недавно вышедшей книгѣ своей напоминаетъ, что до Устава 1863 года профессорамъ строжайше предписано было замѣнить слово «правовѣдѣніе» — «законовѣдѣніемъ». См. «Изъ лекцій проф. П. Г. Рѣдкина», стр. 5—6.—Свѣжо преданіе, но вѣрится съ трудомъ.

ными началами", т. е. указаніями науки и практики цивилизованныхъ народовъ. Разрѣшеніе это было дано знаменитымъ Высочайшимъ повелѣніемъ отъ января (число, къ сожалѣнію, неизвѣстно) 1862 года, гдѣ впервые вещи названы ихъ собственными именами. Вотъ что гласилъ этотъ первостепенный для исторіи русскаго процесса и прогресса документъ: „изложить въ общихъ чертахъ соображенія государственной канцеляріи и прикомандированныхъ къ ней юристовъ о тѣхъ главныхъ началахъ, *нѣсомнѣнное достоинство* коихъ признано въ настоящее время *наукою и опытомъ европейскихъ государствъ* и по коимъ должны быть преобразованы судебныя части въ Россіи".

Рубиконъ былъ перейденъ! Китайская стѣна, отдѣлявшая въ теченіе сорока пяти лѣтъ наши законодательныя сферы отъ непосредственнаго воздѣйствія европейской науки и передовой мысли, пала. Начала европейскаго публичнаго права и науки, проникавшія къ намъ дотолѣ контрабанднымъ путемъ или въ видѣ замаскированныхъ анонимовъ (какъ, напр., „общія непреложныя начала" у гр. Блудова), получили, наконецъ, открытый доступъ и къ нашему законодательному обиходу. Благодаря этому крупному событію, а также господствовавшему въ то время въ русскомъ обществѣ либеральному настроенію, сдѣланъ былъ тотъ послѣдній, логическій шагъ, безъ котораго предпринятое гр. Блудовымъ 20 лѣтъ передъ тѣмъ дѣло судебной реформы осталось бы на полпути и недодѣланнымъ.

„Юристы" 1862 г. возымѣли благородную рѣшимость сдѣлать этотъ окончательный шагъ, который инымъ казался черезчуръ рискованнымъ. Вѣря въ здравый смыслъ русскаго народа, крѣпость русской культуры и воспитательную силу „хорошихъ учрежденій", „Могучая кучка" юристовъ рѣшилась, напр., предложить судъ присяжныхъ, который, такъ сказать, навертывался на языкѣ у гр. Блудова, но который онъ не имѣлъ рѣшимости открыто выставить.

Въ составленныхъ юристами „главныхъ началахъ“ мы видимъ не скачки и не бредъ буйной теоретической мысли, какъ иные думаютъ, а только *логическое развитіе* институтовъ, раньше намѣченныхъ. Это лучше всего можно показать на примѣрѣ самаго важнаго нововведенія, на судѣ присяжныхъ, предложенномъ Заруднинскою „могучею рукою“.

Враги судебной реформы привыкли твердить, что судъ присяжныхъ былъ введенъ у насъ изъ слѣпаго подражанія иностраннымъ образцамъ и по мотивамъ чисто политическимъ. Мнѣніе это лишено всякаго основанія. Что касается подражательности, то вотъ какъ смотрѣли „юристы“ 60 хъ годовъ на вопросъ о заимствованіи: „нашъ нормальный путь, говорятъ они, *не подражаніе, а разумное* примѣненіе общихъ началъ, выработанныхъ юридическою наукою“ [1]). Что же касается политической стороны этого института, то ее тщательно устраняютъ они изъ нашего суда присяжныхъ, настаивая на мотивахъ исключительно юридическихъ [2]).

Въ чемъ же они состояли? [3]) Вотъ путь того разсужденія, который побудилъ „юристовъ“ государственной канцеляріи сдѣлать изъ посылокъ гр. Блудова логическіе ихъ выводы. Гр. Блудовъ, признавая теорію „законныхъ доказательствъ“ несостоятельною, не рѣшился однако вполнѣ отказаться отъ нея и остановился на компромиссѣ. „Юристы“, основываясь на трудахъ германскихъ юристовъ Кестлина, Генна, Пухты, Гагена, Бушеля, Бринкмана, Молинара, Миттермейера и др., пришли къ заключенію, что тутъ нѣтъ средины, tertium non datur, что или должна быть строгая легальная регламентація силы доказательствъ, обязательная для судей, или имъ долженъ быть предоставленъ

---

[1]) См. т. IX. Дѣло о преобраз. суд. части, Записка Н. Л. Буцковскаго, стр. 7.

[2]) См. назв. томъ *Дѣла*, стр. 40, Записки Буцковскаго и стр. 5 Записки Заруднаго.

[3]) Ниже мы приводимъ подробныя извлеченія изъ записокъ о судѣ присяжныхъ.

путь оцѣнки доказательствъ по внутреннему убѣжденію. Отвергнувъ теорію „законныхъ доказательствъ“ на основаніи указаній науки и нашей собственной практики (эта сторона дѣла особенно тщательно разработана въ запискѣ Д. А. Ровинскаго, прекрасно знакомаго съ практикою по должности московскаго губернскаго прокурора) и признавъ необходимость рѣшенія вопроса о виновности по убѣжденію судей, юристы переходятъ къ вопросу о судоустройствѣ. Они указываютъ на то, что наши старые судебные засѣдатели не приносили никакой пользы и были простыми ширмами или пѣшками въ рукахъ секретарей, такъ какъ должны были рѣшать не только вопросъ о виновности на основаніи теоріи доказательствъ, но и примѣнять законы о наказаніяхъ. Вслѣдствіе этого „юристы“ признаютъ нужнымъ предоставить засѣдателямъ рѣшеніе только вопроса о виновности, который они, въ качествѣ людей знакомыхъ съ дѣйствительною жизнью, рѣшатъ лучше коронныхъ судей, людей кабинетныхъ. Вопросъ же о наказаніи предоставляется рѣшенію судей юристовъ. Отсюда переходъ, чрезъ нашихъ „судебныхъ засѣдателей“, къ европейскимъ присяжнымъ засѣдателямъ былъ такъ естественъ, что онъ подсказывался самъ собою. Придумывать непремѣнно что-то „свое“, отличное отъ хорошо извѣстнаго и испробованнаго европейскаго суда присяжныхъ — значило бы входить въ оригинальничанье, значило бы стучаться въ открытую дверь. Дѣятели 60-хъ годовъ были слишкомъ серьезные люди, чтобы носиться съ такою „пустою“ претензіею, къ которой, по замѣчанію В. С. Соловьева, сводится наша *внѣ-европейская и противо-европейская* самобытность [1]).

Главный аргументъ противъ суда присяжныхъ была неразвитость „вчерашняго раба“, неразвитость народа, „котораго, по выраженію Я. И. Ростовцева,

---

[1]) Націон. вопросъ въ Россіи, стр. VI.

до освобожденія крестьянъ *не существовало*“ [1]). Вотъ какъ возражаютъ на это „Соображенія“ государственной канцеляріи: „конечно, развитость народа имѣетъ не малое вліяніе на достоинство его учрежденій, но не подлежитъ также сомнѣнію, что хорошія учрежденія развиваютъ и *совершенствуютъ общество*. Въ этомъ отношеніи правильный судъ едва ли не желательнѣе всякаго инаго учрежденія, ибо онъ распространяетъ въ народѣ понятіе о справедливости и законѣ, безъ чего не можетъ быть ни благосостоянія, ни порядка въ обществѣ. Неразвитость нашего народа представляетъ основаніе для *скорѣйшаго* введенія суда присяжныхъ, потому что такой именно народъ и нуждается *въ особыхъ* огражденіяхъ въ судѣ, нуждается въ судьяхъ, которые бы вполнѣ его понимали: нигдѣ можетъ-быть историческая жизнь народа не положила такихъ глубокихъ разграниченій между различными слоями общества, какъ у насъ, отчего между понятіями, обычаями и образомъ жизни нашихъ постоянныхъ судей, принадлежащихъ вообще къ высшему сословію, и подсудимыхъ изъ низшихъ сословій, замѣчаются чрезвычайно рѣзкія различія“ [2]).

Весьма подробно разобрали „юристы“ государственной канцеляріи и то возраженіе, что судъ присяжныхъ имѣетъ политическій характеръ. Судъ присяжныхъ, какъ одна изъ лучшихъ гарантій правосудія вообще, конечно имѣетъ и крупное политическое значеніе. „При отсутствіи правосудія, — говоритъ Лероа-Болье, — нѣтъ болѣе и просвѣщенной свободы, а при наличности правосудія, я полагаю, нѣтъ болѣе деспотизма, или по крайней мѣрѣ тиранніи“.

Съ такой точки зрѣнія носитъ политическій характеръ не только судъ присяжныхъ, но и предположенныя гр. Блудовымъ усовершенствованія правосудія въ родѣ сокращенія инстанцій, введенія состязательнаго процесса, не говоря уже о введеніи

---

[1]) См. письмо Ростовцева къ Александру II, см. стр. 49 Освобожденія крестьянъ“ Семенова.

[2]) См. т. XVIII „Дѣла о пр. суд. части“, стр. 39.

гласности, которая, по опредѣленію Н. А. Буцковскаго, „служитъ самымъ надежнымъ контролемъ для всякой общественной дѣятельности и *единственно* прочною уздою для удержанія общественныхъ дѣятелей въ предѣлахъ законности“. Но не въ такомъ общемъ, а еще въ особомъ специфическомъ смыслѣ возражали и, смѣшно сказать, даже въ наши дни возражаютъ противъ суда присяжныхъ, ссылаясь на то, что это учрежденіе якобы революціонно-демократическое, несовмѣстное съ самодержавіемъ. Противъ такого-то фальшиваго освѣщенія предмета выдвинули „юристы“ длинный рядъ соображеній, заимствованныхъ частью изъ исторіи суда присяжныхъ въ Англіи и въ другихъ странахъ Европы, частью изъ исторіи русскихъ судебныхъ учрежденій [1]).

III.

Въ апрѣлѣ—іюлѣ 1862 г. „Главныя начала“, выработанныя государственною канцеляріею, были разсмотрѣны соединенными департаментами государственнаго совѣта. Общее собраніе совѣта разсмотрѣло ихъ 27-го августа, 3-го и 4-го сентября 1862 г. Въ общемъ собраніи совѣта присутствовали: предсѣдатель кн. И. И. Гагаринъ и члены: Великій Князь Николай Николаевичъ, гр. В. Ѳ. Адлербергъ, гр. С. Г. Строгановъ, гр. В. В. Паниннъ (министръ юстиціи), кн. В. А. Долгоруковъ (шефъ жандармовъ), К. В. Чевкинъ, кн. А. М. Горчаковъ, Брокъ-Тымовскій, П. А. Мухановъ, Краббе, Донауровъ, Трой-

---

[1]) См. записку Буцковскаго стр. 44—53; записку Зарудnаго стр. 5—24; т. IX „Дѣла о преобраз. суд. части“.

Подобными же чисто юридико-бытовыми и научными соображеніями были мотивированы: несмѣняемость судей, независимость адвокатуры, упраздненіе сословности въ судахъ и установленіе равенства предъ закономъ, устности, состязательности, широкой гласности и другихъ основъ судебной реформы.

ницкій, гр. П. А. Шуваловъ, Танѣевъ, Гасфортъ, баронъ М. А. Корфъ, Н. И. Бахтинъ, А. С. Норовъ, Н. Ѳ. Мѣтлинъ, А .М. Княжевичъ, свѣтл. кн. А. А. Суворовъ, И. М. Толстой, Д. А. Милютинъ, А. В. Головинъ, М. Х. Рейтернъ, П. Л. Валуевъ, Гернгросъ, Хомутовъ, Анненковъ и А. С. Зеленый. Докладывалъ дѣло государственный секретарь В. П. Бутковъ. Судъ присяжныхъ и важнѣйшіе институты нашего новаго судебнаго права прошли *единогласно*. Въ защиту суда присяжныхъ сказалъ рѣчь самъ гр. Панинъ, заявившій, что „дѣйствительно независимымъ можетъ быть только судъ присяжныхъ".

29 го сентября 1862 г. послѣдовало Высочайшее утвержденіе „основныхъ началъ". По мысли С. И. Заруднаго, бывшаго, въ этой послѣдней стадіи реформы, настоящею душою дѣла судебной реформы, была принята чрезвычайная и неслыханная дотолѣ мѣра. Основныя начала или положенія были распубликованы въ *Собраніи узаконеній и распоряженій правительства* для того, чтобы вызвать всестороннее обсужденіе предстоящей судебной реформы.

Нечего и говорить, какое сильное и радостное впечатлѣніе произвели „основныя положенія" и самый фактъ опубликованія ихъ, свидѣтельствовавшій о признаніи если не совершеннолѣтія, то нѣкоторые зрѣлости русскаго общества и русской неоффиціальной юриспруденціи. Чтобы дать понятіе о степени оживленія, вызваннаго распубликованіемъ „Основныхъ положеній", достаточно сказать, что при всей бѣдности Россіи юридическими силами, поступило 446 разныхъ замѣчаній со всѣхъ концовъ Россіи, не исключая и самыхъ глухихъ закоулковъ Сибири и Закавказья. По мысли того же Заруднаго, который давно уже неуклонно преслѣдовалъ плодотворную идею о наибольшей огласкѣ матеріаловъ судебной реформы, всѣ поступившія „замѣчанія были отпечатаны и оставили 6 большихъ томовъ *in folio*". Эти „Замѣчанія" судебныхъ практиковъ, профессоровъ и вообще приватныхъ юристовъ до нѣкоторой степени составляли суррогатъ участія мѣстныхъ силъ,

на подобіе губернскихъ комитетовъ крестьянской реформы, въ судебной реформѣ. О болѣе дѣятельномъ участіи ихъ, на которое намекалъ И. С. Аксаковъ въ *Днѣ*, пока нельзя было и думать, потому что даже земскія учрежденія еще только подготовлялись.

Съ распубликованіемъ „Основныхъ положеній судебнаго преобразованія“ можно было считать дѣло судебной реформы почти уже выиграннымъ. Заложены были основы его и притомъ такъ послѣдовательно, твердо и умѣло, что вызвали и вызываютъ до сихъ поръ справедливое одобреніе со стороны не только русскихъ, но и лучшихъ иностранныхъ юристовъ и публицистовъ[1]).

Оставалась еще трудная и сложная работа составленія новыхъ проектовъ Уставовъ, согласно Высочайше утвержденнымъ „Основнымъ положеніямъ“, но это была трудность чисто юридическая, техническая. Бодро и радостно взялись за дѣло лица, коимъ выпала счастливая доля послужить въ этомъ дѣлѣ родинѣ.

Для составленія проектовъ Судебныхъ Уставовъ образована была при государственной канцеляріи коммиссія, къ которой привлечены были лучшія юридическія силы, начиная отъ сенаторовъ и профессоровъ и кончая присяжными стряпчими и слѣдственными приставами. Оффиціальнымъ предсѣдателемъ былъ назначенъ В. П. Бутковъ, но въ дѣйствительности всѣмъ дѣломъ руководилъ С. И. Зарудный. Коммиссія раздѣлилась на три секціи. Въ составъ гражданской секціи входили: предсѣдатель С. И. Зарудный, члены: К. П. Побѣдоносцевъ, Н. В. Калачовъ, А. Ѳ. Бычковъ, С. П. Шубинъ, предсѣдатель курской гражданской палаты Шечковъ, товарищъ предсѣдателя екатеринославской палаты Гуринъ, А. П. Вилинбаховъ, А. А. Книримъ,

---

1) См. весьма сочувственный отзывъ извѣстнаго криминалиста Миттермейера въ журн. *Министерства Юстиціи*, 1864 г., № 10, а также книгу Лероа-Больe: «L'empire des Tzars», tome II, page 291.

Г. К. Рѣпинскій, кн. И. С. Волконскій, О. О. Квистъ и Баршевскій [1]).

Уголовная секція состояла изъ предсѣдателя Н. А. Буцковскаго и членовъ: П. А. Зубова, М. Е. Ковалевскаго, Я. Г. Есиповича, Любимова, Е. А. Перетца, губернскихъ прокуроровъ Попова и Принтца, проф. Н. И. Утина и А. М. Плавскаго [2]).

Отдѣленіе судопроизводства было подъ предсѣдательствомъ А. М Плавскаго въ составѣ членовъ: бар. Врангеля, П. В. Даневскаго, Я. Г. Есиповича, Д. А. Ровинскаго и г. Принтца [3]).

Закипѣла дружная работа! Съ неслыханною быстротою и образцовою обстоятельностью составлены были въ теченіе *11 мѣсяцевъ* проекты Учрежденія Судебныхъ Установленій и Уставы Гражданскаго и Уголовнаго судопроизводствъ. Проекты сопровождались превосходными и обширными (1758 печатныхъ страницъ *in folio!*) объяснительными записками, составляющими доселѣ непревзойденныя *chef-d'oeuvre*'ы законодательнаго творчества.

Осенью 1863 г. коммиссія окончила свою задачу и проекты поступили на заключеніе II отдѣленія и министра юстиціи Д. Н. Замятнина. Послѣдній не только самъ доставилъ весьма цѣнныя замѣчанія, составляющія солидный томъ въ 500 страницъ *in folio*, но, вполнѣ сочувствуя либеральнымъ основамъ судебной реформы, потребовалъ еще замѣча-

---

[1]) Желая представить по возможности полный списокъ лицъ, принимавшихъ участіе въ великомъ дѣлѣ судебной реформы, приводимъ и имена приглашенныхъ экспертовъ. Таковыми были: гг. Эссенъ, Тюринъ, Фришъ, Мотовиловъ, Іопинъ, фонъ-Дервизъ, Самарскій-Быховецъ, проф. Вицынъ, Крейтеръ, гр. Комаровскій, Шульцъ, Безсоновъ, Мадьяновъ, Заблоцкій-Десятовскій, Семеновъ, Куломзинъ, Гирсъ.

[2]) Экспертами были: гг. Гольтгоеръ, Чемадуровъ, Романовскій, Философовъ, Глѣбовъ, Розингъ, Петерсъ, Тизенгаузенъ, Яневичъ-Яневскій. проф. Спасовичъ, Александровъ, Макалинскій, Куприяновъ и Христіановичъ.

[3]) Экспертами приглашались: гг. Буцковскій, Поповъ, Утинъ, Кирпичъ, Ѳ. М. Жуковскій, Я. А. Соловьевъ, М. М. Зарудный, М. Н. Любощинскій, Матюнинъ, Фришъ, Эссенъ, Розовъ, Зефтигенъ, Лыжинъ, Петровъ.

ній на проекты отъ сенаторовъ и оберъ-прокуроровъ [1]).

Въ декабрѣ 1863 г. проекты Судебныхъ Уставовъ, вмѣстѣ съ поступившими на нихъ многочисленными замѣчаніями, переданы были на обсужденіе государственнаго совѣта. Докладомъ дѣла руководилъ образцовый докладчикъ В. П. Бутковъ, пользуясь содѣйствіемъ С. И. Заруднаго, Н. А. Буцковскаго и А. М. Плавскаго. Обсужденіе проектовъ, въ которомъ, по ходатайству министра юстиціи Д. Н. Замятнина, принималъ участіе и товарищъ его Н. И. Стояновскій (нынѣ предсѣдатель гражданскаго департамента государственнаго совѣта), шло весьма скоро и успѣшно. Объясняется это, во-первыхъ, тѣмъ бодрымъ настроеніемъ, которое все еще господствовало въ то время въ обществѣ, хотя уже замѣчалось нѣкоторое разочарованіе послѣ событій 1863 года, во вторыхъ тѣмъ, что вопросы были такъ тщательно разработаны и всесторонне освѣщены, что оставалось сдѣлать лишь немногое... Впрочемъ, у руководителей судебной реформы, быть-можетъ, была и особенная причина торопить дѣло. Они знали, какъ быстротечны у насъ либеральныя вѣянія и какъ быстро послѣ непродолжительнаго подъема силъ наступаетъ у насъ упадокъ энергіи. Но пока еще дулъ попутный вѣтеръ и проекты, съ небольшими поправками и частичными измѣненіями, благополучно прошли какъ въ соединенныхъ департаментахъ, такъ и въ общемъ собраніи государственнаго совѣта въ соединенныхъ департаментахъ присутствовали князь Гагаринъ, принцъ П. Г. Ольденбургскій, Кочубей, Хомутовъ, Литке, Игнатьевъ, Бахинъ, Замятнинъ, Мухановъ и Норовъ [2]). Въ общемъ собраніи присутствовали: кн. Гагаринъ, П. Г. Ольденбургскій, кн. А. Н. Горчаковъ, гр. Клейнмихель, гр. Адлербергъ, бар. Корфъ, 1-й Танѣевъ, Гасфортъ, Княжевичъ, Игнать-

---

[1]) См. мою: «Страницу изъ исторіи судебной реформы». М. 1883, глава IV.

[2]) См. т. LI Дѣла о преобр. губ. земст.

евъ, Тымовскій, Толстой, Зеленой, Стояновскій, Кочубей, Литке, гр. Павинъ, Бахтинъ, Норовъ кн. Суворовъ. Мельниковъ, Татариновъ, Мухановъ, Тройницкій, Мальцовъ, кн. Урусовъ, Краббе, Плаутинъ, Брокъ. Мѣтлинъ, Геремежитъ, Тройницкій и Рейтейнъ при государственномъ секретарѣ В. П. Бутковѣ [1]). 2-го октября было окончено разсмотрѣніе Судебныхъ Уставовъ, въ общемъ собраніи 2-го ноября были разсмотрѣны штаты и оклады судебныхъ чиновъ и уже 20-го ноября того же года послѣдовала въ Царскомъ Селѣ Высочайшая санкція и знаменитый указъ правительствующему сенату отъ того же числа, повелѣвшій распубликовать Судебные Уставы во всеобщее свѣдѣніе.

„По вступленіи на прародительскій престолъ, такъ начинается указъ, однимъ изъ первыхъ Нашихъ желаній, всенародно возвѣщенныхъ въ манифестѣ 19-го марта 1856 г., было: „правда и милость да царствуютъ въ судахъ“ .. Съ того времени, среди другихъ преобразованій народной жизни, Мы не переставали заботиться о достиженіи упомянутой цѣли“.

Сославшись затѣмъ на тѣ многостороннія предварительныя работы, которыя предшествовали составленію проектовъ Судебныхъ Уставовъ, Указъ въ слѣдующихъ краткихъ, но сильныхъ выраженіяхъ очерчиваетъ ихъ сущность: „разсмотрѣвъ сіи проекты, Мы, говоритъ Императоръ Александръ II, находимъ, что они *вполнѣ* соотвѣтствуютъ желанію Нашему водворить въ Россіи судъ *скорый, правый, милостивый, равный* для всѣхъ подданныхъ Нашихъ, *возвыситъ* судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить въ народѣ то *уваженіе къ закону,* безъ коего невозможно общественное благосостояніе и которое должно быть *постояннымъ руководителемъ всѣхъ и каждаго, отъ высшаго до низшаго*“.

Памятныя слова, заслуживающія того, чтобы ихъ заучивала молодежь наизусть, подобно тому, какъ въ Римѣ заучивались *carmina* XII таблицъ!!

---

[1]) См. т. LXIX „Дѣла о преоб. суд. ч. въ Россіи“.

Указъ заканчивается въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Призывая благословеніе Всевышняго на успѣхъ этого *великаго* дѣла, Мы радостно выражаемъ надежду, что намѣренія Наши осуществятся при ревностномъ содѣйствіи Нашихъ вѣрноподданныхъ, какъ каждаго отдѣльно въ кругу личной его дѣятельности, такъ и въ совокупномъ составѣ обществъ, сословій и земства, нынѣ, по волѣ Нашей, на *новыхъ* основаніяхъ образуемаго“....

Осуществилась ли надежда на успѣхъ этого „великаго дѣла“, долженствовавшаго, по выраженію одного публициста, положить ясную черту между проходящимъ и грядущимъ, обновить наше отечество и установить въ немъ огражденіе личности, законную свободу и ввести его въ кругъ цивилизованныхъ странъ [1]).

— И да, и нѣтъ!...

Здѣсь не мѣсто касаться тѣхъ неблагопріятныхъ условій, которыя съ самаго введенія въ дѣйствіе Судебныхъ Уставовъ 20-го ноября 1864 г. препятствовали ихъ правильному дѣйствію, согласованному съ ихъ духомъ и основными началами.

Infandum, regina, jubes renovare dolorem.

Какъ бы то ни было, помянемъ добромъ, тѣхъ честныхъ и добросовѣстныхъ тружениковъ, которые ревностно потрудились надъ созиданіемъ этого великаго законодательнаго акта, „истекающаго, какъ вѣрно замѣчено, не отъ произвола, а отъ началъ истины и справедливости въ той степени, въ какой они выработаны наукою и опытомъ“ [2]), акта, который, по мѣткому замѣчанію В. П. Безобразова, „есть законодательный и вмѣстѣ съ тѣмъ *умственный* памятникъ, долженствующій служить въ отдаленномъ потомствѣ величайшею честью нашего времени [3]).

---

[1]) *Моск. Вѣд.*, 1866 №№ 156, 198.

[2]) См. предисловіе къ Суд. Устав., изд. государ. канцеляріи, 1866 г., стр. III.

[3]) *Русск. Вѣстн.*, 1866 г., № 10.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Отдѣленіе власти судебной отъ административной.

Смѣшеніе властей было отчасти неизбѣжнымъ послѣдствіемъ крѣпостнаго состоянія.

Журн. Госуд. Сов. 1862 г.

I.

Въ школѣ преподается много хорошихъ правилъ. Школьниковъ заставляютъ читать и даже заучивать наизусть предисловіе Карамзина къ его „Исторіи Государства Россійскаго“, гдѣ онъ между прочимъ говоритъ: „Исторія въ нѣкоторомъ смыслѣ есть священная книга народовъ, главная, необходимая; зерцало ихъ бытія и дѣятельности; скрижаль откровеній и правилъ; завѣтъ предковъ къ потомству; дополненіе, изъясненіе настоящаго и примѣръ будущаго; правители, законодатели дѣйствуютъ по указаніямъ исторіи и смотрятъ на ея листы, какъ мореплаватели на чертежи морей.“

Преподавая эти и другія столь же мудрыя правила, школа вмѣстѣ съ тѣмъ присовокупляетъ, что *non scholae, sed vitae discimus*, т.-е. что все преподаваемое въ школѣ нужно помнить и за порогомъ ея, съ тѣмъ, чтобы примѣнять заученное въ жизни,—на практикѣ.

Но такъ ли это бываетъ на дѣлѣ?

Возьмемъ вопросъ, не сходившій въ послѣднее время со столбцовъ ежедневныхъ и ежемѣсячныхъ изданій, вопросъ объ отдѣленіи власти судебной отъ административной. Противники этого начала,

сдѣлавшагося краеугольнымъ камнемъ современнаго цивилизованнаго строя жизни, категорически утверждаютъ, что начало это было насильно навязано либералами 60-хъ годовъ русской жизни и что съ условіями ея это чужеземное ученіе, заимствованное изъ плохенькихъ иностранныхъ книжекъ и кодексовъ, не имѣетъ ничего общаго.

По увѣренію одного изъ почтенныхъ критиковъ основъ судебной реформы 1864 года, пишущаго въ *Моск. Вѣд.*, она возникла „въ самый разгаръ *былой горячки* (*sic*), которою были одержимы люди, взявшіе на себя обязанность „обновить“ (кавычки въ подлинникѣ) Россію [1]).

Вотъ какимъ тономъ нынѣче пишется модная „исторія“. Но оставимъ въ сторонѣ этотъ несовмѣстный съ безпристрастіемъ тонъ слѣпаго ожесточенія и непримиримой вражды, столь непонятной и неизвинительной четверть вѣка спустя послѣ изданія Судебныхъ Уставовъ, и посмотримъ, много ли правды въ такой „ожесточенной“ исторіи, и не есть ли она сама продуктъ больнаго воображенія или благонамѣренной реакціонной фальсификаціи?

Замѣтимъ прежде всего, что польза и необходимость раздѣленія властей живо и отчетливо сознавалась образованными русскими людьми задолго до судебной реформы. Достаточно указать на одинъ примѣръ, на замѣчательное мнѣніе, поданное из-

---

[1]) Не лишено назидательности то обстоятельство, что, благодаря чрезмѣрному ожесточенію *Московскихъ Вѣдомостей* противъ судебной реформы, въ столь непривлекательно обрисованной компаніи изступленныхъ „обновителей Россіи“ очутился и патронъ газеты, покойный М. Н. Катковъ. Вотъ что, между прочимъ, онъ писалъ о судебной реформѣ: „Исторія не забудетъ ни одного изъ именъ, связанныхъ съ этимъ великимъ дѣломъ гражданскаго *обновленія* Россіи“ (*М. Вѣд.* 1867 г. № 69); „все, что̀ есть живаго, мыслящаго, разумѣющаго, не можетъ не быть глубоко затронуто судьбою возникающаго *новаго* порядка вещей на Руси, долженствующаго положить ясную черту между проходящимъ и грядущимъ, открыть Россіи *новые* пути; *новое* начало какъ тонкая стихія разольется повсюду и всему дастъ *новый* видъ, *новую* силу, *новое* значеніе“ etc. (*Моск. Вѣд.* 1866, №№ 156, 198, 86).

вѣстнымъ адмираломъ, членомъ государственнаго совѣта, Мордвиновымъ въ 1827 г. графу Кочубею.

„Всегда и вездѣ признаваемо было, — писалъ Мордвиновъ,—что раздѣленіе властей составляетъ совершенство правительствъ: законодательная, судебная и исполнительная власти должны въ упражненіяхъ и дѣяніяхъ своихъ быть раздѣлены. Одна не должна входить въ предѣлы обязанностей другой. Степень и раздѣленіе сихъ трехъ главныхъ государственныхъ властей опредѣляютъ достоинство правительствъ. Изъ нихъ благоустроеннѣйшимъ можетъ почесться то, гдѣ лица и мѣста, въ предметахъ ихъ должностей и занятій, не имѣютъ между собою никакого смѣшенія. Между европейскими державами,—продолжаетъ Мордвиновъ,—почитается самымъ худшимъ правленіе турецкое, потому что тамъ не судья судитъ, но паша. Онъ рѣшаетъ дѣла не по закону, а по собственному произволу. Такое нераздѣленіе властей въ турецкомъ правительствѣ сдѣлало то, что на поляхъ древней Греціи исчезло изобиліе урожаевъ и померкла красота земли. Въ великолѣпныхъ ея городахъ не осталось и слѣдовъ прежнихъ наукъ и искусствъ; повсемѣстно же водворились дикость, уныніе, нищета. Нынѣ тамъ живутъ пастухи, и гдѣ поучали Платоны и Сократы—тамъ кружатся съ крикомъ дервиши и бѣснуются юродивые, но ихъ почитаютъ святыми... Столь пагубно есть смѣшеніе властей, предоставленныхъ для созиданія общественнаго и частнаго благоденствія и для удержанія въ здравіи и силѣ царствъ земныхъ“.

Если же обратимся къ источникамъ исторіи русскаго законодательства, то и они дадутъ указаніе, ничего общаго съ выводами модныхъ историковъ неимѣющее.

Въ самомъ дѣлѣ, справка не съ исторіею, написанною *ad usum delphini*, съ задними мыслями, а съ тою подлинною, которая есть „дополненіе и изъясненіе настоящаго и примѣръ будущаго“, показываетъ, что начало раздѣленія властей было положено въ нашемъ законодательствѣ не „одер-

жимыми бѣлою горячкою людьми 60-хъ годовъ", а много раньше, а именно: великимъ „обновителемъ" земли Русской Петромъ Великимъ, и съ тѣхъ поръ и до самой судебной реформы 1864 года начало это постоянно имѣлось въ виду и проводилось въ нашемъ законодательствѣ. Иностранныя доктрины тутъ не причемъ: необходимость раздѣленія властей, начиная отъ высшихъ до низшихъ, подсказывалась практическими нуждами и „навязывалась" самыми элементарными соображеніями о правильной организаціи государственнаго управленія. Правда, главный апостолъ доктрины о дѣленіи властей, Монтескьё, жилъ въ одно время съ Петромъ Великимъ, но для успокоенія пуристовъ-самобытниковъ можемъ прибавить, что Петръ I-й ничего не заимствовалъ и не могъ заимствовать изъ зловредной книги Монтескьё *Esprit des lois*, потому что она появилась въ свѣтъ 15 лѣтъ спустя послѣ смерти великаго преобразователя.

Итакъ, мы утверждаемъ, что совершенно независимо отъ иностранныхъ и теоретическихъ явленій исключительно подъ дѣйствіемъ практическихъ и домашнихъ нуждъ постепенно зрѣла, крѣпла и развивалась у насъ мысль онеобходимости *полнаго* отдѣленія судебной власти отъ исполнительной. На это имѣются ясныя и непререкаемыя свидѣтельства исторіи, которыя не безъинтересно будетъ теперь вспомнить въ виду усилившейся пропаганды о выгодахъ „смѣшенія властей" (въ одномъ ученомъ рефератѣ, посвященномъ памяти Монтескьё, для оправданія этого моднаго ученія всуе было пристегнуто даже имя знаменитаго автора *Esprit des lois*).

Чтобы устранить заранѣе всякое сомнѣніе насчетъ правильности и точности приводимыхъ ниже историческихъ данныхъ, считаемъ нужнымъ оговориться, что мы беремъ ихъ изъ источника, на который привыкли смотрѣть противники судебной реформы съ благоговѣйною почтительностью, а именно изъ трудовъ правовѣрнѣйшаго и солиднѣйшаго изъ юристовъ николаевскаго времени, графа

Д. Н. Блудова, завѣдывавшаго дѣломъ судебной реформы вплоть до „разгара бѣлой горячки“, т.-е. до января 1862 г. Въ одной изъ своихъ объяснительныхъ записокъ, написанной съ обычнымъ этому замѣчательному государственному человѣку знаніемъ дѣла и изяществомъ, а именно въ запискѣ, при коей онъ представлялъ въ 1860 году въ государственный совѣтъ проектъ устава новаго судопроизводства, онъ подробно обозрѣваетъ исторію русскаго и иностраннаго судебныхъ законодательствъ и вновь у насъ проектированнаго судебнаго устройства, и тутъ-то онъ подробно излагаетъ, когда и какъ проникало и укрѣпилось въ нашемъ законодательствѣ начало раздѣленія властей [1]).

Исторія учрежденій и вообще устройства властей во всѣхъ почти государствахъ европейскихъ,—говоритъ гр. Блудовъ въ началѣ записки,—представляетъ намъ цѣлый рядъ разнородныхъ, но постоянныхъ усилій законодательства *раздѣлить* систематически учрежденія и власти на нѣсколько главныхъ составныхъ частей, которыя можно назвать орудіями центральнаго верховнаго управленія. Обращаясь затѣмъ къ русскому законодательству, гр. Блудовъ указываетъ, что въ Россіи, благодаря съ одной стороны разобщенности его съ древнею, т.-е. западно-европейскою культурою, а съ другой—*общенію* (?) и борьбѣ съ монгольскими завоевателями [2]), до Петра Великаго замѣчается *совершенное* отсутствіе строгой и даже какой-либо системы въ раздѣленіи учрежденій по предметамъ вѣдомства. Дѣла раздѣлялись по приказамъ, но въ нихъ смѣшивались нерѣдко и почти всегда разные роды

---

[1]) Эта обширная записка, къ сожалѣнію, неизвѣстная даже спеціалистамъ, занимаетъ болѣе 60-ти печатныхъ страницъ и находится въ отд. второмъ тома IV „Дѣла о преобразованіи судебной части въ Россіи“.

[2]) В. С. Соловьевъ въ статьѣ своей „Очерки изъ исторіи русскаго самосознанія“ доказываетъ, что отсутствіе въ допетровской Руси элементовъ права и законности слѣдуетъ приписать вліянію не монголовъ, а Византіи (*Вѣстн. Европы* 1889 г., № 5-й).

дѣлъ. Но въ столицѣ близость верховной власти еще нѣсколько удерживала приказы отъ своеволія и злоупотребленій. Не то было въ провинціи, куда посылались воеводы, власть коихъ простиралась на *всѣ дѣла* мѣстнаго управленія, справиться съ которыми было не подъ силу даже благонамѣреннымъ изъ нихъ, такъ какъ они не успѣвали съ надлежащимъ вниманіемъ разсматривать споры и дѣла частные. Обозрѣвъ дѣятельность воеводъ-судей, графъ Блудовъ приходитъ къ любопытному заключенію, которое не лишено назидательнаго интереса и для нашего времени. „*Такое смѣшеніе судебной власти съ административною*, — говоритъ онъ,—было и тѣмъ болѣе неудобно, что въ случаѣ упущеній и неправильностей въ дѣлахъ судебныхъ оно поставляло и верховную власть въ особое затрудненіе: ибо хорошій во всѣхъ отношеніяхъ *администраторъ могъ иногда оказываться несвѣдущимъ, а потому и дурнымъ судьею*“ (стр. 9 записки).

Затѣмъ гр. Блудовъ переходитъ къ эпохѣ Петра Великаго, получившаго отъ прежняго времени въ наслѣдство сильную, но лишенную правильной организаціи власть и положившаго у насъ основаніе „болѣе *раціональному* устройству государственныхъ учрежденій вообще, между прочимъ и судныхъ дѣлъ“. Раціональность новаго устройства сводилась между прочимъ къ отдѣленію *суда* отъ другихъ частей *управленія* и учрежденію судебныхъ инстанцій на коллегіальномъ началѣ.

Законодатель, — говоритъ авторъ „Записки“, — обнималъ однимъ взглядомъ не только внутренній порядокъ дѣлъ въ присутствіяхъ, но и всѣ части огромнаго зданія, которое онъ воздвигалъ *во имя правды*.

Но на судебной реформѣ Петра Великаго до извѣстной степени повторилось то же явленіе, что и на судебной реформѣ 1864 г. Александра II: ни та, ни другая не были оцѣнены по достоинству. Первую не поняли народныя массы, вторую возненавидѣли почитатели бюрократическаго всемогущества. „Разумѣется, — говоритъ Блудовъ, — народъ не могъ

успѣвать за быстротою мысли законодателя, не чувствовалъ всей пользы „раціональнаго“ устройства судебной части и признанія ея, такъ сказать, „*совершеннолѣтнею*“, способною управлять ввѣренными ей дѣлами *безъ стѣснительной опеки властей правительственныхъ*“ (можно ли этому удивляться, когда въ наши дни, т.-е. 175 лѣтъ спустя послѣ судебной реформы Петра Великаго, инымъ образованнымъ публицистамъ основанія ея кажутся черезчуръ смѣлыми, чуть не революціонными новшествами (!).) „Массы,—продолжаетъ авторъ, — попрежнему понимали одну только власть и одного судью—государя; онѣ къ нему обращались съ жалобами, минуя всѣ установленныя инстанціи. Посему законодатель призналъ нужнымъ обнародовать объясненіе своей мысли въ указѣ отъ 22 го декабря 1718 г., свидѣтельствующемъ, что законодатель дѣйствовалъ на народъ не одною силою державной власти, но и увѣщаніемъ и убѣжденіемъ“. Весьма интересна вступительная часть Указа. „Понеже, — говоритъ Петръ Великій,—челобитчики непрестанно Его Царскому Величеству докучаютъ, вездѣ, во всякихъ мѣстахъ, не для покою; и хотя съ ихъ стороны легко разсудить можно, что всякому своя обида горька есть и несносна, но притомъ каждому разсудить же надлежитъ, что какое ихъ множество, а кому бьютъ челомъ одна персона есть, и та коликими воинскими и прочими несносными трудами объята, что̀ всѣмъ извѣстно; и хотя бы и такихъ трудовъ не было, то возможно ли *одному человѣку за такъ многими усмотрѣть?* Во-истину не точію человѣку, *ниже Ангелу*: понеже и оные мѣстамъ описаны суть; ибо гдѣ присутствуетъ, индѣ его нѣтъ.“ Затѣмъ Петръ поясняетъ сущность установленной имъ судебной организаціи.

Стремясь къ послѣдовательному проведенію начала строгаго раздѣленія власти судебной и административной, Петръ же воспретилъ воеводамъ вмѣшиваться въ судебныя дѣла.

Дѣятельность ближайшихъ преемниковъ Петра Великаго гр. Блудовъ характеризуетъ такъ: „Тай-

ный совѣтъ, который не въ силахъ былъ идти по указанному Петромъ Великимъ пути, нашелъ, что удобнѣе, т.-е., *легче*, разрушить все имъ созданное; уцѣлѣли только коллегіи и магистраты; но право суда во всемъ государствѣ ввѣрено было воеводамъ и губернаторамъ."

Заслуживаетъ быть отмѣченнымъ любопытное совпаденіе мотивовъ, по которымъ какъ хулители реформъ Петра Великаго, такъ и враги судебной реформы прошлаго царствованія возстаютъ противъ раздѣленія властей. Указъ 24-го февраля 1727 года, возстановляя смѣшеніе властей, ссылается на то, что „люди при новомъ устройствѣ (т.-е. установленномъ Петромъ Великимъ) не знаютъ, *куда* обращаться по дѣламъ своимъ..."

„Но идеи и дѣйствія людей великихъ, — продолжаетъ графъ Блудовъ, — имѣютъ то свойство, что производятъ вліяніе даже и на тѣхъ, которые *не умѣютъ* или почему-либо *не хотятъ* понять ихъ значенія и пользы (замѣчаніе также вполнѣ примѣнимое и къ врагамъ новаго суда). Такъ было и въ настоящемъ случаѣ. Послѣ измѣненія новаго (петровскаго) устройства судовъ, вскорѣ оказалось, что понятіе о существующемъ между судебною и чисто-правительственною властью *различіи* пустило глубокіе корни (къ сожалѣнію, въ наше время замѣчается затемненіе даже и относительно такого элементарнаго понятія,) въ общественномъ мнѣніи или по крайней мѣрѣ въ мнѣніи людей болѣе образованныхъ... и началось какъ бы *невольное обращеніе* къ мыслямъ Петра Великаго. Идея Петра стала проникать во всѣ части народа..."

Торжественное выраженіе этого направленія гр. Блудовъ видитъ въ учрежденіи о губерніяхъ 7-го ноября 1775 года, которое *отдѣлило* судебныя мѣста отъ губернскихъ правленій. Главное *достоинство* этого учрежденія авторъ находитъ въ осуществленіи стремленія Петра Великаго *положить конецъ „малолѣтству судебной власти"*. Недостатокъ же этого памятника онъ видитъ въ томъ, что онъ „касательно отдѣленія судебной части отъ админи-

стративной, къ сожалѣнію автора, остановился на отвлеченномъ понятіи о значеніи суда и на основаніи сего понятія судьи по необходимости должны были подчиняться неограниченному вліянію властей правительственныхъ" (стр. 25). Подчиненіе выражалось въ томъ, что администраціи представлены были: вызовъ сторонъ, исполненіе рѣшеній, утвержденіе судей въ ихъ званіи намѣстникомъ, который имѣлъ право *понуждать* ихъ (курсивъ въ подлинникѣ) и даже подвергать наказанію и останавливать исполненіе рѣшеній.

Слѣдя затѣмъ далѣе за *высвобожденіемъ* судебной власти изъ-подъ административной опеки, гр. Блудовъ отмѣчаетъ въ числѣ таковыхъ мѣръ учрежденіе министерствъ, попытку, сдѣланную въ 1837 г., къ освобожденію губернаторовъ отъ просмотра приговоровъ по уголовнымъ дѣламъ [1]).

«Сего мы достигли,—говоритъ Блудовъ,—вслѣдствіе усилій, длившихся *почти цѣлое столѣтіе*», и, принявъ во вниманіе предшествовавшее хаотическое положеніе и смѣшеніе всѣхъ властей, онъ находитъ,

---

[1]) Небезъинтересно припомнить тутъ относящійся сюда характерный эпизодъ изъ дѣятельности бывшаго московскаго генералъ-губернатора свѣтл. князя Д. В. Голицына. Князь отказался утверждать приговоры о наказаніи плетьми на площади. Дѣло дошло до свѣдѣнія Императора Николая, и онъ во время представленія потребовалъ отъ кн. Голицына объясненія.—Онъ оправдывался тѣмъ, что лишенъ возможности обсудить правильность приговора.

— У тебя есть прокуроры и стряпчіе, — возразилъ Государь,—чтобы судить о правильности рѣшенія.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ князь, — прокуроры и стряпчіе—не *защитники*; тутъ нужны *адвокаты*.

Государь при словѣ «адвокаты» видимо нахмурился и сказалъ: «Да ты, я вижу, долго жилъ во Франціи и, кажется, еще во время революціи, а потому неудивительно, что ты усвоилъ себѣ тамошніе порядки. А кто, — продолжалъ Государь говорить громко,—кто погубилъ Францію, какъ не адвокаты; вспомни хорошенько! Кто были Мирабо, Маратъ, Робеспьеръ и другіе?! Нѣтъ, князь, — заключилъ Государь, — пока я буду царствовать, Россіи не нужны адвокаты,—безъ нихъ проживемъ. Дѣлай то, что отъ тебя требуетъ законъ, болѣе я ничего не желаю» (*Русская Старина* 1886 г., № 12, стр. 535).

что и въ *мнѣніяхъ* и въ самыхъ *дѣйствіяхъ* сдѣланы успѣхи (но, къ сожалѣнію, послѣдующія событія опровергли черезчуръ оптимистическій взглядъ гр. Блудова).

Кончая свой историческій очеркъ русскаго судебнаго законодательства до 1860 г., гр. Блудовъ приходитъ къ заключенію, что, «*не взирая на случайныя уклоненія*, иногда вынуждаемыя обстоятельствами времени, *законодательство наше постоянно стремилось* между прочимъ *къ освобожденію судовъ отъ «всякаго» вмѣшательства властей административныхъ*» (стр. 25).

II.

Въ той части Записки, которая касается впервые предложеннаго гр. Блудовымъ мироваго института, онъ снова возвращается къ вопросу объ отдѣленіи судебной власти отъ административной.

«*Основаніемъ учрежденія* мировыхъ судей,—пишетъ онъ,—были два важныя обстоятельства: уничтоженіе крѣпостнаго состоянія и *рѣшительное* отдѣленіе власти судебной отъ административной. Доселѣ крестьяне помѣщичьи, составляющіе почти половину всего народонаселенія, можно сказать, не имѣли никакихъ дѣлъ гражданскихъ и не было повода учреждать гражданскіе суды для разбирательства споровъ по имуществамъ движимымъ незначительной цѣны, какъ сіе установлено относительно маловажныхъ проступковъ, кои предоставлены вѣдѣнію полиціи. Но когда въ одно время предполагается не только освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, но и устраненіе полиціи отъ *всякаго* вмѣшательства въ дѣла судебныя, то власть и дѣятельность становыхъ приставовъ необходимо замѣнить судебнымъ установленіемъ, которое будетъ гораздо полезнѣе, ибо оному можно ввѣрить и вѣдѣніе маловажныхъ гражданскихъ дѣлъ. Во всѣхъ хорошо устроенныхъ государствахъ суще-

ствуютъ такія *судебныя* лица или мѣста». (См. стр. 40—41 Общ. Объясн. Запис., т. IV Дѣла о преобраз. судебн. части).

Отмѣчая принципъ отдѣленія власти административной отъ судебной, какъ рельефную черту, проходящую въ теченіе полутораста лѣтъ чрезъ исторію нашего законодательства, самъ гр. Блудовъ лично придаетъ этому принципу такое важное значеніе, что старается обезпечить ему и *подобающее внѣшнее* недвусмысленное выраженіе. «По принятой нынѣ системѣ изложенія законовъ,—говоритъ онъ,—всѣ сіи предметы (т.-е. законы о судоустройствѣ и судопроизводствѣ) не составляютъ *отдѣльнаго устава*. Они помѣщаются въ разныхъ частяхъ общаго свода законовъ, всегда въ связи съ устройствомъ правительственныхъ мѣстъ, *только какъ видоизмѣненіе оныхъ* и на *послѣднемъ* мѣстѣ. Но сія система есть прямое *послѣдствіе* мысли *о зависимости* судовъ отъ администраціи, и потому не должно ли будетъ при новомъ пересмотрѣ составныхъ частей Свода Законовъ указать другое мѣсто?» Желаніе гр. Блудова исполнилось, и Судебные Уставы вышли въ 1864 году отдѣльною книгою.

Но вотъ любопытная историческая подробность, рельефно характеризующая послѣдующія времена и показывающая, какъ глубоко вѣрно было вышеприведенное кофидикаціонное соображеніе гр. Блудова. Какъ только окрѣпла въ 70-хъ гг. первая реакція противъ новаго суда, признано было нужнымъ уничтожить «сепаратизмъ» его. При изданіи Свода Законовъ въ 1876 г. была произведена невѣроятная, по своей безцѣльности кодификаціонная вивисекція, а именно: прекрасно систематизированные Судебные Уставы 1864 года были насильно *разорваны* на части, чтобы съ грѣхомъ пополамъ разбросать и разсѣять, какъ бы для нейтрализаціи, опасное либеральное судебное законодательство 1864 г. по отдѣльнымъ благонамѣреннымъ томамъ Свода Законовъ. Замѣчательно, что при этой неслыханной дотолѣ кодификаціонной операціи особенно старательно ампутировались и разсѣкались

части Учрежденія Судебныхъ Уставовъ по разнымъ отдѣламъ II тома Общаго учрежденія о губерн., какъ бы затѣмъ, чтобы тѣмъ наглядно доказать, что суды *не болѣе* какъ одна изъ частей *мѣстнаго управленія*.

Но такъ какъ при всемъ стараніи новыя судебныя учрежденія не укладывались на Прокустово ложе старыхъ губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій, то пришлось нѣкоторыя статьи вовсе выкинуть (такъ напр. 1 ст. учр. Суд. Уст.), а другія раздробить на нѣсколько частей. Какъ извѣстно, этотъ ни съ чѣмъ несообразный кодификаціонный курьезъ длился до 1884 г., когда вслѣдствіе ходатайства судебнаго вѣдомства (иниціатива этого ходатайства принадлежала покойному юристу А. В. Лохвицкому) Судебные Уставы были «возсоединены» въ одну книгу и названы Уставами Императора Александра II, дабы, какъ гласитъ указъ отъ 17-го апрѣля (день рожденія покойнаго Государя) 1884 г., изданіе сіе служило законодательнымъ памятникомъ прошлаго царствованія.

Указанныя подлинныя выдержки изъ Записки графа Блудова слишкомъ ясны сами по себѣ, чтобы нужно было дѣлать къ нимъ комментаріи. Приведенныя справки сами говорятъ за себя. Мы намѣренно ограничили область ихъ трудами графа Блудова, такъ какъ труды эти, какъ и вся роль графа въ судебной реформѣ, пользуются большою симпатіею и непререкаемымъ авторитетомъ въ реакціонной печати [1]). По поводу всякой другой выдержки, взятой хотя бы изъ журналовъ государственнаго совѣта, возможно было сомнѣніе относительно *источника* ихъ происхожденія (какъ извѣстно, враги судебной реформы договорились до того, что стараются выставить ее дѣломъ кучки молодыхъ либеральныхъ чиновниковъ, чуть не обманомъ или насиліемъ увлекшихъ за собою высшія государственныя учрежденія). Даже для такой ни съ чѣмъ

---

[1]) См. «Судъ и полиція», В. Фукса, стр. 1—70.

несообразной придирки и недобросовѣстнаго сомнѣнія не остается мѣста при чтеніи выдержекъ изъ Записки графа Блудова. Она вся написана самимъ графомъ Блудовымъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, для этого не нужно видѣть подлинную рукопись Записки. Достаточно прочесть первыя двѣ страницы ея, чтобы сразу видѣть особенности сжатаго и своеобразно изящнаго слога, которымъ всегда отличался и гордился графъ, строгую логичность и богатство историческихъ данныхъ, свойственныя языку и аргументаціи графа Блудова.

Всѣ эти черты явственно обнаруживаются и въ приведенной Запискѣ, въ которой онъ съ неотразимою силою выступаетъ за «*рѣшительное отдѣленіе* судебной власти отъ административной», считая такое отдѣленіе необходимымъ—и какъ естественный результатъ тенденцій русскаго законодательства за послѣднія 150 лѣтъ, и какъ требованіе раціональнаго судопроизводства.

Такимъ образомъ очевидно, что никто иной, какъ самъ привилегированный и излюбленный юристъ реакціонныхъ круговъ, гр. Блудовъ виною отдѣленія судебной власти отъ административной на всѣхъ ступеняхъ судебной организаціи, и не менѣе очевидно, сколько правды въ увѣреніяхъ реакціонной печати, когда она утверждаетъ, будто раздѣленіе властей было дѣломъ вѣтреннаго увлеченія иностранными доктринами, порожденнаго „бѣлою горячкою“ 60-хъ годовъ.

Вотъ какъ нынѣче пишется исторія о событіяхъ, имѣвшихъ мѣсто всего 25 — 30 лѣтъ тому назадъ! Невольно вспомнишь слова графа Уварова, что съ умноженіемъ «источниковъ» исторіи далеко не увеличивается ея достовѣрность.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Выборное начало въ новомъ судѣ.

I.

Неправые и немилостивые судьи творцовъ суда праваго и милостиваго усвоили своеобразную тактику, благодаря которой они обезпечили себѣ возможность неустанно громить и топтать въ грязь судъ и судебные порядки, созданные Уставами 20 ноября 1864 г.

Вотъ въ чемъ заключается сущность этой немудрой, но не лишенной примитивной хитрости — тактики. Если составители Уставовъ въ иныхъ случаяхъ заимствовали институты изъ иностранныхъ законодательствъ въ виду того, что отечественное никакихъ данныхъ въ этомъ отношеніи не заключало (такъ напр. при учрежденіи адвокатуры), то критики тотчасъ поднимаютъ вопль и начинаютъ обвинять ихъ за безсмысленное подражаніе иностраннымъ образцамъ; если же составители Судебныхъ Уставовъ *отступали* отъ иностранныхъ образцовъ по тѣмъ или другимъ мѣстнымъ соображеніямъ, то (такова изумительная логика враговъ судебной реформы!) и подобное *отступленіе* ставится имъ въ вину, и тотчасъ выводится на справку, что, молъ, вотъ въ такой-то либеральной странѣ не могла быть осуществлена такая-то реформа, а наши реформаторы рѣшились на такой рискованный, почти дерзкій шагъ.

Такимъ образомъ выходитъ, по пословицѣ, что перевернулся—бьютъ, не довернулся—тоже бьютъ.

Явленіе это повторилось съ особенною силою на вопросѣ „о выборномъ“ началѣ въ мировомъ судѣ, которое давно уже служитъ мишенью для застрѣльщиковъ реакціоннаго лагеря. Еще три года тому назадъ *Русскій Вѣстникъ* ополчился противъ „выборныхъ“ судей, ссылаясь на то, что *даже* для парижскихъ радикаловъ и „коммунаровъ“ (слышите ли?) „выборный судъ“ представляется *pium desiderium*, которое они съ крайнею осторожностью выставляютъ въ своихъ программахъ, между тѣмъ какъ „въ самодержавной Россіи оказались выборные мировые судьи, могущіе приговаривать къ *трехмѣсячному тюремному заключенію* и рѣшать *значительные* денежные процессы—и все это *безапелляціонно* (см. статью г. Ціона въ *Русск. Вѣстн.* 1886 г., № 7, стр. 278). Замѣтимъ прежде всего, что критикамъ, третирующимъ редакторовъ Судебныхъ Уставовъ, какъ мальчишекъ, неразумно увлекшихся лакомствами иноземнаго либерализма, стыдно не знать того, что обязательно знать не то что публицисту, а просто грамотному русскому человѣку, а именно, что мировой судья можетъ приговаривать безапелляціонно только къ *трехдневному аресту*, а не къ трехмѣсячному заключенію въ тюрьмѣ (ст. 124 Уст. уг. суд.) и рѣшать безапелляціонно гражданскія дѣла всего только на сумму 30 рублей (134 ст. Уст. гр. суд.). Это разъ. Но дѣло не въ этой грубой ошибкѣ (хотя и она не лишена значенія, въ смыслѣ характеристики компетентности критиковъ новаго суда), а въ томъ, что существованіе „выборныхъ мировыхъ судей“, какъ свидѣтельствуетъ подлинная документальная исторія судебной реформы, не имѣетъ ничего общаго съ радикализмомъ, а тѣмъ паче съ коммунизмомъ.

А между тѣмъ *Московскія Вѣдомости* вотъ уже три года твердятъ съ голоса г. Ціона и другихъ такихъ же авторитетовъ, что „выборные мировые судьи были созданы „народолюбивою теоріей à la Жанъ Жакъ Руссо“ (см. напр. № 31-го января 1889 г.) и

въ „самый разгаръ бѣлой горячки“ 60-хъ годовъ (см. статьи г. Григорова въ № 35). Замѣчательно, что это ходячее мнѣніе, сдѣлавшееся общимъ мѣстомъ въ невѣжественныхъ листкахъ реакціонной печати, пресерьезно повторяется и въ монографіи консервативнаго „критика“ г. Фукса, обѣщающаго въ своей книгѣ „Судъ и полиція“ провѣрить „*безпристрастно* всѣ факты судебной реформы“.

Что же мы находимъ у этого критика? Въ главѣ второй „Выборъ и назначеніе“ мы читаемъ на 27-ми страницахъ (70—97) сплошной памфлетъ, который стремится доказать, что злокозненные дѣятели 1862—1864 годовъ „искажали“ проекты гр. Блудова и что, вводя выборную систему, они держались „абсолютной теоріи довѣрія, напоминающей превратные взгляды Ж. Ж. Руссо на *общественный договоръ*“ (Contrat social) (стр. 73), „декларацію принциповъ à la Ж. Ж. Руссо“ (стр. 74), которую они превращали „*въ декларацію правъ*“ (75) и т. д. Словомъ „жупеламъ и металламъ“ нѣтъ числа!! И вся эта грозная родомонтада и шумиха фразъ приплетена по поводу установленія *выборныхъ мировыхъ судей*. Рѣдко приходится встрѣчаться съ такимъ курьезнымъ и необъяснимымъ недомысліемъ!

Можно подумать, что выборный судъ, который на Западѣ пугаетъ даже радикаловъ (съ этой точки зрѣнія и избраніе московскаго и петербургскаго городскихъ головъ городскими обществами должно казаться верхомъ радикализма, такъ какъ до сихъ поръ Парижъ не можетъ добиться этого права), есть дѣйствительно нѣчто поразительно радикальное, нѣчто неслыханное и невиданное на Руси и впервые введенное съ открытіемъ новыхъ судовъ! Между тѣмъ „выборное“ начало на судѣ—*исконное* начало въ русскомъ судоустройствѣ. Это такая избитая истина, хоть по наслышкѣ извѣстная всѣмъ интересующимся исторіею русскаго законодательства, что даже совѣстно о ней напоминать.

А между тѣмъ необходимо это сдѣлать въ виду черезчуръ смѣлаго намѣренія реакціонной печати

убѣдить кого-то, что выборное начало въ русскомъ судоустройствѣ есть результатъ опасныхъ и „необрѣтающихся нынѣ въ авантажѣ“ либеральныхъ вѣяній 60-хъ годовъ.

Для того, чтобы судить, какъ глубоко въ стародавнюю эпоху русскаго законодательства уходитъ выборное начало, достаточно ознакомиться хотя бы съ тѣми матеріалами, кои находимъ въ не разъ уже цитированномъ нами *Дѣлѣ о преобразованіи судебной части въ Россіи*, этомъ, можно сказать, неисчерпаемомъ источникѣ исторіи русскаго процесса.

Въ одной изъ записокъ, а именно въ запискѣ, принадлежащей мастерскому перу (см. ниже) извѣстнаго криминалиста и крупнаго дѣятеля судебной реформы Н. А. Буцковскаго (бывшаго оберъ прокурора общаго собранія московскихъ департаментовъ сената, впослѣдствіи сенатора уголовнаго кассаціоннаго департамента), мы находимъ краткій обзоръ [1]) выборнаго начала въ исторіи русскаго судоустройства.

Что же даетъ этотъ обзоръ? Еще во время дѣйствія „Русской Правды“ въ удѣльныхъ княжествахъ судья судилъ въ присутствіи выборныхъ судныхъ мужей. При дѣйствіи Судебниковъ Іоанна III и Іоанна IV при судѣ намѣстниковъ и волостелей были всегда выборные отъ общинъ, носившіе названіе старостъ и цѣловальниковъ. Разборъ важнѣйшихъ уголовныхъ дѣлъ при Іоаннѣ Грозномъ былъ предоставленъ исключительно выборнымъ людямъ, губнымъ старостамъ и цѣловальникамъ. Еще въ 1684 г. города выбирали губныхъ старостъ, которые упразднены были только въ 1702 г. Въ этомъ году указомъ Петра I повелѣно было выбирать, вмѣсто губныхъ старостъ, городовыхъ дворянъ, которые творили судъ вмѣстѣ съ воеводами. Еще раньше, въ 1699 г. предоставлено было посадскимъ людямъ

---

[1]) Обзоръ составленъ на основаніи изслѣдованій проф. Ѳ. И. Дмитріева и др.

выбирать бурмистровъ въ земскія избы, между прочимъ, для суда, а впослѣдствіи учреждены ратуши съ 12 выборными бурмистрами. Въ 1720 г. возникли магистраты, состоявшіе также изъ бурмистровъ и ратмановъ. Въ 1761 г. однодворцамъ предоставлено было разбираться на мірскомъ сходѣ, состоявшемъ изъ выборныхъ старостъ и лучшихъ людей [1]).

Въ такомъ видѣ застаютъ выборную систему знаменитыя екатерининскія жалованныя грамоты дворянскому и городскому сословіямъ, провозгласившія—*horribile dictu*, — одно изъ началъ „декларації правъ“ установленіемъ въ видѣ общаго правила, что дворяне и городскіе обыватели судятся одними „равными себѣ“, изъ среды ихъ избранными. Державная ученица Монтескьѐ и Беккаріи провела эту мысль въ извѣстномъ положеніи о губерніяхъ 1775 г., которое, съ нѣкоторыми измѣненіями, дѣйствовало вплоть до судебной реформы, а отчасти и до сихъ поръ дѣйствуетъ въ губерніяхъ, лишенныхъ новыхъ судебныхъ учрежденій.

Въ царствованіе Павла I наступила необузданная, взбалмошная, но непродолжительная реакція противъ всѣхъ екатерининскихъ реформъ, какъ заподозрѣнныхъ въ вольтеріанствѣ и революціонныхъ тенденціяхъ. Но при внукѣ ея, Александрѣ I, выборная система окончательно окрѣпла. Однимъ изъ первыхъ актовъ молодаго Императора были манифесты отъ 2-го апрѣля 1801 года, коими онъ торжественно подтверждалъ дарованныя дворянскому и городскому сословіямъ права и привилегіи. „Блаженной вѣчной памяти достойная вселюбезная бабка наша Императрица Екатерина II,—писалъ Императоръ въ манифестѣ дворянству [2]), движимая толико свойственною ей мудростью, опредѣливъ преимущества дворянству грамотою, дарованною въ 1785 г.,

---

[1]) Записка Н. А. Буцковскаго, стр. 44—45, т. IX „Дѣло о преобразованіи судебной части“, прилож. № 11.

[2]) Первое полное собраніе законовъ № 19810.

торжественно предъ лицемъ свѣта на вѣчныя времена ихъ утвердила“ (курсивъ подлинника). Затѣмъ Александръ I также подтверждаетъ и отъ себя привилегіи дворянства, а въ томъ числѣ и право избранія судей.

Въ другомъ манифестѣ отъ того же дня, на имя городовъ, Александръ I, также сославшись на примѣръ Екатерины II и на ту истину, что „безъ правъ *непоколебимыхъ* [1]) *и всею силою закона охраняемыхъ* (курсивъ въ подлинникѣ) не могутъ промыслы и рукодѣлія достигнуть цвѣтущаго состоянія, „признаетъ за благо утвердить и возстановить городское положеніе и грамоту, городамъ данную, повелѣвая признавать“ положеніе сіе однимъ изъ *главныхъ, непреложныхъ и неприкосновенныхъ постановленій*“. Этимъ актомъ возстановляется право городовъ на избраніе судей.

Хотя, какъ выше было замѣчено, реформы Екатерины II и Александра I были заподозрѣны послѣдующею реакціею въ либеральныхъ и даже революціонныхъ тенденціяхъ, но это было совершенно невѣрно. Ошибочно было бы думать, что читательница и почитательница энциклопедистовъ, Екатерина II, и державный ученикъ республиканца Лагарпа, Александръ I, вводя и укрѣпляя выборную систему, слѣдовали указаніямъ иностранныхъ доктринъ или законодательствъ. Правда, оба они заплатили дань, хотя и не надолго, европейскимъ либеральнымъ вѣяніямъ, но въ данномъ случаѣ либеральныя доктрины были рѣшительно не причемъ и выборная система была продиктована мѣстными бытовыми условіями. Она была подсказана или навязана чисто мѣстными особенностями русской общественной среды, значеніе которыхъ сказывалось сильно еще наканунѣ судебной реформы 1864 г., да и до сихъ еще продолжаетъ сказываться. Чтобы на этотъ счетъ не оставалось никакого сомнѣнія, приведемъ комментаріи къ нашей выборной системѣ

---

[1]) Полн. собр. законовъ, № 19811.

опять-таки изъ источника, пользующагося особеннымъ уваженіемъ и довѣріемъ со стороны г. Фукса и его единомышленниковъ. Вотъ что писалъ привилегированный юристъ гр. Блудовъ о выборной системѣ въ запискѣ, при коей онъ вносилъ въ 1860 г. проектъ новаго судоустройства.

„Правительство не могло и думать (въ 1775 г.) о пріисканіи для назначенія во всѣ инстанціи достаточнаго количества членовъ, имѣющихъ, если не спеціальное, то хотя бы общее образованіе. Потому, между прочимъ, принято было за правило допускать назначеніе членовъ по выборамъ, учреждая суды, отдѣльные для каждаго сословія. Законодатель можетъ-быть признавалъ сіе установленіе лишь временнымъ и, какъ кажется, въ сихъ выборныхъ отъ разныхъ состояній и сословій видѣлъ *болѣе присяжныхъ, нежели судей* въ настоящемъ, обширнѣйшемъ смыслѣ слова (23—24 стр. Зак. Блудовъ). Надлежало, продолжаетъ гр. Блудовъ, по необходимости (за недостаткомъ юристовъ) довольствоваться людьми, коихъ нравственныя качества вознаграждали до нѣкоторой степени отсутствіе юридическихъ познаній, а потому допускать опредѣленіе судей по выборамъ“.

„Съ развитіемъ гражданственности и усложненіемъ торговыхъ оборотовъ—продолжаетъ авторъ,—возникаютъ дѣла, для рѣшенія которыхъ нужны спеціалисты. Между тѣмъ, какъ-будто въ противность сему, устройство нашихъ судовъ не только продолжало опираться на выборы, но кругъ оныхъ еще *распространялся*. По учрежденію 1775 г. палаты гражданскія и уголовныя состояли каждая изъ предсѣдателя, двухъ совѣтниковъ и двухъ ассессоровъ, и всѣ эти лица назначались отъ короны; выборы допускались только въ инстанціяхъ средней и низшей, но и въ мѣстахъ средней инстанціи предсѣдатели назначались отъ короны. При уничтоженіи средней инстанціи въ 1801 г. допущены въ составѣ палатъ весьма важныя измѣненія. Сіи суды составлены изъ предсѣдателя и одного совѣтника, назначаемыхъ правительствомъ, и засѣдателей отъ

дворянства и купечества, опредѣляемыхъ по выбору. Но *въ 1831 г.* положено и предсѣдателей палатъ назначать по выборамъ. Какъ составъ уѣздныхъ судовъ оставленъ въ прежнемъ видѣ и всѣ онаго члены назначаются по выборамъ, то *съ 1831 г.* всѣ дѣла судебныя разсматриваются лицами, отъ коихъ прежде требовалось только удостовѣреніе, что они пользуются правами сословія и признаны въ кругу его добросовѣстными *безукоризненнаго поведенія* людьми" (29—30 [1]).

Къ очерку, сдѣланному гр. Блудовымъ, слѣдуетъ прибавить, что въ 1832 г. было объявлено учрежденіе коммерческихъ судовъ, по коему весь судейскій персоналъ, начиная отъ предсѣдателя и товарища предсѣдателя и кончая членами его, выбирался купеческимъ сословіемъ, и коммерческіе суды получали такую обширную власть, что могли рѣшать безапелляціонно иски суммою до 3,000 р.

Такимъ образомъ изъ сказаннаго видно, что выборное начало *апогея* своего достигло въ началѣ 30-хъ годовъ, т.-е. въ такое время, гдѣ и днемъ съ огнемъ нельзя было сыскать слѣдовъ тлетворнаго либерализма, а тѣмъ болѣе субверсивнаго ученія *Contrat social.*

II.

Если мы обратимся ко времени, непосредственно предшествовавшему судебной реформѣ и которое такъ неестественно испарилось у живыхъ его свидѣтелей и дѣятелей, то мы застаемъ въ старыхъ судебныхъ учрежденіяхъ слѣдующія должности, назначаемыя *по выбору:*

---

[1]) См. т. IV, „Дѣло о преобр. суд. части".

Уѣздный судъ: всѣ пять членовъ, засѣдавшихъ въ немъ: судья, два засѣдателя отъ дворянъ, два засѣдателя отъ крестьянъ—опредѣлялись *по выбору*. *Магистратъ: всѣ шесть* членовъ его—два бургомистра и четыре ратмана *по выбору* купечества. *Уголовная палата* (составлявшая окончательную инстанцію почти для всѣхъ уголовныхъ дѣлъ): *предсѣдатель и два засѣдателя по выбору* отъ дворянскаго сословія и *два засѣдателя* отъ купечества. По назначенію отъ правительства только *одинъ* товарищъ предсѣдателя палаты [1]).

Въ такомъ видѣ застаетъ гр. Блудовъ нашу выборную систему. Что же предлагаетъ онъ въ своемъ проектѣ? Онъ цѣликомъ удерживаетъ и даже отчасти расширяетъ существовавшее выборное начало, нѣсколько совершенствуя его. Въ уѣздныхъ судахъ (ратуши и магистраты предполагалось упразднить) предсѣдатели избирались дворянствомъ и засѣдатели избирались отъ трехъ сословій—дворянскаго, городскаго и сельскаго (ст. 14 Проекта суд. гр. Блудова).

Судебная палата, которая учреждалась взамѣнъ палатъ гражданскаго и уголовнаго суда, образуется изъ выборныхъ: предсѣдателя (департамента) и сословныхъ засѣдателей отъ дворянскаго, городскаго и сельскаго обществъ (ст. 12 Проекта Блудова). Отъ правительства назначается главный губернскій или областной судья (ст. 11 Проекта гр. Блудова).

Гр. Блудовъ предлагаетъ только слѣдующее измѣненіе въ порядкѣ выборовъ: установленіе образовательнаго ценза (среднее образованіе) [2]), воз-

---

[1]) Для дополненія картины выборной системы не лишнее прибавить, что и по администраціи опредѣлялись по выборамъ: исправникъ, голова, депутаты, смотрители хлѣбныхъ магазиновъ, составъ дворянскихъ опекунскихъ учрежденій и проч. (см. Записку Д. А. Ровинскаго „О должн. лицахъ суд. вѣдом.“, стр. 34).

[2]) Примѣчательно, что министръ юстиціи гр. В. Н. Панинъ возсталъ даже противъ этихъ скромныхъ измѣненій и, отстаивая quand même дворянскія сословныя привилегіи, не согла-

можность избранія засѣдателей не только изъ своего, но и изъ другихъ сословій, и предоставленіе избирательнаго права не по одному только поземельному цензу, но и по служебному и образовательному цензу.

Затѣмъ гр. Блудовъ предложилъ одно значительное расширеніе избирательнаго права. По его иниціативѣ вводилась новая судебная должность *мироваго судьи*. Замѣчательно, что этотъ «благонадежнѣйшій» юристъ ни одну минуту не колебался при рѣшеніи вопроса — сдѣлать ли ее выборною или назначать мировыхъ судей отъ короны. Онъ, гр. Блудовъ, съ самаго начала рѣшилъ, по соображеніямъ, которыя были приведены выше, сдѣлать эту должность *выборною* съ тою только разницею, что первоначально онъ предполагалъ предоставить избраніе мировыхъ судей одному дворянскому сословію (ст. 268 Проекта), а вскорѣ послѣ того (по освобожденіи крестьянъ) согласился на предоставленіе избранія выбору всѣхъ, т.-е трехъ сословій (Журн. госуд. сов., 1861, № 48, стр. 7—8).

Подведемъ итоги. Итакъ, по проекту гр. Блудова, по выборамъ сословій предполагалось назначать: предсѣдателей и засѣдателей палатъ, предсѣдателей и засѣдателей уѣздныхъ судовъ и мировыхъ судей; итого *пять* судебныхъ должностей.

Вотъ въ какомъ видѣ поступилъ, въ концѣ 1861 г. и въ началѣ 1862 г., вопросъ о выборномъ началѣ вмѣстѣ съ поступившими на проекты гр. Блудова замѣчаніями практиковъ и со всѣмъ дѣломъ о судебной реформѣ — на обсужденіе тѣхъ прикомандированныхъ по Высочайшему повелѣнію къ государственной канцеляріи, юристовъ, которые довели дѣло до естественнаго конца. Они-то, по мнѣнію почитателей дореформенныхъ порядковъ, „исказили“ проекты гр. Блудова, увлекшись избирательными демократическими тенденціями à la Руссо.

шался на установленіе образовательнаго ценза для засѣдателей въ видѣ средняго образованія. См. т. IV «Дѣла о преобразованіи суд. части». Сообр. мин. юст., стр. 6, 7, 28, 29.

Въ чемъ же заключались эти искаженія?

Обратимся опять-таки къ подлиннымъ документамъ, и на этотъ разъ къ знаменитымъ „Соображеніямъ“ государственной канцеляріи 1862 года, впервые точно формулировавшимъ главныя основанія будущихъ Судебныхъ Уставовъ 20-го ноября 1864 г. [1]).

Согласно Высочайшему повелѣнію отъ января 1862 года, существованія котораго вышеупомянутый „безпристрастный критикъ“ г. Фуксъ и не подозрѣваетъ, государственная канцелярія изложила свои соображенія, между прочимъ, и о порядкѣ назначенія судей на должности, согласно началамъ, „несомнѣнное достоинство коихъ, какъ буквально гласило означенное Высочайшее повелѣніе, признано *наукою и опытомъ европейскихъ государствъ*“. Въ исполненіе этого повелѣнія государственная канцелярія и ея юристы *обязаны* были изложить свои соображенія о томъ, какія преимущества представляетъ опредѣленіе судей по назначенію отъ правительства и по избранію гражданами. И вотъ тщательное, добросовѣстное выполненіе этого-то оффиціальнаго порученія ставитъ въ вину г. Фуксъ названнымъ юристамъ, осуждая ихъ за излишне подробную, а потому неумѣстную теоретико-историческую разработку принципіальнаго вопроса о сравнительныхъ достоинствахъ опредѣленія судей по назначенію отъ правительства или по избранію мѣстныхъ обществъ [2]).

Мы здѣсь не будемъ входить въ подробный анализъ замѣчательно искусно сгруппированныхъ въ „Соображеніяхъ“ доводовъ *pro* и *contra* по этому вопросу, тѣмъ болѣе, что значительная часть ихъ приведена въ извѣстномъ изданіи Суд. Уст. государственной канцеляріи (см. предисл. къ Учр. суд. уст., стр. XIII—XXV). Но считаемъ нужнымъ напомнить главные пункты разсужденія. Наши „коронные юристы“ разсматриваютъ доводы *pro* и *contra*

---

[1]) См. т. XVIII «Дѣла о преобр. суд. части».

[2]) В. Фуксъ, «Судъ и полиція», стр. 75, 82.

выборнаго начала *съ теоретической, практической и исторической* точекъ зрѣнія.

Защитники выборной системы, предлагавшіе замѣщать по выборамъ сословій не только мировыхъ судей, но и всѣхъ совѣтниковъ какъ окружныхъ судовъ, такъ и областныхъ судебныхъ палатъ, указывали на то, что довѣріе къ суду, которое составляетъ главное условіе общаго въ государствѣ спокойствія, достигается только въ томъ случаѣ, если судьи назначаются не исключительно по усмотрѣнію администраціи, но при участіи общества. Недостатки могутъ быть у тѣхъ и другихъ судей, но недостатки должностныхъ лицъ, назначаемыхъ правительствомъ, общество очень часто относитъ къ самому правительству.

Съ *практической* точки зрѣнія указывалось на то неудобство, что уполномоченное правительствомъ по назначенію судей лицо, не будучи само знакомо съ дѣятельностью судей, бываетъ вынуждено полагаться на рекомендаціи второ- и третье-степенныхъ чиновниковъ, которые и не должны пользоваться такимъ правомъ, и не могутъ, при самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ, пользоваться имъ разумно. Если же предоставить назначеніе судей предсѣдателямъ палатъ и окружныхъ судовъ, то чрезъ это роняется значеніе судьи и открывается возможность для произвола; между тѣмъ какъ участіе въ выборѣ мѣстныхъ жителей даетъ имъ возможность избирать на должность судей лицъ, имъ извѣстныхъ.

Съ исторической точки зрѣнія ссылались на вышеизложенные манифесты Императоровъ Александра I и Николая I, даровавшіе право избранія судей, долженствующіе остаться неприкосновеннымъ.

Но юристы государственной канцеляріи *отвергли* (замѣтьте, отвергли, а не одобрили!) эти доводы по слѣдующимъ соображеніямъ, которыя скорѣе страдаютъ излишкомъ осторожности, нежели радикализма. Вотъ сущность ихъ *возраженій* (замѣтьте опять таки возраженій, а не защиты) противъ выборной системы.

Общество, говорятъ они, можетъ принимать по-

лезное участіе въ рѣшеніи такихъ (?) дѣлъ, которыя непосредственно его интересуютъ, и въ особенности дѣлъ, относящихся къ мѣстнымъ хозяйственнымъ потребностямъ. Здѣсь результаты выборовъ избиратели ощущаютъ непосредственно каждый на себѣ, и нѣтъ мѣста пристрастію, такъ какъ дѣло касается не отдѣльныхъ лицъ, а интересовъ, общихъ всѣмъ (?) членамъ собранія. Не то при выборѣ судей, неудачный выборъ коихъ непосредственно отражается лишь на подсудимыхъ и тяжущихся и не нарушаетъ непосредственно интересовъ судей и ихъ выбирателей. Для судьи нужно юридическое образованіе, а такихъ лицъ, извѣстныхъ мѣстнымъ обывателямъ, не окажется. Для гарантіи безпристрастія выборовъ приходится отмѣнить срочность, а это обстоятельство въ свою очередь уничтожаетъ одно изъ непремѣнныхъ условій выборной системы.

Что касается довода *практическаго*, то противъ него юристы государственной канцеляріи возражали тѣмъ, что предполагаемое соединеніе нѣсколькихъ уѣздовъ подъ вѣдѣніе одного окружнаго суда и нѣсколькихъ губерній подъ вѣдѣніе одной судебной палаты внесетъ въ выборы новыя затрудненія. При выборѣ пришлось бы имѣть и кандидатовъ для замѣщенія должностей, дѣлающихся вакантными между двумя избирательными періодами. Что касается знакомства избирателей съ избираемыми, то оно, по мнѣнію юристовъ, большею частью (?) ограничивается знаніемъ «только (?) одной свѣтской стороны жизни» кандидата, но такія свѣдѣнія вовсе не опредѣляютъ качествъ достойнаго судьи и даже далеки отъ тѣхъ, кои могутъ доставить тщательное развѣдываніе о прежней жизни или службѣ ищущаго мѣста и строгое испытаніе его (кѣмъ?) въ познаніяхъ и въ судебномъ дѣлопроизводствѣ. Кромѣ того, при выборной системѣ, отвѣтственность такъ дробится, что дѣлается ничтожной.

Что касается *историческаго* довода, то противъ него юристами приводилось, что никакія учрежденія не могутъ быть устанавливаемы на вѣчныя

времена, потому что въ самомъ назначеніи ихъ — удовлетворять современнымъ потребностямъ государства. Нельзя считать права нарушенными, кольскоро новое учрежденіе, созданное на раціональныхъ основаніяхъ, доставляетъ болѣе огражденія всѣмъ сословіямъ. Учрежденіе суда присяжныхъ, по существу своему обязательно выборнаго, и право избранія мировыхъ судей съ избыткомъ вознаграждали, по мнѣнію юристовъ, сословія за потерю права избранія сословныхъ засѣдателей, рѣшавшихъ дѣла подъ вліяніемъ коронныхъ судей и секретарей.

Касательно допущеннаго относительно мировыхъ судей изъятія, юристы замѣчаютъ: мировыхъ судей предполагается назначать изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ всѣмъ избирателямъ, и достоинство сихъ судей не обусловливается такими способностями и познаніями, о которыхъ трудно было бы судить избирателямъ.

Общее заключеніе юристовъ государственной канцеляріи таково: „выборная система представляетъ не *болѣе* (курсивъ въ подлинникѣ), но несравненно *менѣе* (курсивъ подлинника) средствъ къ выбору лицъ, достойныхъ званія судьи.“

„Таковы разсужденія дѣятелей 1861—64 годовъ“, за которыя противъ нихъ воздвигается обвиненіе чуть не въ революціонной пропагандѣ. Кому, кромѣ людей, одержимыхъ маніею наикрѣпчайшаго сыска „съ пристрастіемъ“, придетъ въ голову усмотрѣть въ этихъ спокойныхъ и обстоятельныхъ, скорѣе излишне строгихъ, чѣмъ снисходительныхъ для выборнаго начала разсужденіяхъ, вызванныхъ желаніемъ добросовѣстно выполнить возложенное на нихъ порученіе и обсудить дѣло всесторонне, „*декларацію принциповъ à la Руссо?*“

Г. Фуксъ съ негодованіемъ отмѣчаетъ тѣ мѣста изъ разсужденій государственной канцеляріи, гдѣ „защитники выборной системы“ говорятъ о томъ, что „всякій имѣетъ право самъ избрать себѣ мѣстнаго начальника, что человѣкъ, присланный издалека, весьма часто не знающій ни мѣстныхъ условій, ни обычаевъ, не всегда будетъ хорошимъ ад-

министраторомъ и справедливымъ судьею", и въ примѣчаніи спѣшитъ пояснить, что это соображеніе напоминаетъ взгляды *Contrat social*.

Вотъ ужъ именно: съ больной головы на здоровую! Въ своемъ стремительномъ усердіи „разыскать крѣпко-на-крѣпко въ судебной реформѣ неблагонадежные „политическіе" элементы онъ и не замѣчаетъ траги-комическаго положенія, въ которое онъ попалъ. Г. Фуксъ зарапортовался до того, что онъ *бьетъ по своимъ*, упуская изъ виду, что „защитниками выборной системы" были не злокозненные либералы 60-хъ годовъ, а консервативные сторонники тѣхъ блудовскихъ проектовъ, за „искаженіе" которыхъ онъ накидывается на „дѣятелей 1861—1864 гг.". Да, въ этомъ отношеніи „либералы 60-хъ годовъ" произвели существенныя измѣненія или „искаженія" въ нихъ. Эти опасные либералы не только не послѣдовали вслѣдъ за гр. Блудовымъ, проектировавшимъ весьма значительное усиленіе, сравнительно съ дѣйствовавшимъ законодательствомъ, числа выборныхъ судебныхъ должностей (кромѣ мировыхъ судей, онъ предлагалъ, какъ выше было указано, назначать по выборамъ большинство состава окружныхъ судовъ и судебныхъ палатъ), но даже сравнительно съ системою Свода Законовъ сдѣлали *значительныя сокращенія*. И такихъ-то убѣжденныхъ сторонниковъ централизаціи, открыто высказывавшихъ, что „система назначенія правительствомъ судей *несравненно* выше выборной системы", выставляютъ „*упразднителями правительства!*" Можно не соглашаться съ доводами юристовъ государственной канцеляріи, такъ горячо возставшихъ *противъ* старинной русской выборной системы, но какое нужно невѣжество и недобросовѣстность, чтобы этихъ самыхъ „*противниковъ*" допущенія въ судахъ выборной системы вообще выставлять „защитниками" радикальной выборной системы *à outrance?!*

Дальше этого не можетъ идти самое развязное искусство *nigra in candida vertere*, это отмѣченное еще сатирою Ювенала софистическое искусство превращать черное въ бѣлое и бѣлое въ черное.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Н. А. Буцковскій и судъ присяжныхъ.

Выросшее въ Англіи, принятое затѣмъ въ переработанномъ видѣ во Франціи, установленіе присяжныхъ сталонынѣ мировымъ институтомъ, характеризующимъ цивилизованныя націи. Палладіумъ личной свободы и политической независимости народной, ревностный стражъ общественной безопасности, строгій судія злодѣяній, это установленіе болѣе и болѣе дѣлается для культурнаго міра судомъ естественнымъ по преимуществу. Принятое уставами Императора Александра II, оно стало центральнымъ узломъ новой судебной системы, ея лучшимъ украшеніемъ и самою твердою ея опорой.

Проф. И. Фойницкій.

I.

Быть-можетъ, ни на одномъ учрежденіи не сказалось въ такой степени, съ одной стороны, измѣнчивое непостоянство нашихъ общественныхъ симпатій, а съ другой—неразборчивость въ средствахъ борьбы, свойственная нашей реакціонной печати, какъ на судьбахъ института нашего суда присяжныхъ. Извѣстно, какими опасеніями и ужасами было окружено у насъ, всего только лѣтъ 25—30 тому назадъ, это великое изобрѣтеніе англосаксонскаго генія, это истинное орудіе прогресса и гражданственности, съ безпримѣрною быстротой, въ теченіе какихъ-нибудь 70—80 лѣтъ, завоевавшее почти всю Европу... Извѣстно, что всего лѣтъ тридцать тому назадъ слово „присяжные“ на-

водило, подобно „жупелу“, безотчетный паническій страхъ не только на всѣхъ замоскворѣцкихъ купчихъ, — это было бы въ порядкѣ вещей, — но и на убѣленныхъ сѣдинами государственныхъ мужей.

Но вотъ раздался радостный благовѣстъ 19 февраля и многіе призраки расточились, туманъ сталъ разсѣиваться, многое, еще такъ недавно казавшееся страшнымъ и чудовищнымъ, вслѣдствіе недостатка свѣта, предстало въ своемъ настоящемъ видѣ. Такъ случилось и съ судомъ присяжныхъ, служившимъ „пугаломъ“ еще въ 1860 г. и не позднѣе какъ черезъ два года *единогласно* принятымъ и одобреннымъ государственнымъ совѣтомъ и верховною властью. Если еще и дѣлались послѣ 1861 года легкія возраженія противъ введенія у насъ суда присяжныхъ, то отнюдь не принципіальнаго или политическаго свойства, а чисто-практическаго. Никто, рѣшительно ни одинъ членъ государственнаго совѣта не сослался при обсужденіи дѣла въ 1862 г. на то, что судъ присяжныхъ „несовмѣстимъ“ съ самодержавнымъ образомъ правленія, а возраженія касались только „своевременности“ [1]). Ни слова о такой несовмѣстимости не говоритъ въ своей объяснительной запискѣ къ уставу судоустройства (1860 г.) и такой общепризнанный столпъ консервативнаго лагеря, какъ гр. Д. Н. Блудовъ. Вотъ его подлинныя слова: „Не оспаривая выгодъ суда чрезъ присяжныхъ, особливо въ дѣлахъ уголовныхъ“, онъ находилъ, что „*пока* рѣшеніе уголовныхъ дѣлъ должно остаться на обязанности судей“. И мы не удивимся этому „пока“, если вспомнимъ, что оно относится къ 1860 г., т.-е. ко времени до „воли“, какъ извѣстно, составляющей эру въ исторіи русской гражданственности.

Въ 1862 году было Высочайше одобрено предположеніе о введеніи суда присяжныхъ, въ 1864 году оно стало закономъ и, наконецъ въ 1866 г. судъ присяжныхъ былъ введенъ въ дѣйствіе.

---

1) См. т. IV *Дѣла о преобраз. суд. части.*

Дѣйствительность превзошла самыя смѣлыя ожиданія. „Смѣлая мысль допустить „вчерашняго раба“ къ участію въ судѣ присяжныхъ увѣнчалась, по вѣрному замѣчанію проф. Фойницкаго, неожиданнымъ, но блистательнымъ успѣхомъ“ (*Курсъ угол. судопр.*, стран. 209).

„То, что два года тому назадъ, — писали *Московскія Вѣдомости* въ 1867 г., — возбуждало столько, повидимому, справедливыхъ сомнѣній, находится въ полномъ дѣйствіи; судъ присяжныхъ, эта лучшая гарантія гражданской свободы, совершается у насъ воочію, и въ немъ принимаютъ участіе крестьяне—тѣ самые крестьяне, которымъ только шесть лѣтъ тому назадъ дарована свобода, и успѣхъ превосходитъ самыя смѣлыя ожиданія“ (№ 69).

Но нужно ли напоминать, что далеко не всѣ были обрадованы введеніемъ суда гласнаго, равнаго для всѣхъ, и суда общественной совѣсти, который, относясь снисходительно къ случайнымъ нарушителямъ уголовнаго закона, каралъ строго крупныхъ лиходѣевъ, умѣвшихъ, при старыхъ порядкахъ, ускользать отъ кары, благодаря своей изворотливости, запирательству, а также благодаря своимъ вліятельнымъ связямъ. Съ первыхъ же дней дѣйствія новаго суда посыпались на него изъ лагеря крѣпостниковъ, съ озлобленіемъ порицавшихъ всѣ реформы прошлаго царствованія, самыя ожесточенныя нападки, имѣвшія цѣлью дискредитировать его съ точки зрѣнія политической благонадежности. По поводу этихъ неразборчивыхъ средствъ борьбы противъ судебной реформы М. Н. Катковъ не безъ сарказма отвѣчалъ „лицамъ, принимавшимъ личину консерватизма, чтобы какъ-нибудь подкосить эту великую реформу“, что они „сердятся на нее, какъ и на другія преобразованія, всего болѣе за то, что они идутъ не безъ успѣха“ (*Московскія Вѣдомости* 1866 г., № 256, и 1868 г., № 4).

Когда же отъ голословныхъ общихъ нападковъ „консерваторы извѣстнаго сорта“ переходили къ не менѣе легкомысленнымъ нападкамъ на отдѣльные вердикты присяжныхъ, то они встрѣчали со

стороны названнаго публициста не менѣе краснорѣчивую отповѣдь. Такъ, когда въ 1868 г. раздались вопли о „самовластіи“ суда присяжныхъ по поводу оправданія ими женоубійцы, заставшаго жену на мѣстѣ прелюбодѣянія, *Московскія Вѣдомости* съ достоинствомъ защищаютъ вердиктъ суда общественной совѣсти, указываютъ на то, „что интересы общества *достаточно ограждаются* его *представителями на судѣ*“ (*Московскія Вѣдомости*, № 173). Черезъ нѣсколько времени снова возобновляются нападки на судъ присяжныхъ по поводу оправданія Бильбасова, и московскій публицистъ отвѣчаетъ слѣдующими замѣчательными строками: «Когда же прекратятся, наконецъ, эти *вѣчные пересуды* по поводу того или другаго приговора присяжныхъ?... Если нѣтъ указаній на то, чтобы на судѣ были какія-нибудь нарушенія тѣхъ существенныхъ условій, которыя *наукою права* и положительнымъ закономъ признаны необходимыми для того, чтобы судебный процессъ выработалъ *достижимую для человѣка правду*, *то кто можетъ взять на себя рѣшить*, *что его личное мнѣніе болѣе согласно съ правдой*, *чѣмъ состоявшійся на судѣ приговоръ*?... Не Сидоръ, Карпъ и др. судятъ и приговариваютъ на судѣ, а *«великій анонимъ»* (ковычки въ подлинникѣ), взятый по указанію жребія изо *всѣхъ сословій* общества“ (*Московскія Вѣдомости*, 1868 г., № 227).

Времена измѣнились, и общество, черезъ 25 лѣтъ послѣ изданія закона о присяжныхъ и послѣ 25-тилѣтняго ихъ *реальнаго* существованія, съ удивленіемъ узнало, что эта „революціонно-демократическая форма суда несовмѣстима съ существующею въ Россіи формой правленія“, что она была введена чуть не при помощи „обмана и подлога“. Такъ какъ несообразность такого „теоретическаго“, умозрительнаго отрицанія слишкомъ рѣзко расходилась съ фактомъ дѣйствительнаго, благополучнаго существованія этого суда, то и предпринятъ былъ спеціальный розыскъ для изобличенія дѣятелей судебной реформы 1861—1864 гг. въ томъ: 1) что они, вводя судъ присяжныхъ, преслѣдовали цѣли чисто-

политическія; 2) что они вообще отнеслись къ этому дѣлу легкомысленно, а не „съ приличною законодателямъ осмотрительностью“, и 3) что „всѣ ихъ доводы и выводы были основаны на личныхъ только умозрѣніяхъ, а не на положительныхъ заключеніяхъ *науки и практики* и проч.

Такъ формулируетъ свое обвиненіе г. Фуксъ на стран. 119 своей книги *Судъ и полиція*. Не нужно быть знатокомъ исторіи судебной реформы, чтобы сразу смекнуть, что тутъ имѣемъ дѣло или съ поразительнымъ невѣжествомъ, или съ тенденціознымъ искаженіемъ истины. Черезъ нѣсколько строчекъ мы получаемъ *неопровержимое* доказательство справедливости такой апріористической догадки.

Теперь мы и обратимся къ исторіи возникновенія нашего суда присяжныхъ, которая, надѣемся, подтвердитъ эту догадку. При этомъ считаемъ не лишнимъ напомнить, въ общихъ чертахъ, въ связи съ этою исторіею, выдающіеся факты ихъ изъ жизни покойнаго Н. А. Буцковскаго, игравшаго самую важную роль какъ при составленіи основныхъ положеній судебной реформы 1862 г., такъ и проекта суда присяжныхъ. Въ виду той систематической клеветы, которою забрасывается память заслуженныхъ государственныхъ людей, проведшихъ и осуществившихъ судебную реформу, простой долгъ справедливости требуетъ напоминанія объ ихъ свѣтломъ образѣ и благородной и мужественной дѣятельности.

II

Николай Андреевичъ Буцковскій (род. въ 1811 году умеръ 25-го сентября 1873 года) принадлежитъ къ числу самыхъ видныхъ дѣятелей судебной реформы. Первостепенная роль, которую онъ игралъ какъ въ составленіи судебныхъ уставовъ и дополнительныхъ къ нимъ законоположеній о введеніи уставовъ въ дѣйствіе, такъ и въ практическомъ

ихъ примѣненіи съ 1866 года, по должности сенатора уголовнаго кассаціоннаго департамента, даетъ, ему право въ исторіи судебной реформы на одно изъ первостепенныхъ мѣстъ.

Вліяніе и роль другаго воодушевленнаго борца за основы судебнаго преобразованія, С. И. Зарудnаго, были совсѣмъ исключительны и безпримѣрны. Случайно связанный съ 1843 г., съ перваго же шага своей служебной дѣятельности, съ первыми подготовительными стадіями этого дѣла [1]), Зарудный безотлучно стоялъ при немъ и дѣятельно работалъ при всѣхъ дальнѣйшихъ фазисахъ этого дѣла до самаго момента окончательнаго редактированія уставовъ 20-го ноября, — вплоть до просмотра послѣдняго корректурнаго листа редактированнаго имъ самимъ въ 1866 г. извѣстнаго оффиціальнаго изданія: „Судебные уставы, съ разсужденіями“, и систематизаціи 74-хъ-томнаго „Дѣла о преобразованіи судебной части въ Россіи“ [2]).

Дѣятельность Н. А. Буцковскаго по судебной реформѣ не захватываетъ такого продолжительнаго періода, но за то она относится къ самой живой, важной и плодотворной эпохѣ ея, къ 60-мъ годамъ (съ конца 1861 года и до окончанія въ 1866 г. всѣхъ законодательныхъ работъ по открытію новыхъ судовъ). А съ другой стороны, Н. А. Буцковскій, — въ отличіе отъ С. И. Зарудnаго, который такъ-таки до конца своей жизни не былъ допущенъ изъ-за репутаціи „опаснаго либерала“ въ кассаціонный сенатъ, — имѣлъ счастливое преимущество и утѣшеніе лично способствовать истолкованію и примѣненію созданнаго при его дѣятельномъ участіи новаго уголовнаго процесса, согласно благимъ и

---

[1]) 23-го апрѣля 1843 г. С. И. Зарудный получилъ первую штатную должность старшаго помощника столоначальника въ департаментѣ юстиціи и уже *на другой* день скрѣплялъ циркуляры мин. юстиціи гр. Панина разосланные, по просьбѣ графа Блудова, чинамъ судебнаго вѣдомства о доставленіи замѣчаній на дѣйствовавшій въ то время гражданскій процессъ.

[2]) Одна опись этого громаднаго дѣла занимаетъ 47 печатныхъ страницъ in quarto. (См. прил.).

гуманнымъ намѣреніямъ его составителей и положенныхъ въ основу его научныхъ доктринъ.

Буцковскій не былъ юристомъ, т.-е. не былъ патентованнымъ, профессіональнымъ юристомъ, прошедшимъ оффиціальную юридическую школу (если только можетъ быть рѣчь о существованіи у насъ въ концѣ 20-хъ годовъ какой нибудь „юридической“ школы). Этотъ впослѣдствіи столь извѣстный, и какъ юристъ-практикъ, и какъ авторъ весьма дѣльныхъ монографій по уголовному процессу, до сихъ поръ цѣнимыхъ нашею юридическою литературною критикою — былъ, такъ сказать, *юристъ-самоучка*. Буцковскій, подобно С. И. Зарудному, по образованію математику-астроному, прошелъ математическую школу и своимъ юридическимъ развитіемъ и образованіемъ обязанъ былъ только самому себѣ.

Но не этому ли, на первый взглядъ неблагопріятному, а въ дѣйствительности счастливому обстоятельству, т.-е. отсутствію среди руководителей судебной реформы преобладанія или господства „заправскихъ“, патентованныхъ юристовъ, быть можетъ, мы обязаны тѣмъ, что она была закончена съ такимъ блескомъ и успѣхомъ?

Мы были бы невѣрно поняты, если бы слова наши были истолкованы въ смыслѣ отрицанія юридическихъ наукъ. Но юридическія школы бываютъ разныхъ качествъ и достоинствъ.

Есть такіе представители юридическихъ наукъ, которые все свое призваніе видятъ въ обремененіи памяти своихъ слушателей массою ничѣмъ не связанныхъ и никакою идеею не освѣщенныхъ юридическихъ формулъ и буквальныхъ постановленій положительнаго права, поклоненіе передъ которымъ они считаютъ альфою и омегою юридическаго глубокомыслія. Это—не развивающая и оживляющая юридическая доктрина, „которая даетъ, по опредѣленію Савиньи, способность *самостоятельно* мыслить“, а то изсушающее мозгъ и сердце „законовѣдѣніе“ (въ отличіе отъ „правовѣдѣнія“), которое создаетъ школу полированныхъ подьячихъ на подобіе византійскихъ хорошо „натасканныхъ“ букво-

ѣдовъ-законниковъ, поставившихъ на мѣсто права, какъ органа правды, букву закона и схоластическую казуистику [1]).

Не трудно представить себѣ, какова была и могла быть у насъ „юридическая“ наука въ 30—40-хъ годахъ, когда Я. Баршевъ съ каѳедры возставалъ даже противъ такого чисто техническаго улучшенія судопроизводства, какъ введеніе устности, состязательности въ уголовномъ процессѣ, а тѣмъ болѣе гласности [2]).

Остаться подъ вліяніемъ *такой* юридической школы значило подвергаться опасности извратить свой моральный и умственный кругозоръ и выродиться въ тотъ типъ безсердечныхъ юристовъ, которые въ средніе вѣка вызвали поговорку: Juristen — böse Christen.

Вотъ почему было небольшою потерею для Буцковскаго то обстоятельство, что онъ не прошелъ въ молодости юридическую школу того времени. Благодаря своему трудолюбію, добросовѣстности, любознательности и высшему образованію, онъ позже самъ пополнилъ съ избыткомъ этотъ пробѣлъ.

Окончивъ домашнее образованіе, Буцковскій, отличный математикъ, первоначально готовилъ себя къ инженерной карьерѣ. Въ 1828 году онъ поступилъ на службу въ кондукторскую роту главнаго

---

[1]) См. Н. Л. Дювернуа—*Лекціи по русскому гражд. праву*, Спб. 1889, выпускъ 1, стр. 168, 219. И смѣшно, и жалко было видѣть, — говоритъ А. М. Филипповъ объ университетскихъ лекціяхъ 30-хъ гг., какъ они подводили научныя начала подъ сочиненныя Сперанскимъ „положенія“. А о времени, непосредственно предшествовавшемъ введенію университетскаго устава 1863 г., проф. П. Г. Рѣдкинъ въ своихъ Senilia, вышедшихъ недавно (*Изъ лекцій П. Г. Рѣдкина, 1889, Спб.*), разсказываетъ, что о развитіи „самостоятельнаго мышленія“ не могло быть и рѣчи, и что подъ „науками о законахъ“ разумѣли изложеніе статей свода законовъ, при чемъ рекомендовалось „прочитывать изъ свода извѣстное число статей безъ самомалѣйшаго замѣчанія со стороны профессора, и даже парафраза (стр. 5—6).

[2]) Устность судопроизводства „служитъ, по мнѣнію Баршева, *обыкновенно* источникомъ незрѣлаго и необсудливаго рѣшенія дѣлъ“ („Основанія угол. суд.“, стр. 68).

инженернаго училища, въ 1831 г. выдержалъ первый офицерскій экзаменъ, а въ 1833 г. окончилъ полный курсъ наукъ въ офицерскихъ классахъ и поступилъ въ с.-петербургскую инженерную команду, гдѣ онъ и служилъ до 1836 года. Затѣмъ Буцковскій перешелъ на педагогическое поприще и поступилъ учителемъ математики въ гатчинскій воспитательный домъ (нынѣ сиротскій институтъ), гдѣ и оставался три года.

Въ іюнѣ 1839 года онъ перешелъ на службу въ департаментъ министерства юстиціи и въ декабрѣ того же года получилъ первую штатную должность старшаго помощника столоначальника съ жалованьемъ въ 28 руб. въ мѣсяцъ. Проходя медленнымъ шагомъ, установленнымъ педантическими правилами министра юстиціи, гр. В. Н. Панина, по административной лѣстницѣ департамента, Буцковскій, хотя и весьма рано замѣченный гр. Панинымъ, — только въ 1845 г. получилъ должность редактора, а въ 1848 начальника отдѣленія. Въ 1849 г. онъ перешелъ на оберъ-прокурорскій столъ одного изъ департаментовъ сената, гдѣ основательно изучилъ уголовную практику. Съ 1851 по 1853 годъ онъ состоялъ вице-директоромъ департамента юстиціи, а съ 1853 года перешелъ въ Москву, гдѣ занималъ должность оберъ-прокурора 6-го и 7-го департаментовъ и общаго собранія московскихъ департаментовъ сената.

Внимательный къ исполненію своихъ обязанностей, всегда ровный, терпѣливый, обходительный съ подчиненными, не подобострастный съ начальниками, Буцковскій съумѣлъ заслужить уваженіе старшихъ, благодарность и любовь низшихъ. Гр. Панинъ видимо цѣнилъ и отличалъ, насколько допускали его педантическія правила, своего образцоваго чиновника, и послужной списокъ Буцковскаго испещренъ многочисленными чрезвычайными порученіями, данными ему министромъ юстиціи, и послѣдовавшими, за примѣрное исполненіе ихъ, выраженіями „признательности“ и „благодарности“. Чуждый всякаго искательства, Буцковскій не до-

могался быстраго возвышенія, чрезвычайныхъ наградъ и отличій и первую награду получилъ лишь послѣ 22-лѣтней службы.

Помимо изумительнаго трудолюбія, образцовой аккуратности и скорости въ исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей, Буцковскій обращалъ на себя вниманіе еще тѣмъ, что обнаруживалъ весьма основательное знакомство не только съ бѣдною русскою, но и богатою французскою, а отчасти англійскою и нѣмецкою юридическою литературою. Несмотря на свои ограниченныя средства, Буцковскій успѣлъ составить богатую по разнымъ отраслямъ знанія и, главнымъ образомъ, по юридическимъ наукамъ, библіотеку. Высшее математическое образованіе и основательное знакомство съ теоріею уголовнаго права и процесса не разъ оказывали ему услугу. Въ началѣ 50-хъ годовъ имѣла мѣсто судебная ошибка, разсказанная выше: былъ наказанъ плетьми и сосланъ въ каторжную работу калужскою палатою и сенатомъ, на основаніи *собственнаго сознанія*, мужъ за убійство жены [1]). Но каково же было общее изумленіе, когда, послѣ исполненія приговора, жена оказалась *въ живыхъ*, а протоколъ подложнымъ. Буцковскій, принимавшій участіе въ этомъ дѣлѣ, былъ и прежде за оправданіе, въ виду отсутствія corpus delicti. Но тонкіе дѣльцы, и въ томъ числѣ гр. Панинъ, такими „теоретическими пустяками“ не стѣснялись и засудили невиннаго человѣка. Предстояло, послѣ обнаруженія судебной ошибки, разъяснить „непогрѣшимому“ гр. Панину его ошибку. Въ качествѣ знатока латинской литературы, гр. Панинъ, конечно, зналъ пословицу: Cujusvis hominis est errare, nullius, nisi insipientis, in errato perseverare (всякій можетъ ошибиться, и лишь ограниченные люди упорствуютъ въ своихъ ошибкахъ). Но гр. Панинъ на дѣлѣ никогда не сознавалъ своихъ ошибокъ. А тутъ нужно было не только убѣдить Панина въ его ошибкѣ,

---

[1]) См. главу I.

но и заставить его сознаться въ ней открыто. Исполнить эту трудную и неблагодарную задачу взялся Буцковскій; сначала Панинъ ничего не хотѣлъ слышать и страшно разсердился, но затѣмъ вынужденъ былъ сознаться въ ошибкѣ, и невинно пострадавшій былъ возвращенъ изъ Сибири.

Съ 8-го ноября 1861 года для Буцковскаго открылась новая широкая арена для дѣятельности, на которой онъ могъ примѣнить свой обширный судебный опытъ, свои серьезныя юридическія познанія и тѣмъ сослужить великую службу Россіи. Въ этотъ знаменательный для него годъ состоялось Высочайшее повелѣніе о прикомандированіи его, вмѣстѣ съ другими юристами къ государственной канцеляріи [1]).

Съ небольшимъ въ годъ были составлены „Соображенія объ основныхъ началахъ“, и уже 29-го сентября 1862 года послѣдовало Высочайшее ихъ утвержденіе и опубликованіе во всеобщее свѣдѣніе, въ видахъ лучшей ихъ разработки. Фактъ небывалый тогда у насъ: „основныя начала“ впервые твердо провозгласили начало гласности, состязательности, несмѣняемости судей и независимости адвокатуры и, наконецъ, ввели судъ присяжныхъ, который былъ предложенъ В. А. Ровинскимъ, встрѣтившимъ горячую поддержку, главнымъ образомъ, въ С. И. Зарудномъ и Н. А. Буцковскомъ.

Ниже мы будемъ говорить спеціально объ участіи Буцковскаго въ работахъ по учрежденію суда присяжныхъ, а теперь отмѣтимъ только, что онъ имѣлъ весьма сильное вліяніе на обработку всего нашего дѣйствующаго уголовнаго процесса вообще. Онъ исполнялъ обязанности статсъ-секретаря при разсмотрѣніи „основныхъ началъ“ въ соединенныхъ департаментахъ государственнаго совѣта. Затѣмъ, въ качествѣ предсѣдателя уголовной секціи коммиссіи В. П. Буткова, составлявшей проектъ судебныхъ уставовъ, Буцковскій, съ свойственной ему добросовѣстностью и трудолюбіемъ, принялъ

[1]) См. главу III.

самое дѣятельное участіе какъ въ редактированіи текста статей устава угол. суд., такъ и въ составленіи обширной къ нему объяснительной записки. При обсужденіи въ соединенныхъ департаментахъ государственнаго совѣта проекта уст. уг. суд., онъ опять исполнялъ обязанности докладчика и составителя журнала.

По возвращеніи изъ-за границы, куда онъ ѣздилъ въ 1864 году для ознакомленія на мѣстѣ съ тамошними судебными порядками, 1-го января 1865 года Буцковскій былъ назначенъ сенаторомъ. Въ 1865—66 гг. онъ участвовалъ въ трудахъ коммиссіи В. П. Буткова, занимавшейся окончательными работами по преобразованію судебной части и изготовленіемъ законоположеній о введеніи въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ. 1-го января 1866 года Буцковскому повелѣно присутствовать въ уголовномъ кассаціонномъ департаментѣ сената, гдѣ онъ и оставался до своей смерти.

Трудная задача выпала на долю первыхъ членовъ нашего кассаціоннаго сената, и въ томъ числѣ Н. А. Буцковскаго. Затрудненія, встрѣченныя на пути этимъ даровитымъ хранителемъ и истолкователемъ закона, призваннымъ, съ одной стороны, давать судамъ разъясненія „общихъ началъ“, лежащихъ въ основѣ дѣйствующаго законодательства, а съ другой — охранять полную независимость судейскаго званія и судебной дѣятельности, были двоякаго рода—частью юридическаго, частью бытоваго и политическаго свойства.

Теперь уже, съ 1881 г., съ учрежденіемъ комитетовъ для составленія проекта новаго уголовнаго и гражданскаго уложеній, оффиціально признана негодность нашего дѣйствующаго уголовнаго и гражданскаго законодательствъ [1]. Но каково было

---

[1]) Научнымъ образомъ это положеніе было давно уже доказано относительно гражданскихъ законовъ превосходными работами безвременно умершаго цивилиста И. Оршанскаго, а относительно уголовнаго — трудами гг. Таганцева, Фойницкаго и др.

первымъ сенаторамъ оперировать надъ этимъ негоднымъ, устарѣлымъ матеріаломъ и при помощи научныхъ пріемовъ толкованія стремиться къ извлеченію изъ него „общихъ началъ“, которыхъ или вовсе тамъ не было, или были лишь слабые намеки на нихъ.

Нужно читать пространныя и превосходныя кассаціонныя рѣшенія, принадлежащія перу первыхъ сенаторовъ, Н. А. Буцковскаго, П. А. Зубова, недавно скончавшагося М. Н. Любощинскаго, В. А. Арцимовича и др., чтобы видѣть, какую массу труда положили эти почтенные труженики на пользу правильнаго развитія нашего законодательства.

А между тѣмъ сколько незаслуженныхъ упрековъ за „*внесенныя противорѣчія*“ выслушали и вынесли эти даровитые юристы, призванные найти общія начала и тамъ, гдѣ даже такой снисходительный критикъ, какъ графъ Блудовъ, засвидѣтельствовалъ ихъ полное отсутствіе [1]), или примирить постановленія, изъ коихъ одни относились къ жестокимъ временамъ „тишайшаго царя“, съ ихъ „нещаднымъ битьемъ кнутомъ“, а другіе—къ гуманно освободительной эпохѣ, приведшей къ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія.

Не малы были и бытовыя затрудненія, ибо не легко было обществу, воспитанному на произволѣ и видѣвшему въ законѣ не общеобязательную норму, а лишь красивую и внушительную декорацію, грозную только для людей безъ денегъ и связей, усвоить себѣ, что новый судъ равенъ для всѣхъ и никому не мирволитъ, рѣшительно никому; что онъ рѣшаетъ дѣла по закону, не обращая вниманія, какъ выражалось еще наше старое законодательство, „на приватныя письма, хотя бы отъ первѣйшихъ лицъ въ государствѣ“ (ст. 718, т. III св. зак.).

Буцковскій оставался буквально глухъ для всѣхъ самыхъ тонкихъ подходовъ, разсчитанныхъ на то,

---

1) См. т. II. Дѣла о преобр. суд. част. п. II, Объяснит. Зап. къ уст. гражд. суд.

чтобы captare benevolentiam его, какъ судьи, если не путемъ задабриванія и застращиванія, — на что никто бы не рѣшился, — то хотя бы путемъ искусной эксплуатаціи его гуманности и благородства.

Но самыя серьезныя затрудненія встрѣчало правильное и согласованное съ духомъ судебныхъ уставовъ направленіе кассаціонной практики со стороны установившихся „свычаевъ-обычаевъ“ дореформенной администраціи. Ей не легко было разставаться съ аттрибутами и функціями всемогущества.

Въ частности, судебная администрація не охотно мирилась съ тою почетною, но строго очерченною ролью, которую создали для нея судебные уставы 20-го ноября. Являясь стороною на судѣ, прокуратура не могла переварить мысли, что она, украшенная всѣми наружными аттрибутами власти и силы, назначенная представлять въ своемъ лицѣ отраженіе престижа могущественныхъ сферъ, вооруженныхъ всею мощью государственной власти, — что она должна, въ качествѣ *казеннаго обвинителя*, стоять предъ судомъ на одной доскѣ съ адвокатомъ, съ этимъ скромнымъ представителемъ частнаго интереса единичнаго гражданина, не имѣющаго иныхъ средствъ воздѣйствія для защиты его свободы, чести и имущества, какъ разумъ законовъ и законы разума и справедливости. Отсюда первый поводъ для неудовольствія судебной администраціи противъ такихъ сенаторовъ, какъ Буцковскій, т. е. такихъ, которые вникаютъ во внутренній смыслъ закона и глухи къ внѣшнимъ давленіямъ и нашептываніямъ плывущаго по теченію оппортунизма.

Другой поводъ для столкновенія съ судебною администраціею дало обычное у насъ явленіе, состоявшее въ томъ, что проведеніе въ жизнь реформъ поручалось людямъ, имъ не сочувствующимъ. Благодаря этому явленію, реформы рано начали понемногу „исправляться и смягчаться“, — словомъ, скоро произошла столь извѣстная у насъ отмѣна закона „*въ административномъ порядкѣ*“, сначала

мотивируемая временными обстоятельствами, а потомъ получавшая хроническій характеръ. Не мало такихъ отмѣнъ послѣдовало и по судебному вѣдомству со времени послѣдовавшей въ 1867 г. отставки перваго генералъ-прокурора новаго суда, Д. Н. Замятина, и наступившей вслѣдъ за этимъ реакціи.

Какъ и слѣдовало ожидать, всѣ такія „новшества“ встрѣчали въ Буцковскомъ, какъ въ убѣжденномъ и стойкомъ защитникѣ основъ судебной реформы, самаго горячаго противника. Такъ, онъ рѣшительно выступилъ противъ приравненія „настоящихъ“, т. е. „несмѣняемыхъ“, судебныхъ слѣдователей къ тѣмъ „оловяннымъ“ слѣдователямъ, т. е. къ молодымъ людямъ, командируемымъ для исправленія должности судебнаго слѣдователя, которыхъ избралъ реакціонный духъ семидесятыхъ годовъ [1]).

Безъ преувеличенія можно сказать, что Буцковскій, по должности члена высшаго судебнаго мѣста, въ циклѣ новыхъ судебныхъ учрежденій осуществлялъ вполнѣ тотъ идеалъ судьи трудолюбиваго, честнаго, независимаго, неподкупнаго (не только въ грубомъ, матеріальномъ смыслѣ лихоимства, но и въ болѣе тонкомъ смыслѣ психологическаго воздѣйствія сильныхъ окружающихъ вліяній), о которомъ онъ мечталъ, когда писалъ судебные уставы.

Помимо своей служебной дѣятельности, Н. А. Буцковскій сдѣлался извѣстнымъ въ нашей юридической литературѣ нѣсколькими цѣнными вкладами въ область уголовнаго права и процесса, какъ-то: „*Очеркъ кассаціоннаго порядка отмѣны рѣшеній по судебнымъ уставамъ*“; „*О приговорахъ по уголовнымъ дѣламъ, рѣшаемымъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей*“; „*О дѣятельности прокурорскаго надзора*;“ „*Основанія кассаціонной практики по вопросамъ преюдиціальнымъ*“; „*О самоуправствѣ*“ и пр. Труды Буцков-

---

[1]) См. Кассац. рѣш. угол. касс. деп. 1870, № 1411; 1871, № 1269.

скаго вышли въ 1874 года отдѣльною книгою подъ заглавіемъ: „*Очерки судебныхъ порядковъ по уставамъ 20-го ноября 1864 года*“. Изданіе это до сихъ поръ, пользуется большимъ авторитетомъ и составляетъ настольную книгу для всякаго серьезнаго криминалиста [1]).

Въ заключеніе этого бѣглаго очерка внѣшней дѣятельности Буцковскаго отмѣтимъ послѣднюю его волю, наглядно рисующую его свѣтлую личность и благородную душу. „Въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ,—писалъ онъ въ своемъ завѣщаніи,—я получаю значительное содержаніе (сверхъ сенаторскаго содержанія въ 7.000 р., онъ получалъ за труды по составленію судебныхъ уставовъ съ 1864 года по 2.500 р.) и постоянно дѣлаю сбереженія въ тѣхъ видахъ, чтобы обезпеченіемъ своего существованія собственными средствами составить себѣ *независимое положеніе*, и чтобы по смерти своей оказать помощь ближайшимъ ко мнѣ лицамъ и завершить свою жизнь какимъ-либо полезнымъ дѣломъ.“ Съ этою цѣлью Буцковскій завѣщалъ скопленный имъ капиталъ въ 50.000 р. близкимъ лицамъ въ пожизненное пользованіе; послѣ смерти ихъ онъ назначилъ обратить его въ благотворительный фондъ *для первоначальнаго пособія* въ предѣлахъ округа с.-петербургской судебной палаты тѣмъ, *по суду оправданнымъ*, которыхъ невинность окажется очевидною, а не признанною только по неполности уликъ, и тѣмъ осужденнымъ, которые впали въ преступленіе по несчастному для нихъ стеченію обстоятельствъ, и для которыхъ своевременная помощь можетъ быть спасительнымъ средствомъ къ обращенію ихъ на путь честной жизни. Завѣдываніе раздачею изъ фонда Буцковскій довѣрилъ петербургской корпораціи присяжныхъ повѣренныхъ, очевидно, исходя изъ той мысли, что они, въ качествѣ защитниковъ, поставлены въ наилучшія условія для ознакомленія съ интимнымъ характеромъ преступленій и подсудимыхъ [2]).

---

[1]) См. Н. Муравьевъ „Прокурорскій надзоръ“, II, стр. 483—484.

[2]) Такова была послѣдняя воля этого благороднаго судьи-

III.

Охарактеризовавъ въ общихъ чертахъ дѣятельность Н. А. Буцковскаго въ области суда и законодательства, остановимся подробнѣе на участіи его въ учрежденіи у насъ суда присяжныхъ. Оно заслуживаетъ особаго вниманія по многимъ соображеніямъ. Судъ присяжныхъ составляетъ вѣнецъ судебной реформы. Въ этомъ согласны какъ друзья, такъ и недруги судебной реформы.

„Московскія Вѣдомости“ основательно видѣли въ судѣ присяжныхъ „лучшую гарантію гражданской свободы“ [1]); г. Фуксъ въ недавно вышедшей книгѣ своей говоритъ [2]), что судъ присяжныхъ есть „центръ тяжести нашей судебной реформы“ (стр. 97), а по отзыву профессора Фойницкаго, „это—лучшее украшеніе и самая твердая опора нашей новой судебной системы“ [3]). Мы поймемъ и согласимся съ этими мнѣніями, если вспомнимъ, что и европейская наука смотритъ на судъ присяжныхъ какъ на наиболѣе выдающійся признакъ, коимъ характеризуется современный общественный строй жизни всѣхъ *культурныхъ* націй [4]).

человѣка! Любопытно отмѣтить, что судебная администрація встрѣтила „либеральное“ духовное завѣщаніе Н. А. Буцковскаго крайне недружелюбно и намѣревалась даже ходатайствовать объ оставленіи его безъ исполненія. Случайное обстоятельство задержало докладъ по этому дѣлу, и впослѣдствіи, по иниціативѣ министра юстиціи Д. Н. Набокова, послѣдовало разрѣшеніе на учрежденіе фонда Буцковскаго. Съ 1881 г. фондъ находится въ распоряженіи петербургскаго совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, и возросъ до 71.666 руб. (подробности см. въ книгѣ П. В. Макалинскаго: „С.-Петербургская адвокатура“, стр. 226—237).

[1]) „Москов. Вѣдом.“, 1867, № 69.

[2]) „Судъ и полиція“, Виктора Фукса. М. 1889. Въ книгѣ этой собраны статьи, печатавшіяся въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1884—1887 гг.

[3]) См. „Курсъ уголовн. судопр.“, Спб. 1884, стр. 386.

[4]) «Исторія права не знаетъ,—замѣчаетъ германскій юристъ Бруннеръ,—другаго учрежденія, которое бы въ столь короткое время такъ широко разрослось и столь энергически пустило

Въ виду такого особеннаго значенія суда присяжныхъ, едва ли не одною изъ важнѣйшихъ заслугъ Буцковскаго предъ потомствомъ является то дѣятельное участіе, которое онъ принялъ въ насажденіи у насъ „самаго естественнаго и справедливаго суда“, какъ справедливо называетъ судъ присяжныхъ въ своихъ соображеніяхъ государственная канцелярія [1]).

Но есть еще одно соображеніе, настоятельно требующее разъясненія вопроса о происхожденіи суда присяжныхъ. Въ послѣднее время съ особенною настойчивостью проводится мысль, что этотъ институтъ былъ плодомъ „политической“ тенденціи и „легкомысленнаго увлеченія“ либеральною доктриною à la Руссо. Когда такія обвиненія сыплются со страницъ органовъ реакціонной печати, то едва ли заслуживаютъ они серьезнаго вниманія: грубая недобросовѣстность и невѣжество такихъ статей такъ очевидны, что врядъ ли онѣ въ состояніи ввести въ заблужденіе серьезнаго и безпристрастнаго читателя.

Но дѣло получаетъ совершенно иной характеръ, когда съ такими тяжкими и небезопасными обвиненіями выступаютъ лица, труды которыхъ носящіе „наружные“ признаки безпристрастія и солидности, будутъ сопровождены болѣе или менѣе внушительнымъ, для неспеціальной публики, багажомъ подстрочныхъ примѣчаній и ссылокъ на ученую иностранную литературу. Таковъ именно недавно вышедшій отдѣльною книгою названный выше трудъ г. Виктора Фукса: „Судъ и полиція“. Въ предисловіи авторъ дважды съ удареніемъ обѣщаетъ остаться „*безпристрастнымъ*“ и „*вполнѣ объективнымъ*“.

корни въ юридической жизни различнѣйшихъ странъ, какъ судъ присяжныхъ. До послѣдняго десятилѣтія истекшаго столѣтія онъ былъ извѣстенъ въ Англіи и Америкѣ. Съ тѣхъ поръ онъ сдѣлался едва ли не *всемірнымъ* правовымъ институтомъ, и не далеко, повидимому, то время, когда на присутствіе присяжныхъ въ судахъ будутъ смотрѣть какъ на существенный признакъ европейской культуры.»

1) См. т. XVIII, Дѣло о преобраз. суд. части, стр. 39.

Но, при ближайшемъ знакомствѣ съ этою „критикою“ судебной реформы 1864 г., въ методологическихъ пріемахъ автора обнаруживается такой существенный недостатокъ, вслѣдствіе котораго критика г. Фукса теряетъ всякій не только научный авторитетъ, но и практическій интересъ. Доказать это можно съ полною наглядностью на „критикѣ“ г. Фукса трудовъ дѣятелей судебной реформы по введенію у насъ суда присяжныхъ. Имъ авторъ посвящаетъ обширную третью главу, которая является „консолидированнымъ обвинительнымъ актомъ“, выдвигаемымъ консервативнымъ лагеремъ противъ виновниковъ введенія у насъ суда присяжныхъ. Г. Фуксъ бросаетъ рѣзкій упрекъ редакторамъ судебныхъ уставовъ за то, что, введя этотъ институтъ, они забыли „приличную законодателямъ осмотрительность“, что они ограничились поверхностными, спорными и отвлеченными аргументами, вмѣсто того, чтобы основаться „на положительныхъ заключеніяхъ науки и практики, наконецъ, на глубокомъ соображеніи условій нашей дѣйствительной жизни“ (стр. 119, 127). Далѣе, г. Фуксъ, въ подтвержденіе легкомысленнаго отношенія дѣятелей судебной реформы, прибѣгаетъ къ ариѳметическому разсчету и смѣло утверждаетъ, что „объ основномъ характерѣ этого института, о поводахъ или препятствіяхъ къ его введенію упомянуто въ объясненіяхъ къ уст. угол. суд. лишь на *четырехъ* (курсивъ въ подлинникѣ) страничкахъ въ формѣ комментарія (т.-е. въ извѣстномъ изданіи государственной канцеляріи судебныхъ уставовъ съ разсужденіями) къ ст. 201, а возраженіямъ противъ суда присяжныхъ посвящено всего „*сорокъ четыре строки*“.

Всякій невольно преклонится предъ этою замѣчательною добросовѣстностью критика, не остановившагося даже предъ исчисленіемъ „страничекъ“ и „строкъ“, и невольно проникнется уваженіемъ предъ солидностью „консолидированнаго обвинительнаго акта“. Таково первое впечатлѣніе; но чѣмъ внимательнѣе вчитываешься въ критику г. Фукса, тѣмъ больше убѣждаешься въ ея собственной легко-

вѣсности. Начать съ того, что критикъ проглядѣлъ „комментарій“ къ ст. 7 учр. гр. суд. уст., гдѣ находимъ еще на *четырехъ* страницахъ объясненія „объ основномъ характерѣ“ суда присяжныхъ (стр. 19—22 т. III суд. уст., изд. госуд. канц., 1866 г.), извлеченныя изъ того же журнала государственнаго совѣта 1862 г., за № 65, часть котораго приведена подъ ст. 201 уст. уг суд. Такимъ образомъ выходитъ, что критикъ самъ проглядѣлъ цѣлую половину „комментаріевъ, что̀ одно безъ сомнѣнія, значительно колеблетъ справедливость его суда надъ „легкомысленными идеологами“ судебной реформы.

Далѣе, г. Фуксъ *и не подозрѣваетъ*, что судебные уставы, съ такъ называемыми комментаріями, не болѣе какъ краткій компендіумъ, составленный для ближайшихъ цѣлей судебнаго толкованія статей закона, ибо весь матеріалъ, „по своей огромности, не можетъ быть доступенъ для всего круга лицъ законодательнаго и судебнаго вѣдомствъ“. Сдѣланныя государственною канцеляріею, подъ главнымъ руководствомъ С. И. Зарудnаго, *извлеченія* изъ подлинныхъ журналовъ, объяснительныхъ и другихъ записокъ, какъ было указано выше не болѣе какъ vulgata — общедоступный, краткій компендіумъ, которымъ не можетъ довольствоваться ни одинъ серьезный ученый [1]). Г. Фуксъ полагаетъ, что эти три-четыре тома средней величины и составляютъ полное собраніе матеріаловъ судебной реформы.

Но что бы думали о томъ историкѣ, который, не подозрѣвая о существованіи полнаго собранія законовъ, сталъ бы осмѣивать русское законодательство, ссылаясь на то, что оно, кромѣ свода законовъ, ничего не произвело?

---

[1]) Лучшимъ тому доказательствомъ служатъ научные курсы гражданскаго и уголовнаго судопроизводства профессоровъ К. И. Малышева и И. Я. Фойницкаго, которые безпрестанно ссылаются на подлинные документы судебной реформы. А между тѣмъ противъ г. Фойницкаго и предъявляетъ г. Фуксъ обвиненіе въ „ненаучности“, съ намеками на политическую неблагонадежность автора (стр. 167—168).

Совершенно тождественно положеніе г. Фукса, исчисляющаго число страницъ (или, какъ онъ выражается, страничекъ) и строкъ въ компиляціи государственной канцеляріи и не предполагающаго о существованіи огромнаго 74-томнаго *Дѣла о преобразованіи судебной части* въ Россіи, въ которомъ заключается весь сводъ подлинныхъ матеріаловъ судебной реформы и которое должно служить „для истинныхъ научныхъ комментаріевъ“.

Въ самомъ дѣлѣ, не только въ предисловіи къ изданію судебныхъ уставовъ государственною канцеляріею прямо говорится о подлинныхъ *«печатныхъ фоліантахъ»* (стр. II пред.), но и подъ каждымъ извлеченіемъ, въ концѣ, въ скобкахъ, *указывается* подлинный источникъ, т.-е. *документъ*, откуда *взятъ* комментарій.

Если бы г. Фуксъ внимательно прочелъ до конца *«четыре»* странички подъ ст. 201, то нашелъ бы и подъ ними ссылку на журналъ государственнаго совѣта 1862, № 65, который и представляетъ тотъ подлинникъ, откуда взяты эти страницы [1]).

Чтобы обнаружить вполнѣ колоссальность допущенной г. Фуксомъ ошибки или мистификаціи, возьмемъ одинъ томъ «Дѣла о преобразованіи судебной части», а именно XVII-й, или одну только часть его, такъ называемую «сѣренькую (по цвѣту папки) книгу».

Въ этомъ томѣ мы находимъ три записки о судѣ присяжныхъ, составленныя Д. А. Ровинскимъ и покойными С. И. Зарудnымъ и Н. А. Буцковскимъ. Первая записка, «Устройство уголовнаго суда», занимаетъ *16* большихъ печатныхъ страницъ и посвящена, главнымъ образомъ, опроверженію доводовъ, приводившихся въ запискѣ графа Блудова 1860 г. *о несвоевременности* введенія у насъ суда присяжныхъ. Вторая записка: «Общія соображенія по

---

[1]) Если полный 74-томный комплектъ «Дѣла о преобр. суд. ч.» составляетъ библіографическую рѣдкость, то отдѣльные, наиболѣе важные томы не составляютъ большой рѣдкости и имѣются у многихъ занимающихся судебною реформою.

вопросу «о составѣ уголовнаго суда», занимаетъ *32* печатныхъ страницы и вся состоитъ изъ разбора научно-практическихъ данныхъ pro и contra суда присяжныхъ, анализа иностранныхъ законодательствъ объ этомъ институтѣ и разсмотрѣнія практическихъ условій нашей дѣйствительности для введенія его у насъ, т.-е., другими словами, въ запискѣ Зарудnаго мы находимъ именно ту разработку вопроса, отсутствіе которой ставитъ г. Фуксъ въ непростительную вину легкомысленнымъ редакторамъ уставовъ 20-го ноября.

Въ началѣ записки С. И. Зарудный ставитъ вопросъ объ общихъ условіяхъ раціональнаго судоустройства вообще, затѣмъ переходитъ къ уголовному и устанавливаетъ въ шести параграфахъ 6 основныхъ условій его и доказываетъ, что только судъ присяжныхъ соотвѣтствуетъ этимъ условіямъ. Далѣе, онъ подробно останавливается на политической сторонѣ этого института и опровергаетъ ходячее мнѣніе о преобладаніи въ немъ этой стороны и для лучшаго оправданія своего взгляда онъ обозрѣваетъ исторію возникновенія суда присяжныхъ въ Англіи, Америкѣ, во Франціи, въ Швейцаріи, Бельгіи, Германіи, Италіи. Заканчиваетъ онъ обзоръ анализомъ мнѣній ученыхъ Миттермейера, Фостенъ Эли и Пизанелли о судѣ присяжныхъ, какъ о судѣ пэровъ. Во второй половинѣ своего труда Зарудный въ восьми параграфахъ детально разбираетъ *всѣ* возраженія противъ суда присяжныхъ и, наконецъ, останавливается на вопросѣ о *своевременности* введенія въ Россіи суда присяжныхъ. И тѣмъ не менѣе г. Фуксъ утверждаетъ, что вопросъ о судѣ присяжныхъ у насъ былъ недостаточно разработанъ и какъ бы скомканъ.

Теперь обратимся къ запискѣ Буцковскаго. Н. А. Буцковскій, въ своей запискѣ объ основныхъ началахъ уголовнаго судопроизводства, анализируетъ прежде всего проектъ графа Блудова, предполагавшаго рѣшенія вопросовъ о виновности и наказаніи безраздѣльно предоставить судьямъ-юристамъ и сословнымъ засѣдателямъ, и затѣмъ пере-

ходить къ ученію объ общихъ гарантіяхъ правосудія, а именно: 1) раздѣленіе вопросовъ о винѣ отъ вопроса о наказаніи; 2) многочисленность коллегіи, рѣшающей дѣло; 3) широкое право отвода; 4) предоставленіе вопроса о виновности рѣшенію общественныхъ представителей, и о наказаніи—судьямъ-техникамъ. Каждое изъ этихъ положеній можетъ быть введено,—говоритъ Буцковскій,—независимо *отъ всякихъ политическихъ видовъ*, изъ однихъ только юридическихъ соображеній.

Строгость наказанія нерѣдко побуждала судей признавать *невиннымъ совершенно изобличеннаго преступника*. Равномѣрно бывали и преувеличенія виновности, если преступникъ возбуждалъ противъ себя негодованіе или омерзѣніе. Такимъ образомъ преступники наказывались *по усмотрѣнію судей*, а не согласно уставамъ закона. Если не вполнѣ, то въ значительной мѣрѣ недостатокъ этотъ устраняется отъ *раздѣленія* вопросовъ о винѣ и наказаніи.

При рѣшеніи вопроса о винѣ по внутреннему убѣжденію предполагается, что каждый судья даетъ мнѣнія по чистой совѣсти, ничѣмъ не стѣсняемой. Такъ какъ это есть единственное качество, которое требуется отъ судейскаго мнѣнія, и по этому собственно качеству данное мнѣніе почитается истиннымъ, то отсюда слѣдуетъ, что вѣроятность правдивости рѣшенія, даннаго по внутреннему убѣжденію судей, зависитъ не отъ качества выраженнаго въ немъ мнѣнія, которое во всякомъ случаѣ должно подходить подъ общій уровень по своему существенному свойству, но единственно *отъ количества голосовъ*, соединившихся въ одномъ рѣшеніи. Чѣмъ болѣе лицъ, признающихъ вину или невинность подсудимаго, тѣмъ болѣе шансовъ, что предполагаемая истинность ихъ убѣжденій есть истина дѣйствительная. Когда судьи въ мнѣніяхъ своихъ связаны закономъ, то и меньшее число голосовъ можетъ имѣть преимущество предъ большимъ, если первое ближе подходитъ къ требованіямъ закона, чѣмъ послѣднее. Но когда судьи даютъ мнѣнія лишь по внутреннему убѣжденію, для котораго не

существуетъ никакого внѣшняго мѣрила, тогда сильнѣйшимъ можетъ быть только то мнѣніе, которое соединяетъ въ себѣ болѣе голосовъ. Вотъ почему необходимо, чтобы судъ, рѣшающій вопросъ о винѣ или невинности подсудимаго по совѣсти, былъ по возможности въ *наибольшемъ числѣ*.

Право отвода судей тогда только доставляетъ надлежащее огражденіе, когда отводъ можетъ быть предъявляемъ безъ представленія къ тому причинъ. Не легко доказать причины отвода и даже не всегда можно ихъ выставить, а между тѣмъ, при существованіи этихъ причинъ, нельзя положиться на безпристрастіе судьи.

Въ уголовномъ уложеніи, болѣе чѣмъ во всякой другой части законодательства, обнаруживается безсиліе закона вмѣстить въ общихъ правилахъ все разнообразіе жизни и предусмотрѣть всѣ случаи, ею представляемыя, потому что въ этой сферѣ житейскихъ страстей отдѣльные случаи столь же разнообразны, какъ разнообразны порождающія ихъ страсти, характеры, положенія и отношенія людей. Гдѣ не можетъ дать надлежащаго руководства законъ, тамъ должна служить руководительницею совѣсть, и именно *совѣсть общества*, какъ такого коллективнаго лица, котораго юридическія воззрѣнія служатъ *главнымъ источникомъ самого законодательства*. Но общество не можетъ быть судьею въ полномъ своемъ составѣ, слѣдовательно оно должно подавать свой голосъ черезъ своихъ представителей, и тамъ, гдѣ общество не слилось еще въ одну общую массу, гдѣ существуютъ различныя сословія, представители его должны быть сословными. Мысль эта проявляется въ нашемъ законодательствѣ въ установленіи судебныхъ засѣдателей, назначаемыхъ по выборамъ. Къ тѣмъ же выводамъ приводятъ и другія соображенія: у насъ невозможно наполнить одними свѣдущими въ правовѣдѣніи лицами составъ судилищъ, необходимый при опредѣленіи виновности подсудимыхъ по внутреннему убѣжденію судей; вообще люди многообразной внѣшней дѣятельности способнѣе оцѣнить выходящіе изъ нея

факты, чѣмъ судьи-техники, теряющіе иногда за своими кабинетными занятіями живое созерцаніе дѣйствительности и впадающіе отъ долговременнаго обращенія *съ подсудимыми въ равнодушіе къ ихъ участи;* наконецъ, между судьями, опредѣляющими виновность подсудимаго по совѣсти, должны быть такія лица, кои, не имѣя порочныхъ свойствъ его, принадлежали бы къ одной съ нимъ *средѣ по ихъ понятіямъ, нравамъ* и обычаямъ, для вѣрнѣйшаго обсужденія какъ значенія уликъ, такъ и свойства виновности подсудимаго, опредѣляемой вообще кругомъ его понятій и общимъ уровнемъ нравственности, для того, чтобы судьи были *олицетворенною* совѣстью *обвиняемаго.* Наказаніе же опредѣляютъ судьи-техники.

Всѣ вышеобъясненныя гарантіи указываютъ прямо,—говоритъ Буцковскій,—*на присяжное въ судѣ начало.* Дѣйствительно, трудно, или даже почти невозможно, представить себѣ какое-либо существенное улучшеніе въ уголовномъ судопроизводствѣ, не прибѣгая къ присяжному началу. Многіе изъ нашихъ юристовъ убѣждены, что введеніе у насъ суда присяжныхъ возможно, и принесло бы большую пользу поднятіемъ судебной власти на подобающую ей степень достоинства, силы и уваженія и распространеніемъ въ народѣ здравыхъ юридическихъ понятій и чувства законности. Но существуетъ и противное тому мнѣніе, въ подкрѣпленіе котораго приводятъ обыкновенно два возраженія: во первыхъ, что судъ присяжныхъ есть судъ общества, *несовмѣстный съ правами самодержавной власти,* а во вторыхъ, что общество наше недостаточно развито для того, чтобы входить въ судейскія соображенія, требующія и тонкаго анализа, и юридическихъ выводовъ.

Но присяжное начало *не есть какая-нибудь новость въ Россіи.* Еще во время дѣйствія Русской Правды и затѣмъ Судебниковъ важнѣйшія уголовныя дѣла предоставлены были разбирательству исключительно выборныхъ людей, *губныхъ старостъ и цѣловальниковъ,* сначала въ видѣ привилегіи, а со

времени Грознаго, который пользовался неограниченно своими самодержавными правами, — въ видѣ *общаго учрежденія*. Мысль о необходимости удержанія на судѣ присяжнаго или, по крайней мѣрѣ, выборнаго начала никогда не была оставляема вполнѣ нашимъ правительствомъ и послѣ Петра. Екатерина II дворянскому и городскому сословіямъ предоставила право судиться одними равными, а впослѣдствіи и волостнымъ и сельскимъ расправамъ предоставлено было право суда по маловажнымъ дѣламъ и удаленія людей порочнаго поведенія. Сводъ законовъ 1857 г. также признаетъ присяжное начало въ видѣ вердикта 12-ти лицъ о членовредительствѣ, приговоровъ мѣщанскихъ обществъ о порочныхъ или оставленныхъ въ подозрѣніи судомъ членахъ.

Въ виду этихъ данныхъ можно ли утверждать, — спрашиваетъ Буцковскій, — что судъ присяжныхъ непримѣнимъ у насъ. Если же наблюдается то странное явленіе, что наши древніе судные мужи болѣе удовлетворяли общество, чѣмъ наши позднѣйшіе судебные засѣдатели, то причина его простая—въ томъ, что первые примѣняли вполнѣ знакомое имъ обычное право, а послѣдніе теряются въ огромныхъ сборникахъ законовъ, доступныхъ только спеціалистамъ по законовѣдѣнію. Этимъ также объясняется, почему присяжное начало, отъ котораго правительство наше никогда положительно не отказывалось, не получило надлежащаго развитія въ судебныхъ учрежденіяхъ новѣйшаго времени. Сословные засѣдатели, которые ни научнымъ образованіемъ, ни прежними занятіями своими большею частью не приготовлены къ тому, чтобы подвизаться *на поприщѣ законовѣдѣнія*, попали въ руки, съ одной стороны, членовъ отъ правительства, болѣе или менѣе знакомыхъ съ теоріею, а съ другой —секретарей-практиковъ, искусившихся въ подборѣ статей закона для всякаго рѣшенія, праваго или неправаго, и такимъ образомъ утратили свое судейское достоинство и обратились въ совершенные нули. Извѣстно, что сельскіе засѣдатели въ судахъ

употреблялись нерѣдко для исполненія служительскихъ обязанностей, топки печей и чистки комнатъ.

При такомъ положеніи сословныхъ засѣдателей скорѣе можно было бы помышлять объ уничтоженіи этого установленія, чѣмъ о дальнѣйшемъ его развитіи (какъ предполагалъ проектъ графа Блудова). Но политично ли, справедливо ли лишить общество *послѣдней опоры народнаго суда*, которымъ такъ дорожатъ всѣ гражданскія общества? Если народная любовь къ Грозному, несмотря на всѣ его жестокости и неистовства, была не вымысломъ, а дѣйствительностью, какъ удостовѣряютъ всѣ наши историки, если смерть ни одного, можетъ-быть, государя прежнихъ временъ не была такъ оплакиваема народомъ, какъ смерть Грознаго, то не служитъ ли это яснымъ доказательствомъ того, *какое сочувствіе находили въ народѣ* гласныя мѣры, которыми отличалось правленіе Грознаго, старавшагося *развить въ общинахъ начатки самоуправленія и народнаго суда*. Итакъ, судебное преобразованіе должно стремиться не къ устраненію изъ нашихъ судовъ сословныхъ засѣдателей, не къ тому, чтобы затруднительными и почти неисполнимыми условіями выбора, какъ напр. требованіемъ отъ засѣдателей юридическаго образованія (таково было требованіе Блудовскаго проекта) *сдѣлать народное представительство мнимымъ* или только номинальнымъ; но, напротивъ того, къ постановленію сословныхъ засѣдателей въ положеніе, соотвѣтствующее кругу ихъ понятій и свѣдѣній, чтобы они могли исполнять свои обязанности, *не краснѣя предъ людьми и сознавая въ глубинѣ своей совѣсти*, что имъ доступно святое дѣло суда, и что они исполнили его со вниманіемъ и безъ всякихъ личныхъ видовъ и лицепріятія.

Для этого нужно прежде всего,—говоритъ Буцковскій—совершенно отдѣлить въ уголовныхъ дѣлахъ вопросъ о виновности или невинности подсудимыхъ отъ вопроса объ опредѣленіи наказанія и предоставить: первый—разрѣшенію сословныхъ засѣдателей въ качествѣ присяжныхъ, которыхъ ор-

ганизація представляла бы всѣ вышеисчисленныя гарантіи, а второй — соображенію судей-техниковъ.

Нѣтъ рѣшительно никакихъ причинъ полагать,— утверждаетъ авторъ записки,—что при такомъ раздѣленіи судейскихъ занятій сословные засѣдатели, какъ судьи одной фактической стороны дѣла, будутъ ниже своихъ обязанностей. Напротивъ того, есть много основаній думать, что сословные засѣдатели въ этомъ ограниченномъ кругѣ судопроизводства *будутъ лучшими органами правосудія, чѣмъ закопавшіеся въ бумагахъ судьи-техники.* Дѣйствительно, что обыкновенно требуется отъ присяжныхъ судей? Рѣшить: изобличается ли подсудимый въ томъ преступленіи, которое выставлено обвиненіемъ и слѣдствіемъ. Если законъ требуетъ отъ судей фактической стороны дѣла только одного полнаго внутренняго убѣжденія, не стѣсненнаго никакими формальными доказательствами, то, очевидно, что для справедливаго рѣшенія такого вопроса присяжные, избираемые обыкновенно изъ того же разряда людей, къ которому принадлежитъ обвиняемый, имѣютъ болѣе средствъ, чѣмъ судьи-техники. Какъ тѣ, такъ и другіе пользуются одними и тѣми же данными, обнаруженными слѣдствіемъ, и едва ли возможно допустить, чтобы изъ этихъ данныхъ естественная логика, присущая каждому человѣку съ болѣе или менѣе проницательнымъ умомъ, не могла вывести относящихся къ предмету обвиненія соображеній, въ которыхъ *наглядная непосредственность сужденія во многихъ случаяхъ вѣрнѣе ученыхъ и тонкихъ анализовъ.*

Но, сверхъ этихъ общихъ данныхъ, присяжные для открытія истины могутъ пользоваться какъ указаніями народной молвы, которая скорѣе дойдетъ до нихъ, чѣмъ до постоянныхъ судей, такъ и ближайшею извѣстностью имъ сословныхъ и мѣстныхъ нравовъ, обычаевъ и порядковъ домашней жизни,—что проливаетъ иногда свѣтъ на такія обстоятельства, которыя для людей, не посвященныхъ въ этотъ обиходъ, кажутся *или темными, или не имѣющими значенія.*

Правда, что задача присяжныхъ иногда усложняется опредѣленіемъ въ смыслѣ дѣйствующихъ законовъ свойства или степени умысла подсудимаго, или обстоятельствъ, увеличивающихъ и уменьшающихъ его вину; но въ этихъ случаяхъ присяжнымъ могутъ быть сдѣланы предсѣдателемъ суда всѣ надлежащія объясненія о существующихъ въ законѣ правилахъ и практическомъ ихъ примѣненіи, какъ это постоянно соблюдается въ судахъ присяжныхъ въ Англіи. Впрочемъ, если бы даже присяжные не поняли вполнѣ объясненія предсѣдателя и не соблюли какой-либо тонкости, то едва ли это можно считать не только большимъ, но даже какимъ-либо зломъ. Уголовные законы, въ главныхъ ихъ основаніяхъ, понятны и извѣстны каждому человѣку, какъ требованіе естественной справедливости и общественной пользы, и такія элементарныя свѣдѣнія не могутъ быть чужды присяжнымъ. *Но тонкости уголовнаго права* суть такія воззрѣнія, которыя выработаны въ кабинетахъ ученыхъ криминалистовъ и часто вовсе не входятъ въ кругъ понятій необразованной массы людей. Если присяжные, принадлежащіе обыкновенно къ одному съ подсудимымъ разряду людей, не понимаютъ какой-либо тонкости, это вѣрный признакъ, что она *не входитъ въ кругъ понятій*, обращающихся въ извѣстномъ слоѣ общества, и была бы въ данномъ случаѣ неумѣстна. Въ этомъ обнаруживается *не слабая, но сильная сторона присяжныхъ*. Законы пишутся для всѣхъ, безъ различія слоевъ общества и индивидуальностей, и въ такомъ обобщенномъ видѣ они могутъ быть названы справедливыми только въ отвлеченномъ смыслѣ. Задача суда состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать ихъ справедливыми *и въ практическомъ ихъ примѣненіи*... Постоянные судьи не могутъ исполнить эту задачу удовлетворительно потому, главнымъ образомъ, что, стоя на высотѣ отвлеченныхъ истинъ законодательства, они съ трудомъ могутъ снизойти до непосредственнаго взгляда на дѣйствительную жизнь и видятъ ее только чрезъ окно своего кабинета и чрезъ груды письменности,

за которою *не видно живыхъ людей*, т. е. индивидуальныхъ личностей. Отсюда происходитъ наклонность постоянныхъ судей вставлять *всевозможные случаи въ извѣстныя, заранѣе опредѣленныя рамки отвлеченныхъ понятій*. Много несправедливыхъ и много явныхъ послабленій *произошло съ тѣхъ поръ, какъ дѣло суда попало исключительно въ руки судей-техниковъ*.

Совсѣмъ въ другомъ положеніи находятся присяжные. Не стѣсняясь ни какими формальными предписаніями въ признаніи вины или невинности подсудимаго, внося въ судъ свѣжесть и непосредственность взгляда на дѣйствительную жизнь, какъ люди многообразной внѣшней дѣятельности, не отуманенной исключительными кабинетными занятіями, и будучи чужды того категорическаго недовѣрія, которое образуется у судей-техниковъ изъ постояннаго и продолжительнаго обращенія съ уголовными дѣлами, присяжные представляются лучшими *примирителями требованій правды съ дѣйствительною жизнью*, неспособными приносить въ жертву отвлеченнымъ теоріямъ и понятіямъ индивидуальность дѣйствительныхъ случаевъ и живыхъ личностей. Это высокое значеніе суда присяжныхъ, понятое первоначально только въ Англіи, цѣнится все болѣе и болѣе на западѣ Европы, и цѣнится *не только съ политической, но и съ чисто юридической точки зрѣнія*.

Распространившееся повѣрье, что судъ присяжныхъ имѣетъ преимущественно *политическій* характеръ,—замѣчаетъ Буцковскій,—много препятствовало распространенію этого *ничѣмъ незамѣнимаго учрежденія*. Не говоря о томъ, что такое повѣрье, какъ доказано теперь многими учеными криминалистами, не имѣетъ надлежащаго основанія и образовалось только изъ того, что требованія о введеніи суда присяжныхъ предъявлялись преимущественно въ эпохи большей самостоятельности общественнаго мнѣнія,—нельзя не замѣтить, что отъ законодателя зависитъ обставить это учрежденіе такими условіями, при которыхъ оно не могло бы

имѣть никакого политическаго характера, какъ это сдѣлано въ Пруссіи и другихъ германскихъ государствахъ, установившихъ у себя въ недавнее время судъ чрезъ присяжныхъ. Такимъ образомъ у насъ въ Россіи, заключаетъ авторъ, для отклоненія всякаго политическаго характера отъ суда присяжныхъ можно было бы изъять изъ его вѣдомства не только преступленія государственныя, но также преступленія противъ порядка управленія и государственной и общественной службы.

Но за этими изъятіями введеніе суда присяжныхъ въ Россіи *необходимо*, чѣмъ гдѣ бы то ни было, потому что нигдѣ, можетъ-быть, историческая жизнь не положила такихъ глубокихъ разграниченій между различными слоями общества, какъ у насъ, отчего между понятіями, обычаями и образомъ жизни нашихъ постоянныхъ судей, принадлежащихъ къ высшему сословію, и подсудимыхъ изъ низшаго сословія существуетъ цѣлая пропасть.

Говорятъ, что народъ нашъ слишкомъ мало развитъ для того, чтобы имѣть судъ присяжныхъ. Но, казалось бы, это самое положеніе народа, т.-е. его неразвитость, представляетъ основаніе къ совершенно *противоположному* заключенію, потому что такой-то именно народъ и нуждается въ особыхъ гарантіяхъ на судѣ, нуждается въ судьяхъ, которые бы вполнѣ его понимали и были къ нему сколь возможно ближе.

Затѣмъ, представивъ еще нѣсколько дополнительныхъ соображеній, Н. А. Буцковскій излагаетъ и самый проектъ организаціи суда присяжныхъ.

IV.

Приведенныя выписки изъ замѣчательной записки Буцковскаго, оставшейся неизвѣстною [1]) въ тече-

---

[1]) Извлеченія изъ записки напечатаны были мною впервые декабрьской книгѣ *Вѣстника Европы* за 1889 г.

ніе двадцати семи лѣтъ, могутъ дать надлежащее представленіе какъ о томъ, насколько тщательно и всесторонне разрабатывались вопросы въ подготовительныхъ стадіяхъ судебной реформы, такъ и о томъ, сколько правды въ словахъ „критиковъ“ новаго суда, даже и не подозрѣвающихъ о существованіи десятковъ томовъ и тысячъ фоліантовъ матеріаловъ судебной реформы (однѣ только объяснительныя записки, составленныя коммиссіею В. П. Буткова въ 1863 г. въ поясненіе уставовъ гражд. и угол. судопр. и учрежд. судебн. устан. занимаютъ тысячу семьсотъ пятьдесятъ восемь печатныхъ страницъ!), но утверждающихъ однако, что составители судебныхъ уставовъ отнеслись къ своей задачѣ „легкомысленно“.

Будемъ надѣяться, что хоть въ теченіе втораго двадцатипятилѣтія судебной реформы явится подлинная ея исторія на основаніи огромнаго семидесяти-четырехъ-томнаго *Дѣла о преобразованіи судебной части въ Россіи*, заключающаго въ себѣ безчисленныя доказательства изумительнаго трудолюбія и примѣрной добросовѣстности благородныхъ тружениковъ судебной реформы.

Эта подлинная исторія судебной реформы разъяснитъ и тотъ важный фактъ, который многимъ кажется непонятнымъ и для разъясненія котораго органы извѣстной печати не стѣсняются придумывать самыя чудовищныя объясненія. Мы подразумѣваемъ фактъ совершившагося въ 1862 г. болѣе рѣшительнаго перелома въ направленіи судебной реформы.

По версіи „комментаторовъ“ извѣстнаго лагеря, исторія судебной реформы распадается на двѣ несходныя и даже *прямо противоположныя во всемъ* эпохи.

До конца 1861 года дѣло судебнаго преобразованія идетъ будто мѣрнымъ, мирнымъ шагомъ „постепенныхъ улучшеній“, съ сохраненіемъ „традиціи прошлаго“. Словомъ, пока во главѣ дѣла стоитъ осмотрительный юристъ гр. Д. Н. Блудовъ,

дѣло ведется въ „историко-органическомъ“ направленіи [1]).

Но вотъ съ 1862 года являются у насъ „юристы-либералы“ или, скорѣе, юристы-вандалы: С. И. Зарудный, Н. А. Буцковскій и др., они, какъ на tabula rasa, выводятъ по доктринерскому плану зданіе новаго суда.

Для объясненія такого поразительнаго, но никому невѣдомаго историческаго событія, не остановились даже предъ обвиненіемъ этихъ юристовъ въ „*злоупотребленіи довѣріемъ* своихъ начальниковъ и введеніи ихъ въ заблужденіе“. Помимо даже идеальной чистоты этихъ высоко-нравственныхъ людей, неспособныхъ на неблаговидные поступки, a priori кажется чѣмъ-то неправдоподобнымъ и ни съ чѣмъ несообразнымъ, какъ эти два-три юриста настолько успѣли отуманить головы высшихъ государственныхъ сановниковъ, что они, забывъ Высочайшее повелѣніе 1859 года о воспрещеніи касаться, напр., суда присяжныхъ, въ 1862—1864 гг. безпрекословно приняли и одобрили его, и въ числѣ одобрившихъ были такіе столпы благонадежной юриспруденціи, какъ гр. Д. Н. Блудовъ и гр. Н. В. Панинъ. Подчиненный можетъ, конечно, внести отъ себя какіе-нибудь детальные мотивы въ докладъ, но *сущность* дѣла должна же быть сознательно усвоена законодательными органами, а иначе какая же существуетъ гарантія, что вообще законъ есть подлинно сознательное дѣло законодательныхъ органовъ, а не недоразумѣніе, вызванное посторонними, неблагонамѣренными людьми. Когда въ памятныхъ засѣданіяхъ, 27-го августа, 3-го и 4-го сентября 1862 г., государственнаго совѣта *единогласно* принимался судъ присяжныхъ, а впослѣдствіи, осенью 1864 года, и судебные уставы — знали же члены государственнаго совѣта, что рѣчь идетъ *именно о судѣ присяжныхъ*, о которомъ еще такъ недавно имъ было вос-

---

[1]) См. главу I „Суда и полиціи“, Виктора Фукса, стр. 404. „Современная Россія“; „Москов. Вѣд.“ 1888 г., № 329.

прещено даже заикаться, а не о чемъ другомъ. О какомъ же введеніи въ заблужденіе „подчиненными“ начальства или верховной власти можетъ быть рѣчь? Никто никого не могъ и не хотѣлъ вводить и не вводилъ въ заблужденіе, и всѣ дѣйствовали вполнѣ сознательно. На это и не нужно доказательствъ,— это слишкомъ ясно и безъ того!

Въ формулярномъ спискѣ Буцковскаго имѣется одно указаніе, не безынтересное въ этомъ отношеніи и совершенно до сихъ поръ неизвѣстное. Осенью 1863 года коммиссія, въ уголовномъ отдѣленіи которой предсѣдательствовалъ Н. А. Буцковскій, окончила свой трудъ, составивъ проекты судебныхъ уставовъ и снабдивъ ихъ обширными объяснительными записками. Императоръ Александръ II пожелалъ предварительно ознакомиться съ работою коммиссіи Буткова, и вотъ что по этому предмету значится въ упомянутомъ послужномъ спискѣ какъ вообще о работахъ коммиссіи, такъ и въ частности о Буцковскомъ, работавшемъ надъ „судомъ присяжныхъ“. „Покойный государь, принявъ *съ особымъ благоволеніемъ* представленную Его Величеству предсѣдателемъ государственнаго совѣта работу коммиссіи, учрежденной при государственной канцеляріи для составленія проектовъ законоположеній о преобразованіи судебной части, и усмотрѣвъ изъ всеподданѣйшаго *доклада графа Блудова*, что оберъ-прокуроръ Буцковскій былъ однимъ *изъ главныхъ по этой работѣ дѣятелей*, оказалъ особое вниманіе Буцковскому за его *особые и полезные* труды“.

Изъ этой справки очевидно, какъ далеко отъ истины воззрѣніе, утверждающее, будто, съ удаленіемъ въ 1863 г. гр. Блудова отъ руководства судебною реформою, она *сразу*, вслѣдствіе давленія „радикальныхъ юристовъ“, пошла *въ разрѣзъ* прежнему направленію, установленному гр. Блудовымъ. Такой поверхностный взглядъ, и самъ по себѣ неубѣдительный, и фактически невѣрный, притомъ совершенно чуждъ тому историко-органиче-

скому методу, отсутствіе котораго такъ несправедливо ставится въ вину дѣятелямъ 1862—64 г.

Послѣ освобожденія крестьянъ либерально-гуманное направленіе охватило, какъ мы указывали выше [1]), всѣ наши оффиціальные круги и всѣ они заплатили дань здоровому идеализму и оптимизму.

Таковъ именно былъ идеализмъ дѣятелей судебной реформы. Вводя, напр., судъ присяжныхъ и другіе институты нашего новаго судебнаго права, они, конечно, исходили изъ вѣры въ силу добра, въ добрые инстинкты и здравый смыслъ русскаго народа и, въ частности, „вчерашнихъ рабовъ“. Но они не ограничивались только воззваніемъ къ добрымъ чувствамъ будущихъ судебныхъ дѣятелей и предоставленіемъ имъ всесильнаго произвола относительно гражданъ, какъ это напр. сдѣлали идеалисты 20-хъ годовъ, учреждая корпусъ жандармовъ, или орденъ всевѣдущихъ ревизоровъ. Для обезпеченія правильности дѣйствій судей установлены были всѣ рѣшительно *гарантіи*, какія только придумалъ общечеловѣческій опытъ и какія только были возможны въ нашей средѣ (несмѣняемость судей и адвокатуры, гласность и контроль общественнаго мнѣнія и печати, судъ общественной совѣсти и пр.).

Сверхъ того, творцы судебной реформы вѣрили, вмѣстѣ съ лучшими мыслителями Европы, что „хорошія учрежденія *развиваютъ и совершенствуютъ общество*, распространяютъ въ народѣ „понятія о справедливости и законѣ“ [2]).

Такому симпатичному увлеченію, служащему лучшимъ и единственнымъ источникомъ и разсадникомъ прогрессивныхъ реформъ, платили дань въ 60-хъ годахъ „и подчиненные, и начальствующіе“, „и докладчики, и облеченные властью“. И тѣ, и другіе вѣрили, ждали, надѣялись, что, даруя Россіи лучшія учрежденія, до которыхъ только додумалось человѣчество, и для правильнаго дѣйствія которыхъ нужно дѣятельное участіе развитыхъ и любящихъ

---

[1]) См. главу III.

[2]) См. т. XVIII «Дѣла о преобр. суд. части», стр. 32.

общественное дѣло гражданъ этимъ пробудятъ „чести кличъ“ въ апатичномъ обществѣ.

Вотъ объясненіе того необъяснимаго факта, о которомъ упоминалось выше; вотъ гдѣ источникъ того прогрессивнаго движенія, оптимистическаго увлеченія и благороднаго воодушевленія, которое въ 60-хъ годахъ породило реформы прошлаго царствованія. Для объясненія ихъ вовсе не нужна придуманная извѣстною частью печати ни съ чѣмъ несообразная басня о томъ, что кто-то кого-то „обманывалъ“ или „сознательно морочилъ“.

Нѣтъ, тутъ не было и не могло быть никакого ни намѣреннаго, ни ненамѣреннаго обмана. Тутъ дѣйствовалъ тотъ подъемъ духа, который, по глубокому замѣчанію нашего маститаго историка Соловьева [1]), одинъ даетъ сильному правительству, въ союзѣ съ лучшими силами общества, возможность „быть безнаказанно либеральнымъ“; тутъ дѣйствовало такъ настойчиво проводимое нашимъ юристомъ-философомъ П. Г. Рѣдкинымъ, въ его лекціяхъ [2]), начало, что мудрый политикъ не долженъ довольствоваться „палліативными мѣрами, а лѣчить *радикально* всякую общественную болѣзнь съ твердою помощью *началъ науки*“.

Упрекаютъ составителей уставовъ 20-го ноября, что они, будучи „идеологами“, черезчуръ увлекались своими либеральными теоріями, не принимая во вниманіе условій среды и вліянія прошлой исторіи. Но и этотъ упрекъ лишенъ основанія. Они, повидимому, хорошо помнили мудрое замѣчаніе Тацита, что „лѣкарства дѣйствуютъ не такъ быстро, какъ болѣзни; что легче подавить самостоятельность, чѣмъ снова вызвать ее къ жизни“ (facilius oppressoris, quam revocaveris [3]) Они очень хорошо понимали, что послѣ того тяжелаго времени, когда, по мѣткому замѣчанію И. С. Аксакова, „на Руси повсемѣстно слышно было одно лишь молчаніе“,

---

[1]) С. Соловьевъ, Александръ I, стр. 165.
[2]) П. Г. Рѣдкинъ, *Изъ лекцій по философіи*, стр. 37.
[3]) Vita Agricolae, III.

не легко будетъ имъ снова пробудить гражданское чувство, интересъ къ общественному дѣлу и свободную самодѣятельность; но тѣмъ не менѣе они признали нужнымъ и необходимымъ введеніе судебной реформы, ибо судебныя учрежденія сами являлись тою *школою*, безъ которой *невозможно* было развитіе, или, лучше, возбужденіе вышеупомянутыхъ, атрофированныхъ въ предшествовавшую эпоху общественныхъ чувствъ.

„Разумный законъ, — разсуждали они, — никогда *не сдѣлаетъ зла;* можетъ быть, по какимъ-либо *обстоятельствамъ* и даже по самому свойству закона новаго онъ не будетъ исполняемъ нѣкоторое время, согласно съ истиннымъ его смысломъ, но гораздо вѣроятнѣе, что онъ тотчасъ *пуститъ глубоко* свои корни и составитъ могущественную опору спокойствія и благоденствія государства“ [1]).

Сторонники либеральныхъ *реформъ* въ печати на первыхъ же порахъ точно формулировали въ своихъ органахъ нѣкоторыя изъ обстоятельствъ, долженствовавшихъ служить *препятствіемъ* къ успѣшному дѣйствію новыхъ судебныхъ учрежденій. Слѣдя съ затаеннымъ вниманіемъ за тою неравною борьбою, которая завязывалась уже тогда между *новымъ судомъ* и *старыми началами*, — защитники его не находили словъ для восхваленія творцовъ его.

Въ виду заканчивающагося двадцатипятилѣтія судебной реформы, нелишне будетъ привести изъ той отдаленной эпохи два разсужденія по этому вопросу, тѣмъ болѣе любопытныя, что они принадлежатъ двумъ органамъ печати, столь сильно разошедшимся впослѣдствіи въ направленіяхъ.

„Все, что̀ есть *живаго*, *мыслящаго*, *разумѣющаго*, — писалъ о судебной реформѣ М. Н. Катковъ, — не можетъ не быть глубоко затронуто судьбою возникающаго въ наше время *новаго* порядка вещей на Руси. Для *вида ли* только судебная власть признана независимою и самостоятельною, или она дѣйствительно поставлена такъ, что для нея обязательны

[1]) См. т. XVIII, стр. 78 назв. «Дѣла».

только законъ и правда? Можетъ ли быть сомнѣніе въ смыслѣ и духѣ совершаемыхъ посреди насъ *великихъ* преобразованій? Не чувствуемъ ли мы ежедневно ихъ *живительную творческую* силу? Въ той ли живемъ мы Россіи, какую знали за десять лѣтъ передъ симъ?..

..И однакожъ, какъ всякое новое дѣло, наши преобразованія могутъ подвергаться *опасностямъ*. *Новые порядки* по необходимости должны сталкиваться съ *старыми* [1]) порядками, которые существуютъ издавна и господствовали до сихъ поръ исключительно. До сихъ поръ бюрократическая администрація была *все во всемъ*. Прежнія судебныя учрежденія были только *придаткомъ* къ администраціи. Теперь является *новое начало*, которое, не ограничиваясь судебными учрежденіями, должно оказать свое дѣйствіе *повсюду* и видоизмѣнить *весь строй нашей жизни*. Сама администрація въ большей или меньшей степени *должна* усвоить себѣ этотъ новый элементъ и дѣйствовать *не такъ*, какъ дѣйствовала до сихъ поръ, бывъ *единственною и исключительною* въ государствѣ силою.... Судебная власть не есть собственно власть, даруемая какимъ-либо лицамъ или какому-либо сословію; это льгота, предоставленная русскому гражданину. Учрежденіемъ независимой и самостоятельной судебной власти *возвышается цѣлое общество*. Гдѣ есть благоустроенный (т.-е. независимый) судъ, тамъ есть права; гдѣ есть права, тамъ есть огражденіе личности (лучшимъ средствомъ для этого авторъ считалъ, какъ мы видѣли, судъ присяжныхъ), тамъ есть законная свобода. *Съ упроченіемъ* новаго устройства и съ распространеніемъ его во всѣхъ

---

[1]) Въ другомъ мѣстѣ тотъ же публицистъ такъ пояснялъ разницу между „закономѣрными дѣйствіями суда и административными мѣропріятіями по усмотрѣнію“. „Покуда судъ будетъ дѣйствовать *размѣренно* на одной, хотя и большой своей дорогѣ, не дерзая отступать отъ опредѣленій закона и распоряжаться по усмотрѣнію, у администраціи будутъ въ распоряженіи тысячи *проселочныхъ путей*, на которыхъ она можетъ дѣйствовать быстро и свободно распоряжаться по усмотрѣнію“ („Москов. Вѣдом.“, 1865 г., № 92).

частяхъ Россіи становится возможнымъ жить въ ней, какъ въ *странѣ цивилизованной*“ (*Московскія Вѣдомости*, 1866, № 198).

Едва ли нагляднѣе и краснорѣчивѣе можно было разъяснить громадное и всеобъемлющее значеніе судебной реформы и грозившихъ ей опасностей, чѣмъ это сдѣлано въ приведенной статьѣ Каткова, перу котораго принадлежатъ и слѣдующія прочувствованныя строки въ честь дѣятелей судейной реформы: „честь и слава правительственному вѣдомству, которое такъ дѣятельно и вѣрно приводитъ въ исполненіе *зиждительную мысль* преобразователя о судебной реформѣ, оберегая ее отъ *явнаго и тайнаго* недоброжелательства партій, неохотно входящихъ въ условія новаго гражданскаго порядка. Исторія *не забудетъ ни одного изъ именъ*, связанныхъ съ этимъ великимъ дѣломъ гражданскаго обновленія Россіи“ („Москов. Вѣд.“, 1867 г., № 59).

А вотъ отзывъ и другаго органа того времени, не менѣе интересный и сочувственный: „Къ новымъ русскимъ народнымъ праздникамъ, — писалъ „Голосъ“, — принадлежатъ прежде всего дни 19-го февраля и 17-го апрѣля (день открытія новаго суда въ Петербургѣ), *дни великихъ побѣдъ* не надъ внѣшними врагами, а надъ исконною нашею домашнею губительницею — *вѣковою неправдою;* дни изгнанія изъ предѣловъ Россіи не иноземныхъ полчищъ, а стародавняго тирана — вѣковаго безправія или, наконецъ, великіе дни изведенія русскаго народа изъ юридической и земской неволи. Можетъ быть, *даже вѣроятно*, — продолжаетъ газета, — что при этомъ исходѣ, подобно ветхозавѣтнымъ евреямъ, и мы, отученные горькимъ *подневольнымъ прошлымъ* отъ свѣтлой, честной и разумной гражданской жизни, со всѣми подобающими ей правами, не вдругъ, *не тотчасъ* вступимъ въ обѣтованную землю; быть можетъ, даже вѣроятно, что и намъ придется прежде того пространствовать *по безплодной пустынѣ ошибокъ* и промаховъ. Но что за дѣло! Все-таки да будетъ благословенъ Моисей, изведшій насъ изъ неволи, пишущій и дающій намъ скрижали новаго завѣта

для новой жизни... Ошибки и промахи будутъ непродолжительны, *если не поклонимся* снова золотому тельцу, котораго такъ долго обожали, если не послушаемъ навѣтовъ недруговъ русской земли.

„Путь открытъ намъ широкій, – такъ заканчивается статья,—довѣрены дѣла великія, и на насъ, непосредственно пріявшихъ отъ добраго, глубоко любящаго Россію Государя эти многоцѣнные дары, на насъ, говоримъ, падетъ предъ потомствомъ стыдъ и позоръ, если великое въ настоящихъ рукахъ *сдѣлается малымъ*, если мы не съумѣемъ достойно сохранять, поддерживать и развивать его величіе“ („Голосъ“, 1866, № 105).

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Записка Д. А. Ровинскаго объ учрежденіи суда присяжныхъ.

I.

Честь перваго оффиціальнаго предложенія суда присяжныхъ въ Государственной Канцеляріи въ февралѣ 1862 г. принадлежитъ прикомандированному къ ней юристу Дмитрію Александровичу Ровинскому, бывшему тогда московскимъ губернскимъ прокуроромъ, нынѣ сенатору уголовнаго кассаціоннаго департамента.

Записка [1]) Д. А. Ровинскаго особенно интересна въ томъ отношеніи, что онъ, въ качествѣ юриста-практика, превосходно зналъ истинное положеніе правосудія на Руси до 1864 г. и хорошо понималъ, въ какихъ измѣненіяхъ оно наиболѣе нуждается. Въ работахъ его всего болѣе обращаетъ на себя вниманіе та жизненная, исключительно практическая точка зрѣнія (въ другихъ запискахъ не мало мѣста отводится и теоретическимъ соображеніямъ), которой онъ держится. Это, такъ сказать, живой пульсъ, viva vox дѣйствительности. Познакомимся съ содержаніемъ *Записки* г. Ровинскаго.

Въ началѣ *Записки* г. Ровинскій, въ отличіе отъ своихъ предшественниковъ, имѣвшихъ въ виду, главнымъ образомъ, реформу гражданскаго процесса,

[1]) Въ „комментаріяхъ“ къ *Судебнымъ Уставамъ* въ извѣстномъ изд. Государственной Канцеляріи изъ *Записки* г. Ровинскаго не приведено ничего.

высказываетъ мысль, что общій успѣхъ судебной реформы обусловливается, прежде всего, хорошимъ устройствомъ уголовнаго суда, такъ какъ, благодаря гласности, общество, *прежде всего*, пойдетъ въ уголовный, а не гражданскій судъ, и, на основаніи видѣннаго тамъ, составитъ оно свое мнѣніе вообще о судебной реформѣ. Затѣмъ г. Ровинскій переходитъ къ соображеніямъ о необходимыхъ улучшеніяхъ въ устройствѣ суда уголовнаго, при чемъ точкой отправленія беретъ проектъ уст. уг. суд., составленный гр. Блудовымъ. Сначала онъ обращается къ слѣдственной части и высказываетъ о современной ему практикѣ слѣдующее замѣчаніе, особенно важное въ устахъ московскаго губернскаго прокурора, имѣвшаго райономъ наблюденія обширную и наиболѣе культурную полосу Россіи. „Слѣдователи наши, — говоритъ онъ, — постоянно имѣя предъ собою теорію уликъ и совершенныхъ доказательствъ, занимаются не „*раскрытіемъ истины*“ (курсивъ и ковычки подлинника), *а подборкой* совершенныхъ доказательствъ. Нѣтъ совершенныхъ доказательствъ, *нѣтъ и обвиненія* (рекомендуемъ эти слова вниманію почитателей дореформеннаго суда, сѣтующихъ на ослабленіе репрессіи при новомъ судѣ), и лучшимъ слѣдователемъ до сихъ поръ считается тотъ, который чаще другихъ *добивается* (!) собственнаго признанія подсудимаго, если успѣваетъ *подобрать* къ слѣдствію двухъ свидѣтелей подъ присягою“.

„Многіе видятъ, — продолжаетъ авторъ,—въ такомъ порядкѣ обвиненія болѣе гарантіи для подсудимаго и правосудія, нежели при другомъ, основанномъ на внутреннемъ убѣжденіи судей. *Практика* далеко *не* подтверждаетъ такого предположенія. Она доказываетъ, напротивъ того, что при теоріи доказательствъ возможенъ *самый полный произволъ* (avis для враговъ суда присяжныхъ, обвиняющихъ его вердикты въ „лотерейности“) со стороны судей, не говоря уже о слѣдователѣ, отъ котораго зависитъ все направленіе дѣла. Одинъ судья, руководствуясь правиломъ: лучше освободить десять виновныхъ,

нежели приговорить невиннаго (311 ст. т. XV), *постоянно освобождаетъ* преступниковъ или оставляетъ въ подозрѣніи. Другой въ каждомъ преступникѣ видитъ человѣка, опаснаго для общества, считаетъ своею обязанностью стараться всѣми силами объ удаленіи его изъ общества, и каждое дѣло въ его рукахъ кончается или обвиненіемъ, или оставленіемъ въ подозрѣніи, оканчивающемся ссылкой въ административномъ порядкѣ".

„Не говоря о другихъ качествахъ судей и руководящихъ ими секретарей (не трудно догадаться, на какія „качества" намекаетъ тутъ авторъ *Записки*), отъ которыхъ, въ большинствѣ случаевъ, зависятъ рѣшенія дѣла и участи подсудимаго, какое огромное количество дѣлъ можетъ назвать каждый изъ служащихъ по уголовной части,—замѣчаетъ г. Ровинскій,—по которымъ въ разныхъ инстанціяхъ состоялись подъ вліяніемъ *личнаго настроенія* судей самыя разнообразныя рѣшенія. Наприм., всѣмъ извѣстное дѣло Диманшъ и другое не менѣе извѣстное дѣло объ изнасилованіи, производившееся въ московскихъ судебныхъ установленіяхъ въ недавнее время. Какое смутное понятіе о справедливости судебныхъ рѣшеній нашихъ должно получить общество, когда *по одному и тому же* дѣлу и на основаніи *одной и той же теоріи улики* и совершенныхъ доказательствъ, а не на личномъ убѣжденіи судей, въ трехъ разныхъ инстанціяхъ одинъ и тотъ же преступникъ сперва оставленъ въ подозрѣніи, потомъ обвиненъ и, наконецъ, освобожденъ отъ суда и слѣдствія!"

Затѣмъ г. Ровинскій входитъ in medias res своего предмета, т.-е. обращается къ вопросу о судѣ присяжныхъ. Гр. Блудовъ, признавая недостатки легальной теоріи доказательствъ, не рѣшался, однако, предложить введеніе суда присяжныхъ, являющееся естественнымъ послѣдствіемъ отмѣны ихъ. Вотъ какія соображенія приводилъ гр. Блудовъ противъ своевременности введенія этого института:

„Въ настоящее время,—писалъ гр. Блудовъ въ своей объяснительной запискѣ,—едва ли полезно

установлять судъ чрезъ присяжныхъ. Легко представить себѣ дѣйствіе такого суда, когда большая часть нашего народа не имѣетъ еще не только юридическаго, но самаго первоначальнаго образованія, когда понятія о правѣ, обязанностяхъ и законѣ до того не развиты и не ясны, что нарушеніе чужихъ правъ, особливо посягательство на чужую собственность, признается многими самымъ обыкновеннымъ дѣломъ, иныя преступленія только удальствомъ, а преступники только несчастными. Допущеніе такихъ людей къ рѣшенію важнаго, иногда чрезвычайно труднаго вопроса о винѣ или невинности подсудимаго угрожаетъ не одними неудобствами, но едва ли не *прямымъ беззаконіемъ*. Конечно, могутъ сказать, что для полученія убѣжденія о винѣ или невинности подсудимаго не нужно особаго образованія и достаточно одного здраваго смысла. Дѣйствительно, здравый смыслъ иногда вѣрнѣе учености; но здравый смыслъ обыкновеннаго человѣка ограничивается тѣснымъ кругомъ его общественной жизни и ежедневнаго положенія: онъ рѣдко и съ трудомъ достигаетъ предметовъ, выходящихъ изъ его круга. Нетрудно заключить о винѣ и невинности подсудимаго, когда для него есть въ виду положительныя, такъ сказать, осязаемыя доказательства и данныя; но въ большей части случаевъ къ сему заключенію можетъ довести только внимательное соображеніе многихъ обстоятельствъ и высшая способность къ *тонкому анализу и логическимъ выводамъ;* для сего уже одного здраваго смысла далеко не достаточно. *Не оспаривая выгодъ* суда чрезъ присяжныхъ, особливо въ дѣлахъ уголовныхъ, мы, однакожъ, убѣждены, что у насъ рѣшеніе дѣлъ о преступленіяхъ и проступкахъ должно *пока* остаться на обязанности самихъ судей“ (изъ общей объясн. зап. изъ уст. уг. суд. гр. Блудова, стр. 132).

Детальному разбору этихъ доводовъ противъ *своевременности* (гр. Блудовъ спорилъ противъ суда присяжныхъ лишь съ точки зрѣнія своевременности, но не принципіальной) введенія у насъ суда присяжныхъ

посвящаетъ авторъ первую часть своей дѣльной и богатой аргументами *Записки*.

Предположеніе, что народъ нашъ смотритъ на преступленіе снисходительно и признаетъ преступника „только несчастнымъ“,—замѣчаетъ г. Ровинскій,—противорѣчитъ всѣмъ извѣстному факту, что преступники, пойманные народомъ на самомъ мѣстѣ преступленія, поступаютъ въ руки полиціи не иначе, какъ избитые и изувѣченные. На этомъ основаніи можно бы обвинить народъ скорѣе въ противоположномъ, но и это будетъ несправедливо,—народъ бьетъ пойманнаго преступника просто въ видѣ наказанія и потому единственно, что *не имѣетъ никакого довѣрія ни къ добросовѣстности полиціи*, которая можетъ замять дѣло, *ни къ правосудію* судей, которые на точномъ основаніи теоріи уликъ и совершенныхъ доказательствъ могутъ освободить гласнаго преступника отъ всякаго взысканія.

Что народъ смотритъ съ состраданіемъ на преступника, уже наказаннаго плетьми и осужденнаго на каторгу и ссылку, и, забывая все сдѣланное имъ зло, несетъ ему щедрыя подаянія вещами и деньгами—это правда. Что народъ жалѣетъ подсудимыхъ, просиживающихъ на основаніи теоріи уликъ и доказательствъ годы и десятилѣтія, въ явное разореніе своего семейства и государственной казны—и это правда.

За это состраданіе слѣдовало бы скорѣе признать за народомъ *глубокое нравственное достоинство*, нежели обвинять его въ недостаткѣ юридическаго развитія“.

Гораздо важнѣе и *справедливѣе*, — говоритъ авторъ,—обвиненіе народа въ томъ, что понятіе о правѣ, обязанностяхъ и законѣ въ немъ до того *не развиты* и не ясны, что нарушеніе чужихъ правъ, особливо посягательство на чужую собственность, признается многими самымъ обыкновеннымъ дѣломъ. И дѣйствительно, кража всѣхъ родовъ и всѣхъ видовъ, начиная отъ ежедневной порубки въ казенныхъ лѣсахъ и мелкой экономіи казенныхъ дровъ и прові-

анта и кончая колоссальными подрядами на строительныя работы и всякія поставки, *кража составляетъ въ общественой жизни нашей самое обыкновенное явленіе* Многіе виды освящены *обычаями*, другіе даже *узаконились отъ давности*.

Но такой странный порядокъ вовсе не зависитъ отъ неразвитости народныхъ массъ, которыя ни въ одномъ государствѣ не могутъ еще похвалиться ни юридическимъ образованіемъ, ни высшею способностью *къ такому анализу и логическимъ выводамъ*. Да если юридическое образованіе и высшая способность къ тонкому анализу и дѣйствительно составляютъ удѣлъ однихъ *иностранцевъ*, то почему эти господа, перебравшись на *нашу почву, такъ скоро освоиваются* съ нашими порядками, смѣтами, доходными статьями и экономіями и такъ *быстро теряютъ* и юридическое образованіе, и высшую способность къ тонкому анализу? Причина этой грязи коренится гораздо глубже; въ большинствѣ случаевъ человѣкъ осторожень тогда, когда за поступками *его слѣдитъ общество*, у котораго есть возможность законнымъ путемъ порицать и наказывать его. Какой же осторожности можно ожидать отъ человѣка тамъ, гдѣ общественное мнѣніе еще не совсѣмъ сложилось и гдѣ попытка надзора со стороны общества еще *такъ недавно преслѣдовалась наравнѣ со скопомъ и заговоромъ?* Правительство должно дать законный исходъ общественному мнѣнію, имъ самимъ затронутому и возбужденному. Оно должно заставить общество разбирать и осуждать поступки собственныхъ членовъ, оно должно посредствомъ такого суда *слить свои интересы съ нуждами общества*. Говорятъ, что введеніе такого суда у насъ преждевременно, что народу и обществу предстоитъ, прежде всего, юридическое развитіе и т. д. Мы же, напротивъ, убѣждены, что такой судъ, строгій, гласный и всѣми уважаемый, долженъ *предшествовать всякому юридическому развитію и общества, и самихъ судей*, что только въ немъ народъ *научится правдѣ и перестанетъ открыто признавать кражу за самое обыкновенное дѣло*.

Опасаются допустить въ настоящую минуту неразвитый и необразованный народъ къ участію въ судѣ и считаютъ, что это участіе поведетъ не только къ неудобствамъ, но и къ *беззаконію*. Разумныя правила для составленія списка присяжнымъ засѣдателямъ значительно ослабятъ эти опасенія, и можно надѣяться, что на дѣлѣ новый судъ, который будетъ обвинять на основаніи одного убѣжденія въ виновности преступника, ни въ какомъ случаѣ *не будетъ беззаконнье* [1]) и неудобнѣе того суда, который на основаніи *одной и той же* теоріи уликъ и совершенныхъ доказательствъ оставляетъ въ подозрѣніи, обвиняетъ и, наконецъ, вовсе освобождаетъ одного и того же преступника; а въ томъ, что такой судъ одинъ и можетъ удовлетворить теперешнимъ требованіямъ нашего общества и что *только такой* судъ можетъ ожидать полнаго *сочувствія и уваженія* со стороны его, то въ этомъ не можетъ быть *ни малѣйшаго сомнѣнія*.

II.

Во второй части своей *Записки* г. Ровинскій подробно останавливается на вопросѣ, вполнѣ ли чужда нашему старому законодательству идея общественнаго суда, или, наоборотъ, оно признаетъ его, хотя и въ несовершенной формѣ, и онъ рѣшаетъ это въ смыслѣ утвердительномъ.

По лѣстницѣ наказаній улож. 1845 г.,—говоритъ онъ, — преступникъ, проходя медленнымъ шагомъ чрезъ посредство 188 ступенекъ, съ математическою точностью получаетъ отъ 3 розогъ до 100 плетей и слѣдуетъ послѣ наказанія въ каторжныя работы, въ солдаты, въ арестантскія роты и т. п. съ лишеніемъ правъ разныхъ степеней и съ удаленi-

---

1) Этого не осмѣливаются утверждать вполнѣ даже самые завзятые зоилы новаго суда.

емъ изъ общества и переселеніемъ въ Сибирь. На основаніи общихъ законовъ наказаніе это назначается преступнику только по опредѣленію суда.

Но такъ какъ, — продолжаетъ г. Ровинскій, — уголовный судъ, руководствуясь въ этомъ назначеніи теоріею уликъ и совершенныхъ доказательствъ и придерживаясь весьма удобнаго, для скораго обсужденія уголовнаго дѣла и для освобожденія судьи отъ всякой отвѣтственности, правила императрицы Екатерины II, что лучше освободить отъ наказанія десять виновныхъ, нежели приговорить одного невиннаго, *постоянно освобождалъ* не только по десяти, но *цѣлыми сотнями* (avis для нынѣшнихъ критиковъ суда присяжныхъ) и оставлялъ, за недостаткомъ совершенныхъ доказательствъ, явныхъ воровъ и грабителей въ подозрѣніи, то правительство, считая полезнымъ избавить общество отъ проживанія посреди него воровъ и преступниковъ, устроило *рядомъ съ судомъ коронным судъ общественный*, — другими словами, предоставило обществу *судить въ другой разъ* преступника, не попавшаго по суду на поселеніе. Такъ, общество могло ссылать въ Сибирь или отдавать въ солдаты, въ случаѣ оставленія въ подозрѣніи, лицъ, судившихся за важныя преступленія и опороченныхъ въ поведеніи на повальномъ обыскѣ, въ случаѣ рецидива маловажныхъ преступленій, въ случаѣ продолжительнаго пьянства и неплатежа податей и пр. (ст. 567 т. IX, изд. 1857 г.).

Не есть ли этотъ судъ, — замѣчаетъ г. Ровинскій, — послѣ суда и безъ суда тотъ же *судъ присяжныхъ, но въ самой безобразной формѣ его?* Правительство въ лицѣ уголовнаго суда освобождаетъ преступника отъ наказанія, а общество обвиняетъ и ссылаетъ его въ Сибирь!

Кромѣ того, правительство постоянно прибѣгаетъ къ общественному суду, основанному на одномъ убѣжденіи, когда коронный судъ, обвиняющій на основаніи теоріи уликъ и совершенныхъ доказательствъ, оказывается несостоятельнымъ и несогласнымъ съ его цѣлями. Таковъ случай членовредительства, для вмѣненія коего достаточно при-

сяжнаго показанія 12 человѣкъ (IV т., ст. 775 *Св. Зак.*). Это *какъ бы судъ присяжныхъ*, на основаніи котораго судъ обязанъ безпрекословно назначить членовредителю наказаніе (отдача въ солдаты или арестантскія роты на 12 лѣтъ и ссылка въ Сибирь).

Подобіе суда присяжныхъ г. Ровинскій видитъ еще въ *сельскихъ расправахъ и разныхъ цеховыхъ и сословныхъ инстанціяхъ*, рѣшающихъ дѣло втайнѣ на основаніи одного убѣжденія, которое, впрочемъ, склоняется,—говоритъ онъ,—по большей части къ явной выгодѣ болѣе сильной изъ заинтересованныхъ сторонъ. Подобіе суда присяжныхъ въ болѣе опредѣленныхъ формахъ видитъ онъ и *въ волостномъ судѣ*, состоящемъ,—замѣчаетъ онъ,—*изъ людей, не имѣющихъ не только юридическаго, но даже самаго первоначальнаго образованія* (курсивъ въ подлинникѣ).

Отъ безчисленныхъ видовъ общественнаго суда, представляющихъ *безобразное* подобіе суда присяжныхъ безъ всякаго руководства со стороны опытнаго въ дѣлѣ и законахъ судьи и, въ большинствѣ случаевъ, безъ гарантій для подсудимаго, г. Ровинскій переходитъ къ коронным судамъ. Онъ отмѣчаетъ, что въ составѣ ихъ *общественное начало* не только *преобладаетъ*, но, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, даже *вовсе обходится* безъ чиновниковъ со стороны правительства.

Уѣздный судъ: всѣ пять членовъ его—судья, два засѣдателя отъ дворянъ, два отъ поселянъ—назначаются самимъ обществомъ.

Магистратъ состоитъ изъ однихъ выборныхъ отъ купеческаго званія: двухъ бургомистровъ и двухъ ратмановъ.

Въ уѣздномъ судѣ большинство членовъ, а въ магистратѣ весь составъ не имѣютъ *ни малѣйшаго понятія о теоріи улик* и совершенныхъ доказательствъ. Присутствіе служитъ только *ширмами* для секретаря, во власти котораго находятся судъ и расправа надъ преступниками.

Далѣе, въ *уголовной палатѣ*, составляющей окончательную инстанцію почти для всѣхъ уголовныхъ дѣлъ, предсѣдатель, по выбору дворянскаго сосло-

вія, иногда подготовленный къ своему мѣсту, а чаще и безъ всякой подготовки, засѣдатели же, по два отъ дворянства и купечества—вовсе не подготовленные къ своимъ должностямъ и всѣ на шестилѣтній срокъ. Товарищъ предсѣдателя — отъ правительства. Опять большинство, неспособное къ *тонкому анализу и логическимъ выводамъ*, и опять рѣшеніе дѣла *въ рукахъ* предсѣдателя или его товарища, если они соблаговолятъ заняться дѣломъ, или чаще всего въ рукахъ тѣхъ же секретарей.

Бываетъ иногда, — пишетъ г. Ровинскій, — что и засѣдатели по чувству человѣколюбія подымаютъ голосъ въ дѣлахъ важныхъ объ уменьшеніи числа плетей и срока каторги, — это случается съ ними въ началѣ ихъ службы, а потомъ привычка беретъ свое, и они, не оглядываясь, прописываютъ плети и каторгу *подъ руководствомъ* опытнаго секретаря.

А между тѣмъ всѣ эти лица, составляющія нынѣ ширму для произвольныхъ дѣйствій секретаря, при другомъ порядкѣ могли бы приносить существенную пользу. Таковы чисто-практическія соображенія знатока старой судебной практики г. Ровинскаго, приводящія его къ мысли о судѣ присяжныхъ.

Если бы для разсмотрѣнія уголовнаго дѣла, разсуждаетъ онъ, — назначался одинъ коронный чиновникъ, хорошо знакомый съ системою наказаній и теоріею доказательствъ и примѣненіемъ ихъ къ дѣлу; если бы общество назначало для того же въ судъ своихъ засѣдателей на болѣе короткіе сроки, такъ, чтобы привычка назначать человѣку плети и каторгу не успѣвала въ нихъ брать верхъ надъ долгомъ и совѣстью; если бы эти засѣдатели, не вдаваясь въ теорію совершенныхъ доказательствъ, обязаны были сказать отъ лица всего общества, виновенъ ли подсудимый по крайнему ихъ убѣжденію, или нѣтъ, и если коронному судьѣ оставалось бы примѣнить наказаніе по закону и если бы все это дѣлалось гласно, то трудно вообразить, *чтобы такой судъ угрожалъ большимъ неудобствомъ и большимъ беззаконіемъ, нежели теперешній.*

Этимъ заканчиваетъ авторъ свою полемику съ

Запискою гр. Блудова и затѣмъ набрасываетъ, въ общихъ чертахъ, проектъ организаціи суда присяжныхъ, который мы здѣсь приводить не будемъ.

Въ скорости такого суда можно, по его мнѣнію, поручиться заранѣе; что же касается правильности его рѣшеній, то нѣтъ никакого повода полагать, что эти рѣшенія будутъ *хуже и незаконнѣе* рѣшеній теперешнихъ уголовныхъ инстанцій; присяжные всегда подчинятся вліянію дѣльнаго и добросовѣстнаго предсѣдателя, и только *недостатокъ этихъ качествъ можетъ вызвать со стороны ихъ полезное противодѣйствіе.* (Замѣчаніе глубоко-вѣрное, вполнѣ оправданное нашею новою судебною практикой!)

Правительство не рѣшится, можетъ-быть, — говоритъ г. Ровинскій,—отдать на судъ присяжныхъ засѣдателей дѣла о такъ называемыхъ государственныхъ преступленіяхъ, о преступленіяхъ противъ цензуры и т. п. Что же?—на первое время они могутъ оставаться въ завѣдываніи нынѣшнихъ спеціальныхъ судей. Но если бы и эти преступленія были отданы на судъ общества, то нѣтъ сомнѣнія, что оно и тогда выставило бы въ лицѣ своихъ присяжныхъ засѣдателей людей порядка, которые бы гласно осудили всякое безсвязное волненіе и назвали бы настоящимъ именемъ то, что еще такъ недавно возводилось на степень государственнаго преступленія.

Конечно, такой судъ, представляя законную поддержку законной власти, разоблачилъ бы и всѣ злоупотребленія, и всѣ причины безсвязныхъ волненій, но тѣмъ легче было бы правительству предупреждать ихъ, знакомиться съ нуждами общества, идти во главѣ его и предлагать постоянно необходимыя преобразованія.

Этими прекрасными словами заканчивается замѣчательная *Записка* Д. А. Ровинскаго.

Мы считаемъ излишнимъ комментировать этотъ замѣчательный документъ. Онъ слишкомъ громко говоритъ самъ за себя и слишкомъ хорошо опровергаетъ нынѣшнихъ суровыхъ критиковъ судебной реформы, чтобы нужно было еще останав-

ливаться долѣе на этомъ предметѣ. Документъ этотъ до осязательности показываетъ, сколько правды въ словахъ тѣхъ „безпристрастныхъ“ историковъ, которые морочатъ своихъ довѣрчивыхъ читателей, увѣряя ихъ, что только *четыре* странички съ чѣмъ-то посвятили „легкомысленные“ авторы суда присяжныхъ на обсужденіе его основнаго смысла и условій существованія.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Судъ невѣждъ надъ судебною реформой.

А судьи кто?...

I.

80-е годы [1]) были свидѣтелями столько же печальнаго, сколько и рѣдкаго явленія: знаменитый московскій публицистъ, недюжинный талантъ котораго должны были признавать и друзья, и враги, очутился въ положеніи, напоминавшемъ миѳологическаго Кроноса, пожирающаго собственныхъ дѣтей. Журналистъ, сдѣлавшій такъ много для популяризаціи реформъ прошлаго царствованія вообще, а судебной въ частности, не находилъ достаточно „крѣпкихъ“ словъ, чтобы заклеймить эти самыя реформы и ихъ дѣятелей.

Путаница въ понятіяхъ и шатанье мысли достигли такихъ колоссальныхъ размѣровъ, что публицисты, выдававшіе себя за друзей строгаго порядка, въ доказательство своей выспренней благонадежности, считали для себя обязательнымъ, по крайней мѣрѣ, разъ въ мѣсяцъ обливать грязью и клеветническимъ злословіемъ всѣ реформы 60-хъ годовъ вообще и судебную реформу и судъ присяжныхъ въ частности.

---

[1]) Въ началѣ 1881 г. въ московскихъ судебныхъ установленіяхъ разбиралось дѣло по иску Московскаго университета къ М. Н. Каткову объ арендной недоимкѣ, прекращенное впослѣдствіи по распоряженію высшей администраціи.

Чего, чего только не приводилось противъ нихъ, какія только не пускаются въ ходъ пріемы софистическаго искусства *nigra in candida vertendi*, чтобы дискредитовать въ глазахъ общества и правительства ненавистныя учрежденія!

Страстная и безпощадная борьба противъ судебной реформы, достигшая при М. Н. Катковѣ геркулесовыхъ столбовъ рѣзкости, казалось бы, должна была смягчиться, если не смолкнуть послѣ его смерти. Не тутъ-то было. Нападки на новый судъ не ослабли, а усилились. Лица, „бывшія дотолѣ *орудіемъ* (sic!) мыслей и цѣлей его“ и возложившія на себя миссію хранить завѣтъ покойнаго, согласно съ тѣмъ, что видѣли и слышали, старались перещеголять самого патрона, если не основательностью, то развязностью манеръ и хлесткостью тона. Даже въ первыя недѣли послѣ смерти М. Н. Каткова, когда *Московскія Вѣдомости* являли собою примѣръ единственной у насъ,—да и не у насъ однихъ—газеты, *никѣмъ* не подписанной, онѣ открыли, подъ анонимнымъ флагомъ, отчаянную пальбу противъ судебныхъ учрежденій...

Несмотря на чрезвычайныя усилія, произвести посредствомъ шумихи благонамѣренной фразеологіи впечатлѣніе „былыхъ“ перуновъ, публика сразу смекнула, что громъ не изъ тучи...

Особенно характерна въ этомъ отношеніи статья *Московскихъ Вѣдомостей* въ № 220, 1887 г. Послушать этихъ новоявленныхъ замаскированныхъ пророковъ, такъ Россія находилась на краю пропасти или, вѣрнѣе, на днѣ ея, откуда старались ея извлечь. Сначала невольно приходилъ на мысль вопросъ: ужъ не скрываются ли за этими масками пророки, у которыхъ, по словамъ Томаса Мура, лица такъ ужасны, что они не рѣшаются показать ихъ народу, но впослѣдствіи, при болѣе внимательномъ вчитываніи въ статью, тонъ ее вызывалъ другіе литературные образы и другую обстановку.

Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе тонъ статьи *Московскихъ Вѣдомостей* о которой идетъ рѣчь. Это тонъ развязнаго, нахальнаго, невѣже-

ственнаго лакейства, такъ мѣтко воспроизведенный Диккенсомъ въ Запискахъ Пикквикскаго клуба при описаніи „суварѐи“, данной въ честь Самуила Уэллера. Это тонъ „молодцовъ“, корчащихъ господъ путемъ подражанія ихъ внѣшнимъ пріемамъ и коверканія словечекъ, которыя имъ удается дослышать, когда господа допускаютъ ихъ предъ свои свѣтлыя очи. Недомолвки, недослышки, путаница при этомъ писаніи по передовѣрію, при этомъ пережевываніи мыслей, взятыхъ на прокатъ, неизбѣжны. Таковъ общій характеръ поразительной, по невѣжеству и притязательности, болтовни, которая помѣщена въ № 220 *Московскихъ Вѣдомостей*.

На основаніи крѣпчайшаго „розыска“, газета объявляетъ, что „въ 1864 году, въ смутную эпоху поспѣшныхъ реформъ, частица *революціоннаго яда* успѣла проскользнуть къ намъ въ видѣ доктринъ „о несмѣняемости судей“, о „судѣ общественной совѣсти“, о „земскомъ выборномъ началѣ міроваго суда“, наконецъ о „мнимомъ безсиліи самой Верховной власти предъ судебнымъ вердиктомъ, даже въ случаѣ очевидной несправедливости“. Оказывается далѣе, что наше судоустройство „создалось на почвѣ французской революціи“, что оно „идетъ въ разрѣзъ съ нашими основными законами“ и что „суды наши превратились въ какое-то *анархическое государство* въ государствѣ“ и „республику юристовъ“, что мировая юстиція „въ рукахъ земскихъ и городскихъ собраній, прославившихся всяческими интригами и скандалами“, а судъ присяжныхъ въ рукахъ улицы“ и т. д. и т. д. Но довольно, кажется, этихъ пустозвонныхъ и голословныхъ ужасовъ и страстей!..

Итакъ, вы видите, что это все старое клише, разбавленное невѣжественною развязною болтовнею и голословными инсинуаціями, лишенными смысла. Изъ приведенныхъ въ предыдущихъ главахъ подлинныхъ выписокъ и справокъ, смѣемъ думать, явствуетъ, что если основы судебной реформы пропитаны „революціоннымъ ядомъ“, то и

самаго архинадежнаго юриста, гр. Блудова, придется зачислить въ число „зараженныхъ“...

Не менѣе основательны и другія утвержденія разбираемой безшабашной статьи *Московскихъ Вѣдомостей*. Такъ, авторъ ея увѣряетъ, что законъ о *несмѣняемости* есть ограниченіе верховной власти и противорѣчитъ нашимъ основнымъ законамъ. Трудно представить себѣ бо́льшую нелѣпость и болѣе легкомысленный абсурдъ, чѣмъ это утвержденіе. Оно основано на безсмысленной игрѣ словъ и на разсчетѣ затуманить голову довѣрчиваго читателя. Ст. 47 Основ. законовъ гласитъ: Имперія Россійская управляется на твердыхъ основаніяхъ положительныхъ законовъ, отъ Самодержавной власти исходящихъ. Законъ о несмѣняемости (ст. 243 и др. Учр. суд. суд.), установляющій, что судья не иначе можетъ быть смѣненъ, какъ въ порядкѣ судебномъ и дисциплинарномъ, есть правило, установленное самою верховною властью и дѣйствующее лишь, пока ей угодно его сохраненіе. Признаетъ верховная власть удобнымъ въ какомъ-либо отдѣльномъ случаѣ отмѣнить дѣйствіе закона о несмѣняемости путемъ сепаратнаго указа (ст. 67 Осн. зак.), или сочтетъ она нужнымъ вовсе отмѣнить это правило—это всегда зависѣло и зависитъ отъ ея благоусмотрѣнія, какъ отъ ея же усмотрѣнія зависитъ однимъ почеркомъ своего всесильнаго пера отмѣнить и всякій другой законъ или всѣ законы всѣхъ 15 томовъ и ихъ безчисленныхъ продолженій. Законъ о несмѣняемости только тогда ограничивалъ бы полноту Самодержавной власти, если бы для отмѣны его нужно было бы еще чье-нибудь согласіе, кромѣ воли Монарха, а такъ какъ ничего подобнаго Судебные Уставы не установили и не думали устанавливать, то только вслѣдствіе полнаго незнакомства съ азбукою нашего государственнаго права, или вслѣдствіе завѣдомой недобросовѣстности, можно утверждать, что законъ о несмѣняемости въ чемъ-либо ограничилъ верховную Самодержавную власть.

Стремленіе обособить судебную власть и осво-

бодить ее отъ административной опеки такъ старо и такъ явственно, что тотъ же гр. Блудовъ отмѣчаетъ эту черту, какъ одну изъ характеристичныхъ въ исторіи нашего законодательства за послѣдніе два вѣка (см. IV т. назв. Дѣла, объясн. зап. Блудова, стр. 32—33). А теперь кого то хотятъ убѣдить, что было бы большимъ прогрессомъ обремененіе Верховной власти непосильнымъ бременемъ разсмотрѣнія всевозможныхъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ.

Недовольны крикливые глашатаи *Моск. Вѣд.*, немилосердно перевирающіе *verba magistri* и организаціею мироваго института. Недовольны они тѣмъ, что наши мировые судьи на мировомъ съѣздѣ надзираютъ и контролируютъ другъ друга. Хорошо ли это или дурно, полезно ли или вредно — это другой вопросъ. Но дѣло въ томъ, что только круглое невѣжество можетъ видѣть въ такой организаціи съѣздовъ вліяніе иноземной революціонной доктрины. Какъ показываетъ исторія судебной реформы, такая организація съѣздовъ была установлена по личному изволенію покойнаго Государя. (См. XX т. назван. Дѣла, записка госуд. секретаря, стр. 4).

Другая же причина недовольства мировымъ институтомъ—это порядокъ его формированія, т.-е. избраніе судей земскими и городскими собраніями, относящееся сюда, есть такое непререкаемое *testimonium pauperitatis*, такое очевидное доказательство убожества мысли, что мы считаемъ нелишнимъ цѣликомъ привести это мѣсто. „Что касается „выборнаго начала“ въ назначеніи судей, — вопіютъ *Моск. Вѣд.*, — то оно является во Франціи лишь однимъ изъ пунктовъ *крайнихъ соціалистическихъ программъ* (о, жупелъ, о, металлъ!) и съ негодованіемъ отвергается, какъ *величайшая нелѣпость* даже самыми убѣжденными демократами.“

Читаешь и просто своимъ глазамъ не вѣришь! Въ какихъ это въ самомъ дѣлѣ низинахъ невѣжества и скудоумія очутились мы!

Это Судебные-то Уставы, сведшіе къ минимуму

право избраніе судей, господствовавшее изстари въ нашихъ судахъ, — провели соціалистическую программу!..

Послѣ этихъ примѣровъ, мы можемъ, кажется, уволить себя отъ разбора другихъ перловъ невѣжества новѣйшихъ враговъ судебной реформы въ родѣ ссылки ихъ на какой-то несуществующій, и невозможный по своей безсмыслицѣ, законъ, „предоставляющій присяжнымъ право предлагать кое-какіе (какова идиллія!) лишніе (sic) вопросы предсѣдателю“ (?!). Можно бы назначить премію за разысканіе такого нелѣпаго закона, зародившагося въ головахъ эпигоновъ *Моск. Вѣдом.*

Доказавши такъ блистательно свою способность разрѣшать судебные вопросы, развѣ не въ правѣ были *Москов. Вѣдом.* задорно воскликнуть, что сомнѣваться въ пользѣ предлагаемыхъ ими мѣропріятій „могутъ развѣ люди неискренніе или сбитые съ толку лжеученіями“? Такова обыкновенно заносчивость самодовольнаго невѣжества!

Вотъ напр. публицистъ, котораго никто не укорялъ ни въ неискренности, ни въ наклонности къ лжеученіямъ, И. С. Аксаковъ. Что же? Онъ тоже топталъ въ грязь всю судебную реформу? Послушаемъ, что онъ говоритъ старымъ и новымъ врагамъ судебной реформы. „Газеты и газетки (извѣстнаго пошиба) хоромъ ревутъ на суды: „ату его! ату!“, глумятся, ругаютъ, мечутъ въ грязь со свистомъ и хохотомъ *весь* судебный персоналъ, не выдѣляя никого, повально, *весь* судебный институтъ, съ его прошедшимъ и настоящимъ, какъ-будто кто имъ задалъ задачу не только поколебать его авторитетъ, не только подорвать довѣріе народа къ отправленію правосудія, но и омерзить его, сдѣлать ненавистнымъ въ народныхъ понятіяхъ.“ Отмѣтивъ далѣе десятки тысячъ дѣлъ, ежегодно разрѣшаемыхъ „оплевываемымъ нынѣ судомъ улицы“, будто несовмѣстнымъ съ нашимъ государственнымъ строемъ, покойный Аксаковъ замѣчаетъ: „Изъ всѣхъ этихъ десятковъ тысячъ приговоровъ ни одинъ *не запятнанъ корыстью*... Сладкая, благодатная увѣ-

ренность. Россія ли отплатитъ за нее неблагодарностью. Или же соскучились мы по доброму старому времени? Будьте благонадежны: станете, какъ теперь, травить судъ, пошатнете его независимость—все вернется: *и взятки, и мошенничество, и кривосудіе!...*"

Не этого ли желали новоявленные пророки *Московскихъ Вѣдомостей?*

II.

Печать невѣжества такъ и осталась за *Московскими Вѣдомостями* навсегда и съ особенной силою она проявляется, какъ только онѣ заводятъ рѣчь о „судѣ улицы". Стоитъ имъ только перейти отъ грубой брани и бездоказательныхъ инсинуацій, свидѣтельствующихъ не столько о силѣ убѣжденія, сколько объ игривости дурно направленнаго воображенія, къ какимъ-нибудь фактамъ изъ исторіи „суда присяжныхъ", какъ на каждомъ шагу они даютъ осязательныя доказательства своего поразительнаго невѣжества въ этой области. Позволю себѣ отмѣтить одинъ изъ самосвѣжѣйшихъ образчиковъ его.

Поводомъ для проявленія его послужила новелла о сокращеніи юрисдикціи суда присяжныхъ. Привѣтствуя этотъ законъ, какъ „первый серьезный шагъ къ реформѣ нашего злополучнаго уголовнаго суда", *Моск. Вѣдом.* „выражаютъ твердую надежду на уничтоженіе уличнаго суда", *дискредитированнаго въ глазахъ всей страны*, благодаря *цѣлой массѣ (sic)* произнесенныхъ имъ *явно нелѣпыхъ* и *возмутительно-несправедливыхъ* приговоровъ". Переходя отъ этой голословной брани къ фактамъ, названная газета передаетъ слѣдующее курьезное извѣстіе изъ исторіи нашего суда присяжныхъ. „Еще до введенія у насъ суда присяжныхъ,—читаемъ въ передовой статьѣ № 207 *Моск. Вѣд.* за 1889 г.,—въ его настоящей формѣ,

серіозные государственные люди (??) отчасти уже *предугадывали* тотъ тяжкій вредъ, который ему по необходимости суждено было нанести самымъ важнымъ интересамъ нашего государства. Всѣмъ (!) извѣстно, что по *этому поводу* возникло *даже* (?) *значительное* (??) *разногласіе* (?) между *членами коммиссіи, разсматривавшей проектъ* Устава уголовнаго судопроизводства. *Изъ числа сихъ членовъ*, нѣкоторые „теоретики", — какъ они почти *презрительно названы* въ журналѣ присутствія государственнаго совѣта за № 65,—признавали (?), что судъ присяжныхъ *имѣетъ политическій характеръ*, препятствовавшій введенію его въ разныхъ государствахъ и *потому непригодный* къ примѣненію въ Россіи".

Risum teneatis, amici!..

Въ этихъ немногихъ словахъ столько потѣшнаго вздора и невѣроятной абракадабры, что маломальски знакомый съ исторіею судебной реформы въ недоумѣніи останавливается передъ вопросомъ: имѣемъ ли мы тутъ дѣло съ наивнымъ, круглымъ невѣжествомъ или черезчуръ смѣлымъ искаженіемъ истины, разсчитанномъ на невѣжество читателей?

Посудите сами!

Начать съ того, что проектъ Устава уголовнаго судопроизводства разсматривался *не въ коммиссіи*, а въ общемъ порядкѣ движенія законопроектовъ, т.-е. сначала въ соединенныхъ департаментахъ государственнаго совѣта, а потомъ въ общемъ его собраніи. Это извѣстно всякому грамотному человѣку, кто хоть бѣгло читалъ знаменитый указъ 20-го ноября 1864 г., при коемъ препровождены были въ сенатъ Судебные Уставы и въ коемъ указанъ порядокъ ихъ составленія и разсмотрѣнія.

Это разъ. Другая ошибка, не менѣе грубая, состоитъ въ томъ, что въ журналѣ 1862 г. № 65 [1]) го-

[1]) Журн. Госуд. Совѣта № 65 начинается 28-мъ апрѣля 1862 г. и кончается 30-мъ іюля того же года.

сударственный совѣтъ *не могъ* ничего говорить о членахъ подобной коммиссіи, во 1-хъ потому, что такая коммиссія никогда *не* существовала (въ 1862—1863 существовала коммиссія для *составленія*, *а не разсмотрѣнія* проектовъ Судебныхъ Уставовъ), а во 2-хъ, если бы она и существовала, то государственный совѣтъ, по законамъ хронологіи *не могъ* въ означенномъ журналѣ *1862 г.* говорить о разсмотрѣніи проекта Устава уголовнаго судопроизводства, составленіе котораго (проекта) началось 6-го ноября 1862 г. и окончилось въ концѣ *1863 г.*; а внесенъ онъ былъ государственный совѣтъ *24-го декабря 1863 г.*

Третій курьезъ, это—приписанное государственному совѣту „неумѣстное“ употребленіе пренебрежительнаго“ выраженія „теоретикъ“—по отношенію къ членамъ коммиссіи, разсматривавшей проектъ, т.-е. къ „серьезнымъ государственнымъ людямъ“, другими словами,—къ членамъ государственнаго совѣта. Не говоря уже о томъ, что въ журналахъ государственнаго совѣта не принято относиться „пренебрежительно“ къ членамъ, не согласнымъ съ большинствомъ, вся эта тирада о „теоретикахъ“ объясняется только незнакомствомъ невѣжественныхъ враговъ судебной реформы съ *первыми* источниками ея исторіи. Довольствуясь тѣмъ прекраснымъ, но сокращеннымъ общедоступнымъ изданіемъ „Судебныхъ Уставовъ съ разсужденіями“, которое составлено было С. И. Зарудnымъ не для ученыхъ цѣлей, а для пользованія „практиковъ“, и даже это-то изданіе читая вкривь и вкось, нынѣшніе критики и стали сочинять миѳъ о разногласіи (и „даже о значительномъ“!), будто возникшемъ у насъ при учрежденіи суда присяжныхъ, о „пренебрежительномъ“ выраженіи „теоретиковъ“. Если бы эти „критики“ потрудились заглянуть въ подлинныя записки Н. А. Буцковскаго и С. И. Зарудnаго, откуда и попало въ журналъ государственнаго совѣта 1862 г. № 65 вышеприведенное разсужденіе, то тамъ бы они нашли, къ кому именно относилось выраженіе „теоретикъ“. Изъ этихъ

записокъ ясно видно, что оно относится къ иностраннымъ „ученымъ криминалистамъ“ (стр. 51 Записки Буцковскаго) и „къ юридическимъ писателямъ и публицистамъ“ (стр. 5 Записки Зарудnаго [1]).

Но пусть не думаютъ, что указаніемъ на эти грубыя, но второстепенныя для главнаго вопроса ошибки мы какъ бы уклоняемся намѣренно въ сторону отъ главнаго вопроса. Напротивъ, мы къ нему и шли и указывали на означенныя ошибки только для характеристики критическихъ пріемовъ и компетентности нынѣшнихъ судей суда присяжныхъ. Сущность же вопроса, возбуждаемаго статьею *Московскихъ Вѣдомостей*, сводится (если снять съ него шелуху наноснаго вздора) къ слѣдующему: правда ли: 1) что при введеніи у насъ суда присяжныхъ возникло „*разногласіе* и даже значительное“, и 2) что „*серьезные государственные* люди“ считали его непригоднымъ для Россіи вслѣдствіе его „*политическаго характера*“?

Кто хоть разъ держалъ въ рукахъ подлинные документы судебной реформы, не затруднится дать отвѣтъ на него. Отвѣтъ можетъ быть какъ съ очевидностью явствуетъ ихъ содержаніе Записокъ Буцковскаго и г. Ровинскаго, приведенныхъ въ двухъ предъидущихъ главахъ по обоимъ пунктамъ только *отрицательный*, т.-е. *нѣтъ неправда!*

Въ составленныхъ государственною канцеляріею основныхъ началахъ предлагался впервые оффиціально судъ присяжныхъ, какъ самый справедливый и естественный, по *чисто юридическимъ* соображеніямъ, судъ притомъ легко осуществимый въ Россіи съ преобразованіемъ „сословныхъ засѣдателей“ стараго суда въ присяжныхъ засѣдателей [2].

---

[1]) См. томъ XVII „Дѣла о преобразованіи судебной части въ Россіи“. Матеріалы №№ 13 и 15.

[2]) Пространные мотивы изложены въ Соображеніяхъ государственной канцеляріи 1862 г., см. т. XVIII назван. „Дѣла“, ч. 1, стр. 39 и слѣд.

Эти основныя положенія поступили на обсужденіе государственнаго совѣта. Съ апрѣля по іюль 1862 г. они обсуждались въ соединенныхъ департаментахъ совѣта, которые приняли судъ присяжныхъ *единогласно* и никто не говорилъ ни слова о несовмѣстимости его съ государственнымъ строемъ Россіи. (Это ясно видно изъ того самаго журнала государственнаго совѣта № 65, на который, очевидно изъ вторыхъ рукъ, ссылаются *Московскія Вѣдомости*). Въ департаментахъ присутствовали князь П. П. Гагаринъ (предсѣдатель), принцъ Ольденбургскій, баронъ Корфъ, графъ Литке, гг. Кочубей, Бахтинъ, Норовъ, Гофманъ, Толстой, Мухановъ, Милютинъ, Краббе и наконецъ глава консервативной партіи министръ юстиціи *гр. В. Н. Панинъ*, не только принявшій судъ присяжныхъ, но и высказавшій назидательное замѣчаніе, что дѣйствительно независимымъ можетъ быть *только* судъ присяжныхъ. Въ августѣ и сентябрѣ 1862 г. „основныя начала“ обсуждены въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, гдѣ сверхъ означенныхъ лицъ присутствовали еще: Великій Князь Николай Николаевичъ, графы Адлербергъ, Строгановъ, Шуваловъ, кн. Горчаковъ, гг. Брокъ, Тымовскій, Донауровъ, Тройницкій, Танѣевъ. Гасфортъ, Мѣтлинъ, Княжевичъ, кн. Суворовъ, Головнинъ, Рейтернъ, Гернгроссъ, Хомутовъ, Анненковъ, Зеленый и шефъ жандармовъ кн. Вас. А. Долгоруковъ. Въ общемъ собраніи также *ни одинъ* голосъ не поднялся противъ суда присяжныхъ, и онъ опять-таки былъ *принятъ единогласно* [1]).

29-го сентября 1862 года послѣдовало Высочайшее утвержденіе въ числѣ другихъ основныхъ началъ судебнаго преобразованія и *начала о судѣ присяжныхъ*. На основаніи этихъ началъ составлены были въ 1863—64 гг. Судебные Уставы, при чемъ какъ въ коммиссіи, составлявшей проекты ихъ, такъ и при обсужденіи проектовъ въ государствен-

---

[1]) См. томы XIX и XX назв. „Дѣла“, стр. 181—188; 313—319.

номъ совѣтѣ опять-таки *ни одинъ голосъ* не поднялся [1]) противъ суда присяжныхъ даже съ точки зрѣнія юридической, а тѣмъ болѣе политической!

Вотъ что говоритъ исторія подлинная, *документальная*, не искаженная по постороннимъ соображеніямъ. Мы привели *поименный* списокъ государственныхъ людей, участвовавшихъ въ учрежденіи нашего суда присяжныхъ.

Пусть же *Московскія Вѣдомости* потрудятся указать, *кто же* изъ этихъ лицъ, обсуждавшихъ вопросъ о введеніи суда присяжныхъ, отвергалъ судъ присяжныхъ, какъ „непригодный для Россіи по политическому характеру“, и пусть они раскроютъ, изъ кого состояла та невѣдомая таинственная клика „серьезныхъ государственныхъ людей“, которые предостерегали Россію отъ „тяжкаго вреда суда присяжныхъ“.

Послѣ всего сказаннаго не трудно рѣшить, какого имени заслуживаетъ съ точки зрѣнія правдивости и порядочности это неустанное стремленіе реакціонной печати набросить, подъ прикрытіемъ авторитета анонимныхъ „государственныхъ людей“, тѣнь политической неблагонадежности на судъ присяжныхъ, который она хотѣла бы доѣхать во что бы то ни стало, *per fas et nefas*—не мытьемъ, такъ катаньемъ.

Не мѣшало бы хоть изрѣдка припоминать ослѣпленнымъ врагамъ этого великаго института прекрасныя слова общаго учителя современнаго поколѣнія юристовъ: *Wahrheit gegen Feind und Freund.*

---

[1]) Ст. т. LX назв. „Дѣла“, стр. 17 и слѣд.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Первая новелла.

(*Законы о присяжныхъ 12 іюня 1884 г. и 28 апрѣля 1887 г.*)

Второе десятилѣтіе, приходящее къ концу со времени изданія Судебныхъ Уставовъ, одного изъ самыхъ цѣнныхъ украшеній великаго освободительнаго царствованія, провожаетъ его съ тѣми же любовью и уваженіемъ, которыми онъ былъ встрѣченъ 20 лѣтъ тому назадъ. Святая обязанность каждаго русскаго юриста отнынѣ ясна: состоитъ она въ томъ, чтобы оберегать *начала* Судебныхъ Уставовъ, *въ ихъ первоначальной чистотѣ*, ограждать животворящій ихъ духъ, внутренній ихъ смыслъ, отъ всякихъ искаженій и передѣлокъ, составляющихъ ясный или прикрытый поворотъ къ старому порядку вещей.

Фойницкій.

I.

При недобрыхъ ауспиціяхъ произошло въ 1884 г. наименованіе возсоединенныхъ Судебныхъ Уставовъ 20-го ноября Судебными Уставами Императора Александра II. Почти наканунѣ ихъ изданія русское общество было свидѣтелемъ одного изъ самыхъ ожесточенныхъ нападеній, какимъ когда-либо подвергалась судебная реформа. Огонь былъ открытъ по всей линіи реакціонной печати. Немногочисленные друзья хранили вынужденное молчаніе или очень слабо отстрѣливались. Враги же съ удвоенною смѣлостью шли въ аттаку. Въ отличіе отъ предшествовавшаго

времени предметомъ злостныхъ нападокъ были уже не учрежденія только, но и лица. Присяжные, принимавшіе участіе въ процессахъ Свиридова и Мельницкихъ, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль были выставляемы къ позорному столбу и сдѣлались объектомъ жестокой травли. Нѣкоторые изъ нихъ, а именно находившіеся на службѣ, какъ говорили, потерпѣли довольно чувствительно. Но на этомъ дѣло не остановилось. Ожесточеніе и страстность распространялись далѣе и далѣе, проникли даже въ область, дотолѣ для нихъ недоступную—за порогъ кассаціоннаго суда. Оберъ-прокуроръ его произнесъ 13 марта 1884 г. заключеніе, безпримѣрное по рѣзкости въ судебныхъ лѣтописяхъ. „Оберъ-прокурорскій столъ“ изъ мирной каѳедры научной юриспруденціи превратился въ грозную трибуну, откуда лился потокъ витіеватой іереміады на главу судебныхъ учрежденій. Прокуроръ взывалъ къ сенату объ установленіи „неумолимаго контроля“, для прекращенія „судебнаго потопа“, надъ дѣйствіями предсѣдателей суда и защиты. Нужно удивляться, какъ могъ прокуроръ кассаціоннаго суда произнести слова, столь несогласныя съ принципами новаго суда, въ которомъ даже лихихъ злодѣевъ велѣно судить судомъ милостивымъ. Это обстоятельство только и можно объяснить чрезвычайною приверженностію оратора къ разрушительнымъ инстинктамъ, господствующимъ въ ветхомъ завѣтѣ. Приводя цитаты изъ него со словами: „истреблю“, „прокляну“ и т. п., ораторъ черезчуръ проникся ветхозавѣтнымъ духомъ мстительности, не имѣющимъ ничего общаго съ тенденціями нашего новаго судебнаго законодательства, согласными съ гуманными и любвеобильными началами „благой вѣсти“ новаго завѣта. Г. оберъ-прокуроръ до такой степени увлекся судьбами израильскаго народа, что забылъ объ одномъ изъ важнѣйшихъ постановленій Судебныхъ Уставовъ. Чѣмъ же инымъ можно объяснить, что онъ смѣло увѣрялъ, что присяжные призваны не для разрѣшенія юридическаго момента о *„виновности“*, а чисто факти-

ческаго — о совершеніи подсудимымъ преступнаго дѣянія. И это утверждалось при существованіи ст. 7 учр. суд. уст., гласящей, что присяжные приглашаются „для опредѣленія вины или невиновности подсудимыхъ“. Ораторъ увѣрялъ, что если сенатъ внемлетъ его голосу и пойдетъ за нимъ, то мы, перевернувъ мрачную страницу книги Бытія, услышимъ, подобно Ною, благовѣстъ новой, лучшей жизни.

Достигли ли мы этой новой лучшей жизни? Мы тутъ не станемъ входить въ разборъ этого вопроса. Замѣтимъ только, что стремленіе къ такому ограниченію роли присяжныхъ чисто механическою функціею можетъ служить лучшимъ симптомомъ пережитаго кризиса, такъ какъ, по вѣрному замѣчанію проф. Фойницкаго, „такое стремленіе отражается всегда вредными послѣдствіями“ [1]).

23-го апрѣля 1884 г., какъ разъ въ день освященія памятника Императору Александру II, воздвигнутаго судебными чинами въ Москвѣ, въ Екатерининской залѣ судебныхъ установленій, *Московскія Вѣдомости* усмотрѣли на бѣломъ мраморѣ воздвигнутаго памятника кровавыя пятна и имѣли жестокую смѣлость поставить эти пятна на счетъ новому суду!..

Вотъ какое настроеніе предшествовало обнародованію распоряженія о наименованіи Судебныхъ Уставовъ Уставами Александра II!

Мы сочли нужнымъ напомнить изложенныя выше обстоятельства, чтобы показать, подъ какими вліяніями вырабатывалась и та „первая“ новелла о присяжныхъ засѣдателяхъ, о которой рѣчь впереди. Но отчего же „первая“? Вѣдь если считать новеллы, изданныя послѣ обнародованія Судебныхъ Уставовъ 20-го ноября, то это будетъ далеко не первая. Такъ. Но если считать отъ наименованія ихъ Уставами Александра II, то это будетъ первая. Не прошло и трехъ дней со дня подписанія повелѣнія объ изданіи Судебныхъ Уставовъ Императора Александра II, какъ министерство юстиціи 20-го апрѣля внесло уже въ Государствен-

---

[1]) Курсъ уголов. судопроизводства, стр. 149.

ный Совѣтъ проектъ первой новеллы „о присяжныхъ засѣдателяхъ". Замѣчательно, что несмотря на всѣ яростныя нападенія реакціи на судебную реформу, она доселѣ какъ-то стѣснялась прямо атаковать судъ присяжныхъ. Какъ варвары предъ стѣнами Рима, она ощущала нѣкоторый почтительный страхъ предъ этимъ институтомъ. Этимъ только и можно объяснить, что постановленія о судѣ присяжныхъ остались неприкосновенными, даже во время министерства графа Палена. Правда, онъ проектировалъ въ 1878 г. упраздненіе суда присяжныхъ, но это было лебединою пѣснью, послѣ которой не стало и самаго министерства. Итакъ, первая новелла коснулась суда присяжныхъ.

Чѣмъ она вызвана?

Давно уже слышались жалобы отъ извѣстныхъ сферъ на то, что защита пользуется правомъ отвода, во-1-хъ, для подбора присяжныхъ, и во 2-хъ, для отсрочки засѣданія. Но что значитъ подборъ? Есть ли это нѣчто противозаконное, предосудительное, или вполнѣ законный и приличный актъ? Neminem laedit qui suo jure utitur, говоритъ древнее юридическое сознаніе. И дѣйствительно, если подсудимый пользуется въ предѣлахъ закона своимъ правомъ отводить присяжныхъ, то кто же смѣетъ его за это упрекать? Рыба ищетъ, гдѣ глубже, человѣкъ — гдѣ лучше! Что же мудренаго въ томъ, что подсудимый по возможности выбираетъ себѣ такихъ судей, отъ которыхъ ожидаетъ наибольшей для себя справедливости или снисхожденія? Если бы даже подсудимый старался подобрать своихъ пріятелей, то и за это его нельзя осуждать—онъ руководствуется только личнымъ интересомъ. Вѣдь противъ него, въ качествѣ представителя общественныхъ интересовъ, стоитъ прокуроръ, отъ него зависитъ парализовать это стремленіе подсудимаго и помѣшать подбору. Но разъ прокуроръ воспользовался своимъ правомъ отвода или отказался отъ него, о какомъ подборѣ можетъ быть рѣчь? За границею, гдѣ стороны имѣютъ право отвести всѣхъ присяжныхъ, кромѣ 12-ти, и гдѣ, стало-быть, сто-

роны сами производятъ выборъ состава суда присяжныхъ, не жалуются на подборъ. У насъ же, гдѣ минимумъ лицъ, изъ коихъ по жребію производится выборъ, не можетъ быть ниже 18-ти, опасаются подбора. Какъ же это объяснить?

Если коммиссія, составляющая списки присяжныхъ, дѣлаетъ свое дѣло надлежащимъ образомъ, т. е. вноситъ въ списокъ людей добропорядочныхъ, то подобрать дурной для интересовъ правосудія составъ—невозможно. Подборъ тутъ можетъ ограничиться развѣ вычеркиваніемъ того или другаго разряда лицъ на основаніи ходячихъ, подчасъ совершенно произвольныхъ соображеній. Такъ, въ судебныхъ сферахъ существуетъ мнѣніе, что къ имущественнымъ преступленіямъ дворяне и вообще интеллигентный классъ относительно снисходительнѣе, къ преступленіямъ противъ личности—строже. Существуетъ еще мнѣніе, что интеллигенція относится къ доводамъ сторонъ независимѣе, чѣмъ неразвитые классы (въ глухой провинціи—присяжные иногда вставали, какъ только обращался къ нимъ съ рѣчью прокуроръ). Исходя изъ этихъ и подобныхъ соображеній, стороны и дѣлаютъ отводы. Упрекали не разъ защитниковъ за отводъ интеллигентныхъ присяжныхъ, но кто же изъ знакомыхъ съ судебными порядками не знаетъ, что къ такому отводу не разъ прибѣгали и прокуроры.—Предупредить подобныя нежелательныя явленія въ рукахъ все той же избирательной коммиссіи. Стоитъ для этого вносить въ списокъ большее число лицъ съ образовательнымъ цензомъ.

Что касается отвода такого числа лицъ, чтобы засѣданіе не состоялось, то къ этому средству, и то довольно рѣдко, прибѣгаютъ подсудимые, находящіеся на свободѣ, съ цѣлью предоставить времени оказать на общество свое охлаждающее дѣйствіе. Такіе случаи вообще, какъ замѣчено выше, довольно рѣдки. Но если хотѣли ихъ сдѣлать еще болѣе рѣдкими, то стоило только аккуратнѣе составлять списки присяжныхъ, не вносить туда умершихъ, не подлежащихъ, въ силу закона, судебной

повинности, и строже относиться къ уклоненію попавшихъ въ списокъ отъ этой повинности.

Такъ и смотрѣли на вопросъ объ отводѣ до весны 1884 г. Въ апрѣлѣ, подъ вліяніемъ обстоятельствъ, о которыхъ упоминалось вначалѣ, радикальнымъ образомъ, но безъ достаточныхъ основаній, измѣнился взглядъ на дѣло. Результатомъ этой перемѣны была первая новелла къ Судебнымъ Уставамъ Александра II, т.-е. законъ 12-го іюня 1884 г.

II.

Предсѣдатель коммиссіи, составлявшей проекты Судебныхъ Уставовъ, государственный секретарь В. П. Бутковъ, внося проекты въ Государственный Совѣтъ, напутствовалъ ихъ слѣдующими замѣчательными словами: „если при дальнѣйшемъ направленіи настоящаго дѣла, писалъ Бутковъ, и въ особенности при введеніи въ дѣйствіе новыхъ Уставовъ и при необходимомъ, по указаніямъ опыта, исправленіи ихъ современемъ, будутъ тщательно сохраняемы начала, преподанныя Основными Положеніями, и если притомъ судебная власть будетъ поставлена въ полную и совершенную независимость отъ власти административной, то успѣхъ предпринятой у насъ судебной реформы едва ли можетъ подлежать какому-либо сомнѣнію“.

Слова Буткова будутъ вполнѣ понятны, если принять во вниманіе, что, по справедливому убѣжденію авторовъ Основныхъ Положеній, „они истекаютъ не отъ произвола, а отъ началъ истины и справедливости въ той степени, въ какой они выработаны наукой и опытомъ“.

Но быть-можетъ это—горделивое сознаніе авторовъ, черезчуръ пристрастныхъ къ своему дѣтищу? Посмотримъ! Вотъ какое значенье придавалъ основнымъ началамъ судебной реформы одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ публицистовъ. „Уже и те-

перь, писалъ г. Катковъ въ 1866 году, великая реформа (судебная) вполнѣ оправдала тѣ горячія надежды, которыя на нее возлагались, и лучшее желаніе русскаго патріота состоитъ въ томъ, чтобы изъ этого зданія не было вынимаемо камней... чтобы измѣненія Судебныхъ Уставовъ допускались лишь въ случаѣ очевидной необходимости и притомъ согласовались *съ общимъ духомъ* новой системы“ [1]). Возьмемъ отзывъ новѣйшій и еще болѣе компетентный. Проф. Фойницкій въ своемъ извѣстномъ сочиненіи дѣлаетъ тотъ восторженный отзывъ о судебной реформѣ, который мы взяли эпиграфомъ къ настоящей главѣ.

Какой изъ всего сказаннаго выводъ? А вотъ какой: лучшимъ критеріемъ для оцѣнки всѣхъ позднѣйшихъ „новеллъ“, издаваемыхъ въ дополненіе къ Судебнымъ Уставамъ, служатъ Основныя Положенія судебной реформы; въ нихъ однихъ заключается реактивъ для вѣрнѣйшаго распознанія годности или негодности того или другаго новаго мѣропріятія.

Воспользуемся этимъ реактивомъ по отношенію къ новеллѣ 12 іюня о присяжныхъ засѣдателяхъ. — Она касается права отвода и порядка составленія списка присяжныхъ засѣдателей.

Вотъ что мы находимъ въ Мотивахъ къ основнымъ положеніямъ относительно этого вопроса: „соединенные департаменты *единогласно* (курсивъ въ подлинникѣ) признали, что если рѣшеніе о винѣ или невинности подсудимаго будетъ постановляемо по внутреннему убѣжденію судей, то необходимо, чтобы составъ присутствія суда и способъ постановленія рѣшенія внушали къ себѣ довѣріе и представляли надлежащія ручательства въ томъ, что судьи не употребятъ во зло власть, имъ ввѣренную; условіемъ, внушающимъ общее довѣріе къ уголовному суду, обыкновенно почитается, между прочимъ, и широкое право отвода“ [2]). Въ силу этихъ соображеній составлены были слѣдующія основныя поло-

---

[1]) *Москов. Вѣдом.*, № 263.

[2]) Журн. Госуд. Совѣта, 1862 г., № 65, стр. 181.

женія: „прокуроръ можетъ отвести не болѣе 6 засѣдателей; подсудимому, а если подсудимыхъ нѣсколько, то всѣмъ вмѣстѣ, предоставляется отвести столько засѣдателей, чтобы изъ общаго числа 30-ти осталось не менѣе 18-ти“. Постановленія эти съ буквальной точностью перешли въ ст. 656 уст. угол. судопр. и, оставаясь неприкосновенными въ теченіе 20 лѣтъ, благополучно пережили даже времена самыя опасныя для новаго суда.

Первый и весьма чувствительный ударъ этой важной гарантіи правосудія нанесъ законъ 12 іюня, сведшій право отвода обвиняемаго съ максимальныхъ 12 до 3.

Что же, однако, ближе къ наукѣ и законодательствамъ просвѣщенныхъ націй — старый ли законъ или новый? Возьмемъ отзывъ новѣйшаго ученаго изслѣдованія объ отводѣ. „Расширеніе права отвода ведетъ къ тому, что каждой сторонѣ обезпечивается участіе въ судѣ присяжныхъ тѣхъ именно лицъ, которымъ она наиболѣе довѣряетъ; представляя собою общественную совѣсть, судъ присяжныхъ въ то же время, является по этой причинѣ, и представителемъ каждой стороны; избранникъ общества, онъ долженъ быть и *избранникомъ сторонъ*. Это сообщаетъ ему высокій нравственный авторитетъ, и понятно, что чѣмъ глубже корни, пущенные институтомъ присяжныхъ, чѣмъ важнѣе дѣла, къ участію въ которыхъ они приглашаются, тѣмъ тверже и шире право отвода, сторонамъ предоставленное“ [1]).

Слѣдуя этимъ разумнымъ соображеніямъ, всѣ европейскія и американскія законодательства предоставляютъ сторонамъ обширное право отвода. Въ Англіи (и Америкѣ) кромѣ мотивированнаго отвода *всего* списка присяжныхъ законодателей предоставлено подсудимому безъ указанія мотивовъ отводить до 35 присяжныхъ по политическимъ и до 20 по обыкновеннымъ дѣламъ. Законъ не предоставляетъ такого права обвинителю, но судебная практика уравняла его съ обвиняемымъ. Въ Америкѣ подсу-

1) Стр. 434 н. с. пр. Фойницкаго.

димый отводитъ, смотря по важности дѣлъ, отъ 10 до 20, обвинитель только 5. Во Франціи право отвода въ равной мѣрѣ предоставляется сторонамъ и колеблется между минимумомъ 6 и максимумомъ 12, смотря по числу явившихся присяжныхъ. Въ Италіи стороны отводятъ по 8; въ Германіи отъ 6 до 9.

Такимъ образомъ русское судебное законодательство, доселѣ стоявшее въ уровень съ современными европейскими законодательствами, сдѣлало, благодаря закону 12 іюня, большой шагъ назадъ.

III.

Дѣло законодательства у насъ до сихъ поръ еще недостаточно секуляризовано. Законы, правда, публикуются и не составляютъ тайны какой-либо жреческой касты, но мотивы ихъ, большею частью, остаются невѣдомыми для публики, пребывая въ тайникахъ департаментовъ до тѣхъ поръ, пока счастливая случайность не сниметъ съ нихъ таинственнаго покрова. Благодаря такой случайности, публика узнала и о мотивахъ закона 12 іюня—изъ изданія уст. угол. суд. г. Щегловитаго. Подъ ст. 656 уст. угол. суд. мы находимъ извлеченіе изъ представленія министра юстиціи въ Государственный Совѣтъ, отъ 20-го апрѣля 1884 г., за № 10479, объ измѣненіи закона объ отводѣ присяжныхъ. Не знаемъ, тѣ ли именно соображенія, кои заключаются въ министерскомъ заявленіи, руководили Государственнымъ Совѣтомъ, но соображенія эти представляются крайне слабыми. Представленіе прежде всего затрогиваетъ вопросъ о толкованіи существующаго закона. „При обсужденіи вопроса о томъ, въ какой мѣрѣ *надлежало бы ограничить* (sic) право подсудимаго на отводъ, сказано въ представленіи, признано было прежде всего необходимымъ отмѣнить признанное кассаціонною практикою (??) право обвиняемаго на отводъ, при добровольномъ ограниченіи или при

полномъ отказѣ отъ него прокурора, всѣхъ неустраненныхъ имъ засѣдателей. Такое право подсудимаго не только не соотвѣтствуетъ началу равноправности сторонъ на судѣ, но представляется несправедливымъ относительно самихъ подсудимыхъ, изъ коихъ нѣкоторые пользуются этимъ правомъ въ бо́льшихъ, а другіе въ меньшихъ размѣрахъ, въ зависимости лишь отъ числа лицъ, устраненныхъ прокуроромъ по тому или иному дѣлу. Такой порядокъ, нерѣдко вынуждая обвинительную власть прибѣгать во что бы то ни стало къ предоставленному ей праву отвода, даже при отсутствіи уважительныхъ причинъ, для того только, чтобы воспрепятствовать защитѣ подобрать составъ присяжныхъ по своему усмотрѣнію, лишаетъ представителя обвиненія того спокойнаго отношенія къ дѣлу, полная обезпеченность и неизмѣнность коего имѣетъ несомнѣнное и особенно важное значеніе; и вообще, какъ основанный на случайности, въ силу одного этого обстоятельства, не можетъ быть сохраняемъ".

Въ этихъ соображеніяхъ прежде всего усматривается пробѣлъ относительно капитальнѣйшаго вопроса, какъ и когда могъ возникнуть вопросъ о необходимости „ограничить" право отвода? Отвѣтъ на этотъ вопросъ послужилъ бы наилучшимъ ключомъ къ уразумѣнію смысла нововведенія. Изъ приведенныхъ выше данныхъ видно, что и духъ судебной реформы, и наука, и правильное пониманіе практики могли потребовать не ограниченія, а развѣ расширенія права отвода. Вѣдь нельзя же вѣрить, чтобы истинный motto этого закона дѣйствительно подсказанъ тѣми бозсмысленными, завѣдомо лживыми нападками на судъ присяжныхъ со стороны вчерашнихъ друзей, видѣвшихъ въ немъ „живую общественную силу", „лучшую гарантію личной свободы", и сегодняшнихъ его враговъ, топчущихъ въ грязь судъ присяжныхъ, какъ судъ улицы, судъ людей безъ совѣсти и пр. Если хотѣли прислушаться къ этимъ голосамъ, то слѣдовало поднимать вопросъ не объ ограниченіи права

отвода; а объ уничтоженіи суда „пиѳіи“, т.-е. суда присяжныхъ,— мало того—объ отмѣнѣ несмѣняемости судей и всѣхъ вообще коренныхъ основъ Судебныхъ Уставовъ... Но можетъ-быть этою уступкою, этою cuirée, хотѣли прекратить на время яростныя нападки на судебную реформу. Тщетныя надежды, недальновидная политика, какъ и показали послѣдующія событія!

Переходя къ обсужденію приведенныхъ мотивовъ представленія, прежде всего нельзя не обратить вниманія на важное упущеніе, вкравшееся въ него. Оно заявляетъ, что право подсудимаго на отводъ не отведенныхъ прокуроромъ присяжныхъ *признано* кассаціонною практикою. Весьма прискорбно, если это упущеніе, быть-можетъ, имѣвшее немаловажное значеніе при обсужденіи новеллы, не было своевременно замѣчено. Дѣло въ томъ, что не сенатъ, а законъ и даже основныя положенія категорически устанавливаютъ это право, говоря, что „подсудимому предоставляется отвести столько засѣдателей, чтобы изъ общаго числа 30 осталось не менѣе 18 не отведенныхъ“. Таковы буквальныя выраженія ст. 656 уст. угол. суд. и § 84 основн. полож. 1862 г. При чемъ же тутъ кассаціонная практика, и какъ же она могла, при столь недвусмысленныхъ указаніяхъ, поступать иначе?

Необходимость устраненія существующаго порядка мотивируется пятью самыми разнообразными соображеніями: a) равноправностью сторонъ; b) справедливостью относительно подсудимыхъ; c) предупрежденіемъ подбора; d) сохраненіемъ достоинства обвинительной власти; e) устраненіемъ случайности.

ad a) Неравноправность въ пользу обвиненія и на предварительномъ слѣдствіи, и на судебномъ (хотя бы по вопросу о вызовѣ свидѣтелей), все еще такъ велика, что нѣкоторая неравноправность, впрочемъ почти мнимая, относительно отвода не должна бы никого смущать, а тѣмъ болѣе возмущать. Мы называемъ эту неравноправность мнимою, и вотъ почему: прокуроръ, отказываясь отъ права отвода,

этимъ самымъ признаетъ, что всѣхъ присяжныхъ онъ считаетъ годными для даннаго дѣла; стало-быть, въ чемъ же заключается нарушеніе его правъ, какъ стороны? Если онъ сдѣлалъ это по нерадѣнію, то пусть пеняетъ на себя и помнитъ, что jura vigilantibus sunt scripta. Но пусть будетъ такъ, какъ утверждаетъ представленіе, пусть будетъ нѣкоторая неравноправность, какая тутъ бѣда? Вѣдь одни меньше, другіе больше, но всѣ *безъ* исключенія законодательства мирятся съ этою неравноправностью и не видятъ въ ней никакой бѣды. Въ Англіи только судебная практика предоставила обвинителю право отвода, законъ же его не предоставлялъ; въ Америкѣ обвинитель отводитъ только 5, обвиняемый 20; въ континентальныхъ законодательствахъ при нечетномъ числѣ присяжныхъ подсудимый отводитъ однимъ болѣе [1]). Интересы правосудія тамъ цѣнятъ, нужно думать, не менѣе нашего, только средства для достиженія его видятъ они не въ ограниченіи, а въ возможно большемъ расширеніи правъ подсудимаго.

ad b) Утверждать, что существующій порядокъ отвода былъ несправедливъ относительно самихъ подсудимыхъ, можно либо по недоразумѣнію, либо для краснаго словца.—Въ самомъ дѣлѣ, какой подсудимый можетъ претендовать на то, что прокуроръ по его дѣлу, въ силу закона, отвелъ такое-то число присяжныхъ, а по другому иное, или вовсе не отвелъ? Кто слышалъ про такія претензіи? А если бы онѣ даже и существовали, то кто же на нихъ обратилъ бы вниманіе? Это все равно, что подсудимый претендовалъ бы на отводъ отъ присяги, сдѣланный прокуроромъ по одному дѣлу и не сдѣланный по другому. Съ несравненно большимъ основаніемъ подсудимые, когда ихъ нѣсколько, могли бы жаловаться на то, что право каждаго изъ нихъ сильно

---

1) И у насъ при составленіи уст. угол. суд. было высказано мнѣніе, что прокуроръ не долженъ отводить безъ указанія мотивовъ (см. стр. 310 объясн. записки).

стѣсняется. Этотъ порядокъ дѣйствительно представляется несправедливымъ, но несправедливость его не только не уменьшается, но и усугубляется новымъ закономъ.

ad c) Страхъ за возможность „подбора“ защитою присяжныхъ принуждаетъ прокурора отводить присяжныхъ. Тутъ что-то не досказано. Во 1-хъ, прокуроръ не можетъ заранѣе знать, сколькихъ присяжныхъ намѣревается отвести защита; во-2-хъ, если онъ всѣхъ присяжныхъ считаетъ безукоризненно честными гражданами, то о какомъ подборѣ можетъ быть рѣчь? Если же онъ не довѣряетъ нѣкоторымъ изъ присяжныхъ, то кто ему мѣшаетъ воспользоваться своимъ правомъ, безъ всякаго соображенія о томъ, какъ будетъ дѣйствовать защита. Но какъ бы то ни было, если ужъ у страха предъ подборомъ глаза такъ велики, то, вмѣсто отмѣны нынѣшняго закона, проще бы всего предписывать принимать заблаговременно эту спасительную предохранительную мѣру противъ защиты. Но это мѣропріятіе было признано неудобнымъ.

ad d) Вслѣдствіе того, что онъ лишаетъ прокурора душевнаго равновѣсія. Что спокойное отношеніе къ дѣлу со стороны прокуроровъ желательно, объ этомъ и толковать нечего. Но въ силу чего душевное состояніе ихъ находится въ такомъ неустойчивомъ равновѣсіи, что отъ одного отвода присяжныхъ оно уже возмущается? Если прокуроръ теряетъ самообладаніе уже въ началѣ судоговоренія, когда еще онъ только подозрѣваетъ защиту въ разныхъ козняхъ, то что же съ нимъ будетъ дальше, когда противная сторона выступитъ во всеоружіи для честнаго, а иногда не совсѣмъ честнаго боя? Мы знаемъ, что существуютъ такіе прокуроры съ холерическимъ темпераментомъ (одинъ былъ особенно извѣстенъ въ Москвѣ). Но нѣсколько странно лишать подсудимаго важнаго права вслѣдствіе несоотвѣтственнаго темперамента судебныхъ дѣятелей.

ad e) Противъ существующаго порядка говорится еще, что онъ основанъ на *случайности* и потому

одному не можетъ быть терпимъ. Что это значитъ, о какой случайности тутъ говорится?—по правдѣ сказать мы не совсѣмъ хорошо понимаемъ. Право отвода всегда будетъ сопряжено съ случайностью, а именно съ случайнымъ составомъ даннаго списка присяжныхъ и болѣе или менѣе гадательными соображеніями о личности и характерѣ присяжныхъ—и это обстоятельство неустранимо. Французскій и германскій кодексы самый объемъ отвода ставятъ въ зависимость отъ такой случайности, какъ наличное число явившихся присяжныхъ. Да и мало ли какіе моменты процесса зависятъ отъ случайности — явка присяжныхъ и свидѣтелей, персоналъ экспертовъ, силы защиты и прокуратуры,— и нѣтъ вообще возможности изгнать изъ процесса элементъ случайности.

Приведенные доводы имѣли цѣлью оправдать необходимость лишенія подсудимаго права отводить присяжныхъ, не отведенныхъ прокуроромъ. Но новый законъ этимъ не ограничился. Онъ вообще понизилъ право отвода.

IV.

Тутъ мы входимъ in medias res закона 12 іюня. Вотъ какія соображенія приводятся для оправданія уменьшенія права сторонъ на отводъ съ 6 на 3. „Вообще, говорится въ томъ же представленіи министра юстиціи отъ 20 апрѣля, несмотря на разнообразіе условій обстановки многочисленныхъ дѣлъ разсматриваемыхъ съ участіемъ присяжныхъ, поводы устраненія ихъ могутъ быть сведены, по наблюденіямъ чиновъ судебнаго вѣдомства, къ нижеслѣдующимъ четыремъ категоріямъ: 1) причины (?) личнаго свойства присяжныхъ, проистекающія отъ такихъ отношеній присяжныхъ къ сторонамъ, которыя, какъ выражено въ мотивахъ къ ст. 655 уст. угол. судопр. (издан. Госуд. Канц. 1867), не под-

ходя подъ общіе законные поводы отвода судей, тѣмъ не менѣе могутъ и должны служить основаніемъ къ устраненію такихъ лицъ отъ участія въ постановленіи приговора, рѣшающаго вопросъ о чести и дальнѣйшей судьбѣ подсудимаго; 2) причины, выведенныя сторонами изъ наблюденій состава присяжныхъ въ теченіе сессіи, смотря по склонности его обнаруживать извѣстныя воззрѣнія на опредѣленные роды преступленій; 3) общія соображенія, касающіяся характеристическихъ особенностей того или другаго изъ присяжныхъ или цѣлой группы лицъ, проявляющихъ болѣе или менѣе однородные взгляды по дѣламъ, рѣшаемымъ присяжными, и 4) просьбы самихъ присяжныхъ, обращенныя къ сторонамъ въ виду особеннаго желанія уклониться отъ исполненія обязанностей присяжнаго. Изъ числа изъясненныхъ поводовъ только причины первой категоріи могутъ быть почитаемы соотвѣтствующими цѣли закона о немотивированныхъ отводахъ, остальные же или являются злоупотребленіемъ (категорія 4) или прямо направлены къ произвольному подбору присяжныхъ (катег. 2 и 3). Такимъ образомъ лишь относительно случаевъ первой категоріи отводъ безъ объясненія причинъ (ст. 655) представляется важнымъ въ видахъ огражденія дѣйствительныхъ интересовъ сторонъ и достиженія наибольшаго безпристрастія въ приговорахъ присяжныхъ. Но подобные случаи составляютъ на практикѣ явленіе исключительное, ибо подсудимый весьма рѣдко встрѣчаетъ въ составѣ присяжныхъ хорошо извѣстныхъ ему лицъ, которымъ онъ въ правѣ не довѣрять, вслѣдствіе бывшихъ съ ними столкновеній и установившихся непріязненныхъ отношеній. По симъ соображеніямъ представлялось бы цѣлесообразнымъ понизить опредѣленный въ законѣ minimum отводимыхъ сторонами присяжныхъ на половину, т.-е. съ 6 до 3 (пред минист. юст. 20 апрѣля 1884 г., за № 10.473)[*].

Всякій мало-мальски знакомый съ мотивами Судебныхъ Уставовъ долженъ почувствовать смущеніе при чтеніи приведенныхъ строкъ. Кто бы въ самомъ

дѣлѣ могъ ожидать, что эти мотивы могутъ дать точку опоры для реакціонной мѣры, направленной къ уменьшенію объема права отвода? Ближайшее изслѣдованіе показываетъ, что эта ссылка сдѣлана всуе и есть въ лучшемъ случаѣ lapsus calami. Вотъ, что мы читаемъ подъ ст. 655 уг. уст.: „одно изъ самыхъ важныхъ условій хорошаго суда присяжныхъ состоитъ въ предоставленіи сторонамъ *возможно широкаго* права отвода ихъ. Хотя присяжные и назначаются жребіемъ, но для полнаго довѣрія къ правильности ихъ приговора этого еще недостаточно: необходимо, чтобы *и обвиненіемъ, и защитою* они признаны были за судей *безпристрастныхъ*. Иначе, произносимое ими рѣшеніе *не можетъ считаться вполнѣ справедливымъ* и окончательнымъ. Почему въ отношеніи присяжныхъ засѣдателей общія законныя причины къ отводу судей были бы далеко неполны. Есть множество поводовъ, коихъ ни *опредѣлить*, ни даже предвидѣть заранѣе было бы *невозможно*, а они между тѣмъ должны служить основаніемъ къ устраненію многихъ лицъ отъ участія въ постановленіи уголовнаго приговора, рѣшающаго вопросъ о чести и дальнѣйшей судьбѣ подсудимаго“. Достаточно сравнить эти подлинныя слова объяснительной записки къ Уставу угол. суд. съ тѣмъ извлеченіемъ, приноровленнымъ ad usum delphini, которое приведено выше въ представленіи министерства, чтобы убѣдиться, что ссылка на мотивы судебныхъ уставовъ совершенно неудачна. Въ самомъ дѣлѣ, они говорятъ о возможномъ *расширеніи* права отвода, а представленіе—*о пониженіи;* они говорятъ, что невозможно даже *предвидѣть* всѣхъ поводовъ отвода, а представленіе не только всѣ заранѣе предусмотрѣло, но и классифицировало по категоріямъ, опредѣливъ абсолютный и удѣльный вѣсъ каждаго изъ нихъ.—Разберемъ эти категоріи.

О четвертой категоріи, какъ не имѣющей серьезнаго значенія, и первой, какъ принятой во вниманіе, говорить не будемъ. Разсмотримъ тѣ двѣ категоріи отвода, которыя, по словамъ представленія,

не соотвѣтствуютъ цѣли закона о немотивированныхъ отводахъ. Цѣль закона, какъ мы только-что видѣли,— образованіе такого состава коллегіи присяжныхъ, который заслуживалъ бы довѣріе сторонъ. Если это такъ, то почему отводы 2 и 3 категорій не заслуживаютъ уваженія? Почему предположительныя соображенія о пристрастіи къ такому то подсудимому по личнымъ къ нему отношеніямъ должны служить поводомъ для отвода, а общія наблюденія о пристрастномъ отношеніи къ тому или другому роду преступленій или группѣ лицъ не заслуживаютъ уваженія? Иной разъ личное столкновеніе можетъ меньше внушать подозрѣнія въ пристрастіи, чѣмъ принадлежность къ той или другой категоріи лицъ. Что же дурнаго сдѣлаетъ, напр., тотъ защитникъ, который по дѣлу о незначительной растратѣ молодымъ сидѣльцемъ отведетъ кабатчиковъ, которые, какъ извѣстно, относятся съ безпощадною строгостью, граничащею съ жестокостью, къ подобнымъ дѣламъ и не только не признаютъ наличности легкомыслія, но даже снисхожденія не даютъ. Разъ существуетъ такое наблюденіе, то почему ему должно придавать меньшее значеніе, чѣмъ личнымъ столкновеніямъ. Порядочный человѣкъ и изъ-за личнаго столкновенія не станетъ мстить подсудимому, а не совсѣмъ порядочный человѣкъ способенъ впасть въ пристрастіе изъ-за общественныхъ отношеній.

Сошлемся и на такіе случаи, когда интересы обвиненія могутъ пострадать отъ игнорированія отводовъ, перечисленныхъ во 2-й и 3-й категоріяхъ. Въ наше время эти примѣры покажутся, быть-можетъ, болѣе убѣдительными. Въ Америкѣ поводомъ для мотивированнаго отвода служатъ предвзятые взгляды присяжнаго относительно даннаго дѣла, или безнравственности смертной казни. Отчего бы аналогичные случаи и у насъ не могли служить поводомъ для отвода? Допустимъ, что такая-то газета до суда еще утверждала, что Булюбашей слѣдуетъ оправдывать, ради своеобразно понятыхъ интересовъ общаго блага. Развѣ прокуроръ

не долженъ бы отвесть редактора такой газеты и развѣ такой отводъ былъ бы неуважителенъ, хотя и не подходитъ подъ категорію личныхъ отношеній? Возьмемъ еще примѣръ. Графъ Л. Толстой (и люди его образа мыслей) находятъ несправедливою не только смертную казнь, но и вообще наказаніе. Развѣ прокуроръ не долженъ отвести такихъ присяжныхъ?—а между тѣмъ и эта категорія тоже не подходитъ подъ личныя отношенія. Допустимъ, наконецъ, что прокуроръ такъ или иначе дозналъ, что такіе то присяжные относятся съ непозволительною слабостью къ грѣшкамъ кассировъ. Почему онъ не долженъ воспользоваться правомъ отвода по отношенію къ такимъ присяжнымъ?

Конечно, такія догадки могутъ подчасъ быть неосновательны, какъ и догадки, основанныя на личныхъ отношеніяхъ. Это не важно. Важно только то, чтобы разъ у той или другой стороны закралось серьезное подозрѣніе въ пристрастіи присяжнаго, она нашла возможность устранить его „Иначе, по справедливому замѣчанію составителей уст. уг. суд., приговоръ присяжныхъ не можетъ считаться вполнѣ справедливымъ“.

Не даромъ говорятъ: у страха глаза велики! Страхъ изъ-за возможности подбора побудилъ нарушить одно изъ основныхъ началъ судебной реформы. Между тѣмъ, при равноправности сторонъ относительно отвода и при системѣ жребія, ни о какомъ подборѣ не могло быть серьезной рѣчи, такъ какъ ни разу не было достаточно точно констатированъ фактъ такого злоупотребленія. Удивительно въ самомъ дѣлѣ, что за границею, гдѣ дѣйствительно происходитъ подборъ или избраніе сторонами [1]), не боятся такого подбора, а у насъ, гдѣ и послѣ отвода происходятъ избранія присутствія присяжныхъ посредствомъ жребія, обуялъ паническій страхъ отъ возможности подбора. Если

---

[1]) Тамъ отводъ предъявляется по мѣрѣ того, какъ предсѣдатель вынимаетъ изъ урны имена присяжныхъ, и въ ней такимъ образомъ остаются лица, одобренныя сторонами.

бы даже у насъ и существовала возможность подбора, то это былъ бы не подборъ со стороны одной только защиты, котораго опасались, а подборъ, произведенный совмѣстно обѣими сторонами, а въ такомъ подборѣ не только не было бы ничего опаснаго, но онъ даже былъ бы желателенъ. Онъ только соотвѣтствовалъ бы требованіямъ, заявляемымъ наукою, а именно—такой составъ былъ бы, по выраженію проф. Фойницкаго, „избранникомъ сторонъ“. Вотъ ужъ поистинѣ фальшивая тревога!

V.

Въ законѣ 12-го іюня мы находимъ еще одно нововведеніе, и притомъ по вопросу очень щекотливому, а именно: по вопросу о составленіи списка присяжныхъ. И здѣсь вѣрнѣйшимъ реактивомъ для распознанія годности или негодности нововведенія (предположеннаго - было впрочемъ всего на одинъ годъ) могутъ служить Основныя Положенія 62 г. Существовавшій донынѣ порядокъ, при которомъ администрація не принимала прямаго участія въ составленіи списка присяжныхъ засѣдателей, былъ не случайностью, а исходилъ изъ весьма серьезно обдуманнаго плана. Составители Основныхъ Положеній исходили изъ того соображенія, что присяжные, какъ и жена Цезаря, должны стоять выше всякаго подозрѣнія, а потому устранили администрацію отъ положительнаго воздѣйствія на составъ присяжныхъ. Въ засѣданіи Государственнаго Совѣта 4 сентября 1862 г. былъ обсуждаемъ этотъ вопросъ и подавляющимъ большинствомъ (24 противъ 2) [1]) былъ принятъ дѣйствующій порядокъ. Весьма поучительны мотивы, руководившіе Государственнымъ Совѣтомъ. Вотъ они: „сущность учрежденія при-

---

[1]) Въ меньшинствѣ были графъ Панинъ и Валуевъ.

сяжныхъ состоитъ въ томъ, чтобы судебнымъ приговорамъ, посредствомъ внушенія довѣрія къ судьямъ, дать надлежащую *нравственную силу*. Если изъ всѣхъ юридическихъ началъ самое *простое и очевидное* есть положеніе о томъ, что никто не можетъ быть въ одномъ и томъ же дѣлѣ и стороною и судьею, то понятно, что изъ всѣхъ причинъ, по которымъ присяжные судьи пользуются въ общественномъ мнѣніи особеннымъ довѣріемъ, главнѣйшая состоитъ въ *независимости* ихъ отъ того правительственнаго *начальства*, одна изъ существенныхъ обязанностей котораго есть обнаруженіе преступленій и преслѣдованіе виновныхъ: губернаторы потому именно, что они суть первые въ губерніяхъ блюстители пользы государства и общественнаго порядка, должны принимать сколь возможно *менѣе участія* въ избраніи присяжныхъ, дабы не подать никакого повода къ подозрѣнію, что судъ присяжныхъ составленъ *въ односторонних видахъ обвиненія* изъ агентовъ административной власти, и не подорвать тѣмъ довѣрія къ этому учрежденію. Конечно, начальниковъ губерній не слѣдуетъ вовсе устранять отъ наблюденія за порядкомъ избранія присяжныхъ. Но участіе губернаторовъ въ избраніи присяжныхъ должно быть блюстительное, т.-е. они могутъ лишь исключать изъ общихъ списковъ присяжныхъ тѣхъ лицъ, которыя не соотвѣтствуютъ предписаннымъ въ законахъ условіямъ Предоставленіе же непосредственнаго избранія изъ общихъ списковъ опредѣленнаго комплекта присяжныхъ для періодическихъ засѣданій неминуемо обратило бы присяжныхъ *въ губернаторскихъ коммиссаровъ*, которые пользовались бы не большимъ, но несравненно меньшимъ довѣріемъ, чѣмъ постоянные судьи, поставляемые новыми началами судоустройства въ самостоятельное, относительно мѣстной губрнской власти, положеніе. Учрежденіе присяжныхъ при такомъ порядкѣ избранія не достигло бы своего назначенія, потому что не доставляло бы ни тѣхъ *огражденій*, которыя даетъ постоянный судъ, составленный изъ опытныхъ юристовъ, ни тѣхъ, ко-

торыя представляетъ судъ присяжныхъ, избранныхъ независимо отъ слѣдственной власти, какъ представителей общества, въ видахъ его огражденія и охраненія безопасности и спокойствія. Нельзя при семъ не замѣтить, съ одной стороны, что губернаторъ не можетъ знать всѣхъ включенныхъ въ общіе списки присяжныхъ, а потому, отдавая предпочтеніе однимъ предъ другими, онъ по необходимости долженъ будетъ останавливаться на *удостовѣреніяхъ мѣстныхъ полицейскихъ* чиновниковъ, а съ другой—что если бы въ составѣ вызваннаго на опредѣленный періодъ засѣданія комплекта и оказались какія-либо неблагонадежныя лица, то прокуроръ всегда будетъ имѣть возможность устранить ихъ, на основаніи предоставленнаго ему права отводить по каждому дѣлу, безъ означенія причинъ подозрѣнія, до 6 лицъ". Вотъ тѣ основательныя соображенія, коими былъ вызванъ дѣйствовавшій до послѣдняго времени порядокъ.

Что же дѣлаетъ законъ 12-го іюня? Если о „губернаторскихъ коммиссарахъ", къ счастью, пока еще не могло быть рѣчи, то все же сдѣланное имъ нововведеніе отнюдь не способно было увеличить довѣрія къ суду присяжныхъ и увеличить степень даваемыхъ имъ огражденій. Администрація получила доступъ въ коммиссію, составляющую списки очередныхъ присяжныхъ. Тѣ самые „мѣстные полицейскіе чиновники", коимъ, какъ видно изъ только-что приведенной цитаты, не слишкомъ долженъ былъ довѣряться и губернаторъ, — въ лицѣ уѣзднаго исправника и полицеймейстера, являются полноправными членами временныхъ коммиссій для составленія списка присяжныхъ. Такимъ же членомъ является и другой представитель администраціи, мѣстный товарищъ прокурора окружнаго суда, элементъ едва ли способный также возвысить довѣріе къ составу присяжныхъ. Мотивы этой части закона неизвѣстны, но если нужно было въ составъ временныхъ коммиссій ввести лицо, знакомое практически съ потребностями суда присяжныхъ, то проще всего было возложить такія обязанности на

людей, независимыхъ отъ администраціи, на одного изъ членовъ суда. То обстоятельство, что иногда имъ приходилось бы выѣзжать внѣ мѣста нахожденія суда, не представляло бы особенныхъ затрудненій, такъ какъ выѣзжаютъ же они на сессіи или для осмотровъ и дознаній на мѣстѣ — по гражданскимъ дѣламъ, и иногда на довольно продолжительное время.

И замѣчательно, что всѣ эти прискорбныя нововведенія, могущія внушить недовѣріе относительно достаточной независимости состава присяжныхъ, производятся одновременно съ ограниченіемъ права защиты отводить отъ 6 до 12, до максимума трехъ!

Все изложенное выше подтверждаетъ высказанное въ самомъ началѣ статьи мнѣніе, что неудачная первая новелла зародилась подъ вліяніемъ крайне прискорбнаго и недоброкачественнаго увлеченія. Безусловно правъ профессоръ Фойницкій, когда онъ въ своемъ прекрасномъ курсѣ говоритъ, что на новый законъ объ отводѣ присяжныхъ „слѣдуетъ смотрѣть какъ на временную уступку передъ обстоятельствами, ничего общаго съ интересами правосудія не имѣющими“. Если ужъ такъ велика была сила этихъ обстоятельствъ, то поневолѣ приходилось имъ уступить!

VI.

Временный законъ 12-го іюня сталъ постояннымъ съ изданіемъ закона 28-го апрѣля 1887 г., повторившаго съ небольшими измѣненіями постановленія перваго Такимъ образомъ, составъ коммиссіи для избранія присяжныхъ мѣняется кореннымъ образомъ. Наряду съ существовавшими элементами земскаго и городскаго самоуправленія вводятся элементы: судебный, въ лицѣ мировыхъ судей, судебной администраціи, въ лицѣ товарища прокурора и общей администраціи, въ лицѣ исправника или по-

лицеймейстера. О неудобствахъ участія администраціи въ этомъ дѣлѣ было упомянуто выше, а потому возвращаться къ этому вопросу не будемъ.

Введеніе судебнаго элемента, въ лицѣ мировыхъ судей, можетъ принесть весьма существенную пользу. Это нововведеніе нисколько не противорѣчитъ духу Судебныхъ Уставовъ. Участіе мировыхъ судей проектировалось и при составленіи Уставовъ. Если же оно не было принято при окончательномъ обсужденіи вопроса, то исключительно изъ опасенія до чрезвычайности обременить и безъ того обремененныхъ занятіями мировыхъ судей. Какъ извѣстно, со дня открытія новаго суда, кругъ подсудности мироваго института не только не съуживался, но все болѣе и болѣе расширялся, а дѣлопроизводство, книговодство и отчетность все болѣе и болѣе усложнялись, такъ что въ настоящее время мировые судьи гораздо больше обременены, чѣмъ это было лѣтъ 25 тому назадъ. Это—единственное возраженіе, которое можно привести противъ участія мировыхъ судей въ избраніи присяжныхъ. У земствъ есть, впрочемъ, хорошее средство помочь этому злу — увеличеніе числа участковъ въ особенно обремененныхъ дѣлами мировыхъ округахъ.

Въ составъ коммиссіи, избирающей присяжныхъ, вводится и представитель прокурорскаго надзора. Можно бы еще примириться съ такимъ нововведеніемъ, если бы участіе товарища прокурора опредѣлялось и ограничивалось видами и предѣлами надзора, какъ это установлено относительно участія его въ судебныхъ засѣданіяхъ. Не таково положеніе, создаваемое закономъ 28-го апрѣля. Онъ дѣлаетъ прокурора полноправнымъ членомъ присутствія. Мало того: онъ создаетъ для него даже привилегированное положеніе непремѣннаго члена. Въ случаѣ раздѣленія коммиссіи по составленію очередныхъ списковъ,—гласитъ новая ст. 97[1] учр. суд. уст., — предводитель дворянства предсѣдательствуетъ, а товарищъ прокурора *присутствуетъ* въ каждомъ изъ отдѣленій. Такимъ образомъ онъ приравнивается къ предсѣдателю.

Сомнительно, чтобы такая преобладающая роль представителя обвинительной власти могла принесть пользу. Если, какъ видно изъ вышеприведенной цитаты, государственный совѣтъ отклонилъ предложеніе объ участіи общей администраціи въ избраніи присяжныхъ, изъ опасенія возбудить подозрѣніе въ составленіи списка „въ одностороннихъ видахъ обвиненія“, то столь широкое участіе въ этомъ дѣлѣ спеціальнаго представителя обвинительной власти едва ли не представляетъ еще больше неудобствъ и опасности. Частію силою закона, главнымъ же образомъ въ виду сложившихся бытовыхъ условій, прокуратура является на судѣ присяжныхъ по преимуществу представительницею односторонникъ цѣлей обвиненія. Въ качествѣ борющейся, а потому легко увлекающейся, стороны, прокурору нерѣдко приходится встать въ рѣзкую коллизію съ судомъ присяжныхъ. Болѣзненно развитое самолюбіе—въ худшемъ случаѣ, дурно понятый общественный интересъ въ лучшемъ — служатъ нерѣдко поводомъ для раздраженія или даже ожесточенія противъ отдѣльныхъ присяжныхъ или цѣлой группы, или разряда присяжныхъ. Эти условія дѣятельности создаютъ предубѣжденіе у представителей прокурорскаго надзора противъ той или другой группы, того или другаго класса лицъ. Сознательнымъ или безсознательнымъ органомъ этихъ предубѣжденій въ составѣ коммиссіи, избирающей присяжныхъ, явится товарищъ прокурора. Ошибочно было бы думать, что голосъ его не можетъ оказать большаго вліянія, въ виду многочисленности состава присутствія. Дѣло въ томъ, что односторонніе выводы прокуроровъ, не встрѣчая должнаго отпора, тѣмъ болѣе могутъ оказать вліяніе на другихъ членовъ присутствія, что выводы эти какъ бы носятъ на себѣ печать оффиціальнаго авторитета и видимаго безпристрастія. Весьма возможно, что благодаря такой преобладающей роли представителя обвинительной власти, будутъ устранены или крайне ограничены въ составѣ суда присяжныхъ

элементы, способные вполнѣ независимо и критически отнестись къ доводамъ обвиненія и защиты.

Новый законъ измѣнилъ порядокъ составленія и и общихъ списковъ. Они составляются не коммиссіями, а единичными представителями сословнаго, общественнаго или общаго полицейскаго управленія. Такъ, списокъ землевладѣльцевъ составляетъ предсѣдатель уѣздной земской управы, списокъ домовладѣльцевъ и купцовъ—городской голова и т. д.

Въ виду замѣченнаго уклоненія присяжныхъ отъ исполненія ими своихъ обязанностей (что отчасти, быть можетъ, вызвано той недостойною травлею, которой нерѣдко подвергались присяжные въ послѣднее время за тотъ или другой вердиктъ) принята одна мѣра, способная сократить случаи „счастливыхъ“ заболѣваній или командировокъ, при помощи которыхъ иные систематически уклонялись отъ обязанностей присяжнаго. Мѣра эта слѣдующая: неявившійся по законной причинѣ присяжный включается въ списокъ засѣдателей на одинъ изъ послѣдующихъ періодовъ. Благодаря этой мѣрѣ, эпидеміи горловыхъ и желудочныхъ болѣзней, періодически появляющіяся предъ открытіемъ сессій окружныхъ судовъ, вѣроятно, значительно сократятся.

Самое важное измѣненіе касается ценза для званія присяжнаго засѣдателя. Всѣ согласны въ томъ, что удачная постановка и разрѣшеніе этого вопроса играетъ существенную роль въ дѣлѣ правильнаго функціонированія суда присяжныхъ. Основной вопросъ организаціи суда присяжныхъ заключается въ томъ, есть ли званіе присяжнаго засѣдателя публичное право гражданина или общественная повинность, требуемая отъ тѣхъ, кои могутъ отправлять ее удовлетворительно? Взглядъ на этотъ предметъ нашего законодательства выраженъ весьма опредѣлительно. Оно всегда рѣшительно отвергало въ судѣ присяжныхъ политическій характеръ и смотритъ на него исключительно, какъ на институтъ юридическій. Исходя изъ этого взгляда, оно совершенно устранило при организаціи сословную точку зрѣнія. „Внесеніе или невнесеніе, — читаемъ въ

журналъ госуд. совѣта 1862 г., № 65,—кого-либо въ списокъ присяжныхъ не можетъ быть обусловливаемо принадлежностью или непринадлежностью его къ извѣстному сословію, потому что удовлетворительное исполненіе обязанности присяжнаго зависитъ отъ личныхъ качествъ человѣка, отъ его способностей, нравственности, самостоятельности характера, а не внѣшнихъ его преимуществъ или отличій". Словомъ, Судебные Уставы стремились къ тому, чтобы въ составъ присяжныхъ попадали излюбленные лучшіе представители народа, или, выражаясь древнимъ юридическимъ языкомъ, добрые, а не лихіе люди. Но къ сожалѣнію, до сихъ поръ не изобрѣтенъ приборъ для безошибочнаго распознаванія добрыхъ и лихихъ гражданъ, а потому законодательству приходится въ этомъ случаѣ дѣйствовать ощупью, принимая за отличительный признакъ добропорядочности болѣе или менѣе гадательный масштабъ, или *цензъ*, иногда даже совершенно произвольный и ошибочный.

Вопросъ о *цензѣ* обращалъ на себя серьезное вниманіе редакторовъ Судебныхъ Уставовъ. Имъ приходилось разрѣшить прежде всего вопросъ объ образовательномъ или умственномъ цензѣ. Изъ всѣхъ цензовъ это едва ли не самый вѣрный и безобидный, если только пути къ образованію болѣе или менѣе для всѣхъ доступны. Въ самомъ дѣлѣ, что бы ни говорили обскуранты стараго и новаго времени, образованіе, *caeteris paribus*, въ общемъ возвышаетъ и облагораживаетъ человѣка. Съ замѣчательнымъ тактомъ и дальновидностью разрѣшали составители Уставовъ 20-го ноября этотъ щекотливый вопросъ. Эти люди, которыхъ враги судебной реформы привыкли обвинять въ безсмысленномъ увлеченіи теоретическими формулами, въ рабскомъ подражаніи иностраннымъ образцамъ и пренебрежительномъ отношеніи къ народу, отнеслись къ нему съ необыкновеннымъ *довѣріемъ*. Ничего не могло быть легче, какъ при насажденіи такого новаго дѣла, какъ судъ присяжныхъ, впасть въ ри-

горизмъ и прекратить доступъ къ нему лицамъ, не получившимъ образованія. Но къ счастью въ такую односторонность не впали просвѣщенные дѣятели судебной реформы. Нѣтъ сомнѣнія, — разсуждали они, — образованіе вообще и юридическое въ особенности, болѣе всего способствуетъ правильному опредѣленію какъ силы уликъ, такъ и степени виновности подсудимаго; но къ этой же цѣли могутъ привести и другія средства: проницательный и наблюдательный умъ, естественная здравая логика сужденій и знаніе мѣстныхъ нравовъ, обычаевъ и распорядковъ жизни; поэтому поставлять образованіе *единственнымъ* мѣриломъ способности къ исполненію обязанности присяжнаго засѣдателя значило бы безъ нужды стѣснять средства къ учрежденію суда присяжныхъ, значило бы идти узкимъ путемъ туда, куда открыта широкая дорога.

Новый законъ 28-го апрѣля исключилъ изъ состава присяжныхъ всѣхъ *неграмотныхъ*, что должно особенно сильно отразиться на крестьянскомъ элементѣ суда присяжныхъ, въ виду малаго распространенія среди крестьянъ грамотности. Если принять во вниманіе, что кругъ лицъ сельскаго званія, могущихъ быть избранными въ присяжные, и безъ того довольно узокъ (волостные судьи, старшины и сельскіе старосты), и что по новому закону изъ этого круга нынѣ могутъ быть избраны только умѣющіе читать, то весьма легко можетъ быть, что изъ состава суда присяжныхъ вовсе исчезнетъ элементъ крестьянскій. А это едва ли желательно въ интересахъ правосудія. Для каждаго подсудимаго, — читаемъ въ журналѣ государственнаго совѣта, — долженъ служить важнымъ огражденіемъ такой составъ суда присяжныхъ, въ которомъ находились бы люди, не слишкомъ самонадѣянные, не легко поддающіеся впечатлѣніямъ, производимымъ доводами обвинителей, наконецъ, люди, произносящіе сужденіе, не отрѣшаясь отъ круга понятій *подсудимаго;* такой судъ присяжныхъ можетъ быть составленъ лишь тогда, когда къ исполненію обязанностей присяжныхъ будутъ допущены лица

разныхъ оттѣнковъ образованія, всѣхъ слоевъ общества или всѣхъ сословій, *не исключая* ни мѣщанскаго, ни *крестьянскаго*, которые должны внести въ судъ присяжныхъ многіе элементы, необходимые для правильности его дѣйствій, какъ-то: знанія въ отношеніи *большей части подсудимыхъ* нравовъ, обычаевъ и образа жизни той общественной среды, къ которой подсудимый принадлежитъ, проницательность смѣтливаго русскаго ума, простоту здравыхъ сужденій и болѣе вѣрнаго взвѣшиванья соотношенія виновности подсудимаго, принадлежащаго къ ихъ сословію, съ кругомъ его понятій". Если къ этимъ соображеніямъ прибавить еще свидѣтельство статистики, которая показываетъ, что въ составѣ подсудимыхъ почти половина принадлежитъ крестьянскому сословію, то легко понять, какой важный для правосудія ущербъ можетъ причинить отсутствіе или недостаточное представительство этого элемента въ судѣ присяжныхъ.

Конечно, бываютъ дѣла, для правильнаго разрѣшенія коихъ грамотность необходима—таковы дѣла о подлогахъ—и для такихъ дѣлъ слѣдовало бы образовать спеціальныя скамьи присяжныхъ, что́, къ сожалѣнію, вовсе неизвѣстно нашему законодательству. Но очевидно не такого рода дѣла имѣлись въ виду при составленіи проекта закона 28-го апрѣля. По этому закону отъ присяжныхъ требуется умѣнье читать, но не писать, такъ что такіе присяжные будутъ, какъ и вовсе безграмотные, судить о подлогахъ почти какъ слѣпые о цвѣтахъ.

Законъ 28-го апрѣля смотритъ на грамотность съ точки зрѣнія образовательнаго ценза. Но въ этомъ смыслѣ, едва ли простая грамотность, или, точнѣе, полуграмотность (одно умѣнье читать) заслуживаетъ такого чрезвычайнаго вниманія. Умѣнье съ грѣхомъ пополамъ разбирать псалтирь не только не даетъ ручательства бо́льшаго нравственнаго развитія, но даже не создаетъ презумпціи какого-нибудь умственнаго превосходства грамотнаго крестьянина надъ безграмотнымъ. Не мы, конечно, будемъ вооружаться противъ проявленія уваженія къ образова-

нію и противъ подъема умственнаго уровня суда присяжныхъ. Но если бы такова была цѣль закона 28-го апрѣля, то къ ней вели другіе, болѣе соотвѣтственные пути. Для этого стоило заимствовать изъ проекта Судебныхъ Уставовъ тотъ пунктъ, который, къ сожалѣнію, былъ вычеркнутъ въ 1864 году государственнымъ совѣтомъ. По этому пункту лица съ среднимъ и высшимъ образованіемъ и при отсутствіи имущественнаго ценза вносились въ списки (стр. 44 объясн. записки Учр. суд. смѣтъ). Но въ этомъ отношеніи, т. е. въ отношеніи увеличенія льготъ по образованію, новый законъ не только не сдѣлалъ шага впередъ, но сдѣлалъ шагъ назадъ: онъ уравнялъ лицъ, находящихся на государственной службѣ, относительно размѣра имущественнаго ценза, съ лицами, получающими доходъ отъ капитала или ремесла.

VII.

Вообще вопросъ о цензѣ имѣетъ довольно неопредѣленную постановку въ новомъ законѣ. Всякій законодательный актъ тогда только разрѣшаетъ удачно поставленную себѣ задачу, когда онъ отправляется отъ ясно сознанныхъ и строго проведенныхъ принциповъ. Если наши Судебные Уставы вызвали справедливое одобреніе не только русскаго общества, но и всего цивилизованнаго міра, то они этимъ обязаны, главнымъ образомъ, послѣдовательному проведенію однажды одобренныхъ гуманныхъ и либеральныхъ принциповъ. Такая выдержанность законодательнаго стиля соблюдалась какъ при начертаніи главныхъ, основныхъ положеній того или другаго института, такъ и при обработкѣ деталей его. Но строго держась разъ начертанныхъ принциповъ, редакторы Уставовъ Александра II, счастливо избѣгли и доктринерской односторонности. Если представлялись неодолимыя

препятствія для проведенія принципа, они въ этомъ, и только въ этомъ, случаѣ отступали отъ принципа. Всѣ эти черты образцовой законодательной архитектоники видны и на постановленіяхъ о судѣ присяжныхъ. Вотъ почему требуется особая осторожность и обдуманность при начертаніи „поправокъ“ къ суду присяжныхъ.

Въ предъидущемъ параграфѣ мы показали, что, вводя у насъ судъ присяжныхъ, составители Уставовъ 20-го ноября натолкнулись на весьма щекотливый вопросъ о цензѣ для присяжнаго засѣдателя. Будучи сами обязаны своимъ положеніемъ своему высокому образовательному цензу (извѣстно, что къ государственному совѣту для работъ по судебной реформѣ были командированы образованные „юристы“ не во вниманіе къ ихъ чинамъ, а къ юридическимъ познаніямъ), они не могли не ставить высоко образовательнаго ценза. Но принявъ во вниманіе почти повальное невѣжество массы русскаго народа, они должны были отказаться даже отъ такого умѣреннаго ценза, какъ грамотность. Иначе пришлось бы народныя массы вовсе исключить изъ суда присяжныхъ, что представлялось крайне нежелательнымъ въ интересахъ правосудія. Новый законъ 28-го апрѣля, какъ извѣстно, пошелъ дальше и грамотность поставилъ *conditio sine qua non* для присяжнаго. Правда, послѣ освобожденія крестьянъ грамотность увеличилась, но во первыхъ, она еще далеко не достигла желательнаго размѣра, а во-вторыхъ, въ данномъ случаѣ она не можетъ, по крайней мѣрѣ для ближайшаго будущаго, играть особой роли, такъ какъ для присяжнаго требуется 25-тилѣтній возрастъ.

Какъ бы то ни было, новелла 28-го апрѣля, повидимому, даетъ образовательному цензу бо́льшее развитіе, чѣмъ прежній законъ,—таково первое ея впечатлѣніе. Но при ближайшемъ анализѣ предположеніе это не оправдывается, что видно изъ отношенія этой новеллы къ „служебному“ цензу. До сихъ поръ уже одно состояніе на государственной или общественной службѣ составляло достаточный

цензъ для внесенія въ списокъ присяжныхъ. Теперь же на основаніи закона 28-го апрѣля, значеніе служебнаго ценза совершенно *упраздняется*. Служебный цензъ, какъ таковой, никакихъ правъ не даетъ, а право занесенія въ списокъ присяжныхъ обусловлено размѣромъ получаемаго содержанія, и въ этомъ отношеніи служащіе уравнены съ промышленниками и ремесленниками. До настоящаго времени находившійся на государственной и общественной службѣ *eo ipso* былъ кандидатомъ въ присяжные, какъ бы ни было незначительно его содержаніе; теперь же для полученія права быть присяжнымъ требуется полученіе въ годъ въ столицахъ—1,000 р., а въ прочихъ городахъ 600—400 р. Такое уравненіе чиновниковъ съ ремесленниками представляется въ данномъ случаѣ совершенно неудачнымъ. Какъ бы ни думать о достоинствахъ бюрократической школы, нельзя не признать, что государственная служба больше расширяетъ кругъ понятій человѣка, чѣмъ постоянное обращеніе съ иглою и ножницами или дратвою и шиломъ. Мы ужъ не говоримъ о такихъ родахъ государственной службы, какъ напр., педагогическая, медицинская и пр., для которыхъ обязательно прохожденіе высшей школы. А между тѣмъ и эти интеллигентные лица подведены подъ одну линію съ сапожниками, портными и пр., такъ что учитель, врачъ, получающіе въ Москвѣ менѣе 1,000 р., не могутъ быть присяжными. Пойдемъ далѣе. Посмотримъ, какія неожиданныя положенія создаетъ новый законъ для лицъ, получающихъ пенсію, напр., по судебному вѣдомству. Не только члены столичныхъ окружныхъ судовъ и судебныхъ палатъ, но и предсѣдателя этихъ мѣстъ *не могутъ* попасть въ присяжные, такъ какъ пенсія за 35-тилѣтнюю службу ихъ не превышаетъ 500—800 р. И только одни сенаторы кассаціонныхъ департаментахъ, полная пенсія коихъ достигаетъ 1,143 р. 60 к., удостоились бы внесенія въ списокъ присяжныхъ. Несообразность и ненормальность этого порядка такъ очевидны, что едва ли нужно объ нихъ распространяться!

Такое пожертвованіе въ пользу денежнаго ценза—служебнымъ, тѣмъ болѣе непонятно, что законодатель, повидимому, и самъ не былъ высокаго мнѣнія о денежномъ цензѣ. Въ самомъ дѣлѣ, Судебные Уставы установляли такой денежный цензъ: для столицъ—500 р., въ прочихъ мѣстахъ—200 р., причемъ предполагалось, что *только на первое время* долженъ быть установленъ такой *высокій* цензъ. И вотъ черезъ 20 слишкомъ лѣтъ денежный цензъ не только не только не понижается, а возвышается вдвое противъ прежняго. Не доказываетъ ли это, что гарантія, представляемая этимъ денежнымъ цензомъ, въ глазахъ законодателя потеряла свое прежнее значеніе. А при такихъ обстоятельствахъ упраздненіе служебнаго ценза или, лучше сказать, поглощеніе его денежнымъ представляется совсѣмъ непонятнымъ.

Единственнымъ объясненіемъ можетъ служить развѣ только недовѣріе къ благонадежности интеллигентнаго и чиновничьяго элементовъ, которое не разъ высказывалось извѣстною частью печати. Нельзя не согласиться, что такая точка зрѣнія предоставляется довольно оригинальною. Во всѣхъ европейскихъ государствахъ чиновники, находящіеся на государственной службѣ, въ виду ихъ зависимости отъ правительства, признаются довольно неудобнымъ элементомъ для суда присяжныхъ. Процессы послѣднихъ лѣтъ (укажемъ, напр., дѣло Свиридова) показали, что участіе чиновниковъ въ составѣ присяжныхъ можетъ иногда влечь за собою весьма тяжкія для нихъ послѣдствія. Германскій кодексъ до такой степени опасается участія чиновниковъ, что онъ товсе исключаетъ изъ списка присяжныхъ всѣхъ чиновниковъ могущихъ быть уволенными безъ прошенія т.-е. по усмотрѣнію начальства. На этомъ основаніи и у насъ, если чего можно было опасаться, такъ *не избытка, а недостатка* независимости присяжныхъ чиновниковъ. Но если, за всѣмъ тѣмъ, Уставы 20-го ноября признали возможнымъ допустить ихъ въ среду присяжныхъ, то это было допущено во вниманіе къ относи-

тельно большей образованности и умственному развитію чиновниковъ. Нынѣ эта точка зрѣнія оставлена, и относительно чиновниковъ взятъ тотъ же масштабъ, какой существуетъ для ремесленниковъ, т.-е. размѣръ годоваго дохода. Но едва ли эта точка зрѣнія правильна. Въ смыслѣ зависимости можно скорѣе признать, что зависимость чиновника отъ правительства прямо пропорціональна получаемому содержанію, т.-е. чѣмъ выше содержаніе, тѣмъ больше зависимость.

Слѣдуетъ отмѣтить еще одно постановленіе новаго закона, устанавливающее сословную привилегію относительно внесенія въ списокъ присяжныхъ. Купцы 1-й и 2-й гильдій, хотя бы не производили никакой торговли и не имѣли никакого имущества, по званію своему имѣютъ право быть присяжными. Основаніемъ для такой аномаліи вѣроятно послужило то соображеніе, что взносъ довольно значительной гильдейской пошлины служитъ презумпціею имущественной состоятельности. Презумпція эта однако на дѣлѣ не всегда оправдывается. Бываютъ случаи, когда исключительно въ видахъ сообщенія номинальнаго званія купца богатые мѣщане вносятъ гильдіи за своихъ родственниковъ. Если денежный цензъ и самъ-по-себѣ не можетъ служить надежнымъ ручательствомъ нравственной порядочности и умственнаго развитія, безъ каковыхъ качествъ не возможенъ хорошій судъ присяжныхъ, то такой фиктивный цензъ и подавно не можетъ имѣть серьезнаго значенія, въ смыслѣ гарантіи правосудія.

Въ видѣ компенсаціи за привилегію купцамъ, законъ 28-го апрѣля сдѣлалъ уступку землевладѣльческому классу. Въ этомъ отношеніи сдѣланъ большой шагъ въ смыслѣ наибольшей демократизаціи ценза. Онъ пониженъ почти въ 5 разъ. Досихъ поръ требовалось владѣніе не менѣе 100 десятинами для включенія въ списокъ присяжныхъ. Нынѣ же считается достаточнымъ владѣніе тѣмъ количествомъ земли, которое, согласно п. 4 ст. 23 Полож. о земск. учр. изд. 1886 года, даетъ право

сообща съ другими участвовать въ выборѣ земскихъ гласныхъ, т.-е. не менѣе $^1/_{10}$ земскаго поземельнаго избирательнаго ценза. А такъ какъ избирательный цензъ въ большинствѣ губерній достигаетъ 200 десятинъ, то стало быть обладаніе 20 десятинами даетъ право быть занесеннымъ въ списки присяжныхъ.

Изъ сказаннаго явствуетъ, что опредѣленіе принципа, которому слѣдовалъ новый законъ при установленіи ценза для присяжнаго засѣдателя, довольно затруднительно. Но въ общемъ можно отмѣтить такую тенденцію: образовательному цензу, въ прямомъ и непрямомъ значеніи слова, предпочтенъ денежный цензъ, а сему послѣднему — поземельный, который такимъ образомъ является излюбленнымъ цензомъ для новаго закона.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Вторая новелла.

(Законъ 20-го мая 1885 г. объ ограниченіи несмѣняемости судей.)

I.

Новелла 20-го мая наноситъ ударъ, если не смертельный, то все-таки очень чувствительный одной изъ коренныхъ основъ судебной реформы — несмѣняемости судей. Если требованіе враговъ судебной реформы о полной отмѣнѣ этой важнѣйшей гарантіи судейской независимости осталось не исполненнымъ, то все же новелла 20-го мая имѣетъ весьма серіозное значеніе, и по поводу ея невольно вспоминаются замѣчательныя слова М. Н. Каткова, превосходно разъясняющія значеніе независимости суда.

„Независимость суда отъ администраціи, говорилъ онъ, есть самое существенное условіе правильнаго суда. *Безъ полной независимости* отъ администраціи, наше новое судопроизводство не могло бы имѣть силы, какъ бы ни было оно обставлено и въ какія бы формы ни облеклось. Оно было бы учрежденіемъ безъ всякой будущности, учрежденіемъ *мертворожденнымъ*. Независимость столько же должна относиться къ дѣйствіямъ судебнымъ, сколько къ судейскому званію. И то и другое равно важно, и новое судоустройство потеряло бы все свое значеніе, если бы судебная власть въ какомъ бы то ни было отношеніи была поставлена въ подчиненное къ административнымъ властямъ отношеніе.

„Стоитъ только вникнуть въ основной смыслъ нашего новаго судебнаго устава, говорилъ онъ-же, для того, чтобы уяснить себѣ то важное значеніе, которое онъ придаетъ независимости судебнаго званія, а съ тѣмъ вмѣстѣ и то *направленіе*, которое должно быть принято и законодательствомъ и администраціей по отношенію къ этому новому учрежденію. Все, что можетъ причинить ущербъ достоинству судейскаго званія, ослабить его самостоятельность, стѣснить его независимость или въ какомъ бы то ни было отношеніи унизить его передъ административными властями, было бы покушеніемъ *противъ сущности этого великаго преобразованія*, было бы *ненавистной* попыткой парализовать его силу. Вотъ почему оскорбителенъ всякій намекъ, клонящійся къ тому, чтобы *затемнить сущность* новаго порядка вещей и *лишить его силы*, дающей ему всю его цѣнность, чтобы изъ важнаго начинающагося дѣла *вынуть его душу* и оставить шелуху, которая давала бы только сильнѣе чувствовать тщету начинанія". (М. В. 1866, № 156 и 198)....

При расмотрѣніи новаго закона 20-го мая о дисциплинарной отвѣтственности прежде всего бросаются въ глаза его необычайные размѣры. Какъ извѣстно, послѣ изданія Судебныхъ Уставовъ послѣдовало не мало къ нимъ дополненій, измѣнявшихъ или вовсе отмѣнявшихъ тѣ или другія постановленія. Но это были частичныя измѣненія, робкія поправки. Не то мы видимъ въ только-что появившемся законѣ. Онъ сразу отмѣняетъ и измѣняетъ болѣе 30-ти статей важнѣйшей части Судебныхъ Уставовъ—Учрежденія Судебныхъ Установленій. Таковъ внѣшній видъ закона. Если же вникнуть въ содержаніе его, то увидимъ, что онъ касается самыхъ щекотливыхъ и самыхъ существенныхъ сторонъ судебной организаціи, такъ, наприм., отношеній судей къ администраціи, предсѣдателямъ и несмѣняемости судей.

Вѣковой опытъ нашъ и европейскій свидѣтельствуетъ о безусловной необходимости отдѣленія судебной власти отъ административной. Хорошо понимая значеніе этого великаго принципа, просвѣ-

щенные составители Судебныхъ Уставовъ положили его въ видѣ краеугольнаго камня новаго судебнаго строя. Строгое проведеніе его считали они вѣрнѣйшимъ залогомъ успѣха судебной реформы. Судью контролируетъ и судитъ только судъ,—таково постановленіе Судебн. Уставовъ. Нынѣ приходится отмѣтить, что это безспорное для передовыхъ законодательствъ и процессуалистовъ начало терпитъ довольно значительный ущербъ вслѣдствіе новой редакціи ст. 254 и 255 Учр. Суд. Уст. Новая редакція расширяетъ права министра юстиціи какъ относительно предѣловъ надзора, такъ и относительно послѣдствій его. Доселѣ министръ юстиціи имѣлъ надзоръ за внѣшнимъ теченіемъ дѣлъ и если усматривалъ „накопленіе дѣлъ, медленность или остановку въ ихъ движеніи, предлагалъ предсѣдателю судебнаго установленія принять мѣры къ отвращенію сего и представить объясненія о причинахъ". Таковы были предѣлы надзора. Теперь министръ юстиціи наблюдаетъ вообще „за отступленіемъ отъ законнаго порядка", — другими словами, вся дѣятельность судебныхъ установленій, всѣ приговоры и рѣшенія отданы подъ контроль министра юстиціи. Хотя и до изданія новаго закона практика допускала такой надзоръ, хотя новый судъ никакихъ надзоровъ не боится, но тутъ важна именно та тенденція къ расширенію власти судебной администраціи, которая такъ ясно сквозитъ въ каждомъ словѣ новаго закона.

Только этимъ и можно объяснить такія маловажныя на видъ, но весьма характерныя, какъ симптомъ, редакціонныя поправки. Прежде ст. 253-я Учр. Суд. Уст. говорила о „правѣ прокурорскаго надзора наблюдать за охраненіемъ законовъ". Теперь слово „право" замѣнено словомъ „обязанность". По той же статьѣ, прокуроръ доселѣ могъ о замѣченныхъ упущеніяхъ сообщать предсѣдателямъ судовъ, теперь же онъ можетъ „предложить на обсужденіе суда".

Все это не имѣло бы особеннаго значенія, если бы дѣло ограничивалось такими стилистическими по-

правками; но имѣются поправки гораздо болѣе серіозныя. Такъ, новый законъ предоставляетъ министру весьма существенное и доселѣ не имѣвшееся у него право, отъ всѣхъ безъ изъятія чиновъ судебнаго вѣдомства, требовать „объясненій письменныхъ“; что уже само по-себѣ предполагаетъ извѣстную степень власти. Но этого мало. Министру предоставлено требовать къ себѣ даже *личной* явки всѣхъ чиновъ судебнаго вѣдомства для личныхъ объясненій. Допустимъ лучшее. Допустимъ, что судей не будутъ „распекать“ или вообще прибѣгать къ обычнымъ способамъ подтягиванія, практикуемымъ начальствами относительно подчиненныхъ, тѣмъ не менѣе это новое постановленіе вноситъ въ отношенія суда къ администраціи элементъ „личнаго“ воздѣйствія, отнюдь не способный усилить независимость перваго отъ послѣдней.

Но и этимъ еще дисциплинарная власть министра не исчерпывается. По новой редакціи ст. 255, министръ, когда признаетъ нужнымъ, можетъ сдѣлать лицамъ судебнаго вѣдомства, допустившимъ, по его мнѣнію, какіе-либо безпорядки, соотвѣтственныя „напоминанія и указанія“, т. е., другими словами, не только контролировать уже совершившіеся судебные акты и факты, а также дѣлать „указанія насчетъ будущаго. До сихъ поръ единственнымъ руководителемъ судовъ относительно истиннаго смысла закона была независимая и компетентная коллегія юристовъ—кассаціонные департаменты сената. Теперь рядомъ съ ними создается новое единоличное административное руководство судами, „указанія“ коего далеко не всегда могутъ совпадать съ „указами“ самого сената. Какими бы добрыми побужденіями ни руководствовался министръ юстиціи, онъ силою вещей поставленъ въ необходимость внимательно прислушиваться къ настроеніямъ минуты. Не мудрено поэтому, что указанія его будутъ подчиняться ихъ вліянію, и такимъ образомъ на мѣсто твердаго начала законности и принциповъ права мало по малу будутъ проскальзывать въ суды, быть можетъ, благонамѣренныя по цѣли, но опасныя по

существу, указанія о смягченіи и модификаціи закона, глядя по случайнымъ соображеніямъ т. н. цѣлесообразности. Опытъ послѣдняго времени не только не ослабляетъ, но даже усиливаетъ подобныя опасенія. Такимъ образомъ расшатывается одинъ изъ важнѣйшихъ устоевъ новаго суда, принципъ отдѣленія суда отъ администраціи, наносится ущербъ ясному намѣренію творца Судебн. Уставовъ „возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность".

Насколько всѣ эти нововведенія могутъ быть опасны для интересовъ правосудія,—ясно для всякаго. На эту тему распространяться не будемъ; приведемъ лишь свидѣтельство изъ источника, не лишеннаго авторитетности. Когда въ 60-хъ годахъ возникло-было предположеніе о предоставленіи администраціи права требовать къ себѣ только предсѣдателей для объясненій (а ужъ никакъ не для „напоминаній и указаній"), М. Н. Катковъ былъ возмущенъ этимъ предположеніемъ. „Для вида ли только,—вопрошалъ онъ,—судебная власть признана независимою и самостоятельною или она дѣйствительно поставлена такъ, что для нея обязательны только законъ и правда? Правительство и общество должны соревновать въ заботахъ о томъ, чтобы въ новое судебное устройство не прокралось чего-либо въ ущербъ его достоинству и самостоятельности. Не было ли бы ущербомъ ихъ независимости и достоинству, если бы напр. министру или губернатору предоставлено было право приглашать къ себѣ предсѣдателей судовъ для объясненій? Не значило ли бы это — *возлекать новыя учрежденія старую колею?* Въ подобныхъ случаяхъ имѣетъ важность и то, что обыкновенно считается не больше какъ *этикетомъ*. Что знаменовалъ бы подобный этикетъ? Не то ли, что административная власть первенствуетъ предъ судебной?"

Кажется, не будетъ неумѣстнымъ и нынѣ задаться этими вопросами.

II.

Самая существенная часть новаго закона о дисциплинарномъ судѣ, это — отмѣна дѣйствовавшаго донынѣ дисциплинарнаго кодекса, помѣщеннаго въ Уложеніи о наказаніяхъ. Главный недостатокъ его былъ тотъ, что онъ чрезвычайно устарѣлъ. Правда, есть у насъ еще Уст. о службѣ гражд., устанавливающій нѣсколько добрыхъ правилъ поведенія, но они не имѣютъ никакого практическаго значенія. Такъ, напр., существуютъ ст. 723-я, запрещающая безбожное житье, пьянство, ложь и обманы и предписывающая добродѣтели и похвальное любочестіе. Но это законодательное *pium desideratum* имѣетъ не больше значенія, чѣмъ постановленіе ст. 185 Уст. о пред. и пресѣч. прест., коею „запрещается всѣмъ и каждому пьянство“. Другой недостатокъ дѣйствовавшаго дисциплинарнаго устава была неполнота. Онъ вовсе не предусматриваетъ нѣкоторыхъ служебныхъ проступковъ, такъ, напр., замаскированнаго участія судей въ направленіи или даже веденіи дѣлъ, прямаго или косвеннаго давленія на судей-товарищей и прочихъ проявленій кумовства. Затѣмъ и частная жизнь судьи вовсе была изъята изъподъ контроля дисциплинарнаго суда. Судья-пьяница, судья-развратникъ, судья, состоящій должникомъ во всѣхъ магазинахъ или у адвокатовъ (случаи, къ сожалѣнію, не только возможные, но и дѣйствительные), едва ли можетъ внушить населенію должное уваженіе и безъ сомнѣнія роняетъ носимое имъ званіе.

Но какъ бы ни былъ подробенъ дисциплинарный кодексъ, онъ не можетъ предусмотрѣть всѣхъ дѣйствій и упущеній судей, компрометтирующихъ достоинство судьи. На что ужъ подробенъ австрійскій кодексъ, предусматривающій даже то обстоятельство, что судья долженъ называть лицъ, обращающихся къ нему, не иначе, какъ съ присоединеніемъ словъ: господинъ и госпожа, — и онъ однако не исчерпываетъ предметъ. Такимъ образомъ волею-неволею приходится предоставить дисциплинарному суду нѣкоторый просторъ

въ опредѣленіи состава проступковъ, совершеніе коихъ роняетъ достоинство судьи. Тутъ однако кроется и весьма важная опасность для интересовъ правосудія. Если судъ, облеченный такою обширною властью надъ судьями, не совсѣмъ правильно будетъ дѣйствовать, тогда независимость и несмѣняемость судей сведется къ нулю. Вотъ почему гарантіи, представляемыя такимъ полусудебнымъ, полу-административнымъ учрежденіемъ, должны быть не ослаблены, *а увеличены* противъ обыкновенныхъ судебныхъ гарантій. У насъ едва ли не больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, настоитъ необходимость въ увеличеніи такихъ гарантій, въ виду того, что наши нравы и условія общественной жизни не только не восполняютъ недостатокъ судебныхъ гарантій, но даже и ослабляютъ таковыя.

Теперь посмотримъ, насколько новый законъ удовлетворяетъ этимъ условіямъ. Что касается круга дѣйствій судей, подлежащихъ вѣдѣнію дисциплинарнаго суда, то новый законъ такъ расширилъ предѣлы его, что дальше итти некуда. Если министромъ юстиціи будетъ усмотрѣно, — гласитъ § 3 ст. XX,—а) что судья совершилъ такіе служебныя упущенія, которыя, по своему значенію и многократности, свидѣтельствуютъ о несоотвѣтствіи судьи занимаемому имъ положенію или о явномъ съ его стороны пренебреженіи къ своимъ обязанностямъ, или б) что судья дозволилъ себѣ, внѣ службы такіе противные нравственности или предосудительные поступки, которые хотя и не имѣли послѣдствіемъ привлеченіе его къ уголовной отвѣтственности, но, будучи несовмѣстны съ достоинствомъ судейскаго званія и получивъ огласку, лишаютъ совершившаго ихъ судью необходимымъ для сего званія довѣрія и уваженія, то передаетъ эти поступки на обсужденіе дисциплинарнаго суда. Во всѣхъ этихъ случаяхъ высшій дисциплинарный судъ можетъ *уволить судью* безъ прошенія. Какъ видите, высшій дисциплинарный судъ облекается такими чрезвычайными полномочіями, которыхъ до сихъ поръ ни одно мѣсто, ни одно лицо, не имѣло по отношенію

къ судьямъ. Въ окончательномъ выводѣ судъ этотъ получаетъ то же право, какое предоставлено начальникамъ на основаніи извѣстнаго 3-го пункта, т. е. увольнять отъ должности по личному усмотрѣнію.

Разберемъ теперь, соотвѣтствуютъ ли этимъ чрезвычайнымъ полномочіямъ и чрезвычайныя гарантіи для обезпеченія правильнаго пользованія ими? Относительно состава этого высшаго дисциплинарнаго суда или присутствія, какъ его называетъ законъ, мы ничего сказать не можемъ; онъ образованъ изъ сенаторовъ и первоприсутствующихъ 1-го и кассаціонныхъ департаментовъ и такимъ образомъ напоминаетъ нынѣшнее соединенное присутствіе только въ усиленномъ видѣ. Но что составъ самъ по себѣ не служитъ абсолютною гарантіею, тому доказательствомъ служитъ то же самое соединенное присутствіе, въ практикѣ котораго бывали случаи неумѣреннаго подчиненія давленію судебной администраціи. Сошлемся хотя бы на дѣла москов. миров. судьи В—а.

Что же касается до другихъ гарантій, то мы должны замѣтить, что въ этомъ отношеніи сдѣланъ крайне опасный шагъ назадъ, сравнительно съ Уставами Александра II. На основаніи этихъ Уставовъ судьи могли за дѣйствія, прямо предусмотрѣнныя закономъ, подвергаться только предостереженіямъ, но и то подобныя дѣла разсматривались въ нѣсколькихъ инстанціяхъ, по желанію обвиняемаго участвовалъ защитникъ, допускалась гласность. Теперь же, когда самый составъ преступленія устанавливается по усмотрѣнію самого дисциплинарнаго суда и судебной администраціи, когда дѣло можетъ окончиться такимъ тяжкимъ наказаніемъ, какъ удаленіе судьи отъ должности, дѣла будутъ разсматриваться только въ одной инстанціи, *защита не допускается абсолютно и гласность изгнана вполнѣ*. Другими словами, гарантіи правосудія дисциплинарнаго суда уменьшились обратно пропорціонально предоставленнымъ ему обширнымъ, почти ничѣмъ не ограниченнымъ полномочіямъ. Безъ дальнѣйшихъ комментаріевъ понятно, къ чему сводится при та-

комъ порядкѣ дисциплинарнаго процесса несмѣняемость судей. Даже независимость присяжныхъ повѣренныхъ поставлена у насъ въ болѣе благопріятныя условія, чѣмъ отнынѣ будетъ стоять судейская независимость и несмѣняемость, этотъ краеугольный камень новаго судебнаго строя. Въ самомъ дѣлѣ по масштабу ничѣмъ и никѣмъ не контролируемыхъ судей, быть можетъ, впервые устанавливается составъ преступленія, а затѣмъ слѣдуетъ увольненіе судьи. Разъ уволненіе производится келейно, безъ свѣта гласности, гдѣ же гарантія для правильнаго примѣненія этой мѣры, гдѣ же гарантія, что она не превратится въ орудіе партіи и минутныхъ увлеченій?

III.

Основное *motto* новаго закона 20-го мая о дисциплинарномъ судопроизводствѣ, это—усиленіе отвѣтственности судей. Достигается эта цѣль двумя путями: во-первыхъ, расширеніемъ круга дѣйствій, подлежащихъ вѣдѣнію диспиплинарнаго суда, а во-вторыхъ учрежденіемъ новыхъ органовъ дисциплины и увеличеніемъ власти существующихъ. Усилена власть прокуратуры по надзору; впервые предоставлено министру юстиціи право непосредственнаго проявленія дисциплинарной власти надъ судьями всѣхъ степеней и ранговъ; учреждена новая полу-административная коллегія съ неограниченнымъ правомъ перевода судей изъ одного округа въ другой и даже удаленія отъ должности. Мы уже указывали, какой тяжелый ударъ наносятъ всѣ эти нововведенія кореннымъ основамъ Судебныхъ Уставовъ.

Но нововведенія этимъ не ограничились. Какъ извѣстно, бывшій министръ юстиціи гр. Панинъ проектировалъ учрежденіе должности „главнаго судьи области“, который долженъ былъ полновластно хозяйничать въ мѣстныхъ судахъ. Но этотъ

проектъ, какъ вытекавшій изъ смѣшенія властей судебной и административной, былъ совершенно отвергнутъ государственнымъ совѣтомъ при обсужденіи Уставовъ 1864 года, и учрежденной должности старшаго предсѣдателя судебной палаты сообщенъ исключительно судебный характеръ. Доселѣ онъ былъ просто предсѣдатель судебнаго мѣста и имѣлъ свойственныя этой должности права. Нынѣ же въ лицѣ старшаго предсѣдателя создается одинъ изъ многихъ дисциплинарныхъ органовъ. Онъ уже лично, а не какъ предсѣдатель судебной палаты, имѣетъ обязанность наблюдать за всѣми чинами судебнаго округа и получаетъ соотвѣтственныя права. Освѣдомившись о какихъ-либо упущеніяхъ или отступленіяхъ отъ законнаго порядка со стороны окружнаго суда или должностныхъ лицъ, при немъ состоящихъ, онъ производитъ свой единоличный судъ надъ судебною коллегіею и, признавши ее виновною, дѣлаетъ ей соотвѣтственныя *напоминанія и указанія*. Другими словами, рѣшенія суда могутъ опорочиваться единоличнымъ усмотрѣніемъ старшаго предсѣдателя. До сихъ поръ рѣшенія окружнаго суда подлежали контролю другой коллегіи, судебной палаты, которая отмѣняла рѣшенія, и только. А теперь по самымъ спорнымъ вопросамъ старшій предсѣдатель кладетъ свою начальническую резолюцію и даже дѣлаетъ судьямъ внушеніе. До сихъ поръ судьи думали о томъ, чтобы рѣшенія ихъ были согласны съ закономъ и развѣ еще съ рѣшеніями кассаціонныхъ департаментовъ, а теперь имъ необходимо имѣть въ виду, въ силу ст. XIII, § 3 ст. XIV закона 20-го мая, еще личныя воззрѣнія старшаго предсѣдателя и министра юстиціи.

Недовѣріе къ коллегіальному началу и предпочтеніе личной власти такъ явно сквозитъ въ новомъ законѣ, что онъ допускаетъ личное вмѣшательство старшаго предсѣдателя даже во внутренній распорядокъ дѣлъ, производящихся въ окружныхъ судахъ. На разсмотрѣніе старшаго предсѣдателя представляется проектъ росписанія сессій

окружныхъ судовъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Отъ него зависитъ окончательное утвержденіе росписаній, равно какъ назначеніе членовъ суда для предсѣдательствованія. Такимъ образомъ, старшій предсѣдатель, напримѣръ, московской судебной палаты признается болѣе компетентнымъ въ разрѣшеніи вопроса, когда слѣдуетъ устроить сессію въ округѣ вятскаго, костромскаго, ржевскаго, елецкаго окружныхъ судовъ, чѣмъ сами члены этихъ судовъ. Мало того, старшій предсѣдатель признается настолько близко знакомымъ съ личнымъ составомъ окружныхъ судовъ, что ему предоставляется право избранія предсѣдателей сессій.

Не можемъ не указать въ заключеніе еще на одно нововведеніе, весьма характерное для опредѣленія направленія новаго закона,—его воззрѣнія на свойства судебной службы. До судебной реформы у насъ не было судей-юристовъ, въ настоящемъ смыслѣ слова: это были агенты министерства юстиціи, обязанные по первому его приказанію дѣлаться то криминалистами, то цивилистами. Судебная реформа, отведя должное мѣсто юридической наукѣ, поставила дѣло такъ, что для правильнаго отправленія правосудія нужны были спеціалисты по гражданскому или уголовному праву и процессу. Съ большимъ трудомъ, но стали наконецъ формироваться у насъ такіе спеціалисты. Теперь снова водворяется у насъ міровоззрѣніе временъ Панина. Спеціалисты признаются излишними и предъявляется запросъ на всезнающихъ людей. По § 5 ст. I члены окружныхъ судовъ могутъ быть перемѣщаемы изъ одного отдѣленія въ другое. Подобное „обновленіе“ перемѣщеніемъ части членовъ изъ гражданскихъ отдѣленій въ уголовныя и обратно даже особенно „рекомендуется“ новымъ закономъ. Читая его, можно подумать, что рѣчь идетъ о студентахъ, кандидатахъ на судебныя должности, или о помощникахъ присяжныдъ повѣренныхъ, которымъ не безполезно ознакомиться съ гражданскимъ и уголовнымъ процессомъ, а не съ сформировавшимся спеціалистомъ, членомъ окруж-

наго суда. Кто мало-мальски знакомъ съ современнымъ состояніемъ юридической науки, тому извѣстно, что юристу необходимо, въ интересахъ плодотворности своихъ занятій, сосредоточиться, спеціализироваться. Мы увѣрены, что многіе спеціалисты, стяжавшіе почетную извѣстность своими солидными познаніями въ области гражданскаго или уголовнаго права, будутъ поставлены въ очень затруднительное положеніе, когда по волѣ случая и помимо ихъ желанія придется перемѣнить родъ спеціальности. Положимъ, есть такіе судьи, которые по окончаніи курса не заглядывали ни въ одну юридическую книгу и которые всю глубину своей юридической премудрости черпаютъ изъ такъ называемыхъ „анисимовокъ“, т.-е. текста закона, начиненнаго извлеченіями изъ кассаціонныхъ рѣшеній. Для такихъ судей даже знакомство съ подлинными кассаціонными рѣшеніями представляетъ трудъ непреодолимый. Судьи съ такимъ легкимъ юридическимъ багажемъ, безъ сомнѣнія, не будутъ жаловаться на неудобства новаго закона и будутъ считать себя одинаково годными какъ для гражданскаго, такъ и для уголовнаго отдѣленій. Едва ли правосудіе много выиграетъ, если министерству юстиціи придется пользоваться по преимуществу услугами судей съ такимъ уровнемъ юридическаго развитія.

По поводу настоящей новеллы, не можемъ не вспомнить одно изъ фальшивыхъ ходячихъ мнѣній о дѣятеляхъ судебной реформы. Такъ образовалось и циркулируетъ безпрепятственно мнѣніе, что наши Судебные Уставы суть не что иное, какъ рабское подражаніе французскому законодательству (какой-то шутникъ утверждалъ даже — сардинскому). Ничего не можетъ быть неправильнѣе этого ходячаго мнѣнія, порожденнаго частью недобросовѣстностью, главнымъ же образомъ — невѣжествомъ. Какой бы ни взять отдѣлъ судоустройства — мировой институтъ, судъ присяжныхъ, судебную несмѣняемость, гласность—вездѣ замѣтно участіе умѣлой и смѣлой

руки, искусно и самостоятельно обрабатывающей сырой иностранный законодательный матеріалъ, сообразно требованіямъ русской жизни.

Заимствуя изъ европейскихъ кодексовъ разные институты, составители Судебныхъ Уставовъ принимали въ самое серьезное вниманіе бытовыя условія нашей среды и соотвѣтственно имъ видоизмѣняли, т. е. смягчали или усиливали оттѣнки заимствуемыхъ институтовъ. Они очень хорошо знали и никогда не забывали, что теоретическія постановленія, буква закона, проходя черезъ среду, черезъ руки исполнителей, неизбѣжно претерпѣваютъ *преломленія* въ ту или другую сторону, смотря по составу среды. Вотъ почему они, перенося къ намъ извѣстный институтъ европейскаго процесса, не довольствовались переводомъ соотвѣтственныхъ постановленій европейскихъ кодексовъ, а придумывали комбинаціи, которыя могли бы обезпечить непреложное и неискаженное исполненіе.

Такъ было напр. съ вопросомъ о несмѣняемости. Редакторы Учрежд. Суд. Уст. очень хорошо понимали, что вводимый къ намъ институтъ не согласуется съ нашими нравами, и не только не встрѣтитъ поддержки въ существующемъ „умоначертаніи“, но скорѣе глухое противодѣйствіе. Вотъ почему они старались обставить этотъ институтъ такъ, чтобы не оставалось никакой лазейки для вторженія и укрѣпленія тенденцій, враждебныхъ и несовмѣстныхъ съ несмѣняемостью и съ независимостью судейскою. Они очень хорошо знали, что стоило предоставить хоть небольшую личную власть предсѣдателю суда или кому-нибудь другому, въ видѣ права требовать „личныхъ объясненій“, дѣлать „указаніе и напоминаніе“ (какъ это сдѣлалъ законъ 25-го мая), изъ этой власти развилась бы цѣлая система начальственнаго воздѣйствія со всѣми обычными спутниками его въ видѣ: „головомойки“, „нахлобучки“ и другихъ способовъ „внушенія“, которыми такъ богатъ нашъ административный языкъ. Во избѣжаніе этого неудобства, составители Учр. Суд. Уст. не

послѣдовали слѣпо за иностранными образцами и, *отступивъ* отъ нихъ, упразднили воздѣйствіе единоличной дисциплинарной власти на судей. Исторія не упрекнетъ ихъ за такую оригинальность, за такую разумно-самобытную обработку института иностранныхъ законодательствъ примѣнительно къ нашимъ нравамъ! Они хорошо понимали, что̀ дѣлали: они хорошо знали наши оффиціальные „свычаи и обычаи“.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Новелла 12-го февраля 1887 г. объ ограниченіи гласности.

> L'arbitraire en institutions politiques est la perte de toute institution politique; car, les institutions politiques étant l'assemblage des règles, sur lesquelles doivent pouvoir compter dans leurs relations comme citoyens, il n'y a d'institutions politiques là où ces règles n'existent pas.
>
> *Benjamin Constantin.*

> Гласность служитъ самымъ надежнымъ контролемъ всякой общественной дѣятельности и *единственною* прочною уздою для удержанія общественныхъ дѣятелей въ предѣлахъ законности.
>
> *Н. А. Буцковскій.*

I.

Было время и оно не Богъ знаетъ какъ далеко отъ насъ, когда гласность (какъ въ смыслѣ публичности, такъ и устности судоговоренія) наравнѣ съ адвокатурою, съ судомъ общественной совѣсти и другими институтами новаго европейскаго процесса были „страшными словами“, пугавшими воображеніе не только мнительныхъ бюрократовъ, но даже и людей науки. Опасность устнаго судопроизводства заключается, по увѣренію старыхъ криминалистовъ, въ томъ, что оно служитъ обыкновенно источникомъ незрѣлаго и „необсудливаго“ рѣшенія уголовныхъ дѣлъ, вызываетъ ораторство и пр. Что касается гласности, публичности, то не

трудно догадаться, какъ должны были относиться къ ней наши заматерѣлые книжники. „Народъ, стекающійся на мѣсто суда,—учили они,—можетъ быть только худымъ контролеромъ судебныхъ дѣйствій, потому что онъ имѣетъ самую малую часть тѣхъ свѣдѣній, которыя необходимы для того, чтобы правильно судить о полнотѣ и формальности слѣдствія и о *правильности* приговора; притомъ, хотя въ началѣ преступленія раздраженное имъ чувство требуетъ немедленнаго наказанія, но самый опытъ свидѣтельствуетъ (*sic*), что это печальное требованіе тотчасъ уступаетъ мѣсто чувству *сострадания* къ преступнику, который кажется несчастною жертвою общественнаго правосудія... Возможно ли послѣ этого ожидать отъ народа справедливаго (очевидно, справедливость несовмѣстима съ состраданьемъ, по ученью нашихъ кровожадныхъ криминалистовъ!) отношенія къ преступникамъ?“ [1])

Какою затхлою атмосферою средневѣковаго застѣнка вѣетъ отъ этихъ жесткихъ сентенцій. Правосудіе и состраданіе—непримиримыя стихіи, какъ огонь и вода. Хранителемъ священной идеи правосудія являются безсловесные судьи; эти *machines à sentence*, которые, на основаніи мертваго бумажнаго производства, доложеннаго секретаремъ, осуждали среди мрака канцелярской тайны, сами не зная хорошенько за что къ каторжнымъ работамъ и достодолжному числу ударовъ плетьми. А подлый народъ, т.-е. не принадлежащій къ кастѣ священнодѣйствующихъ подьячихъ, такъ глупъ и неразвитъ, что онъ не можетъ и не долженъ смѣть даже поинтересоваться узнать, согласно ли съ закономъ подвергаютъ истязаніямъ лицъ, имѣвшихъ несчастье попасть на судъ этихъ страшныхъ инквизиторовъ. Вотъ та „здравая“ научная доктрина, которая проповѣдовалась всего какихъ-нибудь 30 — 40 лѣтъ тому назадъ съ высоты столичной университетской каѳедры именемъ передовой европейской науки.

---

[1]) См. Основаніе уголовнаго судопр. Я. Баршева, стран. 68.

Нужно было, чтобы въ средѣ, гдѣ свѣточъ науки издавалъ такой удушливый чадъ, могла возникнуть и привиться „идея суда милостиваго, праваго и равнаго для всѣхъ“, суда по Уставамъ 20-го ноября. И такое чудо дѣйствительно свершилось, хотя и не сразу. Имѣло оно мѣсто во второй половинѣ 50-хъ гг., когда занялась надъ Россіею заря новой, лучшей жизни. Какъ только были нѣсколько ослаблены оковы, давившіе русскую мысль и слово, произошло общее просвѣтлѣніе, сказавшееся на значительной и лучшей части общества. Даже сферы, наименѣе доступныя воздѣйствію общественныхъ теченій, высшія юридическія сферы, поддались вліянію неожиданно сказавшагося просвѣтлѣнія.

Тотъ самый гр. Д. Н. Блудовъ, типичный представитель робкой, нерѣшительной юриспруденціи дореформенной эпохи, который въ 40-хъ гг. думалъ, что частичными поправками можно вполнѣ исправить прогнившую насквозь храмину стараго суда, теперь словно впервые прозрѣлъ и заговорилъ совсѣмъ инымъ языкомъ. Въ Объяснительной Запискѣ своей къ Уставу гражд. судопр. гр. Блудовъ, этотъ умѣреннѣйшій изъ умѣренныхъ бюрократовъ, писалъ въ 1857 г. слѣдующее: „намъ въ особенности нельзя и думать о какомъ-либо усовершенствованіи сей части нашего законодательства, безъ измѣненія самой *основной мысли его*, безъ принятія другихъ не только отличныхъ, но до нѣкоторой степени *ей противныхъ началъ*“. Въ числѣ этихъ новыхъ началъ была и гласность (см. стр. 8 Объяс. Зап.). Только подъ покровительствомъ благонамѣреннаго флага гр. Блудова, испытанная благонадежность котораго стояла внѣ всякаго подозрѣнія, гласность легко и быстро завоевала себѣ почву въ нашихъ оффиціальныхъ сферахъ. Въ 1859 г. въ Объяснительной Запискѣ своей къ Уст. угол. суд. гр. Блудовъ писалъ: „При гласности силою самой торжественности подсудимые и свидѣтели побуждаются къ *открытію правды*... кромѣ того въ виду такой гласности и возбуждаемаго ею общественнаго мнѣнія, судьи чувствуютъ всю *важность* и, такъ сказать, всю

святость своего призванія“ (стр. 147 Объяснительной Записки).

Идея гласности все болѣе и болѣе входила въ общее сознаніе, а послѣ открытія новыхъ гласныхъ судовъ польза и даже необходимость гласности сдѣлалась очевидною для всѣхъ истиною.

Вотъ почему толки, возникшіе въ концѣ 1886 г. о предстоящемъ ограниченіи гласности, произвели сильное впечатлѣніе на общество, которое съ большимъ интересомъ слѣдило за перипетіями законопроекта по этому предмету.

При разсмотрѣніи въ департаментѣ законовъ Государственнаго Совѣта проекта министра юстиціи, о предоставленіи ему права закрывать по собственному усмотрѣнію для публики двери судебныхъ засѣданій, голоса раздѣлились пополамъ, но предполагалось дать проекту дальнѣйшій ходъ и внести вопросъ на обсужденіе общаго собранія Государственнаго Совѣта. Передавшая это извѣстіе газета — нужно ли называть ее по имени? — бросала укоръ сторонникамъ Судебныхъ Уставовъ за „настойчивость“, проявленную ими въ отстаиваніи ихъ. Заслуженъ ли этотъ упрекъ?

Не касаясь пока существа вопроса, замѣтимъ, что въ проектѣ рѣчь шла не о временной мѣрѣ, оправдываемой политическими соображеніями минуты, а объ коренной и безповоротной реформѣ, разсчитанной на болѣе или менѣе продолжительное время. Что законопроектъ имѣлъ въ виду не настоятельныя потребности минуты, это видно изъ того, что для настоящаго времени онъ является совершенно безполезнымъ. Дѣло въ томъ, что общая администрація въ мѣстностяхъ, объявленныхъ въ положеніи усиленной охраны, имѣетъ уже то право, которое предполагалось по проекту предоставить министру юстиціи. Параграфъ 17-й отдѣла II Положенія 1881 г. прямо предоставляетъ генералъ-губернаторамъ право требовать разсмотрѣнія при закрытыхъ дверяхъ всѣхъ тѣхъ судебныхъ дѣлъ, публичное разсмотрѣніе коихъ можетъ послужить къ возбужденію умовъ и нарушенію порядка. Такимъ образомъ по-

требностямъ настоящей минуты совершенно удовлетворялъ этотъ законъ и стало быть новый проектъ имѣлъ по преимуществу значеніе принципіальное.

А если это такъ, то „настойчивость“ сторонниковъ Судебныхъ Уставовъ заслуживаетъ не порицанія, а похвалы. Извѣстно, какая большая разница существуетъ между основными принципами, лежащими въ основѣ законодательныхъ памятниковъ, и болѣе или менѣе переходящими административными соображеніями, вызываемыми интересами минуты. Если во имя ихъ и можно разрѣшать иногда отступленіе отъ основныхъ принциповъ, то лишь въ случаяхъ доказанной крайней необходимости, и въ видѣ временной, экстренной мѣры. Тогда какъ такъ называемыя административныя соображенія бываютъ иногда плодомъ увлеченія, преувеличенія, подсказаннаго страстью и мнительностью, принципы законодательства вытекаютъ изъ многовѣковаго опыта національнаго и общечеловѣческаго, потому особенно и поучительнаго, что онъ является результатомъ наблюденій безконечнаго ряда поколѣній, видѣвшихъ всякіе виды. Другими словами, принципы эти носятъ на себѣ признаки такого соотвѣтствія разумнымъ потребностямъ общежитія, какое только доступно въ человѣческихъ дѣлахъ.

Къ числу такихъ принциповъ, признанныхъ всѣмъ образованнымъ человѣчествомъ, принадлежитъ необходимость отдѣленія, въ интересахъ правосудія, власти административной отъ судебной, публичность судоговоренія и пр. Противъ обоихъ этихъ началъ и былъ направленъ помянутый выше законопроектъ. Поэтому если и приходится чему удивляться, то не избытку, а недостатку „настойчивости“ со стороны лицъ, обсуждавшихъ проектъ. Много прошло времени съ той извѣстной сессіи 1862 года, когда департаменты Государственнаго Совѣта обсуждали основныя начала судебной реформы,—и какая перемѣна? Въ то время весь Государственный Совѣтъ *единогласно* признавалъ необходимымъ введеніе гласности въ судебныхъ учрежденіяхъ и считалъ даже излишнимъ приводить подробныя доказательства,

въ виду того, „что неоспоримыя преимущества гласнаго суда предъ закрытымъ въ *настоящее* время *сознаны всѣми*“ (Журн. Госуд. Сов. № 65, стр. 59). „Гласность въ уголовномъ судопроизводствѣ“, читаемъ далѣе на стр. 179 того же журнала, „въ такой мѣрѣ и въ такой степени содѣйствуетъ къ открытію истины, къ *ограждению подсудимыхъ* и къ *побужденію* самихъ *судей* къ *тщательному* разсмотрѣнію дѣлъ и *правосудному* ихъ рѣшенію, что въ пользѣ ея *не можетъ быть никакого сомнѣнія*“. Вотъ какъ смотрѣлъ Государственный Совѣтъ на гласность, составляющую по справедливому замѣчанію проф. Фойницкаго, одну изъ общепризнанныхъ аксіомъ уголовнаго процесса. Хотя преобразовательная эпоха 60-хъ годовъ нынѣ взята въ крѣпкое подозрѣніе, но не слѣдуетъ упускать изъ вида, что въ пользу гласности подавали голосъ и такіе члены Государственнаго Совѣта, которые считались столпами консерватизма, какъ напр. бывшій министръ юстиціи графъ В Н Панинъ и бывшій главноуправляющій III отдѣленіемъ кн. В. А. Долгоруковъ. Это было время, когда такъ была для всѣхъ очевидна польза гласности, что ее такъ же совѣстно было доказывать, какъ совѣстно доказывать, что „день есть день и ночь есть ночь“, выражаясь словами Шекспира. Итакъ, въ эпоху всеобщаго просвѣтленія, необходимость гласности была принята единогласно въ Государственномъ Совѣтѣ, который призналъ начало гласности столь „важнымъ и необходимымъ, что безъ него и самое *понятіе о судѣ утрачиваетъ свое значеніе*“ (стр. 59 ibidem).

Если такъ смотрѣли на гласность оффиціальныя сферы, то не трудно представить, съ какимъ энтузіазмомъ должны были привѣтствовать ее общество и печать. Чтобы дать объ немъ понятіе, ограничимся приведеніемъ одного отзыва, принадлежащаго лицу, мнѣнія котораго пользовались недавно, если не пользуются нынѣ, особеннымъ авторитетомъ. Какъ извѣстно, чуть ли не на другой день по открытіи новыхъ судовъ раздались изъ реакціоннаго лагеря требованія о сокращеніи гласности.

Возмущенныя этимъ требованіемъ, *Московскія Вѣдомости* въ одной изъ своихъ „громовыхъ“ статей вопрошали съ негодованіемъ: „Правда ли, что это *всеоживляющее, всевозбуждающее* начало *публичности*, дающее всему *свѣтъ* и призывающее *всѣхъ* къ сознательному участію въ интересахъ своего отечества и къ содѣйствію его государственной пользѣ, начало, безъ котораго ничто *не можетъ правильно и плодотворно* развиваться, *ничто* не можетъ *уберечься* отъ *порчи и гніенія*, ничто не можетъ быть *обезпечено* отъ *злоупотребленій* и *обмановъ;* правда ли, что это начало вошло въ нашу жизнь или это только *мерцаніе*, лишенное сущности, призракъ, готовый исчезнуть??“ Публика читала и восхищалась этими краснорѣчивыми строками: ихъ тонъ подкупалъ и неподдѣльностью паѳоса и искренностью убѣжденія. Впослѣдствіи же читающая публика съ тяжелымъ разочарованіемъ должна была еще разъ убѣдиться, что перо, способное написать ихъ, способно было также выразить нѣчто совершенно имъ противоположное. Равно черезъ 20 лѣтъ *Московскія Вѣдомости* отреклись отъ своего взгляда на гласность. По ихъ послѣднему „исправленному“ мнѣнію, въ гласности слѣдуетъ видѣть одну „изъ причинъ нашихъ экономическихъ недуговъ“, и всякій защитникъ гласности желаетъ „обратить судъ въ орудіе адвокатовъ и ихъ друзей“.—Чему же должна вѣрить публика?

II.

Ошибочно было бы думать, что составители судебныхъ уставовъ, сознавая неоцѣнимыя услуги гласности вообще, упустили изъ виду неудобства ея въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ, исключительныхъ случаяхъ. Они допустили необходимыя ограниченія. Въ ст. 620 Уст. угол. суд. они исчислили дѣла, по которымъ могутъ быть закрыты двери судебныхъ

засѣданій. Собственно къ этой статьѣ и долженъ былъ служить „поправкою“ помянутый выше законопроектъ.

Поправка вносила два нововведенія. Во-1-хъ, на мѣсто суда ставилась судебная администрація, отъ усмотрѣнія которой и предполагалось поставить въ зависимость разрѣшеніе вопроса о закрытіи дверей судебнаго засѣданія. Принятіе такого правила было бы ничѣмъ не оправдываемымъ, но весьма важнымъ *шагомъ назадъ* въ исторіи нашего процесса. Чтобы убѣдиться въ этомъ, не нужно даже обращаться къ европейскимъ кодексамъ, изъ коихъ ни одинъ не допускаетъ подобнаго вмѣшательства администраціи въ разсмотрѣніе судебныхъ дѣлъ. Достаточно обратиться къ исторіи нашего законодательства за послѣднія два столѣтія, которая стремилась къ освобожденію суда отъ административной опеки и признанію его, какъ выразился гр. Блудовъ, „совершеннолѣтнимъ“. Отсюда не трудно видѣть, что предположенная министерствомъ юстиціи мѣра не только противорѣчила основнымъ положеніямъ Уставовъ 20-го ноября, „этому либеральному хламу“, какъ выразился недавно одинъ изъ публицистовъ, а основной тенденціи нашего судебнаго законодательства, настойчиво проводимой имъ за послѣднія два столѣтія. Такимъ образомъ эта первая поправка не только не способна была улучшить наше судебное дѣло, но и составляетъ значительный шагъ назадъ.

Но и независимо отъ этого новая мѣра и въ практическомъ отношеніи представлялась крайне неудобною. Разъ закрытіе судебнаго засѣданія будетъ зависѣть отъ келейнаго и безконтрольнаго усмотрѣнія администраціи, безъ всякаго сомнѣнія, къ ней будутъ прибѣгать всѣ лица, располагающія связями и заинтересованныя въ сокрытіи своихъ плутней отъ нескромныхъ взоровъ публики и печати. Если бы такое право существовало доселѣ, то, безъ всякаго сомнѣнія, подъ его защиту стали бы и Овсянниковъ, и игуменья Митрофанія, и генералъ Гартунгъ, и, можетъ быть, даже хищники таганрог-

ской таможни. Много ли отъ этого выиграли бы интересы правосудія — не трудно догадаться. Съ другой стороны, не трудно предвидѣть, какія послѣдовали бы затяжки для дѣла, если бы изъ Баку, Ставрополя и Ташкента пересылались дѣла въ министерство юстиціи для разрѣшенія вопроса о закрытіи дверей.

Другая „поправка“ законопроекта имѣла въ виду расширить случаи закрытія дверей. Ст. 620 исчисляетъ тѣ случаи, когда судъ имѣетъ право закрыть двери: случаи эти — преступленія противъ религіи, правъ семейственныхъ, женской чести и т. под. Сравнивая наши постановленія о закрытіи дверей съ иностранными, нельзя не замѣтить одного *существеннаго различія* между ними, наглядно доказывающаго, какъ далеки были составители Уставовъ Александра II отъ рабскаго подражанія иностраннымъ образцамъ. Французскій, германскій и австрійскій кодексы не исчисляютъ случаевъ, когда двери закрываются, а предоставляютъ, — суду конечно, а не администраціи, — по соображеніямъ нравственнаго или общественнаго порядка удалять изъ залы публику.

Редакторы же нашего Устава угол. суд. сочли необходимымъ ограничить точными предѣлами случаи устраненія гласности. И на то были очень вѣскія основанія, прямо вытекающія изъ условій нашей жизни. Они очень хорошо понимали, что гласность у насъ дѣло совершенно новое, не имѣющее корня въ нашихъ нравахъ и прошломъ. Они знали, что тамъ, гдѣ ни одинъ европейскій судья не нашелъ бы умѣстнымъ закрытіе дверей, у насъ добросовѣстный, но безхарактерный судья счелъ бы необходимымъ удалить публику. Наши нравы не только не противорѣчили бы такому поведенію судьи, но вполнѣ съ нимъ согласовались бы. Только благодаря этой мудрой предусмотрительности судебная гласность начинаетъ входить въ наши нравы, но вошла еще не вполнѣ. Вотъ почему мы думаемъ, что даже теперь, черезъ двадцать шесть лѣтъ послѣ изданія Судебныхъ Уставовъ, нежела-

тельно предоставленіе суду права закрывать, по его усмотрѣнію, двери для публики.

Мы готовы согласиться, что подъ старую редакцію ст. 620 иногда могли не подойти нѣкоторыя дѣла, которыя желательно было бы не оглашать, но тѣмъ не менѣе эта редакція была предпочтительнѣе. Пусть лучше одно, два скандальныхъ дѣла огласятся въ силу 620 ст., чѣмъ десятки, сотни дѣлъ будутъ лишены свѣта гласности, въ силу усмотрѣнія, не всегда разумнаго и не рѣдко слѣдующаго стороннимъ мотивамъ. Если, такимъ образомъ, даже и суду мы считаемъ опаснымъ довѣрить дискреціонное право устраненія одной изъ важнѣйшихъ гарантій правосудія — гласности, то нечего и говорить, что предоставленіе судебной администраціи права по своему усмотрѣнію, т.-е. по произволу, закрывать двери суда считаемъ сопряженнымъ съ еще большими опасностями.

Въ предыдущихъ строкахъ мы коснулись значенія гласности и вреда стѣсненія ея но мы далеко не исчерпали предмета. Да и легко ли исчерпать его? Вѣдь можно написать цѣлые томы о пользѣ свѣта, чистаго воздуха, свѣжей воды—и все-таки предметъ не будетъ исчерпанъ. То же нужно сказать о гласности. Польза и необходимость ея такъ осязательны, очевидны, что дѣлается какъ-то неловко, когда приходится доказывать эти азбучныя истины. Но, памятуя слова Гёте, что истину нужно безпрестанно повторять, такъ какъ заблужденіе никогда не бездѣйствуетъ, не лишнее будетъ сказать еще нѣсколько словъ по поводу вопроса объ ограниченіи гласности.

Упускаютъ изъ виду, какъ велико воспитательное значеніе гласности. Оно проявляется двояко: во-первыхъ, въ видѣ вліянія формы и содержанія судоговоренія на непосредственную аудиторію и, чрезъ посредство печати, на отсутствующую публику, и во-вторыхъ, въ видѣ воздѣйствія аудиторіи на судей и ничѣмъ незамѣнимаго контроля печати надъ судебными дѣйствіями.

Польза такого взаимодѣйствія, казалось бы, по-

слѣ продолжительнаго существованія гласнаго суда должна бы стоять внѣ всякаго сомнѣнія. Стоитъ только сравнить два судебныхъ засѣданія, изъ коихъ въ одномъ присутствуетъ, а въ другомъ отсутствуетъ публика, чтобы убѣдиться наглядно въ оживляющемъ и возбуждающемъ дѣйствіи публичности. Возьмите, напр., засѣданіе, въ которомъ судятся бродяги или дѣла „безъ участія“ присяжныхъ. Уныло, тоскливо, безучастно, почти машинально продѣлываетъ каждый изъ судебныхъ чиновъ свою опостылѣвшую обязанность. Единственный живой факторъ этой мертвящей процедуры, самъ подсудимый, дѣлаетъ иногда попытку внести свѣжую струю, но и у него замираетъ слово на устахъ при видѣ окружающей безжизненной обстановки. Посмотрите теперь на тотъ же залъ, когда разсматривается какое-нибудь дѣло при биткомъ набитой публикѣ, съ массою репортеровъ. Тѣ же лица, но другія на нихъ лица. Всѣ высмотрятъ почти по-праздничному—бодрѣе, свѣжѣе. Предсѣдательствующій старается подтянуться, сдержать себя и другихъ. Онъ знаетъ, что его слушаетъ многочисленная аудиторія, а за стѣнами суда еще болѣе многочисленная аудиторія—вся грамотная публика.

Но все хорошо въ мѣру. Нельзя не замѣтить, что эта желательная мѣра была нарушена, но виновата въ этомъ не публика, или, по крайней мѣрѣ, не одна публика. Ея вину по всей справедливости должны раздѣлить судъ и судебная администрація. Если въ послѣднее время и въ столицахъ, и въ провинціальныхъ городахъ напряженіе вниманія публики къ судебнымъ дѣламъ доходило до nec plus ultra, то развѣ не судьи отчасти въ томъ виноваты? Въ провинціальныхъ судахъ происходило иногда нѣчто въ родѣ „зазыванья“ публики. За нѣсколько дней, а иногда и недѣль до судебнаго засѣданія предсѣдатель суда помѣщалъ въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ—ни дать, ни взять какъ пріѣзжій содержатель цирка,—предварительный анонсъ, смыслъ котораго былъ тотъ, что почтеннѣйшая

публика приглашается заблаговременно запастись билетомъ на предстоящій сенсаціонный процессъ.

Для всѣхъ внимательно слѣдившихъ за нашими процессами памятно, что лѣтъ 15 тому назадъ у насъ возникла какая-то манія на грандіозныя causes célèbres съ массою подсудимыхъ, съ грандіозною обстановкою. Можно было подумать, что министерство графа Палена, замѣтивъ ослабленіе вниманія публики къ судебнымъ засѣданіямъ, старалось искусственно возбудить потухавшій интересъ публики. Какъ разъ къ этой эпохѣ относится небывалое дѣло о крахѣ Московскаго Коммерческаго ссуднаго банка, для котораго потребовалось спеціальное приспособленіе *ad hoc* монументальной Екатерининской залы въ три свѣта, съ толпою потерпѣвшихъ и проч. Вмѣсто того, чтобы исходатайствовать какую-нибудь спеціальную мѣру въ видахъ уменьшенія размѣровъ этого процесса-монстра, хотя бы въ видѣ отмѣны для потерпѣвшаго обязательной явки въ судъ,—какъ будто плѣнялись самими грандіозными, небывалыми размѣрами процесса, долженствовавшаго увѣковѣчить навсегда имена лицъ, прямо или косвенно въ немъ участвовавшихъ. Къ той же категоріи принадлежитъ и извѣстное дѣло Клуба Червонныхъ Валетовъ, въ которомъ толпа мелкихъ, заурядныхъ, случайно сошедшихся мошенниковъ фигурировала въ качествѣ членовъ хитро организованной шайки съ обширными развѣтвленіями.

Благодаря этой тенденціи, публика привыкла смотрѣть на судебныя засѣданія какъ на театральныя зрѣлища. Привилегированныя расфранченныя судебныя дамы, взявшія билеты на первое мѣсто, являлись только на-время, когда ожидались effets d'audience, во время преній. Въ остальное время скамейки пустовали, несмотря на то, что безбилетная непривиллегированная и нерѣдко болѣе заинтересованная и способная къ сознательному отношенію къ слушавшемуся процессу публика напрасно стучалась въ двери (помощники присяжныхъ повѣренныхъ, кандидаты на судебныя должности).

Никто не сомнѣвался, что это извращеніе гласности желательно было устранить. Оно представляло если не опасность, то неудобство для правосудія, внося въ отправленіе его неумѣстный, почти тривіальный элементъ.

Совсѣмъ иначе взглянулъ на дѣло вышеупомянутый законопроектъ, предоставлявшій министру юстиціи право закрывать двери засѣданія, если онъ найдетъ, что гласное разбирательство можетъ повлечь „возбужденіе умовъ и помѣшать постановкѣ безпристрастнаго приговора“. Изъ мотивовъ къ этому пункту узнаемъ, что имѣлось въ виду оградить судъ и участвующихъ въ дѣлѣ лицъ отъ критики присутствующей публики, которая, „если не во время разбирательства, то во время *перерывовъ* онаго“ порицаетъ или одобряетъ показанія свидѣтелей, экспертовъ и пр. и этимъ оказываетъ „такое *непосредственное* (?) и въ то же время вредное вліяніе на ходъ разбирательства и представляетъ столь существенное стѣсненіе свободной дѣятельности лицъ, участвующихъ въ процессѣ, что правильность судебнаго слѣдствія не будетъ обезпечена, а затѣмъ и самое безпристрастіе приговора будетъ сомнительнымъ“.

Изъ этихъ мотивовъ мы видимъ, что они имѣли въ виду тѣ крайне рѣдкіе случаи, когда публика держала себя неблагопристойно. Но замѣтимъ прежде всего, что на эти случаи предсѣдатель суда вооруженъ достаточно обширными полномочіями для возстановленія порядка и огражденія свободы и безопасности суда, для чего онъ можетъ требовать содѣйствія даже военной команды (ст. 154, 155, 156, 159 учр. суд. уст.). Но проектъ шелъ дальше, онъ хотѣлъ предупредить возможность самыхъ безпорядковъ. Но какія же существуютъ средства или инструменты для предугадыванія заранѣе поведенія или настроенія публики? Если брать критеріемъ большій или меньшій интересъ, съ которымъ относится публика къ данному дѣлу, то пришлось бы закрыть двери по самымъ важнымъ дѣламъ. Такими бываютъ дѣла, въ которыхъ за-

мѣшаны крупные денежные и личные интересы, а также сложныя или загадочныя дѣла. Но развѣ по такимъ именно дѣламъ, въ интересахъ правосудія, не особенно желательна самая широкая гласность? И можно ли изъ опасенія толковъ публики „во время перерывовъ“ отказываться отъ важнѣйшей гарантіи правосудія?

И откуда этотъ страхъ передъ терроризаціею или интимидаціею публикою участвующихъ въ дѣлѣ лицъ? Гдѣ данныя, свидѣтельствующія о томъ, что не только приговоръ суда, но даже и образъ дѣйствій прокурора или защитника былъ измѣненъ подъ „непосредственнымъ“ давленіемъ публики? Мы очень хорошо знаемъ, что требовалось иногда не мало мужества не только для защитника, но и для обвинителя, чтобы возбудить обвиненіе или участвовать въ нѣкоторыхъ дѣлахъ. Укажемъ хотя бы на дѣла бывшаго губернатора Болдырева, князя Оболенскаго (Кронштадтскаго банка) генерала Гартунга, игумены Митрофаніи, а также и дѣла о люторичскихъ крестьянахъ, о рабочихъ Морозовской фабрики и пр. Но всякому хорошо извѣстно, что запугиваніе участвующихъ въ дѣлѣ лицъ и самаго суда, могущее оказать давленіе на ходъ и исходъ дѣлъ, шло не изъ публики и не „во время перерывовъ“, а отъ вліяній болѣе властныхъ, хотя и не столь „непосредственныхъ“, какъ болтовня во время перерывовъ.

Въ мотивахъ указываются еще на случаи, когда подсудимые приводятъ „свою“ публику, которая посредствомъ выстрѣловъ и т. п. эффектовъ вліяетъ на присяжныхъ и судей. Одинъ или нѣсколько такихъ случаевъ дѣйствительно былъ за все время существованія гласнаго суда. Но, во-1-хъ, такіе маневры могутъ скорѣе повредить самому подсудимому (укажемъ на дѣло Дубецкаго) и, во-2-хъ, изъ такихъ рѣдкостныхъ случаевъ нельзя же колебать одинъ изъ важнѣйшихъ устоевъ новаго суда. Ничего не можетъ быть опаснѣе, какъ на основаніи единичныхъ исключеній издавать общія мѣропріятія. Не странно ли было бы, если бы, напр.,

послѣ единственнаго въ лѣтописяхъ новаго суда выстрѣла, коимъ генералъ Гартунгъ покончилъ съ собою въ зданіи суда, вводили туда подсудимыхъ не иначе, какъ съ связанными руками?..

Впослѣдствіи проектъ объ ограниченіи гласности вступилъ въ новый фазисъ. Извѣстія газетныя не отличались желательною точностью, но общій смыслъ сводился къ тому, что предложено было министру юстиціи исправить пунктъ, касающійся права его закрывать засѣданіе. Если, гласилъ этотъ пунктъ, министръ юстиціи изъ „представленія предсѣдателя судебнаго мѣста, донесенія прокурорскаго надзора или иныхъ дошедшихъ до него свѣдѣній“ усмотритъ необходимость закрытія дверей, то дѣлаетъ о томъ распоряженіе.

Этотъ пунктъ дѣйствительно требовалъ исправленія и очень существеннаго Это коротенькое постановленіе, казавшееся инымъ „ничтожнымъ“ нововведеніемъ, производило настоящую ломку въ учрежденіяхъ, созданныхъ уставами 20 ноября.

Начать съ того, что судъ совершенно устранялся отъ участія въ разсмотрѣніи такого важнаго вопроса, какъ отмѣна для даннаго дѣла судебной гласности. Судъ какъ бы признавался недостаточно компетентнымъ для разрѣшенія подобнаго щекотливаго вопроса. Такимъ образомъ устанавливался какая-то супрематія предсѣдательской власти, которой ввѣрялась функція, оказавшаяся не подъ силу судебной коллегіи. Предсѣдатель изъ судьи primus inter pares превращался во властнаго администратора, довѣреннаго представителя и непосредственный органъ центральной судебной администраціи, отъ котораго она получаетъ путемъ „представленій“ всѣ нужныя свѣдѣнія и заключенія и чрезъ который ею сообщаются суду, безъ выслушанія даже его мнѣнія, предписанія о закрытіи дверей. До сихъ поръ предсѣдатель былъ исполнителемъ постановленій судебной коллегіи, теперь коллегія должна сдѣлаться исполнительницей сообщеній, получаемыхъ отъ предсѣдателя и основанныхъ на его личныхъ представленіяхъ. Казалось бы, въ видахъ большей зрѣлости

и безпристрастія этихъ представленій, не дурно бы передавать ихъ на предварительное обсужденіе судебной коллегіи. Однако участіе суда признано было почему-то неудобнымъ и нежелательнымъ.

Далѣе, проектъ какъ бы затѣмъ и возвышалъ власть предсѣдателя надъ судомъ, чтобы въ то же время унизить ее предъ лицомъ центральной судебной администраціи. Представленія предсѣдателя судебнаго мѣста поставлены были на одну линію съ донесеніями прокуроровъ и даже „иными свѣдѣніями", объ источникѣ которыхъ совершенно умалчивалъ законопроектъ, оставляя поле для всевозможныхъ догадокъ, изъ которыхъ не могли быть исключены даже сплетни и сужденія великосвѣтскихъ кумушекъ.

Затѣмъ нельзя не обратить вниманія на самое слово „представленіе". Напрасно мы стали бы искать въ Судебныхъ Уставахъ возможность появленія въ данномъ случаѣ этого термина. Тамъ даже нѣтъ намека на то, чтобы предсѣдатель суда могъ дѣлать „представленія" министру юстиціи. Оно и понятно. „Представленіе", по терминологіи учрежд. судеб. установ.,—есть порядокъ сношенія низшаго мѣста съ высшимъ, подчиненнаго съ начальникомъ. Согласно ст. 194, 197 учр. суд. уст., представленія получаютъ окружные суды отъ подчиненныхъ имъ судебныхъ слѣдователей, прокуроры отъ подчиненныхъ имъ товарищей. Вотъ каковъ легальный смыслъ слова „представленія". Положимъ, это не больше, какъ вопросъ *этикета*. Но мы совершенно согласны съ *Московскими Вѣдомостями*, что въ подобныхъ случаяхъ имѣетъ важность и то, что обыкновенно считается не больше, какъ этикетомъ. „Что́ ознаменовалъ бы подобный этикетъ, спрашивала почтенная газета въ одной изъ своихъ статей 1866 г. Не то ли, что административная власть первенствуетъ предъ судебною въ ея собственномъ вѣдомствѣ?

Все это говорилось по поводу толковъ о предоставленіи министру права приглашать предсѣдателя судебнаго мѣста для объясненій съ нимъ по какимъ либо подлежащимъ судебному рѣшенію дѣламъ. Въ

проектѣ шла рѣчь уже не объ объясненіяхъ министра съ предсѣдателемъ, а о обязательныхъ уже для суда постановленіяхъ министра.—„Что значили бы новыя судебныя учрежденія, самостоятельность и достоинство судебной власти, говорилъ тотъ же органъ печати, если бы судья при исполненіи обязанностей своихъ былъ поставленъ въ необходимость являться *за наставленіями и указаніями* къ министру, какъ подчиненный ему чиновникъ?“ А какъ разъ такой порядокъ вещей и предлагалъ означенный проектъ.

Нелогичность и непослѣдовательность означеннаго предположенія были очевидны. Судъ отдѣленъ отъ администраціи, судъ безъ вмѣшательства ея рѣшаетъ окончательно всѣ уголовныя и гражданскія дѣла, и въ видахъ правосуднаго ихъ разрѣшенія предоставлены ему независимость и самостоятельность, а въ то же время считалась невозможнымъ довѣрить тому же суду разрѣшеніе частичнаго вопроса о закрытіи или открытіи дверей судебнаго засѣданія.

Казалось бы, кому довѣряется большее, тому можно довѣрить и меньшее. И наоборотъ, кому неудобно предоставить меньшее право,—тому нельзя предоставить и большее. А между тѣмъ, противъ этого правила логики грѣшилъ законопроектъ. Законъ 7-го мая 1885 г. призналъ невозможнымъ предоставить власти министра разрѣшеніе даже такого второстепеннаго вопроса, какъ переносъ разсмотрѣнія дѣла изъ одного округа въ другой, а предоставилъ это право судебному органу—соединенному присутствію 1-го и кассаціонныхъ департаментовъ. Вопросъ же объ ограниченіи гласности гораздо серьезнѣе и сложнѣе, и для его правильнаго разрѣшенія особенно желательно участіе независимаго и просвѣщеннаго коллегіальнаго судебнаго учрежденія, а между тѣмъ разрѣшеніе этого вопроса всецѣло предполагалось предоставить, въ ущербъ достоинства судебной власти, администраціи.

Мы тутъ вовсе не желаемъ поднимать схоластическаго вопроса о значеніи, преимуществахъ и со-

отношеніи судебной и административной власти, а хотимъ отмѣтить тенденцію проекта, имѣвшаго немаловажное практическое значеніе. Цѣлью изданія Судебныхъ Уставовъ было возвышеніе судебной власти. Эта цѣль проводилась не украдкою. Она признавалась прямо и высказывалась открыто. Въ памятномъ указѣ Александра II, отъ 20-го ноября 1864 г., между прочимъ, сказано: „Мы находимъ, что они (Уставы) вполнѣ соотвѣтствуютъ желанію Нашему... *возвысить судебную власть,—дать ей надлежащую самостоятельность*“...

Прогрессивная часть общества и печати, привѣтствуя въ судебной реформѣ возвышеніе судебной власти, далека была отъ мысли торжествовать побѣду одной части бюрократіи надъ другою. Возвышеніе судебной власти значило возвышеніе законности, упраздненіе произвола, установленіе гражданственности. „Судебная власть, какъ вѣрно замѣчали „Московскія Вѣдомости“, не есть собственно власть, даруемая какимъ-либо лицамъ или сословію, *это—льгота, предоставленная цѣлому народу*, это—право, предоставленное *русскому гражданину*. Учрежденіемъ *независимой и самостоятельной* судебной власти *возвышается цѣлое* общество. Гдѣ есть благоустроенный судъ, тамъ есть и права, гдѣ права, тамъ есть огражденіе личности, тамъ есть *законная свобода. Съ упроченіемъ* новаго (судебнаго) устройства и съ распространеніемъ его во всѣхъ частяхъ Россіи становится возможнымъ жить въ ней, какъ въ странѣ цивилизованной“ (1866, № 198).

Вотъ что означало возвышеніе или, лучше сказать, созданіе судебной власти, вотъ какіе интересы выигрывали вслѣдствіе ея возвышенія. A contrario не трудно вывести, кто долженъ выиграть, вслѣдствіе ея униженія или умаленія.

V.

Въ окончательномъ своемъ видѣ новелла 12-го февраля избѣгла нѣкоторыхъ, но далеко не всѣхъ, вышеуказанныхъ недостатковъ, имѣвшихся въ первоначальномъ проектѣ. Такъ что и въ своемъ новомъ видѣ она вноситъ существенныя измѣненія въ положенія судебной гласности, которая не только въ принципіальномъ, но и въ практическомъ отношеніи, имѣла гораздо лучшую постановку въ Судебныхъ Уставахъ. Выше было указано, какой паническій страхъ наводило еще наканунѣ судебной реформы слово „гласность“ не только на правящія сферы, но даже на представителей университетской науки. Стоило только оставить хоть небольшую лазейку для возможности ограниченія, по чьему-либо усмотрѣнію, гласности, чтобы заранѣе погубить ее. Она осталась бы развѣ только для дѣлъ о кражахъ со взломомъ или о нарушеніяхъ паспортныхъ правилъ, и то только до тѣхъ поръ, пока кто-нибудь не усмотрѣлъ вреда для достоинства государственной власти, могущаго произойти отъ частыхъ оправданій по такого рода дѣламъ.

Во избѣжаніе такой фактической отмѣны гласности, редакторы Судебныхъ Уставовъ, какъ было замѣчено, и въ этомъ отношеніи *отступили* отъ системы иностранныхъ законодательствъ. Эти послѣднія не исчисляютъ подробно случаевъ, когда двери судебнаго засѣданія могутъ быть закрыты, и предоставляютъ суду закрывать по его усмотрѣнію двери засѣданія въ тѣхъ случаяхъ, когда публичное слушаніе дѣла не согласовалось бы съ требованіями нравственности или грозило бы нарушеніемъ общественнаго порядка. Нашъ Уставъ угол. суд. счелъ болѣе удобнымъ, вмѣсто установленія такого обширнаго права отмѣны гласности, точно исчислить преступленія, при разсмотрѣніи которыхъ, судъ можетъ закрыть двери. Преступленія эти слѣдующія: 1) богохуленіе, оскорбленіе святыни и по-

рицаніе вѣры; 2) преступленія противъ правъ семейственныхъ; 3) преступленія противъ чести и цѣломудрія женщинъ; 4) развратное поведеніе, противоестественные пороки и сводничество (ст. 620 Уст. уголовн. суд.). Законодатель настолько былъ увѣренъ въ благодѣтельномъ дѣйствіи гласности, что и относительно исчисленныхъ случаевъ онъ, какъ бы боясь быть невѣрно понятымъ исполнителемъ, считалъ нужнымъ въ ст. 621 Уст. уг. суд. напомнить судьямъ, что „закрытіе для публики дверей судебнаго засѣданія, какъ *мѣра чрезвычайная*, должно быть допускаемо только при *явной* въ томъ *необходимости*, съ точнымъ указаніемъ: какія именно дѣйствія должны происходить при закрытыхъ дверяхъ и по какимъ причинамъ".

По теперешней же редакціи ст. 620 и 621 Уст. уг. суд. не только судъ, но и министръ юстиціи получаетъ право закрывать двери по такимъ неопредѣленнымъ соображеніямъ, какъ опасеніе оскорбить религіозное чувство, требованія нравственности, достоинства государственной власти и т. п.

Выше мы привели, почему Судебные Уставы 1864 года сочли неудобнымъ предоставить широкое и неопредѣленное право по закрытію дверей. Правда, со времени введенія у насъ гласнаго суда прошло уже 25 лѣтъ, но сомнительно, чтобы гласность у насъ пустила такіе глубокіе корни, чтобы теперь можно было безъ риска предоставить суду, по собственному усмотрѣнію, признавать то или другое дѣло подлежащимъ негласному разсмотрѣнію. Судьи тоже люди, и потому могутъ быть случаи, что они охотно предпочтутъ по возможности съуживать, а не расширять предѣлы гласности. Куда какъ удобнѣе въ домашней, почти халатной обстановкѣ дружескаго неглижѐ слушать полегоньку „съ прохладцею", не торопясь дѣла, заранѣе уже разсмотрѣнныя, если не предрѣшенныя, чѣмъ на глазахъ массы посторонних зрителей участвовать въ торжественномъ засѣданіи съ его мучительными, напряженными дебатами, стычками, словомъ со всею той обстановкою публичнаго судоговоренія, которую

бывшій министръ юстиціи Д. Н. Набоковъ сравнивалъ съ работою подъ стекляннымъ колпакомъ. Что въ нашихъ судахъ безъ особеннаго сожалѣнія удаляютъ публику, тому лучшимъ доказательствомъ служитъ фактическая отмѣна ст. 900 Уст. уг. суд. Несмотря на категорическое предписаніе этой статьи разсматривать частныя жалобы въ *публичныхъ* засѣданіяхъ, наши судебныя палаты какъ-то ухитрились совершенно игнорировать законъ, и *всегда* слушаютъ жалобы въ закрытыхъ засѣданіяхъ.

Да и какое трудное положеніе, какое сильное искушеніе создаетъ новый законъ для судей! Какъ легко человѣку поддаться желанію въ болѣе удобной обстановкѣ разсматривать дѣла, если этимъ дается удовлетвореніе требованіямъ нравственности или религіозному чувству. Не обязанъ ли всякій порядочный судья, при возникновеніи сомнѣнія, — не шокируетъ ли данное обстоятельство нравственность, — разрѣшать его въ смыслѣ благопріятномъ для нравственности? Кто же осмѣлится осудить такого судью, повиннаго развѣ только въ нравственномъ и религіозномъ ригоризмѣ? А какъ легко человѣку грѣшить, когда самое прегрѣшеніе, доставляя извѣстныя удобства, вмѣняется въ заслугу!.. Возьмемъ хоть дѣло игуменьи Митрофаніи. Едва ли заслужили бы порицаніе судьи, если бы они отнесли это дѣло къ числу подлежащихъ негласному разсмотрѣнію. Что бы вышло? Вмѣсто душной залы, многочисленной публики, жадно слѣдившей въ залѣ суда и внѣ его за ходомъ процесса, дѣло слушалось бы въ семейной, келейной обстановкѣ. Можетъ-быть, кое-кто отъ этого и выигралъ бы, но едва ли выиграли бы интересы правосудія.

Особенно щекотливо положеніе суда при разсмотрѣніи преступленій должности, на преслѣдованіе которыхъ у насъ мѣняются взгляды, смотря по тому, какъ понимаютъ достоинство или „престижъ“ власти. Иначе смотрѣли на этотъ вопросъ въ 66-хъ годахъ, иначе смотрятъ теперь.

„Безпристрастное и строгое преслѣдованіе служебныхъ преступленій и проступковъ, — разсуждалъ

государственный совѣтъ въ 1862 году, — имѣетъ весьма важное значеніе. Когда тѣ самые органы государственной власти, которые установлены для охраненія силы закона и общественнаго порядка, подаютъ примѣръ беззаконія и непорядка, тогда возникаетъ неуваженіе къ властямъ и нравственная распущенность, при которыхъ государство *колеблется въ самыхъ его основаніяхъ*". (Сообр. гос. канц. 1862 г,, стр. 24). Кажется, невозможно было не согласиться съ этою аксіомою хорошаго управленія. Однако традиціи времени, предшествовавшаго судебной реформѣ, были еще такъ сильны, что при первомъ же удобномъ случаѣ (а таковой представился почти наканунѣ осуществленія судебной реформы) сдѣлана была попытка парализовать дѣйствія судебной власти относительно преступленій должности. Съ самаго открытія новаго суда въ извѣстныхъ кругахъ проводилась мысль, что предоставленіе суду разсмотрѣнія преступленій должности несогласно съ достоинствомъ государственной власти. Вотъ почему, въ періодъ времени съ 1866 до начала 80-хъ годовъ, были крайне рѣдки случаи преданія суду за преступленія должности. Можно было подумать, что вездѣ господствуетъ должный порядокъ и примѣрное исполненіе законовъ. Этой радужной иллюзіи однако не долго суждено было продержаться.

Благодаря частью разоблаченіямъ печати, частью сенаторскимъ ревизіямъ, стали всплывать съ разныхъ сторонъ многочисленныя хищенія и злоупотребленія властью. Всѣ части нашего обширнаго отечества имѣли тутъ своихъ представителей. Востокъ фигурировалъ въ видѣ расхищенія цѣлыхъ губерній, западъ — въ видѣ экзекуціи надъ неповинными крестьянами (дѣло тайнаго совѣтника Токарева и др.) югъ—въ видѣ милліонныхъ хищеній въ таганрогской таможнѣ и, наконецъ, сѣверъ — въ видѣ инженерныхъ, интендантскихъ хищеній и пр., и пр. Съ признаніемъ въ извѣстномъ манифестѣ 29-го апрѣля 1881 г., какъ одной изъ задачъ правительственной программы, „истребленія неправды

и хищенія“—не могли уже укрыться отъ судебнаго преслѣдованія дѣла о торговлѣ должностями въ военно-медицинскомъ, въ военно-морскомъ вѣдомствахъ и пр.

Враги новаго суда были смущены, но не поражены. Оправившись отъ смущенія, они затянули старую пѣсню, но только съ нѣкоторыми варіаціями. Защищать необходимость прикрытія въ интересахъ государственной власти злоупотребленій ея агентовъ было слишкомъ рискованно. Тогда стали увѣрять, что „престижъ“ власти требуетъ, чтобы публика ничего не знала о злоупотребленіяхъ ея агентовъ. Такой странный взглядъ, устанавливавшій своего рода солидарность между всѣми агентами власти, былъ высказанъ однимъ изъ петербургскихъ органовъ печати по поводу разоблаченія злоупотребленій бывшаго кронштадтскаго полицеймейстера Головачева. Противъ такого взгляда возражалъ публицистъ, котораго трудно было заподозрить въ либеральныхъ и тѣмъ болѣе субверсивныхъ тенденціяхъ. „Процессъ Головачева,—писалъ 16-го ноября 1885 г. И. С. Аксаковъ, въ статьѣ по поводу назначенія новаго министра юстиціи,—служилъ не къ пораженію достоинства власти, а, наоборотъ, это было истинное торжество царской судебной власти, *карающей гласно* неправду недостойныхъ своего званія чиновниковъ, хотя бы и административныхъ. Странно было бы,—говорилъ въ заключеніе покойный Аксаковъ,—останавливаться на подобныхъ ребяческихъ требованіяхъ, если бы они раздавались только въ печати, а не предъявлялись даже въ такъ называемыхъ высшихъ сферахъ“...

Такимъ образомъ, при составленіи Судебныхъ Уставовъ отправлялись отъ того воззрѣнія, что чѣмъ энергичнѣе государство преслѣдуетъ своихъ нерадивыхъ и преступныхъ чиновниковъ, безъ разбора ихъ ранга, тѣмъ болѣе выигрываетъ *престижъ*, достоинство власти; теперь же какъ-будто получаетъ преобладаніе мнѣніе, что огласка провинностей чиновниковъ какъ бы колеблетъ вѣру ихъ въ непогрѣшимость.

При этомъ забываютъ, что если бы даже существовала въ народѣ вѣра въ такую непогрѣшимость, власти на всѣхъ ея ступеняхъ то гласное обличеніе злоупотребленій даже высшихъ агентовъ, власти громко свидѣтельствуетъ предъ народомъ, что правительство преслѣдуетъ нарушенія закона, гдѣ бы оно ни проявлялось. Эта аксіома уголовнаго процесса была такъ хорошо сознана составителями Уст. Угол. Судопр., что даже когда они обсуждали порядокъ судопроизводства верховнаго уголовнаго суда, которому подсудны члены государственнаго совѣта, министры и главноуправляющіе отдѣльными частями, установили въ ст. 1112 Уст. уг. суд. правило, что даже эти высокопоставленныя лица, стоящія на самыхъ высшихъ ступеняхъ власти, должны быть судимы при открытыхъ дверяхъ. Къ счастью, суду этому не приходилось до сихъ поръ функціонировать; но еслибы ему и пришлось засѣдать, то уже конечно не публичное разбирательство уронило бы достоинство власти, а негласное,—и по очень понятной причинѣ. „Уклоненіе отъ гласности,—какъ справедливо призналъ государственный совѣтъ при обсужденіи этой статьи,—неминуемо возбуждаетъ *недовѣріе къ негласному суду и множество зловредныхъ толковъ*“ (журн. 1864 г., № 47, стр. 116).. А если негласное разбирательство могло поколебать довѣріе даже къ верховному уголовному суду, то, конечно, еще большее недовѣріе должно возбуждать келейное разбирательство низшихъ судовъ.

Бентамъ такъ опредѣлилъ значеніе гласности суда: „Для гражданъ,—говорилъ онъ,—не столько важно имѣть судъ, изрекающій безусловную истину, сколько *быть убѣжденными* въ томъ, что ихъ судъ *правъ и хорошъ*. А это общественное убѣжденіе въ достоинствѣ суда возможно подъ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы *каждый* шагъ судебной дѣятельности былъ извѣстенъ обществу“. Да зачѣмъ обращаться къ англичанамъ, когда наша собственная исторія послѣднихъ лѣтъ можетъ служить краснорѣчивѣйшимъ доказательствомъ въ пользу гласности. Правъ былъ Аксаковъ, обвиняя обще-

ство въ запамятованіи. Давно ли это было, когда русскій народъ говорилъ: гдѣ судъ, тамъ и неправда; съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не тяжись и т. п. Давно ли это было, что въ заговорахъ отъ всякой напасти изобрѣтались колдовскія слова, оберегавшія даже и праваго отъ столкновенія съ судомъ? Всего 25 лѣтъ тому назадъ! Кому мы обязаны тѣмъ, что уничтожилось это вѣковое недовѣріе, созданное тайнымъ продажнымъ судомъ? Новому, *гласному* суду. Нужны были гласные процессы Кудриныхъ, Мясниковыхъ, Овсянникова, Струсберга, Гартунга, Рыкова и другихъ знатныхъ и богатыхъ героевъ преступленія, чтобы народъ убѣдился, что новый судъ не пустое слово.

Не легко совершался этотъ знаменательный переворотъ въ умѣ народа, не легко образовывалось довѣріе народа къ суду, но не трудно его поколебать и разрушить. Пусть два-три такихъ дѣла, какъ процессы чиновниковъ и купцовъ, расхищавшихъ таганрогскую таможню, будутъ слушаться, въ интересахъ „охраненія достоинства государственной власти“, при закрытыхъ дверяхъ,— и только-что образовавшееся довѣріе народа къ суду пошатнется очень скоро. Милліонеръ Вальяно, оправданный послѣ гласнаго разбирательства, не представляетъ ничего опаснаго для достоинства суда. Но не трудно догадаться, „какое множество зловредныхъ толковъ“ появилось бы, если бы это дѣло слушалось при закрытыхъ дверяхъ. Конечно, составители проекта новеллы 12-го февраля первые пожалѣли бы о возможности появленія этихъ толковъ, „неразлучныхъ,—по справедливому замѣчанію государственнаго совѣта,—съ негласнымъ судомъ“.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ

Новелла 7-го іюля 1889 г. о сокращеніи юрисдикціи суда присяжныхъ.

> Въ той формѣ народнаго участія, которое извѣстно подъ именемъ суда присяжныхъ, судебныя достоинства его получаетъ самое высшее развитіе, до котораго до сихъ поръ достигло человѣчество, такъ что для нашихъ дней судъ присяжныхъ представляется наиболѣе близкимъ къ идеалу.
>
> *И. Фойницкій.*

I.

„Возсоединеніе“ въ 1884 г. Судебныхъ Уставовъ въ одну книгу, какъ уже было замѣчено выше, произошло при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. Усматривая въ этой формальной „реставраціи“ какъ бы неодобреніе или косвенный отвѣтъ на крикливые призывы объ отмѣнѣ всѣхъ основъ новаго суда, враги его съ удвоенною силою пошли въ атаку противъ него. Среди полнаго „смѣшенія языковъ“, въ которомъ едва слышный протестъ защитниковъ судебной реформы заглушался хоромъ враговъ ея, замѣтное впечатлѣніе произвелъ честный и мужественный голосъ публициста, хотя не принадлежавшаго къ рѣшительнымъ сторонникамъ новаго суда, но неспособнаго по партійнымъ соображеніямъ называть бѣлое чернымъ и топтать въ грязь, ради требованій оппортюнизма, всѣ вѣковыя истины. Извѣстная статья въ *Руси* И. С. Аксакова, начи-

навшаяся словами: „коротка память у русскаго общества“, живо воспроизводила картины стараго административнаго суда, „при одномъ воспоминаніи о которомъ, писалъ онъ, морозъ деретъ по кожѣ и волосъ встаетъ дыбомъ“. Указавъ затѣмъ на ту эксплоатацію отдѣльными промахами, которую дозволяли себѣ противники новаго суда вообще и суда присяжныхъ въ частности, Аксаковъ съ негодованіемъ отмѣчалъ, что они намѣренно умалчиваютъ „о десяткахъ тысячъ рѣшеній правыхъ“. „И изъ всѣхъ этихъ десятковъ тысячъ приговоровъ, — писалъ онъ, — *ни одинъ* не запятнанъ *корыстью*. Сладкая, благодатная увѣренность. Россія ли отплатитъ за это *неблагодарностью?*...

Правдивое, искреннее слово это произвело сильное впечатлѣніе, но не на долго. И вотъ реакціонная печать снова стала нападать на основы новаго суда, не останавливаясь даже предъ тѣмъ, чтобы помѣщать филиппики противъ „политической благонадежности“ судей, составленныя адвокатами проигравшими дѣло. Напомнимъ, напримѣръ, статьи *Московскихъ Вѣдомостей*, печатавшихъ явно пристрастныя выходки огорченнаго присяжнаго повѣреннаго который, проигравъ дѣло во второй инстанціи, сдѣлалъ доносъ на постановившихъ рѣшеніе членовъ кіевской судебной палаты, обвиняя ихъ въ измѣнѣ вѣрноподданнической присягѣ.

Казалось бы, такія явныя и злостныя діатрибы, должны бы оставаться безъ результатовъ, но по пословицѣ: капля долбитъ камень, онѣ начали производить впечатлѣніе. Какъ извѣстно, съ 1884 года не проходило года, чтобы та или другая часть Суд. Уст. не подвергалась болѣе или менѣе значительной передѣлкѣ. Въ числѣ этихъ „новеллъ“ лишь немногія имѣли въ виду, не касаясь основъ судебной реформы, ввести улучшеніе по указаніямъ практики (таковы: отмѣна заявленія неудовольствія по дѣламъ, подсудныхъ мировому суду, установленіе заочнаго разбирательства въ окружныхъ судахъ по уголовнымъ дѣламъ, измѣненіе порядка постановки вопросовъ присяжнымъ засѣдателямъ и пр.). Боль-

шинство же измѣненій, внесенныхъ въ послѣднее время въ Уставы, болѣе или менѣе серьезно касались основъ новаго суда: независимости суда, несмѣняемости судей, отдѣленія судебной власти отъ административной, равенства обвиненія и защиты предъ судомъ и, наконецъ, гласности

Нѣкоторые оптимисты думали, что этими „частичными измѣненіями реакціонная печать будетъ вполнѣ удовлетворена. Но въ основательности такихъ надеждъ не трудно разочароваться, прочитавъ даже одну статью *Москов. Вѣд.* отъ 19-го іюля 1889 г. Изъ нея легко видѣть, какъ далеко простираются ихъ программы уничтоженія и какъ настойчиво требуютъ онѣ полнаго „упраздненія суда присяжныхъ во имя истинной общественной совѣсти".

Мы не беремся судить, какъ близко время осуществленія *idée fixe* этой представительницы реакціонной печати—отмѣнить ненавистный ей судъ присяжныхъ, въ которомъ она сама видѣла однако „живую общественную силу и *лучшую гарантію* гражданской свободы", но не можемъ не указать на новеллу 7 іюля 1889 г. какъ на неблагопріятную для суда присяжныхъ. Новелла эта внесла значительное измѣненіе въ дѣйствующее законодательство о судѣ присяжныхъ. Хотя законъ этотъ и не осуществилъ давнишней мечты его враговъ о полномъ упраздненіи этой формы суда, тѣмъ не менѣе онъ нанесъ ударъ этому институту и въ этомъ смыслѣ имѣетъ большое значенье. Новый законъ устанавливаетъ широкое ограниченіе въ юрисдикціи суда присяжныхъ. Помимо спеціальнаго изъятія отъ вѣдѣнія его преступленій, предусмотрѣнныхъ въ 37-ми статьяхъ Улож. о нак., отошли отъ суда общественной совѣсти въ видѣ общаго правила: 1) преступленія, за кои назначено ограниченіе правъ состоянія и кои, по первоначальной редакціи 201 ст. Уст. уг. суд., подвѣдомы были присяжнымъ; 2) дѣла объ убійствѣ и насильственныхъ дѣйствіяхъ противъ должностныхъ лицъ, совершенныхъ при исполненіи ими служебныхъ обязанностей, каковыя дѣла доселѣ только *временно* были изъяты отъ присяжныхъ, и

3) всѣ безъ исключенія дѣла о преступленіяхъ по должности, изъ коихъ доселѣ всѣ важнѣйшія, а именно сопряженныя съ лишеніемъ правъ состоянія на всѣхъ ступеняхъ службы, были подсудны суду присяжныхъ [1]).

Одно это перечисленіе дѣлъ, изъемлемыхъ изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ, который государственный совѣтъ такъ вѣрно называлъ въ 1862 г. „самымъ естественнымъ и справедливымъ судомъ", показываетъ, какъ велико значеніе новаго закона. Но оно еще усиливается тѣмъ, что новое узаконеніе не есть временное административное мѣропріятіе, появляющееся въ силу случайныхъ обстоятельствъ и долженствующее существовать до ихъ миованія, а мѣра законодательная, постоянная. Извѣстно, что изъятія, допущенныя закономъ 5-го апрѣля 1879 г., изъ общаго порядка подсудности, носили „временный" характеръ, и даже изданное въ сентябрѣ 1881 г. Общее Положеніе объ охранѣ допускало изъятія (см. примѣч. 2-е къ ст. 1031 Уст. угол. суд.) изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ дѣлъ объ убійствахъ и насиліяхъ противъ должностныхъ лицъ лишь *временно* (курсивъ въ подлинникѣ). Но самый временный, чрезвычайный характеръ этого законодательнаго акта служилъ ручательствомъ, что дѣйствіе его упразднится съ исчезновеніемъ тѣхъ временныхъ обстоятельствъ, въ связи съ которыми ставилось его изданіе. „*Незыблемость основныхъ началъ великихъ преобразованій минувшаго царствованія*,—гласилъ памятный указъ правительствующему сенату отъ 4-го сентября 1881 года, сопровождавшій положеніе объ усиленной охранѣ, а равно правильное и спокойное дѣйствіе учрежденій, на твердомъ основаніи общихъ законовъ установленныхъ, составляютъ *наиболѣе прочный залогъ благоденствія и преуспѣянія* дорогаго нашего отечества. Мы не могли

---

[1]) Еще въ 1889 г. угол. кассац. департ. сената судилъ, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, при закрытыхъ дверяхъ, за преступленіе по должности одно высшее лицо вѣдомства путей сообщенія.

однакоже не признать, что прискорбныя событія и смута въ государствѣ вызываютъ печальную необходимость допустить *на-время* чрезвычайныя мѣры преходящаго свойства для водворенія полнаго спокойствія и для искорененія крамолы. Наше вниманіе равнымъ образомъ было обращено и на то, чтобы временныя исключительныя мѣры соотвѣтствовали дѣйствительной потребности охраненія порядка и не подвергали излишнему отягощенію законные интересы вѣрнаго престолу населенія, несомнѣнно искренно желающаго содѣйствовать сохраненію спокойствія и порядка"...

Чѣмъ вызвана указанная рѣшительная и неожиданная мѣра? Все, что̀ извѣстно достовѣрнаго объ *общемъ характерѣ* дѣйствія нашего суда присяжныхъ, не только не способно уронить, а напротивъ должно поднять его кредитъ. Выше мы приводили слова Аксакова о *десяткахъ тысячъ* правыхъ вердиктовъ. Это не фраза или риторическая фигура. Безстрастныя статистическія данныя показываютъ, какъ регулярно дѣйствуетъ русскій судъ присяжныхъ, въ общемъ мало отличаясь отъ того же суда въ другихъ европейскихъ государствахъ. Если же иныхъ пугала цифра оправдательныхъ [1]) приговоровъ, то вѣдь теперь сдѣлалось азбучною истиною, что вина за нее отчасти падаетъ на наше одряхлѣвшее Уложеніе, необходимость пересмотра котораго сознана была еще 25 лѣтъ тому назадъ, и на нашу слѣдственную часть, неустройство которой также давнымъ-давно для всѣхъ выяснилось. Извѣстно, что нѣкоторые органы нашей печати, уцѣпившись за отдѣльные промахи (иногда вдобавокъ мнимые) суда присяжныхъ, спѣшатъ, даже до перехода дѣла въ высшую инстанцію, поднять вопль противъ вердикта ихъ

---

1) Чтобы понять, какою несправедливостью пропитаны сѣтованія нашихъ почитателей дореформенныхъ судебныхъ порядковъ объ „ослабленіи" уголовной репрессіи, достаточно принять на видъ, что при старыхъ судахъ подвергались наказанію едва 12%, а нынѣ присяжные осуждаютъ болѣе 60% (см. курсъ професс. Фойницкаго, стр. 323).

и перевершаютъ дѣла по собственному благоусмотрѣнію. Но кто можетъ придавать серьезное значеніе этой пародіи на судъ, противъ которой выступили нѣкогда съ такою достойною отповѣдью тѣ же самыя *Московскія Вѣдомости?* „Когда же, наконецъ,—спрашивали онѣ въ 1868 г.,—прекратятся эти вѣчные пересуды по поводу того или другаго приговора присяжныхъ?.. Если нѣтъ указаній на то,—объясняли онѣ,—чтобы на судѣ были какія-нибудь нарушенія существенныхъ условій, которыя наукою права и положительнымъ закономъ признаны необходимыми для того, чтобы судебный процессъ выработалъ *достижимую для человѣка правду*, *то кто* можетъ взять на себя рѣшить, что его *личное* мнѣніе болѣе согласно съ правдою, чѣмъ *состоявшійся приговоръ?*.. Не Сидоръ, Карпъ и др. судятъ на судѣ присяжныхъ, а „великій анонимъ“ (ковычки въ подлинникѣ), взятый, по указанію жребія, изъ всѣхъ слоевъ общества“ (*Моск. Вѣд.*, № 227). Достойныя слова, которыя не мѣшаютъ припоминать нынѣшнимъ врагамъ суда присяжныхъ!..

Что касается „теоретическихъ“ доводовъ этой части нашей печати противъ суда присяжныхъ, то они отличаются такою несостоятельностью, что о нихъ даже не стóитъ и говорить. Современная юридическая наука не только не умалила, но еще болѣе возвысила значеніе суда присяжныхъ, которымъ въ послѣдніе годы обзавелись Австрія, отчасти Венгрія, Германская имперія, Норвегія и Испанія. Даже германская юридическая наука, относящаяся весьма сдержанно къ суду присяжныхъ, не можетъ не признавать великаго значенія этого института (Гнейстъ, Глазеръ, Вальбергъ), сдѣлавшагося „всемірнымъ“.

Что касается нашей отечественной юридической науки, она, въ лицѣ своихъ лучшихъ и авторитетнѣйшихъ представителей, всегда высоко ставила и ставитъ достоинства суда присяжныхъ. Самый видный изъ современныхъ нашихъ представителей каѳедры уголовнаго процесса, товарищъ оберъ-прокурора уголовнаго кассаціоннаго департамента се-

ната, И. Я. Фойницкій, изучившій современный процессъ и съ практической, и съ теоретической стороны, говоритъ о судѣ присяжныхъ вообще, что „это наиболѣе близкій къ идеалу судъ, до котораго только достигало человѣчество“, что это „палладіумъ личной свободы“, залогъ порядка и пр. Въ частности же относительно русскаго суда присяжныхъ проф. Фойницкій замѣчаетъ, что введеніе у насъ суда присяжныхъ тотчасъ послѣ отмѣны рабства было *дерзкимъ* шагомъ теоретическаго ума (но да будутъ благословенны имена этихъ героевъ, дерзнувшихъ на такой шагъ, во имя вѣры въ силу добра и добрые инстинкты русскаго народа!), почтенный профессоръ прибавляетъ, что *успѣхъ увѣнчалъ этотъ смѣлый шагъ*. Таково заключеніе научнаго курса, вышедшаго въ 1884 г., основанное на добросовѣстномъ разборѣ всѣхъ свѣдѣній о дѣятельности нашего суда присяжныхъ за все время его дѣйствія. Въ научномъ курсѣ „русскаго уголовнаго судопроизводства“ вышедшемъ въ годъ изданія разбираемой новеллы, проф. Д. Г. Тальбергъ, между прочимъ, пишетъ, что „идеи, положенныя въ основаніе Судебныхъ Уставовъ, составляютъ донынѣ безспорное достояніе не только русской, но и общеевропейской культуры“. Въ частности же о судѣ присяжныхъ проф. Тальбергъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: „изъ всѣхъ существующихъ въ исторіи и дѣйствующемъ правѣ формъ народнаго суда — *наиболѣе совершенная* — судъ присяжныхъ“ [1]).

II.

Теперь обратимся къ содержанію закона 7-го іюля. Онъ состоитъ изъ двухъ частей, изъ которыхъ каждая можетъ быть разсмотрѣна отдѣльно и самостоятельно. Въ первой части исчисляются тѣ дѣла

---

[1]) Ст. Русск. угол. суд., стр. 65.

или категоріи дѣлъ, которыя отходятъ отъ суда присяжныхъ, во второй—излагаются правила объ организаціи учрежденій, которыя являются на смѣну ему. Сначала займемся разсмотрѣніемъ первой части закона и постараемся опредѣлить, имѣется ли какая-нибудь *руководящая идея* въ основаніи многочисленныхъ и разнородныхъ исключеній, допускаемыхъ закономъ, и какова эта идея.

Въ длинномъ спискѣ изъятій, вводимыхъ новеллою 7-го іюля, мы находимъ, прежде всего, выдѣляемыя изъ компетенціи суда присяжныхъ, въ видѣ общаго правила, *всѣ* дѣла объ убійствѣ и насильственныхъ дѣйствіяхъ противъ должностныхъ лицъ, совершенныхъ при исполненіи ими служебныхъ обязанностей. Послѣ этого слѣдуетъ постатейный перечень тѣхъ отдѣльныхъ преступленій, которыя потѣмъ или другимъ спеціальнымъ соображеніямъ, признано было нужнымъ изъять отъ суда присяжныхъ. На первомъ мѣстѣ тутъ встрѣчаемъ ст. 263 — 272, 274. Улож. о наказ., т.-е. всю первую главу раздѣла четвертаго, предусматривающую разнаго рода сопротивленія распоряженіямъ правительства и неповиновенія установленнымъ властямъ. Тутъ мы находимъ тягчайшія преступленія, начиная отъ открытаго вооруженнаго возстанія съ цѣлью воспрепятствованія обнародованію Высочайшихъ указовъ и проч. и кончая пассивнымъ сопротивленіемъ исполненію судебныхъ опредѣленій или возбужденіемъ посредствомъ слова или письма къ сопротивленію власти. Къ этой же группѣ относятся стт. 276, 282, 286 Улож., т.-е. разнаго вида оскорбленія присутственныхъ мѣстъ и чиновниковъ. Затѣмъ слѣдуетъ 304 ст. Улож. о поврежденіи и истребленіи печатей, приложенныхъ по распоряженію властей, статья 315 Улож., предусматривающая противодѣйствіе поимкѣ преступниковъ. Это, такъ сказать, преступленія, въ которыхъ потерпѣвшею стороною является власть государственная или, по терминологіи нашего уложенія, преступленія противъ порядка управленія. Сюда же должны быть отнесены еще преступленія, предусмотрѣнныя стт. 633, 755, 756, 823,

824, 830 и отчасти стт. 1143—1444 и, благодаря казуистичности и безсистемности нашего Уложенія, разбросанныя по другимъ его отдѣламъ. Преступленія эти суть: провозъ вооруженными шайками незаконно добытой соли съ насиліемъ противъ поимщиковъ, провозъ контрабанды вооруженными шайками и насильственныя дѣйствія противъ таможенной стражи и поимщиковъ и такія же насильственныя дѣйствія противъ лѣсной стражи казенныхъ и частныхъ лѣсовъ; насильственныя дѣйствія противъ телеграфистовъ съ цѣлью остановить дѣйствіе телеграфа, а также поврежденіе телеграфа съ намѣреніемъ остановить правительственную корреспонденцію. Сюда же примыкаетъ и преступленіе, предусмотрѣнное ст. 618 Улож., въ виду его спеціальнаго постановленія, приравнивающаго неповиновеніе рабочихъ, при частныхъ золотыхъ, серебряныхъ и платиновыхъ промыслахъ на земляхъ казенныхъ и Кабинета, хозяину или приказчику—къ возстанію противъ установленныхъ властей.

Въ особую группу можно выдѣлить изъятыя изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ преступленія, такъ называемыя *общеопасныя*, предусмотрѣнныя стт. 1083—1085, 1140, 1144, 1225, 1236, 1241, 1254, 1262. Статьи эти говорятъ о крайне рѣдкихъ вообще, а у насъ тѣмъ болѣе, преступленіяхъ торговаго *мореплаванія*, какъ-то: объ оставленіи *корабельщикомъ или штурманомъ* своего судна *въ опасности* и непринятіи ими мѣръ для предупрежденія побѣга арестанта и оставленіи пассажира на пустынномъ морскомъ берегу и, наконецъ, о *бунтѣ* корабельныхъ служителей и водоходцевъ купеческаго корабля противъ корабельнаго начальства; затѣмъ слѣдуютъ желѣзно-дорожныя преступленія — оставленіе машинистомъ паровоза въ виду угрожающей опасности и вообще неправильныя дѣйствія лицъ желѣзнодорожнаго управленія, повлекшія за собою несчастія съ людьми.

Изъяты также преступленія по должности служащихъ въ общественныхъ и частныхъ банкахъ, приравненныхъ въ этомъ отношеніи къ должност-

нымъ лицамъ государственной службы (1154—1155 Улож.), и одно преступленіе противъ союза брачнаго—двоеженство (ст. 1554 Улож.).

Таковы преступленія, спеціально признанныя неудобными для разсмотрѣнія на судѣ присяжныхъ. Разнохарактерность ихъ, какъ въ юридическомъ, такъ и въ бытовомъ отношеніи, такъ велика, что весьма трудно опредѣлить руководящія идеи, легшія въ основаніе этого списка, и тѣ *практическія* соображенія, которыя вызвали его составленіе.

Прежде всего, конечно, могли вліять жалобы и сѣтованія о массѣ оправдательныхъ вердиктовъ присяжныхъ. Но если бы даже напыщенныя ламентаціи объ упадкѣ репрессіи на *новомъ* судѣ имѣли фактическое основаніе, т.-е. статистическія данныя, то и тогда слѣдовало бы рекомендовать иныя мѣры, способныя уврачевать корни такого ненормальнаго явленія, а не маскировать симптомы его [1]). Но слѣдуетъ имѣть въ виду, что статистическія данныя въ настоящемъ случаѣ не могутъ имѣть рѣшающаго значенія, частью по свойству самыхъ преступленій, предусмотрѣнныхъ вышеуказанными статьями и изъемлемыхъ нынѣ изъ суда присяжныхъ, частью по разнообразію дѣйствующихъ у насъ процессуальныхъ порядковъ.

Замѣтимъ прежде всего относительно первой и важнѣйшей группы изъятій, относительно преступленій, совершенныхъ противъ должностныхъ лицъ, при отправленіи ими служебныхъ обязанностей, что не имѣется сколько-нибудь солидныхъ статистическихъ данныхъ, могущихъ служить опорою для того или другаго вывода о репрессіи суда присяжныхъ, во-первыхъ, потому, что правильныя судебно статистическія данныя у насъ стали собираться всего съ 1873—74 гг., а, во-вторыхъ, дѣла эти за послѣд-

---

[1]) Мы еще вернемся къ этому важному вопросу, весьма тщательно разработанному въ нашей юридической литературѣ (см., между прочимъ, статьи профессоровъ Фойницкаго и Володимірова въ *Журн. Гражд. и Угол. Права*, 1879 г., №№ 5 и 6 и въ № 3 *Юрид. Вѣстн.* статью г. Терновскаго).

нія одиннадцать слишкомъ лѣтъ временными распоряженіями (Указы 8-го августа 1878 г., 5-го апрѣля 1879 г. и Положеніе объ охранѣ 23-го августа 1881 г., ежегодно возобновляемое) были изъяты изъ вѣдѣнія суда общественной совѣсти и были подвѣдомы либо особому присутствію съ участіемъ сословныхъ представителей, либо военно-окружнымъ судамъ; такъ что за послѣднее время, особенно изобиловавшее дѣлами такого характера, данныхъ противъ суда присяжныхъ въ этой области преступленій нѣтъ и не могло быть. Оставался одинъ путь умозаключенія, а именно: отъ какого-нибудь громкаго дѣла за время, предшествовавшее 1878 г., (дѣла Засуличъ), что едва ли было правильно (см. стр. 521 Фойницкаго).

То же самое нужно сказать относительно большей части другихъ спеціально перечисленныхъ въ первой группѣ статей, предусматривающихъ вооруженное возстаніе и сопротивленіе властямъ, при чемъ относительно нѣкоторыхъ статей, какъ напр., относительно ст. 263 Улож., предусматривающей вооруженное противодѣйствіе массъ обнародыванію Высочайшихъ указовъ, можно замѣтить, что едва ли со времени существованія суда присяжныхъ ему хоть разъ приходилось разбирать подобное дѣло, какъ равно и преступленіе, предусмотрѣнное ст. 1144 Улож., т.-е. поврежденіе телеграфа съ намѣреніемъ пріостановить правительственную корреспонденцію.

Едва ли часто приходилось разбирать суду присяжныхъ и такія дѣла, какъ насильственное сопротивленіе массъ при провозѣ контрабанды, соли, краденаго лѣса или сопротивленіе поимкѣ преступниковъ.

Въ силу существующихъ у насъ мѣстныхъ отступленій отъ общаго порядка судопроизводства, а также крайней малочисленности нашего торговаго флота, къ числу рѣдчайшихъ должны быть отнесены и преступленія, предусмотрѣнныя ст. 1775, 1236, 1241, 1254, 1262 Улож. Дѣло въ томъ, что большая часть нашей морской береговой линіи

(Прибалтійскія губерніи, Черноморскій край, берега Тихаго и Сѣвернаго океановъ) находится въ мѣстностяхъ, неподвѣдомыхъ суду присяжныхъ. Что же касается части Балтійскаго моря, Финскаго залива и сѣвернаго берега Чернаго моря, гдѣ дѣйствуетъ судъ присяжныхъ, то едва ли и здѣсь дѣла о бунтѣ водоходцевъ, о бѣгствѣ карабельщика или оставленіи имъ пассажира на пустынномъ берегу могли такъ часто фигурировать на судѣ присяжныхъ, чтобы оказались на лицо положительныя данныя, дающія право признать судъ присяжныхъ, по указанію „опыта“, негоднымъ для дѣлъ такого рода.

Къ числу рѣдкихъ дѣлъ относятся и другія изъятыя преступленія, какъ-то: бѣгство машиниста съ паровика, двоеженство, а одно, а именно: неповиновеніе рабочихъ хозяину при золотыхъ, серебряныхъ и платиновыхъ промыслахъ на земляхъ казенныхъ и Кабинета (ст. 618 Улож.), и *не могло* дать повода для нареканія на судъ присяжныхъ, въ виду того, что промыслы, эти едва ли не всѣ безъ изъятія, находятся въ Сибири и, стало-быть, подсудны *старымъ* судамъ.

Такимъ образомъ, этотъ детальный разборъ списка изъятій приводитъ къ заключенію, что трудно бы было свидѣтельствомъ опыта доказать *a posteriori* непригодность суда присяжныхъ по исчисленнымъ выше дѣламъ. Возможно допустить и такое предположеніе, что указанныя изъятія объясняются апріорнымъ соображеніемъ судебной политики, какъ-то: особенною *важностью* для государства или общества нарушаемаго преступленіемъ интереса, или *общеопасностью* его, или, наконецъ, особенною *сложностью* дѣлъ. Но сравнивая дѣла, оставленныя въ вѣдѣніи суда присяжныхъ, съ тѣми, по которымъ онъ признанъ негоднымъ, мы находимъ и эту точку зрѣнія недопустимою, такъ какъ ни одинъ изъ этихъ критеріевъ не выдержанъ и не проведенъ послѣдовательно до конца. Для иллюстраціи этой мысли можно бы было привести массу примѣровъ. Ограничимся немногими.

Истребленіе казенной печати или вещей, опеча-

танныхъ ею (ст. 304), наказуемое арестантскими ротами, изъемлется изъ суда присяжныхъ, а дѣла гораздо большей, почти первостепенной, государственной важности, напр., подлогъ указовъ сената, поддѣлка большой государственной печати (ст. 292, 295 Улож.) или кредитныхъ билетовъ (ст. 571 и посл. Улож.), наказуемыя каторжными работами, оставлены въ вѣдѣніи присяжныхъ.

Дѣла о противодѣйствіи при поимкѣ арестантовъ (315 Улож.), двоеженствѣ, наказуемыя, при отсутствіи отягчающихъ обстоятельствъ, арестантскими ротами, исключены изъ юрисдикціи присяжныхъ. Дѣла же несравненно большей, общественной важности, напр., о насильственномъ вступленіи въ бракъ (1550 Улож.), о взломѣ тюрьмы и насильственномъ освобожденіи арестантовъ (ст. 308 Ул.), наказуемыя срочною и безсрочною каторгою, оставлены въ вѣдѣніи суда присяжныхъ. Ему же остаются, по прежнему, подсудными важнѣйшія дѣла объ убійствахъ, разбояхъ, поджогахъ и пр.

Возьмемъ третій критерій—„общеопасность“ преступленія,—и здѣсь опять натолкнемся на явныя непослѣдовательности. Дѣло о нерадѣніи служащихъ на желѣзной дорогѣ, повлекшемъ за собою несчастіе съ людьми (ст. 1085)—преступленіе безъ сомнѣнія общеопасное, но наказаніе за него, смотря по слѣдствіямъ, можетъ иногда ограничиваться заключеніемъ въ тюрьмѣ; а между тѣмъ по всѣмъ этимъ дѣламъ признано нужнымъ устранить судъ присяжныхъ. Дѣла же объ одномъ изъ ужасающихъ преступленій — объ умышленной порчѣ желѣзной дороги съ намѣреніемъ причинить крушеніе поѣзда (ст. 1082 Улож.), наказуемомъ безсрочною каторгою, довѣрены компетенціи суда присяжныхъ.

Что касается критерія большей или меньшей сложности дѣлъ, то и онъ не выдержанъ, да и гдѣ же масштабъ для него? Иногда мелкія мошенничества (вспомнимъ такъ называемое дѣло „клуба червонныхъ валетовъ“) длятся недѣлями, а иной разъ дѣла объ убійствахъ кончаются въ нѣсколько часовъ. Да по сложнымъ дѣламъ особенно и важно

участіе присяжныхъ, какъ людей свѣжихъ, не заѣденныхъ служебною рутиною. Достаточно напомнить знаменитое дѣло Таганрогской таможни, изъ котораго съ такою честью вышелъ судъ присяжныхъ. Какъ извѣстно, это колоссальное дѣло длилось 23 дня, вопросы, поставленные присяжнымъ, достигли громадной цифры 1315,—и что же?—все это время, какъ писало *Новое Время*, газета, какъ извѣстно, довольно скептически относящаяся къ суду присяжныхъ, они „съ поразительнымъ *спокойствіемъ и терпѣніемъ*“ дослушали все дѣло. Что касается существа рѣшенія присяжныхъ по этому дѣлу, то о немъ мы имѣемъ отзывъ, авторитетность котораго внѣ всякаго спора какъ съ точки зрѣнія оффиціальной, такъ и научной. „Присяжные доказали, — говорилъ въ своей рѣчи въ сенатѣ нашъ извѣстный криминалистъ, оберъ-прокуроръ А. Ѳ. Кони, что *подвигъ труда*, имъ предлежавшій, былъ исполненъ ими *свято*“. Ясно стало-быть, что и съ точки зрѣнія большей или меньшей сложности дѣлъ нельзя объяснить длинный перечень разнообразныхъ дѣлъ, отходящихъ отъ суда присяжныхъ.

Остается допустить, что списокъ изъятій составлялся подъ вліяніемъ апріористическаго недовѣрія, навѣяннаго отдѣльными дѣйствительными или кажущимися промахами суда присяжныхъ, такъ усердно муссируемыхъ реакціонною печатью. А такой путь нераціональнаго обобщенія отдѣльныхъ промаховъ, какъ мы уже имѣли случай замѣтить въ предыдущемъ §, представляется крайне ненадежнымъ.

Съ другой стороны, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что по многимъ изъ дѣлъ, по коимъ новелла 7-го іюля упраздняетъ судъ присяжныхъ, *особенно* было бы важно, какъ это мы увидимъ впослѣдствіи, ихъ участіе, вслѣдствіе ихъ бытовыхъ или юридическихъ особенностей.

Наконецъ, нельзя не отмѣтить еще одного неблагопріятнаго послѣдствія, могущаго произойти вслѣдствіе случайнаго ограниченія компетенціи присяжныхъ. Какъ всякій актъ недовѣрія, такія мѣропріятія вызываютъ раздраженіе и отражаются крайне

неблагопріятно на дѣятельности присяжныхъ, (что̀ доказано опытомъ европейскихъ государствъ), вообще на правильномъ функціонированіи суда присяжныхъ и по дѣламъ, оставленнымъ въ ихъ вѣдѣніи [1]).

III.

Изъ всѣхъ разнородныхъ категорій дѣлъ, отошедшихъ въ силу новаго закона 7-го іюля 1889 г. отъ юрисдикціи суда присяжныхъ, едва ли не наибольшее практическое значеніе имѣютъ дѣла о сопротивленіи распоряженіямъ властей (глава I раздѣла IV о преступленіяхъ противъ порядка управленія) и дѣла о двоеженствѣ.

Такія дѣла встрѣчаются на практикѣ чаще другихъ, по которымъ тоже устраненъ судъ присяжныхъ, а поэтому послѣдствіе новаго закона можетъ тутъ сказаться, ощутительнѣе. Это разъ. А затѣмъ означенныя дѣла, по своимъ бытовымъ или юридическимъ свойствамъ, большею частью являются въ такой своеобразной, если не исключительной обстановкѣ, что только судъ присяжныхъ, благодаря присущимъ ему, и только ему одному, высокимъ качествамъ, могъ бы придти къ справедливому рѣшенію.

Остановимся прежде всего на дѣлахъ о сопротивленіи властямъ, столь оригинальныхъ по своему содержанію, разъ въ немъ участвуютъ крестьяне (а у насъ, какъ извѣстно, они одни почти всегда фигурируютъ въ такихъ дѣлахъ). Порожденныя, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, частью безъисходною нуждою, частью неумѣньемъ или, лучше сказать, невозможностью разобраться въ мудреныхъ постановленіяхъ закона и въ рѣшеніяхъ судебныхъ и административныхъ учрежденій, всѣ

---

[1]) См. *Журн. Гражд. и Угол. Права*, 1879 г., № 6, стр. 47.

почти такъ называемые *крестьянскіе безпорядки* носятъ характеръ подчасъ простодушнаго, подчасъ грубаго, даже дикаго, но всегда невѣжественнаго и увѣреннаго въ своей правотѣ *самоуправства*. Хроника народной жизни изобилуетъ подобными фактами, корни которыхъ лежатъ очень глубоко въ міровоззрѣніи и условіяхъ жизни народныхъ массъ. Не такъ давно, въ 1889 г., извѣстный знатокъ народнаго быта Г. И. Успенскій передавалъ въ № 194-мъ *Русск. Вѣд.* новый фактъ изъ этой области,—столь же печальный, сколько и любопытный фактъ, какъ башкиры, благодаря силѣ обстоятельствъ, своеобразной логикѣ своей и курьезному юридическому міровоззрѣнію, додумались до нелѣпаго плана: „бунтовать, но безъ малѣйшаго сопротивленія“. Кто кромѣ суда присяжныхъ можетъ *правильно* (т.-е. справедливо, а не формально только) разрѣшать дѣла о такихъ бунтахъ? Мы, конечно, далеки отъ мысли рекомендовать кому бы то ни было „юридическое“ міросозерцаніе башкиръ, не имѣющее не только легальной силы, но и вообще здраваго смысла. Да не въ этомъ и дѣло, а въ томъ, чтобы судьи, рѣшающіе дѣла, вытекающія изъ такого рода „извращеннаго міросозерцанія“, могли по крайней мѣрѣ знать, понять его, принять его во вниманіе если не усвоить его и одобрить.

Одно изъ великихъ достоинствъ суда присяжныхъ, обезпечивающее ему неизмѣримое превосходство надъ судомъ юристовъ-техниковъ, это—его способность понять подсудимаго, вникнуть въ его душу, войти въ его положеніе. Одинъ изъ главныхъ дѣятелей по введенію у насъ суда присяжныхъ, Н. А. Буцковскій, необходимость его, между прочимъ, мотивировалъ слѣдующимъ соображеніемъ: „Между судьями, опредѣляющими виновность подсудимаго по совѣсти,—писалъ онъ,—должны быть такія лица, кои, не имѣя порочныхъ свойствъ его, принадлежали бы къ одной съ нимъ средѣ, по ихъ понятіямъ, правамъ и обычаямъ для вѣрнѣйшаго обсужденія какъ значенія уликъ, такъ и *свойства виновности* подсудимаго, опредѣляемой вообще *кругомъ*

его понятій и общимъ уровнемъ нравственности“ [1]). Государственный совѣтъ, съ своей стороны, признавъ въ 1862 г. необходимымъ введеніе у насъ суда присяжныхъ, писалъ въ своемъ журналѣ, между прочимъ, слѣдующее: „Введеніе суда присяжныхъ въ Россіи *болѣе необходимо*, чѣмъ гдѣ бы то ни было, потому что нигдѣ, можетъ быть, историческая жизнь народа не положила такихъ рѣзкихъ разграниченій между различными слоями общества, какъ у насъ, отчего между понятіями, обычаями и образомъ жизни нашихъ постоянныхъ судей, принадлежащихъ вообще къ высшему сословію, и подсудимыхъ изъ низшихъ сословій большое различіе“ [2]).

Ошибочно было бы думать, какъ это дѣлаютъ неразборчивые въ средствахъ борьбы противники судебной реформы, будто государственный совѣтъ въ приведенныхъ словахъ проводилъ мысль о судѣ пэровъ или опасное демократическое начало о подчиненіи закона воззрѣніямъ народныхъ массъ [3]). Ничуть не бывало. Вся ихъ сущность вытекаетъ и сводится къ основному юридическому требованію, въ силу котораго для справедливаго рѣшенія признается необходимымъ способность суда *индивидуализировать* каждое отдѣльное дѣло, т.-е. способность вникнуть въ индивидуальныя его особенности. А эта способность сообщается суду только присоединеніемъ къ нему присяжныхъ изъ народа, относящихся къ подсудимому, какъ люди, незаѣденные судебною рутиною, съ живымъ интересомъ, а не какъ къ очередному № для свода статистическихъ свѣдѣній [4]).

---

[1]) См. выше Записку Н. А. Буцковскаго изъ Дѣла о преобр. суд. части, т. XVIII, стр. 44.

[2]) См. т. XX названнаго „Дѣла“, журналъ отъ 3-го сентября 1862 г.

[3]) См. В. Фуксъ „Судъ и полиція“, стр. 123—124.

[4]) И. С. Аксаковъ оставилъ судебную карьеру, чтобы не сдѣлаться чиновникомъ, который „думаетъ только объ очисткѣ бумагъ и заглушаетъ въ себѣ живаго человѣка, желавшаго нѣкогда только блага и пользы“. (См. стр. 152 „И. С. Аксаковъ“ —показаніе его въ III отдѣленіи).

Но присоединеніемъ народнаго элемента имѣлось въ виду отнюдь не обезпеченіе на судѣ торжества односторонних взглядовъ неразвитыхъ массъ въ ущербъ прогрессивнымъ элементамъ болѣе развитыхъ классовъ общества. Нѣтъ, участіе присяжныхъ изъ народа должно было вносить лишь одинъ изъ элементовъ для справедливаго рѣшенія, но тотъ элементъ, безъ котораго уже никоимъ образомъ у насъ нельзя было бы вердикта присяжныхъ называть судомъ общенародной или общественной совѣсти.

Иные изъ современныхъ публицистовъ, совершенно эманципировавшись отъ „старыхъ теоретическихъ бредней доктрины“ и отъ гнета „забытыхъ словъ“, не могутъ безъ улыбки глумленія говорить о судѣ „общественной совѣсти“. А между тѣмъ смыслъ этого выраженія, какъ и многихъ другихъ „забытыхъ словъ“, необыкновенно простъ. Составители Судебныхъ Уставовъ исходили изъ того убѣжденія, что участіе въ судѣ присяжныхъ „лицъ различныхъ оттѣнковъ образованія, всѣхъ слоевъ общества, сглаживая увлеченія или крайности, свойственныя каждому изъ нихъ“ [1]), приводитъ къ болѣе справедливой „*благоразумной средины*“, которая и можетъ считаться *выраженіемъ общественной совѣсти*. Устраненіе изъ суда представителей большинства нашего народа лишало бы, по ихъ мнѣнію, судъ права именоваться судомъ общественной совѣсти.

Правда, судъ, къ которому переходятъ дѣла изъемлемыя изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ, не совсѣмъ лишенъ „народнаго элемента“, но участіе сословныхъ представителей не только въ лицѣ волостнаго старшины, но и городскаго головы и предводителя дворянства, какъ мы увидимъ ниже при разборѣ организаціи особаго присутствія палаты съ участіемъ сословныхъ представителей, не можетъ измѣнить преобладающаго характера этого суда, какъ суда профессіональныхъ юристовъ.

---

[1]) См. жур. госуд. сов. отъ 4-го сентября 1862 г.

А между тѣмъ устраненіе означеннаго элемента, по отношенію къ разбираемой категоріи дѣлъ, влечетъ еще одно неудобство. Во всѣхъ почти уголовныхъ кодексахъ, а въ нашемъ устарѣломъ Уложеніи 1845 г. въ особенности, не мало чисто схоластическихъ, искусственныхъ понятій и подраздѣленій, созданныхъ кабинетною или школьною юриспруденціею и почти искусственно навязанныхъ жизни. Такихъ понятій или „тонкихъ квалификацій“ [1]) не мало и въ раздѣлѣ о преступленіяхъ противъ порядка управленія. Судьи-юристы, привыкшіе постоянно вращаться въ кругу этихъ искусственныхъ понятій, волею-неволею вгоняютъ въ рамки ихъ явленія дѣйствительной жизни, въ ущербъ внутренней правдѣ судебныхъ рѣшеній. Присяжные же, свободные отъ этихъ путъ школьной мудрости, не считаютъ нужнымъ во что бы то ни стало распластывать жизненную правду на Прокустово ложе искусственныхъ понятій неизвѣстныхъ или непонятныхъ большинству населенія. Формалисты и буквоѣды, конечно, поносятъ „уличный судъ“ за такое нарушеніе „формы“, но просвѣщенные юристы всегда видѣли въ немъ одно изъ выдающихся достоинствъ суда присяжныхъ. „Что можетъ быть жесточе,— писалъ еще юристъ XVIII столѣтія Мозеръ,—осуж-

---

[1]) Вопросъ о томъ, что считать закономѣрнымъ сопротивленіемъ, т. е. сопротивленіемъ ненаказуемымъ, среди самихъ юристовъ вызываетъ большіе споры и сомнѣнія. Въ іюньской книжкѣ *Юридическаго Вѣстника* за 1889 г. можно видѣть, какъ велико разногласіе въ этомъ отношеніи между юристами, изъ коихъ одинъ (г. Куплевасскій) считаетъ дозволеннымъ сопротивленіе лишь при очевидной, объективной незаконности дѣйствій должностныхъ лицъ; другіе же (гг. Таганцевъ, Щегловитовъ) считаютъ дозволеннымъ сопротивленіе и въ томъ случаѣ, когда должностное лицо по ошибкѣ допустило противозаконное дѣйствіе. Область эта крайне спорная, и казуистика необъятная. Только близкое знакомство съ бытовыми условіями жизни и съ міросозерцаніемъ подсудимаго можетъ дать вѣрный масштабъ къ справедливому разрѣшенію подобныхъ дѣлъ. Подобная задача совершенно не подъ силу коронныхъ юристамъ вообще, а нашимъ въ особенности, что было признано правительствомъ еще въ 1862 году.

денія человѣка, про котораго мы не знаемъ, могъ ли онъ понимать законъ, за нарушеніе котораго онъ осужденъ; лучшимъ же доказательствомъ возможности пониманія закона является лишь осужденіе со стороны 12 честныхъ и необученныхъ праву лицъ". „Если присяжные,—писалъ въ 1862 г. одинъ изъ извѣстныхъ знатоковъ нашей уголовной практики, оберъ-прокуроръ Н. Л. Буцковскій,—принадлежащіе обыкновенно къ одному съ подсудимымъ классу, *не* понимаютъ какой-либо *тонкости* уголовнаго права, придуманной въ кабинетѣ ученаго криминалиста, то это вѣрный признакъ того, что она не входитъ въ кругъ понятій, вращающихся въ данномъ слоѣ общества, и была бы въ данномъ случаѣ не у мѣста; въ этомъ обнаруживается *не слабая, но сильная сторона* суда присяжныхъ" [1]).

Такъ разсуждалъ теоретически Буцковскій, когда еще не было у насъ суда присяжныхъ. Теперь двадцатипятилѣтняя практика его выяснила во очію для всѣхъ добросовѣстныхъ наблюдателей всю-важность этой стороны дѣятельности суда общественной совѣсти. Достаточно указать на дѣла о кражахъ со взломомъ, по которымъ почти систематически присяжные отвергали ни съ чѣмъ не сообразное понятіе о взломѣ, существовавшее въ уложеніи 1845 г. Не мало было вылито грязи на судъ присяжныхъ изъ лагеря усердныхъ клеветниковъ за это мнимое *колебаніе закона*. Въ предложеніяхъ объ изъятіи этихъ дѣлъ изъ суда присяжныхъ, конечно, не было недостатка. Но когда взглянули на вопросъ глубже, стало ясно, что житейская *правда на сторонѣ присяжныхъ*, а не закона и не разумныхъ охранителей его буквы, и вотъ 18-го мая 1882 г. былъ изданъ новый законъ, отвергнувшій старое схоластическое ученіе о взломѣ и построившій его на совершенно новыхъ началахъ. Такихъ полезныхъ исправленій уголовнаго закона по указаніямъ „суда присяжныхъ" не мало знаетъ и иностранная су-

---

[1]) См. стр. 50 Записки Буцковскаго.

дебная практика; такимъ образомъ этотъ „судъ улицы“ приноситъ правду не только въ судебныя рѣшенія, освобождая ихъ отъ вреднаго преобладанія искусственныхъ понятій, но и способствуетъ совершенствованію законодательства.

Но въ судѣ присяжныхъ есть еще одинъ элементъ, наличность котораго была особенно важна при такихъ почти безспорныхъ дѣлахъ, какъ двоеженство. Тутъ почти все ясно и просто, съ точки зрѣнія формальнаго правосудія: двѣ справки изъ метрическихъ книгъ, и „инструкція“ дѣла готова. Даже и допрашивать нечего подсудимаго,—нужно только взять въ руки уложеніе, написать приговоръ и дѣло будетъ готово для „архива“. Такъ разсуждало формальное правосудіе, которое провозглашаетъ; *fiat justitia, pereat mundus* и которое скорѣе согласилось бы запороть мальчика за грубую попытку поддѣлать серебряную монету, нежели уменьшить число ударовъ розгами (см. выше главу I § 2).

Таково было наше дореформенное правосудіе, для котораго дико бы звучали слова: „правда и милость“. Не таковы начала новаго суда. Вѣдь если бы все дѣло сводилось къ примѣненію къ безспорнымъ фактамъ соотвѣтственнаго закона, то къ чему бы служило приглашеніе присяжныхъ по такимъ безспорнымъ дѣламъ, какъ двоеженство? Присяжные для того и приглашаются, чтобы въ качествѣ судей совѣсти вникнуть во внутреннюю сторону дѣла и опредѣлить, имѣетъ ли судъ въ *данномъ* случаѣ предъ собою лихаго человѣка, заслуживающаго наказаніе позакону, или напротивъ жертву житейской драмы, заслуживающую полнаго состраданія—сочувствія и отпущенія формальной вины. А такихъ-то случаевъ бываетъ особенно много въ дѣлахъ о двоеженствѣ, гдѣ рядомъ съ новою, незаконною, но удачно сложившеюся семьею является представительница первой законной семьи, стремящаяся изъ мести или корыстныхъ побужденій разрушить это ненавистное для нея чужое гнѣздо!...

Что же непонятнаго или ужаснаго въ томъ, что судьи совѣсти, поставленные въ силу нашего дѣй-

ствующаго законодательства передъ альтернативою навлечь на голову такого несчастнаго человѣка или суровое наказаніе закона—данное присяжными снисхожденіе обязательно смягчаетъ наказаніе всего только на *одну* степ. (ст. 828 Уст. уг. суд.),—или вовсе освободить его,—останавливаются на послѣднемъ рѣшеніи. Законники-формалисты возмущаются „*неизвинительною слабостью*“, проявляемою присяжнымидаже въ такихъ исключительныхъ дѣлахъ, и ставятъ имъ въ примѣръ англійскихъ присяжныхъ. Можно сожалѣть, что къ намъ нельзя перенести ради успокоенія охранителей формализма *quand même* англійскіе судебные порядки, благодаря которымъ въ подобныхъ случаяхъ *осужденный* присяжными приговаривается судьею къ наказанію въ видѣ нѣсколькихъ дней или *часовъ* ареста. Но пока у насъ нѣтъ такого выхода, присяжные заслуживаютъ за подобную почтенную „слабость“ одобренія, а не порицанія, потому что есть „слабости“ которымъ *человѣчнѣе слѣдовать, нежели противиться*. И до тѣхъ поръ, пока существуетъ судъ совѣсти, онъ будетъ причастенъ такой „слабости“, будетъ видѣть, по справедливому замѣчанію проф. Фойницкаго, въ исключительно внѣшнемъ примѣненіи закона „одну формальность, вредную и для государства, и для общества“. Вотъ почему и впредь возможно освобожденіе присяжными отъ суда по дѣламъ, оставленнымъ еще въ ихъ вѣдѣніи.

Вотъ это-то обстоятельство и нарушаетъ ликованіе реакціонной печати по поводу нанесеннаго разбираемаго новеллою „уличному суду если не рѣшительнаго, то довольно *чувствительнаго удара*“. *Московскія Вѣдомости*, выступая въ роли защитниковъ „*праваго (sic)* суда и закона“, съ напускнымъ негодованіемъ указываютъ на то, что если закономъ 7-го іюля вполнѣ устранена возможность оправданія двоеженцевъ, то не устранена еще возможность оправданія „*женоубійцъ*“.

Въ печати нашей была высказана догадка, что законъ 7-го іюля не удовлетворитъ непримиримыхъ враговъ суда присяжныхъ. Догадка эта вполнѣ

оправдалась: *Москов. Вѣд.* высказывали „твердую надежду, что судъ присяжныхъ, признанный несостоятельнымъ въ примѣненіи къ преступленіямъ противъ всѣхъ (??) видовъ публичнаго права, скоро будетъ отмѣненъ для *всѣхъ вообще* уголовныхъ преступленій“. И дѣйствительно, на этой шаткой и покатой почвѣ „изъятій“, пожалуй, трудно остановиться...

Но къ счастью пока не уничтожена еще для суда присяжныхъ возможность устранять въ этихъ дѣлахъ рѣзкое столкновеніе формальнаго закона съ справедливостью, и возможность оправданія, въ исключительныхъ случаяхъ, женоубійцъ остается въ силѣ! Въ такихъ случаяхъ, когда осужденіе подсудимаго было бы торжествомъ явной неправды, оправданіе, безъ сомнѣнія, предпочтительнѣе осужденія, даже при наличности факта преступленія. *Московскія Вѣдомости*, защищающія законность именно тогда, когда она приводитъ въ неправдѣ (*summum jus summa injuria*), забыли, что когда-то, на ихъ же столбцахъ, именно оправданіе присяжными „женоубійства“ признавалось, въ извѣстныхъ случаяхъ, „явленіемъ нормальнымъ“ и легкомысленнымъ критикамъ такихъ оправданій ставилось на видъ, что „интересы общества всегда *достаточно ограждаются* его представителями“ (*Моск. Вѣдом.* 1868 г., № 173).

IV.

Въ числѣ изъятыхъ закономъ 7-го іюля изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ дѣлъ одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ занимаютъ дѣла о преступленіяхъ по должности. До сихъ поръ самыя серіозныя изъ нихъ, а именно тѣ, за которыя назначено лишеніе правъ состоянія, за однимъ небольшимъ исключеніемъ, всѣ были подсудны присяжнымъ засѣдателямъ, которые приглашались, смотря по іерархическому положенію подсудимаго, или въ окружный судъ (для

чиновъ до девятаго класса), или въ судебную палату (для чиновъ выше девятаго класса), или, наконецъ, въ кассаціонные департаменты сената (для чиновъ выше пятаго класса). Изъятіе, упомянутое выше и легко объяснимое іерархическими соображеніями, касалось членовъ государственнаго совѣта, министровъ и главноуправляющихъ отдѣльными частями, которые подвѣдомы были верховному уголовному суду и предавались суду не иначе, какъ Высочайше утвержденными мнѣніями государственнаго совѣта.

Новый порядокъ, вводимый новеллою 7-го іюля, коснулся всѣхъ поименованныхъ категорій, кромѣ послѣдней, и въ порядкѣ подсудности и суда произвелъ слѣдующія перемѣны. Отнынѣ всѣ чины до пятаго класса включительно, за преступленія, влекущія лишеніе правъ состоянія, будутъ судиться въ судебной палатѣ съ участіемъ трехъ сословныхъ представителей, призываемыхъ въ нѣсколько видоизмѣненномъ, сравнительно съ дѣйствующимъ, порядкѣ. Чины же выше пятаго класса будутъ судиться въ кассаціонномъ департаментѣ съ участіемъ сословныхъ представителей, приглашаемыхъ въ прежнемъ порядкѣ (ст. 1061^3—1061^5 Уст. уг. суд.). Если принять во вниманіе, что существуетъ еще особый порядокъ для призыва сословныхъ представителей для сужденія по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ (примѣч. къ ст. 1061^4 Уст. уг. суд.), то такимъ образомъ этотъ своеобразный нашъ институтъ сословнаго представительства на судѣ будетъ имѣть три различныя организаціи. Къ разбору его съ точки зрѣнія интересовъ раціональнаго судоустройства мы вернемся впослѣдствіи, теперь же остановимся пока на передачѣ въ его вѣдѣніе дѣлъ о преступленіяхъ по должности и на мотивахъ, легшихъ въ основаніе этого мѣропріятія.

Въ одной петербургской газетѣ, какъ на основаніе его, указывалось на то, что присяжные, не будучи проникнуты важностью „*служебной дисциплины*“, относились снисходительно къ преступленіямъ по должности. Другими словами, мы тутъ встрѣ-

чаемся съ варіаціею на избитую тему о слабости репрессіи суда присяжныхъ вообще. Не совсѣмъ понятно, какимъ образомъ не только судъ присяжныхъ, но даже и вообще судебныя учрежденія могутъ нести отвѣтственность за современный невысокій уровень „служебной дисциплины“ въ Россіи. Какъ извѣстно, высокій уровень „служебной дисциплины“, т. е. добросовѣстное и усердное исполненіе обязанностей службы „не только за страхъ, но и за совѣсть“, зависитъ отъ многихъ разнородныхъ факторовъ, въ числѣ которыхъ едва ли не первое мѣсто принадлежитъ общему тону или нравственному уровню того или другаго рода службы, и едва ли не послѣднее мѣсто въ ихъ ряду занимаетъ уголовная репрессія. Общій тонъ, нравственная атмосфера той или другой отрасли службы создаетъ средніе типы и идеалы, создаетъ общественное мнѣніе среды, регулирующее поведеніе большинства ея членовъ и являющееся чуть ли не главнымъ орудіемъ дисциплины. Давно ли считалось у насъ неприличнымъ для уважающаго себя человѣка занятіе адвокатурою [1]), въ виду крайне низкаго нравственнаго уровня ея? Давно ли и въ судебномъ вѣдомствѣ прекратилось полученіе благодарностей, никого не возмущавшихъ? Развѣ не разительна перемѣна, произведенная *корпоративною и служебною дисциплиною* въ новой адвокатурѣ и въ новомъ судѣ? Но самое явленіе вполнѣ понятно. „Различіе между прежними судами и новыми судами, какъ писалъ М. Н. Катковъ, состоитъ въ этомъ отношеніи въ томъ, что прежніе портили людей, а новые исправляютъ ихъ и воспитываютъ“. (*Моск. Вѣд.* 1866 г., № 263).

Съ другой стороны не слѣдуетъ упускать изъ виду, что всѣ мѣры дисциплинарнаго воздѣйствія, какъ мѣры предупрежденія, всецѣло находятся въ распоряженіи административныхъ властей, которыя и могутъ налагать ихъ, до вычета жалованья и ареста до 7 дней включительно, по своему усмо-

---

[1]) См. *Журн. Мин. Юст.* 1861, № 12-й, статья Деппа.

трѣнію. Что же касается болѣе серіозныхъ дисциплинарныхъ взысканій, налагаемыхъ въ порядкѣ уголовнаго суда, то преданіе таковому тоже зависитъ отъ усмотрѣнія начальства, отъ котораго иной разъ бываетъ труднѣе добиться „выдачи“ его чиновника, чѣмъ экстрадиціи отъ иностраннаго правительства.

Но во всякомъ случаѣ судъ присяжныхъ при наложеніи дисциплинарныхъ взысканій непричемъ, потому что онъ *никогда* не судилъ и не судитъ такихъ дѣлъ. Онъ судилъ только тѣ преступленія должности, которыя имѣютъ *уголовный* характеръ, и судилъ ихъ и обязанъ былъ судить не по „спеціальному масштабу“ для чиновниковъ, а на основаніи общечеловѣческаго критерія о справедливости, примѣняемаго судомъ совѣсти къ уголовнымъ дѣламъ вообще. Сущность же этого критерія сводится къ тому, чтобы снисходительно относиться къ „маленькому“, слабому человѣку, случайно впавшему въ преступленіе и искренно въ немъ сознающемуся и раскаивающемуся, и строго карать героевъ преступленія, сознательно шедшихъ на него и въ разсчетѣ на безнаказанность и упорно въ немъ запирающихся. Старый судъ дѣйствовалъ какъ разъ обратно, и народъ очень остроумно сравнивалъ его съ паутиною, чрезъ которую шмель свободно проскакиваетъ и только муха вязнетъ. Насколько это народное наблюденіе вѣрно, можно судить по тому, что такіе знатоки нашей старой уголовной практики, какъ Д. А. Ровинскій и Н. А. Буцковскій, удостовѣряютъ, что при старыхъ судебныхъ порядкахъ „ловкимъ мошенникамъ и закоренѣлымъ злодѣямъ обезпечена была [1]) безнаказанность“. Такое извращенное состояніе правосудія и послужило однимъ изъ главныхъ основаній для учрежденія суда присяжныхъ, который сталъ слѣдовать въ своихъ рѣшеніяхъ, какъ свидѣтельствуетъ исторія [2]) судеб-

---

[1]) См. т. XVII Дѣла о преобразованіи суд. ч., Записки Ровинскаго (стр. 20) и Буцковскаго (стр. 53).

[2]) Ibidem, стр. 51.

ной реформы, какъ разъ обратной сравнительно со старымъ судомъ, политикѣ.

Примѣненіе его въ частности къ преступленіямъ должности и послужило однимъ изъ поводовъ для нападокъ реакціонной печати. Судъ присяжныхъ никакъ не могъ до сихъ поръ усвоить, защищаемой реакціонною печатью, благонамѣренной доктрины, требующей, чтобы строгость взысканія была не прямо, а *обратно пропорціональна* высотѣ занимаемаго должностнымъ лицомъ поста, и когда присяжнымъ приходилось судить мелкаго чиновника за служебныя провинности, то и относились они къ нему съ полною снисходительностью, разъ обстоятельства дѣла давали къ тому основаніе. Случалось даже, *horribile dictu*, что они оправдывали сознавшихся въ своей винѣ мелкихъ чиновниковъ, и тогда-то открывалась обычная канонада и поднимался крикъ о колебаніи служебной дисциплины.

Особенно памятно въ этомъ отношеніи дѣло письмоносца Алексѣева, разбиравшееся въ 1879 г. въ петербургскомъ окружномъ судѣ. 19-ти-лѣтній петербургскій письмоносецъ обвинялся въ растратѣ и недоставленіи порученной ему для разноса въ городѣ корреспонденціи. Присяжные оправдали чистосердечно сознавшагося подсудимаго, ссылавшагося, въ свое оправданіе, между прочимъ, на то, что у него не было *физической* возможности разносить всѣ находившіяся на рукахъ письма. Поднялся обычный вопль о колебаніи „служебной дисциплины“ „возмутительнымъ приговоромъ присяжныхъ“, въ которомъ реакціонная печать не хотѣла видѣть ничего, кромѣ „дикаго произвола зазнавшагося суда улицы“. Но нашлись люди, которые пожелали взглянуть на дѣло серьезнѣе, и когда въ *Голосѣ* (№ 270) появились статистическія свѣдѣнія о количествѣ непосильной работы [1]), выпадающей на долю каж-

[1]) Съ 1875 г. по 1878 г. число доставленныхъ письмоносцами предметовъ съ 18,873,543 дошло до 25,037,826, т.-е. увеличилось болѣе чѣмъ на 6 милл., а число письмоносцевъ было увеличено всего только на 66 челов. и дошло всего до 592!!

даго письмоносца въ Петербургѣ, то всѣ честные люди поняли всю внутреннюю справедливость небезупречнаго съ внѣшней стороны вердикта присяжныхъ. и профессоръ военно-юридической академіи В. М. Володимировъ съ полнымъ правомъ могъ сказать, что этотъ вердиктъ „заключаетъ въ себѣ не только справедливое рѣшеніе, но и *важный общественный* урокъ“, вызванный неустройствомъ почтовой части.

Мы здѣсь, конечно, не имѣемъ въ виду входить въ подробности [1]) о смыслѣ этого урока; мы только хотѣли отмѣтить, что и въ дѣлахъ о преступленіяхъ должности, какъ и въ другихъ дѣлахъ, всегда можно найти въ вердиктахъ, на первый взглядъ кажущихся непонятными и „возмутительными“, какой-нибудь симпатичный общественный мотивъ и полезный урокъ. Такіе уроки не всегда „пріятно“ выслушивать, но, по справедливому замѣчанію Кинэ — по способности или готовности выслушивать непріятные истины познается истинное величіе народовъ и правительствъ.

Иные думаютъ, что такіе судебные вердикты, или „уроки“, колеблютъ интересы службы, законъ и пр., и что съ переносомъ дѣлъ о преступленіяхъ должности въ суды, гдѣ вліяніе администраціи можетъ сказываться сильнѣе, они будутъ рѣшаться правильнѣе Такое разсужденіе только свидѣтельствуетъ, какъ коротка память у пропагандистовъ „реформы судебной реформы“. Обѣщаемый ими въ будущемъ идеальный порядокъ суда надъ должностными лицами уже извѣданъ русскимъ обществомъ Съ этимъ идеаломъ познакомилъ его нашъ старый судъ. Чтобы дать понятіе о направленіи его судебной политики и о силѣ его репрессіи, сошлемся на извѣстное дѣло губернаторскаго протеже, исправника Д. Л—а, разбиравшееся въ 1865 г. въ рязанской уголовной палатѣ. „Мы знаемъ это дѣло, — писали тог-

---

[1]) Ихъ можно найти въ статьѣ проф. Володимірова: „Въ защиту Судеб. Уставовъ“, *Журн. Гражд. и Угол. Права*, 1879 г. № 5-й.

дашнія *Московскія Вѣдомости*,—съ подробностями такого омерзительнаго свойства, что онѣ не могли бы появиться ни въ какой печати... И дѣло это происходило не въ Хивѣ, не въ Бухарѣ, а въ нѣсколькихъ часахъ ѣзды отъ Москвы“ [1]). Указавъ на то, что палата приговорила „милаго повѣсу къ домашнему *аресту* на нѣсколько дней“, названная газета съ непритворнымъ и вполнѣ понятнымъ негодованіемъ клеймила наши дореформенные порядки по дѣламъ о преступленіяхъ должности. „Какая оскорбительная насмѣшка надъ тѣмъ, что̀ люди зовутъ *справедливостью* и чтутъ, какъ общественную нравственность! *Одно другаго стоитъ*: и поступки уѣзднаго блюстителя благочинія, и приговоръ надъ нимъ *губернской юстиціи*. Но что такое нынѣшняя, отживающая свои дни губернская юстиція? Что такое эти судьи, которые черезъ нѣсколько недѣль должны уступить свое мѣсто *другому судоустройству*, долженствующему не имѣть съ нимъ почти ничего общаго? Они лишены *всякой самостоятельности*, особенно, когда приговорамъ ихъ подлежатъ административныя лица и когда, стало-быть, губернскія власти чувствуютъ себя *особенно заинтересованными* въ судопроизводствѣ“ (*Моск. Вѣд.* 1866 г. № 491).

Вотъ что предшествовало учрежденію суда присяжныхъ. Пусть же враги его, голословно ссылающіеся на „*цѣлую массу*“ (??) произнесенныхъ ими явно нелѣпыхъ и возмутительно-несправедливыхъ приговоровъ, способныхъ окончательно потрясти

---

[1]) Сущность дѣла названная газета передаетъ такъ: „Нельзя безъ содроганія представить себѣ,—пишетъ она,—даже въ слабомъ и туманномъ очеркѣ тѣ *неистовства*, которыя творилъ этотъ невѣроятный представитель государственной власти. Отыскивая бѣглыхъ арестантовъ, этотъ исправникъ принялся *сѣчь всѣхъ*, кто ни попадался ему подъ руку, даже изъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія, и омерзительнѣйшимъ образомъ *ругаться надъ женщинами*... Онъ дѣйствовалъ такъ достославно, что ему, наконецъ, отказались повиноваться находившіяся подъ его командой люди и вырвали изъ его рукъ несчастную дѣвушку, неподлежавшую, какъ и мать ея, тѣлесному наказанію—надъ которою послѣ истязанія розгами онъ хотѣлъ *надругаться неслыханнымъ образомъ*“. (*Моск. Вѣдом.* 1866 г. № 49).

въ народѣ *вѣру* въ судъ и уваженіе къ закону“ (*Московск. Вѣд.* 1889 г., № 207), укажутъ во всей продолжительной практикѣ суда присяжныхъ хоть одинъ вердиктъ, могущій хотя бы отдаленнымъ образомъ идти въ сравненіе съ чудовищнымъ приговоромъ по только-что названному дѣлу исправника Л—ва!

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

О возникновеніи суда сословныхъ представителей.

I.

До изданія закона 7-го іюля 1889 г. *нормальнымъ* судомъ по уголовнымъ дѣламъ признавался у насъ, въ силу Судебныхъ Уставовъ, судъ присяжныхъ, за крайне ограниченными изъятіями, изъ коихъ большинство носило временный характеръ. Законъ же 7-го іюля, рядомъ съ судомъ присяжныхъ и, пожалуй, надъ нимъ, учредилъ судъ особаго присутствія судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей, или, какъ его называютъ не совсѣмъ удачно [1]), судъ сословныхъ представителей, въ пользу котораго и изъялъ изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ многочисленныя категоріи важнѣйшихъ дѣлъ (въ общемъ — изъяты преступленія, предусмотрѣнныя въ нѣсколькихъ десяткахъ статей уложенія). Въ виду той важности, которую, такимъ образомъ, получило особое присутствіе палаты, не безъинтересно познакомиться съ исторіею его происхожденія и мотивами его учрежденія.

По первоначальному плану главныхъ дѣятелей судебной реформы, не предполагалось допускать *никакихъ* изъятій изъ начала суда присяжнаго. Въ

---

[1]) По существу своему эта форма, какъ увидимъ, ничѣмъ почти не отличается отъ обыкновеннаго короннаго суда.

знаменитыхъ „соображеніяхъ“ государственной канцеляріи, составленныхъ въ 1862 г. при участіи Высочайше прикомандированныхъ къ ней юристовъ [1]), весьма подробно указывались неудобства допущенія коренныхъ „изъятій“ изъ общаго порядка.

Вотъ что мы находимъ [2]) въ этихъ соображеніяхъ:

Установленіе [3]) особеннаго порядка судопроизводства по какому либо роду дѣлъ принимается всегда общественнымъ мнѣніемъ съ недовѣрчивостью. Причина тому заключается въ общемъ убѣжденіи, что юридическій порядокъ дѣйствій, необходимыхъ для обнаруженія истины въ уголовномъ дѣлѣ, *не зависитъ* отъ свойства преступнаго дѣянія, но долженъ представлять, во всякомъ случаѣ, одинаково справедливое соглашеніе мѣръ, вызываемыхъ преслѣдованіемъ преступленія, съ мѣрами, ограждающими возможную невинность обвиняемаго—одинаково основательный способъ вывода заключенія изъ данныхъ, собранныхъ слѣдствіемъ и выясненныхъ судебными преніями. Поэтому, изъятія изъ общаго порядка судопроизводства должны быть допускаемы только при *совершенной невозможности* распространенія сего порядка на какой либо родъ дѣлъ. Конечно, нѣкоторыя преступленія требуютъ особенныхъ дѣйствій къ ихъ раскрытію. Но эти особенныя дѣйствія не выходятъ изъ объема общаго устава уголовнаго судопроизводства и не должны нарушать равномѣрности огражденій, на которыя имѣетъ право всякій обвиняемый, въ какомъ бы преступленіи онъ ни обвинялся. Если

---

[1]) Государственнымъ секретаремъ былъ въ это время В. П. Бутковъ, а статсъ-секретаремъ С. И. Зарудный, бывшій душою всего дѣла. Прикомандированные юристы были: Н. А. Буцковскій, А. М. Плавскій, К. П. Побѣдоносцевъ, Н. И. Стояновскій, Д. А. Ровинскій и др.; см. книгу мою „С. И. Зарудный“ М. 1889 г. и статью мою „Н. А. Буцковскій“ въ *Вѣстникѣ Европы* 1889 г. № 12.

[2]) Эти замѣчательныя „соображенія“ были напечатаны нами впервые въ *Журналѣ Гражданскаго и Уголовнаго Права* за 1890 г. № 8.

[3]) См. т. XVIII „Дѣла о преобразов. суд. части въ Россіи.

можно допустить въ этомъ отношеніи какое-либо различіе, то развѣ только въ томъ смыслѣ, чтобы обвиняемые въ тяжкихъ преступленіяхъ пользовались *большими* огражденіями, потому что исправленіе ошибочныхъ приговоровъ по тяжкимъ преступленіямъ затруднительнѣе, а иногда и совершенно невозможно. На этомъ основаніи всѣ особенности уголовнаго судопроизводства должны бы сводиться къ различію въ подсудности, которая не можетъ быть одинаковою для всѣхъ дѣлъ: одни изъ нихъ, менѣе важныя и чаще всего встрѣчающіяся, требуютъ преимущественно быстраго и близкаго къ мѣсту происшествія разбирательства, а другія, болѣе важныя и, въ особенности, болѣе вліятельныя на благосостояніе государства, требуютъ преимущественно ручательствъ въ зрѣлости сужденій, зависящей отъ познаній, способности и опытности судей, т.-е. отъ такихъ условій, которыя соединять въ себѣ могутъ скорѣе всего судьи высшихъ судовъ.

При разсмотрѣніи съ этой точки зрѣнія тѣхъ изъятій изъ общаго порядка судопроизводства, которыя обусловливаются въ проектѣ гр. Блудова особенными свойствами противозаконныхъ дѣяній, не представляется, по мнѣнію составителей „соображеній“, достаточнаго основанія къ установленію особеннаго порядка судопроизводства, ни для дѣлъ по преступленіямъ противъ вѣры, ни для дѣлъ о бродяжествѣ, укрывательствѣ бѣглыхъ, членовредительствѣ и нарушеніи уставовъ по разнымъ частямъ казеннаго управленія.

II.

Въ частности о судопроизводствѣ по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ, въ „соображеніяхъ“ читаемъ: если вообще всякое изъятіе изъ общаго порядка судопроизводства уголовнаго возбуждаетъ недовѣріе къ суду, котораго дѣйствія въ такомъ

случаѣ обыкновенно истолковываются превратно, какъ предпринятыя будто бы не въ общихъ видахъ открытія истины, а въ особенныхъ видахъ правительства, то нечего и говорить о томъ, въ какой степени лишенъ былъ бы довѣрія особенный порядокъ судопроизводства по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ, въ которыхъ государство, преслѣдующее преступленіе, есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и юридическое лицо, непосредственно имъ оскорбленное или отъ него потерпѣвшее. Не слѣдуетъ, однако, смѣшивать собственно, порядка судопроизводства, въ смыслѣ тѣхъ судебныхъ формъ, посредствомъ коихъ устанавливается равновѣсіе между обвиненіемъ и защитою, съ порядкомъ подсудности, въ которомъ всегда и вездѣ допускались различія не только территоріальныя, но также по роду преступленій и проступковъ, и различія эти не возбуждали предубѣжденія противъ правосудія. Во Франціи, какъ извѣстно, всѣ дѣла уголовныя, въ отношеніи къ подсудности ихъ, раздѣляются, по важности противозаконныхъ дѣяній, на три категоріи: полицейскія нарушенія—разсматриваются въ полицейскихъ судахъ мировыми судьями и мерами, болѣе важные проступки — разсматриваются въ общихъ судахъ первой степени, которые по дѣламъ этого рода носятъ названіе судовъ исправительной полиціи, а собственно такъ называемыя преступленія — разсматриваются, при участіи присяжныхъ, въ ассизныхъ судахъ, которые составляются изъ трехъ членовъ суда второй степени или, по крайней мѣрѣ, подъ предсѣдательствомъ одного изъ нихъ и двухъ членовъ суда первой степени. Но не это различіе подсудности, по роду преступленій и проступковъ, было ненавистно французамъ и вызвало постановленія о томъ, что никто не можетъ быть лишонъ права быть судимымъ своими естественными судьями, и что образованіе чрезвычайныхъ судовъ или судебныхъ коммиссій, подъ какими бы то ни было названіями, возбраняется. Здѣсь подъ названіемъ естественныхъ судей подразумѣваются судьи, ус-

тановленные закономъ для разсмотрѣнія преступленій извѣстнаго рода или для суда надъ людьми извѣстнаго вѣдомства.

Понятно, что передача дѣла, возникшаго не въ томъ судѣ, которому оно посудно по закону, или образованіе для такого дѣла особаго суда, можетъ возбудить мысль о подборѣ судей въ виду какъ совершившагося уже преступленія, такъ и подозрѣваемыхъ въ немъ лицъ. Но ничего общаго съ этою мыслію не имѣетъ общее правило закона, что нѣкоторыя дѣла особенной важности для государства разсматриваются непосредственно, напримѣръ, въ областныхъ (судебныхъ) палатахъ. Если бы члены окружныхъ судовъ назначались по выборамъ сословій, а члены областныхъ палатъ опредѣлялись отъ правительства, то конечно отнесеніе какого либо рода дѣлъ къ непосредственному разсмотрѣнію въ силахъ палатъ, помимо окружныхъ судовъ, могло бы возбудить недовѣріе къ суду палатъ по дѣламъ этого рода. Но если члены всѣхъ судебныхъ мѣстъ, какъ окружныхъ, такъ и областныхъ, называемыхъ палатами, будутъ опредѣляться отъ правительства; то въ такомъ случаѣ не можетъ даже возникнуть какого либо сомнѣнія въ томъ, что судьи высшихъ судовъ, наиболѣе просвѣщенные и уважаемые, будутъ не менѣе самостоятельны и безпристрастны, чѣмъ судьи нижнихъ судовъ. Судъ по преступленіямъ государственнымъ, говорится далѣе въ „соображеніяхъ“, долженъ производиться въ областной палатѣ (по уголовному департаменту), согласно съ общими правилами уголовнаго судопроизводства. Здѣсь возникъ вопросъ: можно ли предоставить по дѣламъ этого рода опредѣленіе вины или невинности подсудимыхъ присяжнымъ засѣдателямъ?

Обсужденіе въ уголовномъ дѣлѣ фактической его стороны не чрезъ постоянныхъ судей, а чрезъ представителей общества, называемыхъ присяжными, сказано въ соображеніяхъ, составляетъ для подсудимыхъ дѣйствительную гарантію, въ чемъ нельзя и сомнѣваться; съ другой стороны тяжкія обвиненія требуютъ наибольшихъ гарантій въ

правдивости суда: посему нельзя безъ нарушенія справедливости лишить этой гарантіи подсудимыхъ по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ, за которыя исключительно, какъ за преступленія самыя тяжкія, законы наши опредѣляютъ смертную казнь. Гарантія, доставляемая судомъ чрезъ присяжныхъ, получаетъ *особенно важное значеніе* именно въ дѣлахъ по преступленіямъ государственнымъ, потому что въ сихъ дѣлахъ, какъ замѣчено выше, государство, преслѣдующее преступленіе, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и юридическое лицо, непосредственно оскорбленное или потерпѣвшее отъ преступленія. Поэтому разсуждаютъ „юристы государственной канцеляріи“, сколь бы ни были безпристрастны и самостоятельны судьи, опредѣленные отъ правительства, рѣшенія ихъ по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ никогда не будутъ пользоваться довѣріемъ общества. По дѣламъ этого рода, разсматриваемыхъ безъ присяжныхъ, всегда будутъ нареканія въ пристрастіи, преувеличеніи вины и притѣсненіи подсудимыхъ, отчего самые важные преступники не рѣдко представляются въ глазахъ общества несчастными жертвами и разыгрываютъ роль мучениковъ и страдальцевъ за истину. Для восторженныхъ умовъ страхъ наказанія безсиленъ при общественномъ сочувствіи къ наказанному, а лишить государственнаго преступника этого сочувствія можно тогда, какъ онъ будетъ осужденъ самымъ обществомъ, въ лицѣ его представителей.

Правда, что преслѣдованіе государственныхъ преступленій судомъ чрезъ присяжныхъ можетъ быть энергическимъ лишь при извѣстной степени согласія между стремленіями правительства и общества. Но въ дѣлахъ сего рода осужденіе присяжными имѣетъ такую нравственную силу, что если бы оно и встрѣчалось рѣже, чѣмъ осужденіе чрезъ правительственныхъ судей, то и въ такомъ случаѣ вліяніе уголовнаго закона на общество было бы дѣйствительнѣе. Притомъ правительство, не отвергающее никакихъ полезныхъ преобразо-

ваній къ усовершенствованію государственнаго управленія и общественнаго порядка, не можетъ не найти поддержки со стороны благомыслящей части общества въ преслѣдованіи злоумышленниковъ, стремящихся къ разрушенію существующаго порядка во имя своихъ вредныхъ ученій и выдающихъ себя за представителей общества, съ тѣмъ чтобы навязывать ему свою преступную волю. Такіе злоумышленники всегда появлялись во времена переходныя, когда строй общественной жизни пересоздается большею или меньшею частію, вслѣдствіе нѣкоторыхъ коренныхъ преобразованій, и если вліяніе такихъ людей поддерживалось иногда долѣе того времени, которое потребно было для разоблаченія ихъ своекорыстныхъ и вредныхъ ученій, то, конечно, отчасти и отъ того, что правительства преслѣдовали государственныхъ преступниковъ безъ участія и поддержки общества и давали имъ возможность разыгрывать роль угнетенныхъ жертвъ мнимаго прогресса. Необходимо, чтобы само общество осудило такихъ людей, и у насъ оно непремѣнно ихъ осудитъ, если доступъ въ присяжные по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ будетъ открытъ только лицамъ зрѣлыхъ лѣтъ, имѣющимъ обезпеченныя средства къ жизни и способнымъ къ обсужденію какъ важности сихъ преступленій, такъ и точной силы письменныхъ доказательствъ, на которыхъ обыкновенно основывается обвиненіе въ этихъ преступленіяхъ. Само собою разумѣется, что рѣшенія присяжныхъ могутъ имѣть только тогда нравственную силу, когда присяжные будутъ избираемы не правительственными чинами, а представителями сословныхъ управленій общества. Начальнику губерніи въ составленіи списка присяжныхъ можетъ быть предоставлено только отрицательное участіе, т.-е. право исключенія изъ списка людей, въ благонадежности коихъ онъ сомнѣвается. На семъ основаніи „юристы“ проектировали правила:

1) что списокъ лицъ, могущихъ быть присяжными засѣдателями по дѣламъ о государственныхъ и дру-

тихъ преступленіяхъ, подсудныхъ непосредственно судебной палатѣ, составляется ежегодно изъ общихъ списковъ присяжныхъ засѣдателей мѣстнаго окружнаго суда;

2) что составленіе сего списка возлагается на особый комитетъ, состоящій подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя, изъ уѣздныхъ предводителей дворянства, городскихъ головъ и мировыхъ судей судебнаго округа, и передается на разсмотрѣніе мѣстнаго начальника губерніи, который можетъ сократить число избранныхъ лицъ на одну треть и даже на половину, съ тѣмъ, однако, чтобы въ спискѣ оставалось не менѣе двойнаго комплекта, въ которомъ присяжные призываются къ засѣданіямъ, т.-е. не менѣе 60 лицъ;

3) что присяжные засѣдатели приглашаются въ областную палату къ засѣданію по мѣрѣ открывающейся въ томъ надобности, въ числѣ 30 лицъ, имена коихъ вынимаются по жребію въ присутствіи уголовнаго департамента палаты, и

4) что въ судебной палатѣ отводъ присяжныхъ, избраніе изъ числа неотведенныхъ лицъ присяжныхъ для составленія присутствія, постановленіе ими рѣшенія о винѣ или невинности подсудимаго и, по ихъ рѣшенію, судебнаго приговора, производятся тѣмъ же порядкомъ, какой предначертанъ для дѣлъ, разсматриваемыхъ съ участіемъ присяжныхъ въ окружныхъ судахъ.

Если вообще рѣшенія состоящихъ на службѣ о виновности лицъ, преслѣдуемыхъ за государственныя преступленія, не пользуются довѣріемъ общества, то еще меньшимъ сочувствіемъ могутъ пользоваться тѣ изъ сихъ рѣшеній, которыя относятся къ низшимъ степенямъ означенныхъ преступленій, въ которыхъ вина подсудимыхъ менѣе осязательна. Участіе присяжныхъ въ постановленіи уголовныхъ приговоровъ столь свойственно дѣламъ о преступленіяхъ государственныхъ, что оно должно быть распространено на всѣ эти дѣла безъ изъятія, хотя бы подсудимые подлежали наказаніямъ, несоединеннымъ ни съ лишеніемъ, ни съ ограниченіемъ правъ

состоянія. Это тѣмъ необходимѣе, что для различныхъ степеней какого бы то ни было преступленія, неудобно было бы устанавливать различные порядки судопроизводства, потому что такимъ образомъ нерѣдко приходилось бы въ одномъ и томъ же дѣлѣ, по мѣрѣ обнаруженія большей или меньшей степени злаго умысла, измѣнять порядокъ судопроизводства.

III.

Иначе взглянулъ на дѣло государственный совѣтъ [1]). При сужденіи о порядкѣ, какой слѣдуетъ установить для дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ соединенные департаменты [2]) приняли на видъ, что преступленія государственныя, какъ направленныя не противъ частныхъ лицъ или отдѣльныхъ членовъ общества, а противъ всего государства, или верховной власти, гораздо важнѣе и опаснѣе всѣхъ другихъ преступленій, но, по особому свойству своему, не всегда и не во всѣхъ членахъ общества возбуждаютъ такое отвращеніе, какое возбуждаютъ другія преступленія, особенно если прикрываются ложною наружностью мнимаго желанія общественнаго блага. Наружность эта иногда такъ обманчива, что для многихъ людей, имѣющихъ неправильныя понятія о долгѣ гражданина и отношеніяхъ его къ правительству, самыя преступныя дѣла представляются совсѣмъ въ иномъ видѣ, получаютъ совсѣмъ другое значеніе и, вмѣсто строгаго, вполнѣ заслуженнаго осужденія, встрѣчаютъ сочувствіе. Притомъ политическія и соціальныя теоріи, направленныя противъ существующаго порядка вещей въ государствѣ и обще-

---

1) См. томъ XIX дѣла о преобразованіи судебной части въ Россіи, журналъ соединенныхъ департаментовъ № 65.

2) Въ соединенныхъ департаментахъ присутствовали: кн. Гагаринъ, гр. Панинъ, Кочубей, бар. Корфъ, Литке, Бахтинъ, Норовъ, Гофманъ, Толстой и Мухановъ.

ствѣ, имѣютъ столько оттѣнковъ, что отъ пустыхъ почти невинныхъ мечтаній и утопій, доходятъ до самыхъ вредныхъ ученій, подрывающихъ даже возможность общественной жизни, но иногда и тѣ и другія, людьми неопытными, считаются равно ничтожными и безвредными. При такихъ возрѣніяхъ представить присяжнымъ, избраннымъ обществомъ, разрѣшеніе вопроса о преступности или непреступности ученій и дѣйствій, превратно толкуемыхъ и невѣрно понимаемыхъ многими, иногда даже добросовѣстными членами общества, значило бы оставить государство, общество и власть безъ всякой защиты.

Съ другой стороны, часто, вслѣдствіе случайнаго стеченія совершенно посторонних обстоятельствъ, нѣкоторыя дѣйствія получаютъ въ глазахъ большинства всего народонаселенія такое преступное значеніе, что оно, увлекаясь мщеніемъ, страхомъ и ненавистью, готово придумать для нихъ такія казни, отъ которыхъ давно уже отказалось уголовное правосудіе, а еще чаще. вслѣдствіе болѣзненной подозрительности, способно даже дѣйствія, вовсе ничего не значащія, признать за важныя преступленія. При такомъ настроеніи умовъ предоставить присяжнымъ рѣшеніе вопроса о виновности или невиновности лицъ, обвиняемыхъ въ государственныхъ преступленіяхъ, значило бы отдать ихъ на жертву народной мстительности.

Нельзя также не принять въ соображеніе, что въ той средѣ нашего общества, изъ которой предполагается назначать большинство присяжныхъ, встрѣчаются, къ сожалѣнію, и распространяются различными средствами ошибочныя понятія о государственномъ устройствѣ, объ его отношеніяхъ къ отдѣльнымъ частнымъ лицамъ и о тѣхъ обязанностяхъ, которыя возникаютъ изъ необходимости поддержанія и сохраненія сихъ отношеній, для блага всего государства, преуспѣванія общественной жизни и благосостоянія гражданъ.

Между тѣмъ весьма желательно, чтобы учрежденіе присяжныхъ дѣйствовало у насъ сколь возможно

успѣшнѣе и пріобрѣло то довѣріе и уваженіе, котораго оно заслуживаетъ, а для этого необходимо, *на первое время* его введенія, предоставить присяжнымъ засѣдателямъ только разборъ такихъ преступленій, по которымъ отъ нихъ можно ожидать приговоровъ безошибочныхъ.

Очевидно, что во всѣхъ выше упомянутыхъ случаяхъ и государство и подсудимые могутъ ожидать полнаго обезпеченія только отъ суда безпристрастнаго и вполнѣ просвѣщеннаго, дѣйствующаго не по увлеченію, не по страсти или предразсудкамъ, а по строгимъ законамъ справедливости, отъ суда, пользующагося равнымъ довѣріемъ какъ правительства, такъ и общества, которое всегда смотритъ съ недовѣрчивостью на преслѣдованіе преступленій государственнымъ судомъ негласнымъ и состоящимъ изъ судей, опредѣляемыхъ отъ правительства, отчего нерѣдко случается, что осуждаемые встрѣчаютъ сочувствіе въ общественномъ мнѣніи и наказаніе ихъ не достигаетъ своей цѣли,

Все вышеизложенное приводитъ къ убѣжденію, что въ настоящее время судъ по государственнымъ преступленіямъ не можетъ производиться съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, избираемыхъ общимъ, вновь установляемымъ порядкомъ а долженъ быть устроенъ такимъ образомъ, чтобы высокое общественное положеніе судей служило ручательствомъ въ строгомъ, но справедливомъ преслѣдованіи ими всякаго злоумышленія противъ верховной власти и установленнаго государственными законами образа правленія, чтобы при семъ подсудимые пользовались всѣми средствами защиты, установленными общимъ порядкомъ уголовнаго судопроизводства, и чтобы вмѣстѣ съ судьями, въ охраненіи государственныхъ учрежденій и общаго спокойствія и въ огражденіи подсудимыхъ, участвовали представители какъ правительственной власти, такъ и всѣхъ сословій.

На основаніи сихъ соображеній соединенные департаменты полагали: производство слѣдствія и суда по государственнымъ преступленіямъ предоставить

судебной палатѣ, члены которой, съ опытностью въ производствѣ и сужденіи дѣлъ, будутъ соединять, по высокому и независимому положенію и знаніямъ своимъ, ручательство въ безпристрастномъ изслѣдованіи и зрѣломъ обсужденіи дѣла и, сверхъ того, къ составу присутствія палаты, по дѣламъ сего рода, присоединять *высшихъ представителей сословныхъ обществъ*, именно: мѣстнаго губернскаго предводителя дворянства, одного изъ уѣздныхъ предводителей дворянства мѣстнаго судебнаго округа и одного изъ городскихъ головъ того же округа и, наконецъ, по избранію мѣстнаго губернскаго начальства, одного изъ волостныхъ головъ или старшинъ того уѣзда, въ коемъ находится палата. Сіи сословные представители должны участвовать, наравнѣ съ членами палаты, какъ въ опредѣленіи по большинству голосовъ, вины или невинности подсудимаго, такъ и въ постановленіи приговора о наказаніи признаннаго виновнымъ. Порядокъ назначенія сихъ лицъ долженъ быть опредѣленъ подробно въ уставѣ уголовнаго судопроизводства.

Сими правилами, по мнѣнію соединенныхъ департаментовъ, будетъ совершенно *обезпеченъ правильный судъ по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ*, а затѣмъ уже не представится надобности учреждать, для отдѣльныхъ случаевъ, особые суды, дѣйствія которыхъ почти всегда возбуждаютъ недовѣріе и толкуются превратно, какъ предпринятыя, будто бы, не для открытія истины, а въ особенныхъ видахъ правительства.

Таковы соображенія, приведшія къ созданію *спеціальнаго* трибунала для сужденія о государственныхъ преступленіяхъ. Этому именно трибуналу— особому присутствію судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей — и передалъ законъ 7 іюля 1889 г. значительное количество дѣлъ, ничего общаго съ государственными преступленіями не имѣющихъ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Законы 7-го іюля 1889 г. и судъ сословныхъ представителей.

Въ политическимъ процессахъ самую надежную опору правительства составляютъ именно частныя лица, простые граждане, потому что интересы ихъ всегда тождественны съ интересами правительства, вслѣдствіе чего враги порядка должны непремѣнно ждать отъ нихъ осужденія.

Миттермайеръ.

I.

Въ исторіи законодательства, какъ и въ жизни попадаются баловни судьбы, родившіеся подъ счастливою звѣздою и, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія, достигающіе большаго развитія и преуспѣянія. Такимъ счастливчикомъ оказался судъ сословныхъ представителей. И по идеѣ онъ представляетъ нѣчто неуклюжее, нескладное и пестрое, и и по характеру своему, какъ учрежденіе „временное“, онъ не имѣлъ, какъ показываетъ его исторія, никакихъ данныхъ къ жизнеспособности и долговѣчности, такъ какъ предполагалось въ скоромъ времени замѣнить его тѣмъ „естественнымъ“ судомъ присяжныхъ, временнымъ суррогатомъ коего онъ являлся. Но судьба судила иначе: законы, какъ и libelli habeut sua fata! Въ то время, какъ нормальный судъ хирѣлъ и терялъ территорію, суррогатъ началъ пополняться на его счетъ и если бы осуществилась мечта враговъ присяжныхъ, то мы присут-

ствовали бы при осуществленіи на яву сна Фараона о томъ, какъ тощія коровы пожрали жирныхъ.

Какъ произошелъ этотъ неожиданный ростъ спеціальнаго суда?

Предубѣжденіе противъ суда присяжныхъ по дѣламъ о преступленіяхъ, направленныхъ противъ должностныхъ лицъ окрѣпло, если не создалось главнымъ образомъ послѣ извѣстнаго дѣла Засулич, которое такъ долго и недобросовѣстно эксплоатировали и эксплоатируютъ враги суда присяжныхъ. Мы тутъ не будемъ разбирать исключительныхъ особенностей этого дѣла, замѣтимъ только, что въ 70-хъ годахъ, какъ справедливо отмѣчаетъ проф. Фойницкій даже *военные суда* не удовлетворили правительство... [1]). Указывали иногда на то, что по преступленіемъ, направленнымъ противъ властей присяжные оправдываютъ гораздо чаще, чѣмъ напр. коронный судъ въ варшавскомъ округѣ. Но тутъ сравниваются величины несоизмѣримыя. Исключительное положеніе судей варшавскаго округа всѣмъ извѣстно. Именно въ дѣлахъ о столкновеніяхъ между туземцами и пришлыми агентами власти, суды варшавскаго округа наименѣе должны быть свободны въ своихъ приговорахъ и вольно и невольно платить дань такъ-называемымъ высшимъ административнымъ или политическимъ соображеніямъ. Что же общаго между ненормальнымъ положеніемъ дѣлъ на польской окраинѣ и внутренними губерніями Россіи? Въ интересахъ провосудія не желательнѣе ли наши порядки распространить на варшавскій округъ, нежели намъ брать съ него примѣръ? Эти простыя истины, къ сожалѣнію, не разъ затемнялись у насъ.

Благодаря ненормальнымъ условіямъ нашей печати, при которыхъ одна сторона можетъ излагать свои соображенія безъ всякихъ стѣсненій, а другая должна тщательно обходить самыя важныя стороны предмета молчаніемъ или ограничиваться намеками, нарушаются у насъ не рѣдко правильныя условія распредѣленія свѣта и тѣней обсуж-

---

[1]) См. Курсъ угол. суд. стр. 521.

даемаго предмета, и вопросы получаютъ неправильную постановку. Только благодаря такимъ своеобразнымъ условіямъ, могла создаться новомодная курьезная доктрина, имѣющая цѣлью выставить судъ сословныхъ представителей" какъ послѣднее слово „нынѣшней" науки о процессѣ.

Какія же такія необыкновенныя достоинства у новой организаціи особаго присутствія судебной палаты, съ участіемъ сословныхъ представителей, созданной закономъ 7-го іюля 1889 года?

По устройству своему это установленіе ближе всего подходитъ къ существовавшимъ до сихъ поръ при сенатѣ и судебной палатѣ особымъ присутствіямъ для сужденія о политическихъ и нѣкоторыхъ другихъ преступленіяхъ, но оно имѣетъ и нѣкоторыя свои особенности. Измѣненъ прежде всего количественный составъ присутствія: прежде оно состояло изъ 9 лицъ (5 коронныхъ судей и 4 сословныхъ представителя), теперь же оно будетъ состоять изъ 7 лицъ (4 коронныхъ судей и 3 сословныхъ представителя — губернскій предводитель дворянства, городской голова губернскаго города и волостной старшина). Такимъ образомъ юристы-техники по прежнему будутъ имѣть большинство на своей сторонѣ. Въ качественномъ отношеніи произведена одна перемѣна: вмѣсто двухъ предводителей дворянства участвуетъ одинъ. Въ самомъ порядкѣ приглашенія сословныхъ представителей также сдѣлано измѣненіе. Прежде всѣ представители приглашались по очереди списка, составленнаго губернаторомъ. Теперь участіе двухъ представителей опредѣляется мѣстомъ засѣданія палаты, а волостной старшина выбирается по жребію. Сословные представители совершенно уравнены съ судьями и наравнѣ съ ними участвуютъ какъ въ опредѣленіи вины, такъ и въ квалификаціи преступленія и назначеніи наказанія. Приговорамъ особаго присутствія присвоена сила вердикта присяжныхъ, и они могутъ быть обжалованы только въ кассаціонномъ порядкѣ, но не въ апелляціонномъ.

Такова организація особаго присутствія, данная закономъ 7-го іюля.

Въ ней прежде всего бросается въ глаза непосредственное вліяніе одного изъ основныхъ началъ судебной реформы. Въ нашихъ старыхъ судахъ высшія судебныя инстанціи (департаменты сената) имѣли исключительно *бюрократическій* составъ и только съ 1864 г. признана была у насъ справедливость *аксіомы* правильнаго судоустройства,—необходимость участія въ уголовномъ судѣ *народнаго* элемента. Начала судебной реформы пустили въ общественномъ сознаніи такіе глубокіе корни, что даже въ нынѣшнее неблагопріятное для нея время признается невозможнымъ полное игнорированіе ихъ. Такимъ образомъ въ настоящее время рѣчь можетъ быть не о принципѣ участія народа въ отправленіи правосудія, а лишь о формѣ его, о порядкѣ его организаціи.

Какая же изъ двухъ формъ предпочтительнѣе и какая лучше обезпечиваетъ интересы правосудія: судъ ли присяжныхъ или присутствіе съ сословными представителями? Разсматривая организацію особыхъ присутствій судебныхъ палатъ, прежде всего нельзя не констатировать, что это учрежденіе отличается крайнею оригинальностью. Имѣя преобладающій характеръ короннаго суда, это своеобразное учрежденіе имѣетъ сходственныя черты и съ судомъ шеффеновъ, и съ судомъ присяжныхъ, и съ нашими старыми сословными засѣдателями, не совпадая, однако, ни съ однимъ изъ этихъ типовъ. Особое присутствіе сходно съ шеффенами и сословными засѣдателями старыхъ судовъ въ томъ отношеніи, что сословные представители участвуютъ какъ въ рѣшеніи вопроса о виновности, такъ и въ примѣненіи наказанія. Отличается оно: отъ суда шеффеновъ тѣмъ во первыхъ, что эти послѣдніе выбираются изъ того же списка, откуда берутся и присяжные, а во вторыхъ тѣмъ, что шеффены составляютъ большинство, а не меньшинство присутствія (на двухъ шеффеновъ одинъ коронный судья),

Отъ старыхъ сословныхъ „засѣдателей“ сословные „представители“ отличаются, съ одной стороны, къ выгодѣ своей, тѣмъ, что являются временными, а не постоянными членами суда, а къ невыгодѣ—тѣмъ, что сословные засѣдатели выбирались именно для отправленія судебной функціи, и потому при избраніи имѣлось или должно было имѣться въ виду знакомство съ законами и судебною практикою, а сословными представителями являются лица, избраныя для административно-хозяйственныхъ или почетно-сословныхъ должностей, при избраніи на которыя въ лучшемъ случаѣ руководятся довѣріемъ къ личности избираемаго, но не юридическимъ цензомъ, а иногда (какъ, напр., при избраніи на должность предводителя дворянства) родовитостью, связями и хлѣбосольствомъ избираемаго.

Въ какомъ же отношеніи находятся „судъ сословныхъ представителей“, какъ его стали теперь называть, къ суду коронному? Присоединяя представителей сословій къ коронному суду, очевидно, исходили изъ той общепризнанной истины, что участіе народнаго элемента, т.-е. людей болѣе независимыхъ и свѣжихъ, чѣмъ назначенные правительствомъ судьи, сообщаетъ судебному рѣшенію бо́льшій авторитетъ. Но мысль эта не проведена до конца. Въ самомъ дѣлѣ, если коронные судьи внушаютъ меньше довѣрія, чѣмъ судъ сословныхъ представителей, то и слѣдовало послѣднимъ предоставить *бо́льшинство* голосовъ, а не меньшинство, а иначе это не судъ сословныхъ представителей, а судъ юристовъ-техниковъ. Впрочемъ, въ одномъ отношеніи можно даже радоваться, что „сословные представители“ оставлены въ меньшинствѣ, потому что нѣкоторые изъ нихъ далеко не поставлены въ такія условія, чтобы ихъ общественное положеніе и условія дѣятельности на судѣ обезпечивали ихъ рѣшеніямъ больше независимости, а стало быть и авторитета, чѣмъ приговорамъ несмѣняемыхъ коронныхъ судей,

«Въ дѣлахъ судебныхъ,—разсуждалъ государственный совѣтъ, при учрежденіи несмѣняемости су-

дей,—могутъ быть нерѣдко заинтересованы или непосредственно, или въ качествѣ покровителей подсудимыхъ лица, *начальствующія* надъ судьями или вообще сильныя по своему положенію въ обществѣ. Такія лица имѣютъ множество средствъ, не роняя внѣшняго достоинства, дать судьѣ *почувствовать ихъ вліяніе*. Конечно судья, проникнутый чувствомъ своего долга, не станетъ торговаться съ совѣстью для угожденія кому бы то ни было. Но учрежденія, имѣя дѣло *съ дѣйствительнымъ, а не идеальнымъ* порядкомъ вещей, не могутъ не принимать въ разсчетъ людскихъ страстей и слабостей... Наши основные законы гласятъ, что законы должны быть исполняемы безпристрастно, несмотря на лица и невнимая ничьимъ требованіемъ и предложеніямъ. Но законодательство, установляя такое правило, должно вмѣстѣ съ тѣмъ *обезпечить его исполненіе*, должно поставить судей въ такое положеніе, чтобы они могли исполнять свои обязанности *безъ особыхъ съ ихъ стороны подвиговъ самоотверженія*» [1]).

Смотря на дѣло съ такой, чисто практической точки зрѣнія, нельзя не согласиться, что коронные судьи особаго присутствія поставлены въ болѣе благопріятныя условія для справедливаго рѣшенія дѣлъ, нежели нѣкоторые сословные представители. Въ большинствѣ дѣлъ, подвѣдомыхъ особому присутствію палаты, мѣстныя и высшія власти заинтересованы (такъ было напр. по дѣлу невинно осужденнаго почтмейстера Пономарева). Онѣ будутъ являться или въ качествѣ потерпѣвшей стороны (оскорбленія, насилія противъ должностныхъ лицъ), или обвиняемыхъ (въ преступленіяхъ должности), а потому положеніе сословныхъ представителей будетъ если не всегда, то довольно часто весьма щекотливо.

Но, спросятъ, почему лица, входящія въ составъ особыхъ присутствій, сословные представители будутъ болѣе безпристрастны въ качествѣ присяжныхъ

---

1) См. т. XVIII Дѣла о преобраз. суд. части. Соображенія Гос. Канц., стр. 71 (92).

засѣдателей? На это не трудно дать отвѣтъ. Одно изъ драгоцѣнныхъ преимуществъ суда присяжныхъ состоитъ въ томъ, что вердиктъ ихъ формируется безъ всякаго посторонняго давленія со стороны властей или частныхъ лицъ. Объясняется это тѣмъ во-1-хъ, что заранѣе не бываетъ извѣстенъ составъ присутствія, которое будетъ судить данное дѣло, а во-вторыхъ въ составѣ 12-ти совершенно равныхъ между собою лицъ *не нужно большаго мужества*, чтобы по совѣсти подать свой голосъ, тѣмъ болѣе, что совѣщаніе присяжныхъ не подлежитъ оглашенію (ст. 677 Уст. уг. суд.). «Институтъ присяжныхъ, по справедливому замѣчанію проф. Фойницкаго, даетъ возможность и людямъ *съ меньшимъ гражданскимъ мужествомъ* проявлять стойкость и энергично отражать незаконныя притязанія» [1]).

Но помимо этой капитальной разницы между судомъ присяжныхъ и судомъ сословныхъ представителей, эти послѣдніе и на самомъ судѣ поставлены въ несравненно менѣе благопріятныя условія для дѣятельности, нежели первые. Однимъ изъ важнѣйшихъ недостатковъ въ организаціи нашихъ старыхъ сословныхъ засѣдателей было возложеніе на нихъ обязанности не только обсужденія фактической стороны дѣла, но и всѣхъ юридическихъ вопросовъ, вытекавшихъ изъ него. Такое фальшивое положеніе засѣдателей привело къ тому, что они превратились, какъ удостовѣряютъ извѣстные знатоки нашей старой судебной практики, Д. А. Ровинской и Н. А. Буцковскій, въ игрушку или простую ширму въ рукахъ судей и секретарей [2]). Легко представить себѣ, къ чему сведется и участіе новыхъ сословныхъ представителей при разрѣшеніи юридическихъ вопросовъ и въ частности при примѣненіи наказанія, когда приходится имъ обратиться къ мудренымъ постановленіямъ Уложенія и къ той массѣ кассаціонныхъ рѣшеній, въ которыхъ и ис-

---

[1]) Курсъ уголовнаго судопр., стр. 390.

[2]) См. Записку Ровинскаго, стр. 23, и Записку Буцковскаго, стр. 53.

кушенные юристы не знаютъ часто, какъ разобраться.

Но это бы еще не бѣда. Пусть бы въ юридическихъ вопросахъ юристы имѣли принадлежащее имъ по праву преобладающее вліяніе. Но дѣло въ томъ, что и въ обсужденіи фактической стороны дѣла сословные представители неминуемо должны попасть въ тотъ фарватеръ, куда ихъ будетъ, незамѣтно для нихъ самихъ, толкать авторитетное вліяніе опытныхъ и свѣдущихъ юристовъ. Если такое явленіе, по удостовѣренію Гнейста, замѣчается на судѣ шеффеновъ, гдѣ послѣдніе составляютъ большинство то тѣмъ болѣе будетъ замѣтно въ коллегіи, гдѣ сословные представители составляютъ меньшинство. Оставляя даже въ сторонѣ то громадное разстояніе, которое отдѣляетъ, напримѣръ, волостнаго старшину отъ представителей другихъ сословій и отъ „судебныхъ генераловъ“, легко ли будетъ вести „диспутъ“ даже городскому головѣ и предводителю дворянства съ искушенными въ діалектикѣ и тонкихъ анализахъ членами палаты, импонирующими и своею опытностью, и своимъ знакомствомъ съ письменнымъ производствомъ дѣла. Самая мотивировка судебныхъ приговоровъ, лежащая на коронныхъ судьяхъ, также должна способствовать усиленію значенія коронныхъ судей, такъ какъ они одни имѣютъ достаточные навыки для изложенія на письмѣ приговоровъ и особыхъ мнѣній [1]). Безъ сомнѣнія, вліяніе юристовъ существуетъ и на судѣ присяжныхъ, но здѣсь оно проявляется публично и дѣйствуетъ на нихъ *просвѣщающимъ, а не подавляющимъ* образомъ; оно совершенствуетъ, а не сводитъ къ нулю участіе „народнаго элемента“.

Нельзя не упомянуть еще объ одной сторонѣ дѣла, о вліяніи сословнаго элемента на судебное рѣшеніе. Судъ присяжныхъ, по мнѣнію лучшихъ

---

[1]) Какъ извѣстно, неспособность большинства прежнихъ сенаторовъ излагать свои отдѣльныя мнѣнія служила сильнымъ орудіемъ въ рукахъ оберъ-секретарей для оказанія давленія на нихъ и эксплоатаціи ихъ безпомощности.

нашихъ процессуалистовъ, имѣетъ еще то достоинство, что сглаживаетъ, какъ бы нейтрализуетъ вліяніе сословныхъ предразсудковъ. Въ судѣ же „сословныхъ“ представителей они какъ бы искусственно вызываются наружу. Если же попытки вносить въ дѣло сословныя симпатіи и антипатіи не будутъ имѣть особо вредныхъ послѣдствій, то это слѣдуетъ приписать тому обстоятельству, что на этомъ судѣ перевѣсъ данъ коронным судьямъ.

Такимъ образомъ сравненіе суда сословныхъ представителей съ судомъ присяжныхъ приводитъ къ заключенію, что не только нѣтъ основанія для превознесенія перваго на счетъ втораго, но что первый не можетъ даже быть признанъ сколько-нибудь серіознымъ суррогатомъ втораго, такъ какъ онъ въ концѣ концовъ ничѣмъ не отличается отъ суда профессіональныхъ юристовъ. А каковы и какъ велики присущіе ему неизбѣжные недостатки —это всѣмъ извѣстно, а потому не будемъ о нихъ распространяться.

II.

Какъ бы то ни было, реакціонная печать со свойственною ей безцеремонностью стала кричать во всю ивановскую, что послѣ изданія новеллы 7-го іюля судъ сословныхъ представителей посрамилъ и долженъ былъ посрамить судъ присяжныхъ.

„Между тѣмъ, какъ, — возвѣщали „Московскія Вѣдомости“ въ № отъ 16 февраля 1890 г.—благодаря тому, что въ нашихъ судебныхъ палатахъ, на основаніи закона 7-го іюля 1889 года, открываются присутствія для разрѣшенія извѣстной категоріи уголовныхъ дѣлъ съ участіемъ сословныхъ представителей, *общественная совѣсть начинаетъ успокоиваться* въ сознаніи, что преступленія противъ порядка управленія и противъ имуществъ и доходовъ казны перестанутъ совершаться у насъ безнаказанно,—въ окружныхъ судахъ продолжаютъ дѣйст-

вовать по уголовнымъ дѣламъ присяжные засѣдатели, попрежнему произнося приговоры, возмущающіе общественную совѣсть и способные *искоренить* въ нашемъ *народѣ самыя элементарныя понятія о правосудіи*").

Однако первые опыты по примѣненію закона 7-го іюля остудили не въ мѣру восторженное настроеніе враговъ суда присяжныхъ, выдвинули на очередь вопросъ о цѣлесообразности устройства особыхъ присутствій и роли, отведенной въ нихъ сословнымъ представителямъ. Ближайшимъ къ тому поводомъ послужило получившее громкую извѣстность дѣло бѣлопольскаго почтмейстера Пономарева, *невинно осужденнаго* особымъ присутствіемъ харьковской судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей. Дѣло это обратило на себя серьезное вниманіе петербургской юридической прессы (см. *Журн. Гражд. и Угол. Права*, 1890 г., № 2). Безъ сомнѣнія, трудно и даже невозможно было дѣлать какіе-нибудь выводы или заключенія на основаніи единичной ошибки объ общемъ характерѣ дѣятельности того или другаго института, но нельзя было однакоже отказать въ извѣстномъ значеніи указанному прискорбному промаху. Пусть это случайность, но развѣ не знаменательно то, что она имѣла мѣсто на первыхъ же порахъ дѣятельности новыхъ учрежденій и ничего подобнаго дѣлу Пономарева, сколько намъ извѣстно, не встрѣчалось никогда или почти никогда, въ практикѣ нашего суда присяжныхъ, рѣшившихъ въ теченіе 24-хъ лѣтъ сотни тысячъ дѣлъ.

Никто не станетъ утверждать, чтобы этотъ институтъ обладалъ абсолютнымъ даромъ или магическою формулою къ раскрытію истины на судѣ, но можно смѣло утверждать, не рискуя впасть въ преувеличенія или фальшивую идеализацію, что эта форма суда *несравненно больше гарантирована отъ ошибокъ*, въ родѣ осужденія Пономарева, нежели судъ сословныхъ представителей. Мы тутъ имѣемъ въ виду не ту гуманную и симпатичную тенденцію суда присяжныхъ, которая побуждаетъ его

при безспорности факта виновности относиться съ величайшею гуманностью къ лицамъ, случайно впавшимъ въ преступленіе и вполнѣ заслуживающимъ полнаго сочувствія со стороны суда. Здѣсь судъ присяжныхъ проявляетъ свою благотворную миссію смягченія суроваго единообразія закона примѣнительно къ исключительнымъ случаямъ, имѣющимъ право на исключительное вниманіе. Словомъ, тутъ судъ присяжныхъ, при наличности виновности, допускаетъ только освобожденіе отъ устарѣлыхъ, чрезмѣрно тяжкихъ наказаній, съ которыми не можетъ мириться общественная совѣсть.

Но въ дѣлѣ Пономарева прискорбная для правосудія ошибка произошла не отъ чрезмѣрной суровости уголовнаго закона, а отъ несовершенства дѣйствія механизма, долженствовавшаго раскрыть истину на судѣ. Никакой уголовный законъ, какъ бы онъ ни былъ суровъ, не можетъ не то что требовать, даже допускать невинныхъ жертвъ. На что ужъ былъ суровъ Воинскій Артикулъ Петра Великаго 1716 года, однако и онъ рекомендовалъ лучше освободить отъ наказанія 10 виновныхъ, нежели осудить невиннаго. Но провозгласивъ это основное начало правосудія въ теоріи, in abstracto, законодательство наше до самой судебной реформы 1864 г. не могло достигнуть *практическаго* его осуществленія.

Знатоки нашей старой уголовной практики, удостовѣряютъ, что въ старыхъ судахъ было не мало случаевъ осужденія невинныхъ, вызванныхъ не пристрастіемъ судей, а исключительно *близорукостью, халатностью и неспособностью ихъ* отвлечься отъ усвоенныхъ долгою практикою привычекъ и рутины. Однимъ изъ главныхъ мотивовъ для учрежденія суда присяжныхъ иниціаторы его выставляли его способность „видѣть жизнь непосредственно, а не чрезъ окно кабинета и груды бумагъ“. „Внося въ судъ, какъ люди многообразной внѣшней дѣятельности, не отуманенные исключительными кабинетными занятіями, живой интересъ къ участи подсудимаго, и будучи чужды того кате-

горическаго недовѣрія и равнодушія, которое образуется у *судей-техниковъ* изъ постояннаго и продолжительнаго обращенія съ уголовными дѣлами, присяжные, писалъ Буцковскій, будутъ *лучшими органами правосудія*, чѣмъ закопавшіеся въ бумагахъ „судьи-техники“ [1]). Едва ли не этому безцѣнному качеству своему обязанъ судъ присяжныхъ своею высокою репутаціею, какъ незамѣнимаго органа истиннаго правосудія и едва ли ошибся петербургскій *Журналъ Гражд. и Угол. Права*, приведя прискорбный инцидентъ по дѣлу Пономарева въ связь съ отсутствіемъ у суда сословныхъ представителей этого драгоцѣннаго свойства суда присяжныхъ.

Указавъ на то, что дѣло Пономарева было рѣшено въ отсутствіе главнаго свидѣтеля Скрипко, который на другой день по осужденіи Пономарева *повинился въ совершеніи* преступленія, петербургскій журналъ высказываетъ глубокое убѣжденіе въ томъ, что ни одинъ прокуроръ не рѣшился бы на судѣ присяжныхъ вести дѣло при такой „*халатной*“ обстановкѣ и что сами присяжные потребовали бы допроса этого важнаго свидѣтеля. „Иное дѣло судъ коронный, — замѣчаетъ петербургскій юридическій журналъ,—какъ бы ни былъ добросовѣстенъ его представитель, но уже одно то, что это судьи по профессіи, мѣшаетъ имъ вполнѣ объективно отнестись къ дѣлу [2]).

Не всѣ однако признаютъ участіе „народнаго“ элемента въ судѣ. Когда обнародована была новелла 7-го іюля о передачѣ нѣкоторыхъ дѣлъ изъ вѣдомства присяжныхъ въ вѣдѣніе судебныхъ палатъ и сословныхъ представителей, то тѣ же *Московскія Вѣдомости* отмѣтили, какъ удачное *нововведеніе* ея, предоставленіе коронным судьямъ *большинства* [3]). Но помимо исторической неточ-

---

[1]) См. *Вѣстникъ Европы* 1889 г. № 12, статью „Н. А. Буцковскій и судъ присяжныхъ“, стр. 494, 496.

[2]) *Журналъ Гражд. и Уголовн. Права*, 1890 г., № 2, стр. 175—176.

[3]) *Моск. Вѣд.* 1889 г., № 219.

ности (въ особомъ присутствіи большинство *всегда* было на сторонѣ коронныхъ судей), сужденіе это не выдерживаетъ критики. Вѣдь, если коронный судъ представляется столь желательнымъ въ уголовномъ процессѣ, то что же мѣшало вовсе устранить изъ нея „посторонній“ народно-общественный элементъ и всецѣло сосредоточить уголовную юстицію въ рукахъ судей-техниковъ?

Если бы даже и возникло такое предположеніе, то оно вѣроятно не имѣло бы никакихъ шансовъ на успѣхъ въ виду той печальной картины [1]), которую представляетъ собою кавказская уголовная юстиція, сосредоточенная въ рукахъ профессіональныхъ судей. Но какъ бы то ни было, новелла 7-го іюля исходитъ изъ другаго воззрѣнія,—изъ воззрѣнія, признающаго полезнымъ и даже необходимымъ участіе народнаго элемента въ уголовномъ судѣ. Исходя изъ этого начала, составляющаго аксіому въ современной процессуальной доктринѣ, новелла 7-го іюля дала, однако, суду съ участіемъ сословныхъ представителей такую организацію, которая далеко не обезпечиваетъ въ немъ проявленія тѣхъ благодѣтельныхъ послѣдствій, которыя являются при наличности на судѣ уголовномъ дѣйствительно „народнаго элемента“.

Происходитъ это не только оттого, что большинство на сторонѣ коронныхъ судей, но и отъ состава особаго присутствія судебной палаты и взаимнаго отношенія двухъ образующихъ его элементовъ. Новелла 7-го іюля, очевидно, желала обезпечить за особымъ присутствіемъ достоинства и хорошія стороны, какъ короннаго суда, такъ и суда присяжныхъ. Удалось ли разрѣшить эту трудную, почти неразрѣшимую задачу? На это не трудно

---

[1]) Въ январской книгѣ *Журнала Гражд. и Уголовн. Права* 1890 г. помѣщенъ разборъ кассированнаго сенатомъ любопытнаго приговора тифлисской судебной палаты по дѣлу принца Кейкубатъ-Мирзы, присужденнаго *безъ всякихъ основаній* къ 5-лѣтней каторгѣ за поддѣлку 20-копеечной монеты.

[2]) См. курсъ Фойницкаго, стр. 380.

отвѣтить, если принять на видъ, что судъ сословныхъ представителей въ сущности тотъ же коронный судъ съ полунѣмыми засѣдателями.

Осужденіе невиннаго человѣка всегда потрясаетъ общественную совѣсть на болѣе или менѣе продолжительное время. Оно и понятно. Въ случаѣ же осужденія невиннаго Пономарева особенно знаменательно было то обстоятельство, что этотъ тяжкій промахъ правосудія имѣлъ мѣсто на судѣ сословныхъ представителей — судилища, которое по увѣренію его панегиристовъ, призвано было „успокоить возмущенную явно несправедливыми приговорами присяжныхъ общественную совѣсть".

Печальный исходъ дѣла Пономарева, безъ сомнѣнія, рѣшающаго значенія имѣть не могъ, но какъ фактъ, „*характеристичный*" для новыхъ судебныхъ порядковъ, созданныхъ закономъ 7 іюля 1887 г.,— процессъ этотъ имѣлъ весьма серіозное значеніе, и не лишнее его отмѣтить. Что если вмѣсто чрезмѣрной наклонности къ оправданію, въ которой незаслуженно укоряли [1]) до сихъ поръ присяжныхъ, явившееся на ихъ смѣну учрежденіе, благодаря организаціи своей, обнаружитъ наклонность удариться въ другую, противоположную крайность? Какъ ни банальны, повидимому, старыя мудрыя правила, рекомендующія лучше оправдать десять виновныхъ, нежели осудить одного невиннаго, или правила о толкованіи всякаго сомнѣнія въ пользу подсудимаго, но развѣ справедливость ихъ не предстала еще разъ, по поводу дѣла Пономарева, во всей своей гуманной привлекательности и неотразимой силѣ?

Вопросы эти возникли сами собою и на нихъ волею-неволею должны были останавливаться, съ необычною для нихъ скромностью и приличіемъ, даже непримиримые противники суда присяжныхъ. За это одно нельзя не быть благодарнымъ процессу

---

[1]) Въ обстоятельномъ рефератѣ, доложенномъ въ с.-петербургскомъ юридическомъ Обществѣ 13-го декабря 1880 г. Н. В. Муравьевымъ, вполнѣ опровергается этотъ ошибочный взглядъ. (См. Журн. Гр. и Угол. Права, 1881, № 2).

Пономарева. Послѣ этого процесса уже не осмѣливались выставлять судъ сословныхъ представителей какъ панацею для безошибочности правосудія и даже замѣтны проблески поворота къ здравомыслію. Такъ, *Московскія Вѣдомости* провозглашаютъ давно ими забытую истину, что „нельзя дѣлать рѣшительныхъ выводовъ, основываясь на единичномъ случаѣ“ (№ 83, 1889 г.). Газета, привыкшая по поводу каждой мнимой или дѣйствительной ошибки суда присяжныхъ бросать въ нихъ грязью, къ факту „несомнѣнно прискорбной ошибки“ суда составныхъ представителей отнеслась однако съ стоическимъ хладнокровіемъ, ища утѣшенія въ меланхолическомъ размышленіи на тему: „errare humanum est“. Разочарованіе *Московскихъ Вѣдомостей* въ судѣ сословныхъ представителей шло такъ далеко, что онѣ скептически отнеслись вообще ко „всѣмъ формамъ суда“. Но если исходъ дѣла, какъ можно догадываться изъ одной неясной фразы *Московскихъ Вѣдомостей*, вообще [1]), „стоитъ внѣ всякой (sic) зависимости отъ формы суда“, стало-быть не было основанія требовать сноса послѣднихъ „развалинъ полуснесеннаго лотерейнаго суда“ [2]). Впрочемъ, цѣль вышеуказанной диверсіи вскорѣ обнаруживается и состоитъ въ томъ, чтобы загладить тяжкое впечатлѣніе, произведенное ошибкою суда сословныхъ представителей, и свести дѣло на простую случайность, *одинаково* возможную при „всякой“ формѣ суда.

Для смягченія или парализованія этого впечатлѣнія помѣстилъ статью новый журналъ *Юридическая Лѣтопись*. Ссылаясь на то, что „никакихъ *положительныхъ указаній* (въ подлинникѣ жирнымъ шрифтомъ) виновности Пономарева не было“, что

---

[1]) Вотъ это мѣсто: „Отмѣтивъ такимъ образомъ капитальные промахи предварительнаго слѣдствія, вліяніе которыхъ на исходъ дѣла неоспоримо, *хотя и стоитъ по нашему мнѣнію, внѣ всякой зависимости отъ формы суда...*“ и пр. см. № 83 *Моск. Вѣдом.* за 1890 г.

[2]) *Моск. Вѣдом.*, № отъ 20-го іюля 1889 г.

улики „съ *одинаковою* основательностью могли быть толкуемы за и противъ", петербургскій журналъ въ апрѣльскомъ № за 1890 годъ находилъ вмѣстѣ съ тѣмъ возможнымъ утверждать, что „*всякій* (??) другой судъ *сдѣлалъ бы* при данномъ положеніи *то же*, что сдѣлала харьковская судебная палата, стоявшая предъ дилеммою: или Пономаревъ, или Скрипко". Чѣмъ же, однако, доказываетъ журналъ это болѣе чѣмъ рискованное положеніе о *безразличности* формы суда и о тождествѣ судебнаго критерія на судѣ коронномъ и судѣ присяжныхъ? Ничѣмъ кромѣ суммарной ссылки на четыре дѣла, изъ которыхъ три имѣютъ самое отдаленное сходство съ дѣломъ Пономарева, а по одному вѣнскіе присяжные обвинили невиннаго. Ergo судъ присяжныхъ ничѣмъ *не лучше* суда короннаго!—Но при помощи такихъ методологическихъ пріемовъ можно доказывать и опровергать все, что угодно, и, стало-быть, невозможенъ никакой серьезный споръ. Оперируя съ единичными данными, безъ сопоставленія ихъ съ причинами, ихъ произведшими, невозможно придти ни къ какимъ положительнымъ выводамъ.

Говорятъ, нельзя *съ „увѣренностью"* утверждать, что присяжные оправдали бы Пономарева. Конечно, нужна большая смѣлость, чтобы утверждать это съ безошибочностью или утверждать, какъ это дѣлаетъ *Юридическая Лѣтопись*, что присяжные „сдѣлали бы то же, что и харьковская палата", т. е. осудили бы Пономарева. Но не въ этомъ дѣло. Несравненно важнѣе для оцѣнки сравнительныхъ достоинствъ суда короннаго и суда присяжнаго другой вопросъ—какъ рѣшаются *вообще дѣла, подобныя* пономаревскому, на судѣ присяжныхъ, въ силу *присущихъ* ему, *и ему одному* особенностей? Это во-первыхъ, а во-вторыхъ—не произошла ли ошибка по дѣлу Пономарева именно по отсутствію этихъ спеціальныхъ свойствъ у суда сословныхъ представителей или, что то же, короннаго.

Смотря на дѣло съ такой точно опредѣленной точки зрѣнія, можно смѣло утверждать, что обвиненіе Пономарева было *такъ же вѣроятно* въ судѣ

коронномъ, какъ было *невѣроятно* на судѣ присяжныхъ. Эту разницу весьма мѣтко охарактеризовалъ *Журналъ Гражданскаго и Уголовнаго Права*, замѣтивъ, что на судѣ присяжныхъ ни одинъ прокуроръ не рѣшился бы вести дѣло при такой „халатной“ обстановкѣ (въ отсутствіе свидѣтеля Скрипко, впослѣдствіи сознавшагося въ совершеніи преступленія). *Московскія Вѣдомости* находятъ, что „единственный случай *небрежности* не можетъ служить аргументомъ за или противъ присяжныхъ“.

Тутъ очевидно недоразумѣніе. Петербургскій журналъ имѣлъ въ виду не какую-нибудь спеціальную „небрежность“ въ данномъ случаѣ, а ту „халатность“ или рутинность, которая вообще господствуетъ и почти неизбѣжна—въ судахъ коронныхъ. Это не частныя погрѣшности, а присущее ихъ организаціи почти органическое свойство.

Всякому мало-мальски знакомому съ бытовыми условіями судебной дѣятельности извѣстно, какая громадная разница между судоговореніемъ *при участіи* или *безъ участія* присяжныхъ засѣдателей. Насколько въ первомъ случаѣ стороны оживляются, видя предъ собой горячо интересующихся дѣломъ судей, настолько на коронномъ судѣ и стороны и судъ затягиваются тиною рутины и скучнаго ремесла. Обвинитель произноситъ „казенную“, рѣчь, будучи убѣжденъ, что онъ говоритъ предъ лицами, которыя, по свойству своихъ профессіональныхъ обязанностей, привыкли къ подсудимому относиться не безъ предубѣжденій, а къ доводамъ обвинителя не безъ благосклоннаго предрасположенія. Замѣчательно, что та же самая *Юридическая Лѣтопись*, которая заявляетъ, что въ дѣлѣ Пономарева форма суда не играла никакой роли, признаетъ, что „*убѣдить*“ судей въ виновности всеконечно (sic) прокуроръ *не могъ;* наибольше, что онъ могъ сдѣлать, это—*расположить* (sic), такъ сказать, судей къ признанію виновности подсудимаго и только (стр. 344). Но чтобы обвиненіе, державшееся на такихъ „неуловимыхъ, колеблющихся нитяхъ“, могло имѣть какіе-нибудь шансы на успѣхъ, для этого требо-

валась благосклонная, предрасположенная аудиторія коронныхъ судей, привыкшихъ, благодаря своей профессіи, довѣрять бумагамъ и не слишкомъ стѣсняться возможностью ошибки.

Совершенно иными качествами отличается судъ присяжныхъ. Они вносятъ „*живой* интересъ къ участи подсудимаго и *чуждъ того категорическаго недовѣрія* и *равнодушія*, которое образуется у судей техниковъ изъ постояннаго и продолжительнаго обращенія съ уголовными дѣлами".

Это ожиданіе творцовъ суда присяжныхъ, по единодушному свидѣтельству нашихъ лучшихъ процессуалистовъ, вполнѣ оправдалось. Въ одномъ изъ новѣйшихъ трудовъ по русскому уголовному процессу проф. Тальбергъ въ числѣ высокихъ достоинствъ суда присяжныхъ указываетъ на то, что „онъ свободенъ отъ *односторонности и узкости* взглядовъ профессіональнаго судьи, отъ склонности послѣдняго къ обобщеніямъ и шаблоннымъ взглядамъ".—Кромѣ того, присяжные,—говоритъ онъ,—судятъ „на основаніи строго объективныхъ данныхъ, добытыхъ на судебномъ разбирательствѣ, а профессіональный судья, подъ вліяніемъ данныхъ *предварительнаго слѣдствія*, смотритъ на дѣло *съ предубѣжденіемъ* [1]).

Вотъ эти-то именно свойства суда присяжныхъ даютъ основаніе думать, что дѣла, подобныя пономаревскому, находятъ болѣе счастливыя для правосудія условія на судѣ присяжныхъ, нежели на судѣ коронныхъ юристовъ. У судей Пономарева, какъ вѣрно замѣчаетъ *Юридическая Лѣтопись*, не могло сложиться „убѣжденіе въ виновности его". А если это такъ, если возникало серьезное сомнѣніе, развѣ не слѣдовало оправдать его и развѣ не правъ былъ подсудимый Пономаревъ, упрекая въ кассаціонной жалобѣ своей харьковскую судебную палату за нарушеніе закона, по которому *всякое сомнѣніе* обращается въ пользу подсудимаго.

---

[1]) См. стр. 63 — 64 „Русск. угол. суд." Тальберга. Кіевъ, 1889 года.

Оказывается, что онъ былъ не правъ. Оберъ-прокуроръ А. Ѳ. Кони справедливо указалъ, что это „настойчивое нравственное требованіе есть не предписаніе закона, а добрая судебная традиція“. Но кому не извѣстно, что это великое начало объ истолкованіи всякаго сомнѣнія въ пользу подсудимаго, теоретически признанное у насъ даже въ нашемъ старомъ процессѣ (ст. 346 т. XV, ч. 2, зак. о суд.), *только* на судѣ присяжныхъ нашло полное признаніе и дѣйствительное осуществленіе...

Если бы у нашего суда присяжныхъ не было даже другихъ преимуществъ сравнительно съ судомъ коронным, кромѣ этого стремленія толковать сомнѣнія въ пользу подсудимаго, то уже это одно доказывало бы его неизмѣримое превосходство предъ другими формами суда и наглядно отвергало бы, такъ некстати выдвинутое защитниками суда сословныхъ представителей, парадоксальное положеніе, будто возможность судебной (?) ошибки одинакова (??) при всѣхъ „формахъ суда“. Какъ бы ни старались они затушевать огромное и, очевидно, неблагопріятное для коронаго суда впечатлѣніе, произведенное дѣломъ Пономарева,—поучительная сторона его слишкомъ очевидна.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Нашъ судъ присяжныхъ и его враги.

I.

Давно уже замѣчено, что реакціонные органы нашей печати страдаютъ своеобразнымъ недугомъ—особаго рода дальтонизмомъ, благодаря которому имъ представляются въ розовомъ свѣтѣ всѣ наши дореформенные порядки, и, наоборотъ, въ необыкновенно мрачной окраскѣ видятъ они порядки, созданные тѣми реформами 60-хъ годовъ. Сила этого психическаго дефекта съ особенною силой сказывается тогда, когда заходитъ рѣчь о судѣ общественной совѣсти, или, какъ привыкли выражаться эти органы печати, „о судѣ улицы“.

Ничѣмъ другимъ, кромѣ наличности такого психоза sui generis, нельзя объяснить себѣ то систематическое извращеніе, которое ежедневно наблюдается на страницахъ извѣстныхъ изданій. Послушать ихъ, такъ никто иной, какъ судъ присяжныхъ, „потрясъ вѣру въ судъ и уваженіе къ закону“ и водворилъ въ русскихъ судахъ „беззаконіе“, „лотерейность“ и „безнаказанность [1]). Пусть нашъ судъ присяжныхъ далекъ отъ совершенства, но, спрашивается, какая нужна степень умственной аберраціи, чтобы ставить ему въ образчикъ старый судъ, при воспоминаніи о которомъ, какъ выразился И. С.

---

[1]) *Московскія Вѣдомости* 1889 г., № 207.

Аксаковъ, „волосъ становится дыбомъ и морозъ деретъ по кожѣ“?

Слишкомъ жива еще память о безобразіяхъ стараго суда, чтобы нужно было воспроизводить печальныя подробности его хроники, — не лишнее, однако, остановиться на одной сторонѣ дѣятельности его, которую друзья его стараются выставить на-показъ для посрамленія суда присяжныхъ. По ихъ увѣренію, рѣшенія старыхъ судовъ отличались бо̀льшею „твердостью и однообразіемъ“, бо̀льшею „строгостью“ и „законностью“. Если бы даже и было доказано существованіе этихъ чисто-формальныхъ достоинствъ, то и тогда не пришлось бы краснѣть за новый судъ, который ставитъ внутреннюю правду выше формальной и содержаніе выше формы. Но дѣло въ томъ, что, какъ свидѣтельствуютъ лучшіе знатоки старой судебной практики, эта ретроспективная идеализація ея качествъ, хотя бы и сомнительнаго достоинства, лишена всякаго основанія.

Незнакомые близко съ старою практикой обыкновенно думаютъ, что такъ какъ самъ законъ предопредѣлялъ силу доказательствъ и уликъ то этимъ самымъ устранялъ произволъ и достигалъ, хотя внѣшней, законности и однообразія въ судебныхъ рѣшеніяхъ. Такъ могутъ думать только кабинетные теоретики. Но совершенно иначе представлялось дѣло лицамъ, на дѣлѣ близко изучившимъ старые судебные порядки. Любопытную характеристику ихъ находимъ въ оффиціальной запискѣ извѣстнаго судебнаго дѣятеля Д. А. Ровинскаго, бывшаго московскаго губернскаго прокурора, нынѣ сенатора уголов. касс. департ. Въ ней онъ ссылается на массу дѣлъ изъ своей личной и чужой практики, въ которыхъ съ поразительною наглядностью обнаруживается, къ какимъ разнообразнымъ и противорѣчивымъ заключеніямъ приходили старыя судебныя инстанціи „при рѣшеніи одного и того же дѣла, подъ вліяніемъ личнаго настроенія судей, хотя и съ примѣненіемъ однихъ и тѣхъ же правилъ о силѣ доказательствъ“. Одинъ судья,—замѣчаетъ

г. Ровинскій,—руководствуясь правиломъ, что лучше оправдать десять виновныхъ, нежели приговорить невиннаго, постоянно освобождаетъ преступника или оставляетъ въ подозрѣніи; другой—въ каждомъ преступникѣ видитъ человѣка, опаснаго для общества, и считаетъ своею обязанностью всѣми силами стараться объ удаленіи его. Какое смутное понятіе о справедливости судебныхъ рѣшеній должно получить общество,—говоритъ въ заключеніе авторъ *Записки*, — когда *по одному и тому же дѣлу* и на основаніи одной и той же теоріи уликъ, а не на личномъ убѣжденіи судей, въ трехъ разныхъ судахъ (какъ это случилось по дѣлу Диманшъ въ Москвѣ) одинъ и тотъ же преступникъ сперва оставленъ въ подозрѣніи, потомъ обвиненъ и, наконецъ, оправданъ[1]).

Изъ этого авторитетнаго свидѣтельства ясно видно, что старая уголовная юстиція не могла похвалиться даже не особенно завиднымъ преимуществомъ, т.-е. тою чисто-формальною твердостью, которую выхваляютъ почитатели дореформенныхъ порядковъ. „Лотерейности“ въ старыхъ рѣшеніяхъ было не меньше, чѣмъ въ рѣшеніяхъ присяжныхъ. Разница только въ томъ, что тамъ источникомъ этой лотерейности былъ, по удостовѣренію того же автора, „произволъ“ и другія, еще болѣе „неблаговидныя качества“, на которыя прозрачно намекаетъ тотъ же почтенный авторъ *Записки*, а здѣсь же источникомъ „лотерейности“ служитъ стремленіе разрѣшить дѣло по совѣсти, согласно его индивидуальнымъ особенностямъ, дабы внѣшней законности не приносить въ жертву внутреннюю, житейскую правду.

Что касается силы уголовной репрессіи стараго суда, то о ней можетъ дать понятіе слѣдующее мѣсто изъ той же *Записки* г. Ровинскаго: „Такъ какъ,—читаемъ въ ней,—уголовный судъ, руководствуясь теоріею уликъ и придерживаясь весьма удобнаго для судьи правила: лучше оправдать де-

---

1) См. *Дѣло о предбр. суд. части*, гл. XVI. *Записки* Ровинскаго, стр. 14—15.

сять виновныхъ, нежели приговорить одного невиннаго, — *постоянно* освобождалъ не только по десяти, но и цѣлыми *сотнями*, и оставлялъ, за недостаткомъ совершенныхъ доказательствъ, *явныхъ воровъ и грабителей* въ разномъ подозрѣніи, то правительство, считая полезнымъ избавить общество отъ проживанія посреди его воровъ и преступниковъ, устроило рядомъ съ судомъ коронным *судъ общественный* (сословный),—другими словами, предоставило обществу судить въ другой разъ преступника и ссылать его на поселеніе въ Сибирь“ [1]).

Другой юристъ, Н. А. Буцковскій, въ свою очередь пишетъ, также въ оффиціальной запискѣ, что старый судъ „развилъ у насъ *безнаказанность до крайнихъ предѣловъ* и что она не можетъ быть терпима въ видахъ общественнаго порядка и благосостоянія [2]). Едва ли кто усомнится въ авторитетности этихъ оффиціальныхъ показаній. Чтобы убѣдиться въ правдивости ихъ, не нужно, впрочемъ, и ссылки на оффиціальный ихъ характеръ. Достаточно справиться лишь со статистикою. Что же она говоритъ? Она говоритъ, что старый судъ изъ 100 подсудимыхъ подвергалъ наказанію *едва 12* (двѣнадцать — не опечатка!). Чтобы уяснить себѣ весь ужасающій смыслъ этой цифры, слѣдуетъ принять во вниманіе, что судъ присяжныхъ, съ учрежденіемъ котораго, по увѣренію нашихъ „честныхъ консерваторовъ“, у насъ водворилась „безнаказанность“, всегда изъ 100 подсудимыхъ осуждалъ *свыше 60%* [3]). Кто же послѣ этого вправѣ усомниться въ правдивости „консервативныхъ публицистовъ“?

Относительно господства въ старыхъ судахъ „законности“ распространяться не приходится. Тамъ, гдѣ деньги и личныя связи означали все, для законности не могло быть мѣста. До какихъ колоссальныхъ размѣровъ доходило, особенно въ сенатѣ,

---

1) *Тамъ же*, стр. 30.

2) См. стр. 53 *Записки* въ томѣ XVI *Дѣла о преобр. суд. части.*

3) См. *Журн. Гражд. и Угол. Права* 1879 г., ст. Фойницкаго.

это завѣдомое неправосудіе, по разнымъ внѣшнимъ вліяніямъ, можно судить по дѣлу молодаго князя Х.[1]), въ которомъ участвовалъ покойный И. С. Аксаковъ въ качествѣ оберъ-секретаря и о которомъ онъ не могъ говорить спокойно даже сорокъ лѣтъ спустя.

И. С. Аксаковъ напоминая неблагодарнымъ врагамъ новаго суда, какого врага онъ сломалъ, примѣняетъ къ реакціонной печати слова неблагодарнаго мужика, бранившаго своего освободителя:

Чего обрадовался сдуру?
Знай колетъ! Всю испортилъ шкуру!

Затѣмъ Аксаковъ припоминаетъ изъ своей практики, въ качествѣ сенатскаго оберъ-секретаря, нѣсколько случаевъ „законности“ стараго суда. Вотъ, напр., дѣло объ убіеніи крестьянами помѣщика Медынскаго уѣзда, который 15 лѣтъ сряду занимался въ своемъ уѣздѣ обезчещеніемъ (конечно, насильственнымъ или подъ угрозою наказанія) всѣхъ лицъ женскаго пола въ своей деревнѣ, по порядку, переходя отъ одной семьи къ другой по ревизской сказкѣ, не разбирая ни степени родства, ни возраста. По почину одной осрамленной имъ крестьянки, бабы составили заговоръ и задушили его; преступленіе открылось, произведено слѣдствіе, при чемъ уѣздные дворяне въ письменномъ повальномъ обыскѣ буквально выразились такъ: „убитый помѣщикъ велъ себя, какъ прилично благородному россійскому дворянину“. Виновныя бабы, отмстившія за поруганную свою честь, которымъ даже и не было способа инаго для огражденія чести своихъ подрастающихъ дочерей, были присуждены къ высшей мѣрѣ наказанія—ста ударамъ плетей и каторгѣ.

И. С. Аксаковъ, въ числѣ другихъ возмутительныхъ воспоминаній изъ своей секретарской практики въ сенатѣ, указываетъ на случаи, какъ возмущались „сановные старики“ его необычайнымъ дерзнове-

---

[1]) См. *Русь* отъ 15 февраля 1884 г.

ніемъ, когда онъ отказывался скрѣпить истинно неправедное постановленіе, благопріятствовавшее людямъ, занимавшимъ очень видное положеніе въ высшемъ обществѣ; какъ рябой нахалъ съ громкимъ именемъ, нагло рекомендовавшійся оберъ-секретарю при подачѣ оправдательнаго объясненія словами: „по милости царской — я сынъ барскій“ добился отъ Сената явно пристрастнаго приговора[1]). Аксаковъ вынужденъ былъ выйти въ отставку.

Замѣчательно, что какъ только у русскаго общества явилась, въ началѣ 50-хъ годовъ, возможность откровенно высказать свой взглядъ о старыхъ судахъ, первое, на что было указано и юристами, и неюристами, это было господствовавшее въ то время „*неуваженіе* къ закону и *повседневное* его нарушеніе“[2]).

И послѣ этого-то враги суда присяжныхъ осмѣливаются утверждать, что никто другой, какъ судъ присяжныхъ, „потрясъ въ народѣ не только всякую вѣру въ судъ правый (?), но и *уваженіе къ закону*!...

Безспорно, въ наше время, когда извѣстные органы печати создали культъ „усмотрѣнія“ и „властной руки“, процентъ оправдательныхъ вердиктовъ довольно высокъ, но для всякаго наблюдателя очевидно, гдѣ слѣдуетъ искать корень этого явленія. Какъ ни велики достоинства суда присяжныхъ, но никто не рѣшится утверждать, что одною его дѣятельностью, вдобавокъ, ограниченною строго опредѣленною и весьма узкою юрисдикціею, можно достигнуть уничтоженія „повседневнаго“ нарушенія закона. Никто такихъ надеждъ на судъ присяжныхъ и не возлагалъ. Самый здоровый организмъ долженъ зачахнуть, если *нѣтъ* въ почвѣ необходимыхъ элементовъ питанія. Точно также и судъ присяжныхъ не можетъ одними своими усиліями водворить законность, если нѣтъ въ окружающей средѣ условій для

---

[1]) См. Полное собр. соч. Аксакова, т. IV, стр. 656—657.

[2]) См. томъ IX *Дѣла о преобр. суд. части. Замѣч. на проектъ 1859 г.*

его развитія. Послѣ устарѣлости нашихъ уголовныхъ законовъ едва ли не въ этомъ обстоятельствѣ слѣдуетъ искать одно изъ главныхъ основаній для высокаго процента оправдательныхъ вердиктовъ.

„Чѣмъ болѣе законности,—говоритъ проф. Фойницкій,—въ жизни, въ судѣ, въ дѣятельности прокуратуры и администраціи, тѣмъ болѣе ея и въ дѣятельности присяжныхъ засѣдателей". „Успѣхъ суда присяжныхъ,—замѣчаетъ тотъ же ученый юристъ,—опредѣляется тремя главными факторами: *общественною культурой*, *законностью въ жизни и правдой въ законѣ*; институтъ, отъ *такихъ* (курсивъ въ подлинникѣ) факторовъ зависящій, есть залогъ прогресса, свободы и благосостоянія" [1]).

Этими замѣчательными словами заканчиваетъ нашъ извѣстный ученый криминалистъ, И. Я. Фойницкій, свой превосходный трактатъ о судѣ присяжныхъ. И такимъ-то авторитетамъ противопоставляетъ реакціонная печать свои обскурантскія вожделѣнія подъ громкимъ именемъ „новыхъ взглядовъ ученыхъ юристовъ"! [2])

Замѣтимъ прежде всего, что нѣсколько странно видѣть нашихъ „консерваторовъ" въ роли пропагандистовъ „послѣдняго слова науки", надъ которымъ они обыкновенно привыкли потѣшаться. Но не въ этомъ дѣло. Не имѣя ничего противъ „новыхъ" взглядовъ, если только они продиктованы интересами науки, а не мимолетными вѣяніями, узкими партійными цѣлями или соображеніями оппортюнизма, мы бы охотно приняли бы къ свѣдѣнію эти „новые взгляды", но, какъ водится, и въ данномъ случаѣ реакціонная печать, съ обычнымъ ей невѣжествомъ, все перепутала или намѣренно перемѣшала.

Для посрамленія русскихъ юристовъ *Московскія Вѣдомости* ссылаются на мнѣніе Іеринга о судѣ

---

[1]) См. *Курсъ уголовнаго судопроизводства* 1884 г., стр. 448—449.

[2]) *Московскія Вѣдомости* 1889 г., № 234.

присяжныхъ, которое „онъ изрекъ (sic!) *недавно* (??)“ (см. № 234 *Моск. Вѣд.* 1889 г.). Что же оказывается на повѣрку? Это якобы „недавно“ высказанное Іерингомъ мнѣніе, въ дѣйствительности, высказано было имъ въ „*Der Zweck im Recht*“ *двѣнадцать* лѣтъ передъ этимъ, въ разгаръ увлеченія германскихъ ученыхъ узко-національными стремленіями, одичалыми идеями прусскаго шовинизма и апоѳеоза грубой силы. И это мнѣніе Іеринга не прошло незамѣченнымъ со стороны русскихъ ученыхъ. Не только вышеупомянутый криминалистъ проф. И. Я. Фойницкій [1]), но и цивилистъ права Н. Л. Дювернуа серьезно занялись опроверженіемъ этого взгляда Іеринга, порожденнаго нездоровыми „модными повѣтріями“, съ ихъ культомъ „желѣзнаго кулака“ [2]). Консервативные же публицисты, ничто же сумняся, предподносятъ въ 1889 г. мнѣніе Іеринга въ назиданіе русской юриспруденціи въ видѣ „послѣдней новинки“.

Совершенно иначе думаютъ о судѣ присяжныхъ русскіе юристы, близко съ нимъ знакомые. Чѣмъ больше они вникаютъ въ условія дѣятельности суда присяжныхъ, тѣмъ болѣе они убѣждаются въ томъ, что тѣ или другіе промахи, замѣчающіеся

---

[1]) Какъ все земное,—говоритъ проф. Фойницкій противъ возраженія Іеринга о чисто-историческомъ значеніи суда присяжныхъ,—въ предѣлахъ времени и мѣста существующее, институтъ присяжныхъ подлежитъ, конечно, относительной, а не абсолютной оцѣнкѣ. Быть-можетъ, въ будущемъ человѣчество изобрѣтетъ лучшую форму суда, но пока она не изобрѣтена (*Курсъ Угол. Суд.*, стр. 382, 147, 393).

[2]) См. *Курсъ лекцій гражданскаго права* Н. Л. Дювернуа, стр. 25—28. О книгѣ Іеринга г. Дювернуа говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „Книга эта появилась послѣ военныхъ успѣховъ Пруссіи въ разгаръ Culturcampf'а и, несомнѣнно, будетъ *утрачивать* все свое значеніе вмѣстѣ съ измѣненіемъ *случайныхъ* условій, потребовавшихъ ея появленія“. „Ему (Іерингу) не нужны, — говоритъ въ другомъ мѣстѣ проф. Дювернуа, — ни судьи-граждане (присяжные), ни граждане-воины. На мѣсто гражданъ-воиновъ, сознательно любящихъ отечество, Іерингъ любуется типомъ замуштрованнаго солдата, помнящаго, что „если онъ отстранится отъ непріятельской пули, то наткнется на офицерскую саблю“. Настоящее Sturm-Jurisprudenz,—съ горечью замѣчаетъ почтенный профессоръ.

въ его дѣятельности, зависятъ, большею частью отъ неправильнаго функціонированія или организаціи тѣхъ или другихъ судебныхъ органовъ, подготовляющихъ матеріалъ до или во время судебнаго слѣдствія для присяжныхъ. Это—заключеніе, которое въ одинъ голосъ высказываютъ и люди науки (проф. И. Я. Фойницкій, В. М. Володимировъ), и дѣятели практики (прокур.: гг. Кони, Обнинскій, Хрулевъ, Тимоѳеевъ и др.), и лица, оффиціально ревизовавшія судебныя мѣста (сенаторъ Н. М. Окуловъ). Особенно любопытны данныя, собранныя послѣднимъ при ревизіи судебныхъ слѣдователей г. С. Петербурга въ 1886 г.

Выводы ревизора получаютъ особенное значеніе въ виду тѣхъ обстоятельствъ, которыми вызвана была сенаторская ревизія. Обстоятельства эти *Журналъ Гражданскаго и Уголовнаго Права* характеризовалъ слѣдующими словами: „Набѣги извѣстныхъ башибузуковъ прессы на Судебные Уставы зашли тогда (въ 1884 г.) за предѣлы возможнаго. Они безнаказанно приписывали министру юстиціи самыя оскорбительныя для вѣрноподданнаго побужденія и позволяли себѣ, не стѣсняясь, называть его экзекуторомъ при храмѣ Ѳемиды". Съ менѣе высокопоставленными лицами, конечно, еще менѣе церемонились, благо представился къ тому предлогъ въ видѣ открытыхъ у петербургскаго судебнаго слѣдователя Ѳедорова крупныхъ злоупотребленій. Для опредѣленія размѣровъ ихъ, для разрѣшенія вопроса о томъ, имѣютъ ли они повальный или спорадическій характеръ, и назначена была по Высочайшему повелѣнію ревизія. Производилась она полтора года при содѣйствіи цѣлаго штата чиновниковъ.

Каковы же были ея результаты? Въ общемъ очень благопріятные, насколько это касается чести и достоинства судебнаго персонала. Никакихъ особенныхъ преступныхъ упущеній и злоупотребленій не открыто. Замѣчена только медленность слѣдственнаго дѣлопроизводства, недостаточность или, лучше сказать, полное отсутствіе надзора со стороны прокуратуры надъ слѣдственною частью. Но и то и

другое явленіе объясняется крайнею малочисленностью судебнаго персонала.

Что предстало ревизующему сенатору въ видѣ, по истинѣ плачевномъ, — это *сыскная часть* петербургской полиціи. Г. Окуловъ удостовѣряетъ, что въ массѣ разсмотрѣнныхъ имъ дѣлъ онъ *ни по одному* изъ нихъ не нашелъ указаній на то, чтобы дѣятельность агентовъ сыскной полиціи способствовала слѣдователямъ или общей полиціи въ розыскѣ преступниковъ или похищенныхъ ими вещей,—„факты же противоположнаго свойства, гдѣ агенты сыскной полиціи своими дѣйствіями лишь затрудняли слѣдственную часть, *а нерѣдко и старались скрыть преступниковъ, —встрѣчаются довольно часто*".

Ревизія сенатора Окулова еще разъ настоятельно выдвинула вопросъ о реформѣ слѣдственной части, правильная постановка коей имѣетъ громадное значеніе для суда присяжныхъ. Разъ ужъ законы о предварительномъ слѣдствіи подвергаются пересмотру, весьма бы желательно, чтобы вопросъ былъ охваченъ со всѣхъ сторонъ, со включеніемъ и составленія обвинительныхъ актовъ и обряда преданія суду.

И въ той и другой стадіи нерѣдко дѣло, и безъ того довольно долго залежавшееся у слѣдователя, еще болѣе замедляется. А замедленіе—одно изъ самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ для правильной постановки и разрѣшенія дѣла на судѣ присяжныхъ. Съ одной стороны, сила и рельефность судебныхъ доказательствъ ослабѣваетъ, а съ другой, и присяжные въ долговременномъ состояніи подъ слѣдствіемъ, нерѣдко соединенномъ съ лишеніемъ свободы, совершенно справедливо видятъ поводъ для крайней снисходительности и даже основанія для оправданія.

Однимъ изъ наиболѣе простыхъ и цѣлесообразныхъ средствъ для ускоренія движенія дѣла по окончаніи предварительнаго слѣдствія—была бы отмѣна обязательнаго прохожденія всѣхъ обвинительныхъ актовъ чрезъ обвинительную камеру судебной палаты. Для этой цѣли можно бы воспользоваться

мыслью, высказанною еще при составленіи проекта Устава уголовнаго судопроизводства. Состоитъ она въ томъ, что въ сбвинительную камеру передаются лишь тѣ обвинительные акты, которые будутъ обжалованы подсудимыми. Конечно, такимъ правомъ обжалованія далеко не всѣ обвиняемые будутъ въ состояніи воспользоваться. Но это не доказываетъ неудобства самаго предложенія по существу. Да и противъ этого можно бы принять какія-нибудь мѣры, хотя бы въ видѣ помощи со стороны кандидатовъ на судебныя должности.

Необжалованные акты такимъ образомъ прямо направлялись бы въ окружные суды. Иные думаютъ, что такое упрощеніе обряда преданія суду могло бы увеличить и безъ того не малое количество случаевъ неосновательнаго преданія суду присяжныхъ. Но едва ли это опасеніе основательно. Именно при теперешней системѣ участія многихъ властей при преданіи суду получается результатъ, парализующій ихъ бдительность и ослабляющій ихъ отвѣтственность. Прокуроръ окружнаго суда надѣется, что ошибку его исправитъ прокуроръ палаты, прокуроръ палаты разсчитываетъ, что упущеніе его будетъ замѣчено членами обвинительной камеры. Эти послѣдніе въ свою очередь надѣются, что дѣло достаточно разсмотрѣно прокурорами. Благодаря этому миражу иногда появляются на судѣ совершенно невѣроятные обвинительные акты. Когда же отвѣтственность за нихъ сосредоточится въ лицѣ прокурорскаго надзора суда, онъ безъ сомнѣнія внимательнѣе будетъ относиться къ составленію обвинительныхъ актовъ.

Немаловажное улучшеніе внесло бы въ слѣдственную часть введеніе въ томъ или другомъ видѣ защиты на предварительномъ слѣдствіи, признанное государственнымъ совѣтомъ необходимымъ еще въ 1864 г. Такъ какъ для настоящаго времени трудно ожидать такой „смѣлой“ реформы, какъ узаконенія защиты на предварительномъ слѣдствіи, то допущенія ея хоть предъ заключеніемъ слѣдствія или въ стадіи разсмотрѣнія дѣла въ обвинительной ка-

мерѣ едва ли могло бы показаться очень опаснымъ. Для этого можно бы воспользоваться весьма удачною мыслью извѣстнаго итальянскаго юриста Франческо Каррара о судебномъ трибунатѣ (см. брошюру г. Вульферта о Каррарѣ). Осуществленіе этой мысли едва ли можетъ встрѣтить практическія затрудненія. Въ большихъ судебныхъ центрахъ, гдѣ именно находятся обвинительныя камеры, не мало свободныхъ юридическихъ силъ, которыми весьма легко воспользоваться для этого полезнаго института могущаго принесть пользу суду присяжныхъ.

Вотъ какъ смотрятъ на дѣло безпристрастные критики суда присяжныхъ, въ отличіе отъ ослѣпленныхъ и ожесточенныхъ враговъ его.

II.

До какой степени ожесточенія доходитъ вражда нашихъ „консерваторовъ къ суду присяжныхъ, можно видѣть еще на слѣдующемъ рѣдкомъ примѣрѣ. Законъ 7 іюля 1889 г. о сокращеніи юрисдикціи присяжныхъ далъ поводъ *Times'y* выдать нашему суду присяжныхъ аттестацію, совершенно несправедливую по существу и, вдобавокъ, крайне нелестную съ точки зрѣнія національнаго самолюбія. Тѣмъ не менѣе, отзывъ этотъ нашелъ сочувствіе въ нашихъ „патріотическихъ“ изданіяхъ.

Новаго, съ фактической или принципіальной точки зрѣнія, ничего не находимъ въ разсужденіяхъ англійской газеты. Это все тѣ же поспѣшныя обобщенія, которыя ежедневно встрѣчаются въ реакціонныхъ органахъ нашей печати. Разница только въ тонѣ, который у англійской газеты въ отличіе, отъ нашихъ почтенныхъ судей „уличнаго суда“, привыкшихъ говорить о немъ не иначе, какъ языкомъ улицы, вполнѣ приличенъ.

Но англійская газета, очевидно, незнакома съ тѣми „своеобразными“ пріемами критики, которыми пользуется наша реакціонная пресса: иначе бы такая опытная газета не далась въ обманъ. Извѣстно, что всякій разъ, когда нашъ судъ присяжныхъ не съ умѣетъ угодить тому или другому органу извѣстной части нашей печати, — противъ него подымаются обыкновенно обвиненія и крикъ. Не располагая всѣми данными, нужными для болѣе или менѣе правильной оцѣнки рѣшенія присяжныхъ, а лишь на основаніи двухъ-трехъ отрывочныхъ фактовъ и фразъ, схваченныхъ налету или произвольно взятыхъ изъ обвинительнаго акта, изрекаютъ эти самозванные блюстители интересовъ правосудія свой безапелляціонный вердиктъ надъ вердиктомъ 12 почтенныхъ гражданъ, приложившихъ добросовѣстно всю силу своего разумѣнія для всесторонняго разсмотрѣнія дѣла въ теченіе нѣсколькихъ дней, даже недѣль. Между тѣмъ нѣтъ ничего проще и безнаказаннѣе такого неправильнаго отношенія къ суду. Читатели не знаютъ вполнѣ дѣла, всѣхъ его обстоятельствъ и конечно не могутъ знать ихъ; присяжные не станутъ и не имѣютъ права возражать на всѣ нападки, несмотря на очевидную ихъ несправедливость.

Особенно удобный поводъ для изліянія потоковъ обвинительнаго краснорѣчія видятъ эти публицисты въ тѣхъ случаяхъ, когда судъ присяжныхъ при доказанности факта преступленія, въ виду исключительныхъ обстоятельствъ дѣла, крайне неблагопріятно сложившихся для подсудимаго, выноситъ ему оправдательный вердиктъ. Для всякаго человѣка, съ сердцемъ и умомъ, подобные вердикты, въ которыхъ, къ счастью для общественной нравственности, внутренняя правда беретъ верхъ надъ формальною законностью, понятны и симпатичны. Но не такъ думаютъ почитатели формальной и жестокой юстиціи, ради торжества которой они готовы жертвовать всѣмъ и всѣми.

Какъ на страну, гдѣ господствуетъ будто бы такое „образцовое“ правосудіе, противники нашего

суда присяжныхъ обыкновенно указываютъ на Англію. Если послушать этихъ поклонниковъ англійскаго правосудія, такъ выходитъ, что судъ караетъ тамъ совершенно одинаково и отъявленнаго негодяя, и случайнаго преступника, нарушившаго законъ въ виду исключительнаго стеченія обстоятельствъ.

Times, лучше насъ знакомый съ англійскими судебными порядками, знаетъ, сколько неправды и передержки въ такой характеристикѣ англійскаго суда. Только въ разсчетѣ на круглое невѣжество русскихъ читателей можно было взводить подобныя небылицы на англійскій судъ.

Для подтвержденія высказаннаго нами, приведемъ случай, имѣвшій мѣсто въ Англіи не очень давно, въ 1887 г. на дербійской сессіи суда присяжныхъ. Рѣчь шла о двоемужествѣ,—преступленіи, караемомъ въ Англіи очень строго какъ англійскими законами, такъ и нравами англійскаго общества. Суду была предана нѣкая г-жа Риле *(Riley)*. Въ первый разъ она вѣнчалась въ 1879 г., а во второй разъ, при живомъ мужѣ, въ 1883 г. На судѣ выяснилось, что подсудимая была одинаково несчастна, какъ въ первомъ, такъ и во второмъ бракѣ. И тотъ и другой мужъ обращались съ ней жестоко, и оба они были осуждены судебными приговорами. Дѣло возникло, благодаря тому, что оба мужа сговорились отомстить и безъ того достаточно измученной ими женщинѣ.

Въ такомъ видѣ предстало дѣло на судъ присяжныхъ. Фактъ преступленія, съ формальной точки зрѣнія, былъ на лицо; но англійскій судъ, вопреки баснямъ, распространяемымъ о немъ нашими англоманами, взглянулъ на дѣло не съ формальной, а съ *гуманной* точки зрѣнія. Президентъ суда, этотъ *viva vox* англійскаго общественнаго правосознанія, такъ именно взглянулъ на это дѣло. Вотъ что сказалъ онъ въ своей рѣчи къ присяжнымъ: „Я не разъ приговаривалъ къ каторжнымъ работамъ преступниковъ, завѣдомо вступавшихъ во второй бракъ, при существованіи перваго, но

въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ женщиною, уже достаточно наказанной за свою ошибку, и законъ, карающій за двоебрачіе, *не предвидѣлъ*, очевидно, браковъ, заключенныхъ *при столь печальныхъ обстоятельствахъ*". Достойное пониманіе и просвѣщенное разъясненіе закона!

Легко представить себѣ, какой шумъ подняли бы у насъ, если бы кто-нибудь изъ русскихъ судей въ своемъ резюме высказалъ такой гуманный взглядъ на законъ. Легко представить себѣ, какіе громы посыпались бы на голову нашихъ присяжныхъ, если бы они осмѣлились, при „столь печальныхъ обстоятельствахъ". которыхъ никакой законъ не предвидитъ и не можетъ предвидѣть, отпустить съ миромъ, т.-е. *оправдать* несчастную страдалицу. Боже мой, какіе фарисейскіе возгласы поднялись бы къ небу и о поруганіи закона, и о всемогуществѣ „суда улицы" и пр. и пр.!

Посмотримъ теперь, какъ разрѣшилъ дѣло англійскій судъ, примѣръ котораго кстати и некстати выставляется у насъ напоказъ. Присяжные обвинили подсудимую Риле, но судья приговорилъ ее *къ аресту на пять минутъ*, т.-е. тутъ же отпустилъ ее на свободу.

Вотъ къ чему, стало быть, сводится вся разница между судомъ осмѣиваемаго у насъ русскаго суда присяжныхъ и судомъ англичанъ — къ аресту на пять минутъ! Если для успокоенія жрецовъ разгнѣванной русской Ѳемиды нужно это формальное жертвоприношеніе, въ видѣ ареста „на пять минутъ", то мы ничего не имѣли бы противъ заимствованія такого обряда изъ англійской судебной практики. Тогда, можетъ-быть, и противники новаго суда положили бы гнѣвъ на милость и, наконецъ, уразумѣли бы, что бываютъ случаи, когда подъ видимымъ нарушеніемъ закона кроется дѣйствительное исполненіе его истиннаго намѣренія, и, наоборотъ, при *salvis verbis legis*, т. е. при неукоснительномъ соблюденіи его буквы, нерѣдко вполнѣ нарушается его доброе намѣреніе. А поняви эту старую истину, они, быть-можетъ, оста-

вили бы въ покоѣ нашъ институтъ суда присяжныхъ, который потому-то, между прочимъ, и дорогъ въ глазахъ общества, что сталъ незамѣнимымъ регуляторомъ нашего устарѣвшаго уголовнаго кодекса, непригодность и жестокость котораго давно уже признаны оффиціально.

Times всего этого не зналъ и сдѣлался жертвою излишняго довѣрія къ непримиримымъ врагамъ нашего суда присяжныхъ.

Повторяя, съ чужаго голоса, лишенные фактической почвы навѣты противъ русскаго суда присяжныхъ, *Times* заявляетъ, что онъ „нерѣдко дѣйствовалъ *капризно* (sic!) и оправдывалъ *очевидныхъ* преступниковъ изъ чисто-сантиментальныхъ *побужденій*“. Тутъ уже *Times* обнаруживаетъ непонятную наивность. Такія soit-disant капризныя оправданія вовсе не новость въ исторіи суда присяжныхъ и смыслъ ихъ давно разгаданъ и объясненъ англійскими и континентальными юристами. Казалось бы, многовѣковый опытъ англійскаго суда присяжныхъ, которому тоже были не чужды такіе моменты „каприза“, долженъ бы навести лондонскую газету на мысль о необходимости глубже вникнуть въ смыслъ этого явленія, а не довольствоваться, подобно нашей невѣжественной реакціонной прессѣ, черезчуръ скороспѣлыми, хотя на видъ очень простыми объясненіями этого любопытнаго и поучительнаго явленія. Въ самомъ дѣлѣ, если обратиться къ исторіи суда присяжныхъ въ Англіи и на континентѣ, то найдемъ въ ней много явленій, совершенно аналогичныхъ съ положеніемъ и дѣятельностью нашего суда присяжныхъ.

Въ Англіи также не разъ *систематически* оправдывались присяжными „очевидные преступники“, но только легкомысленные люди видѣли въ этомъ фактѣ проявленіе „каприза“. Серьезные же государственные люди всегда относились внимательно къ такому ненормальному, но поучительному явленію и видѣли въ немъ указаніе на то, что существующее законодательство *не* соотвѣтствуетъ болѣе народному правосознанію и требуетъ реформы. Извѣстный англійскій юристъ Стифенъ одну изъ

выгодъ суда присяжныхъ видитъ въ томъ, что онъ служитъ спасательнымъ *клапаномъ* для народнаго чувства. „Отправленіе правосудія,—говоритъ онъ,—не должно быть совершенно безстрастнымъ, если оно разсчитываетъ на сочувствіе общества, ибо законъ самъ по себѣ есть грубое средство, и безусловное, неизмѣнно однообразное примѣненіе его во всѣхъ возможныхъ случаяхъ *не могло бы быть терпимо*. Присяжные, несмотря ни на какія увѣщанія судей примѣнять законъ и не обращать вниманія на послѣдствія приговора, никогда *не теряютъ* изъ вида этихъ послѣдствій и сообразно имъ измѣняютъ свой вердиктъ. Институтъ присяжныхъ въ этомъ отношеніи можно сравнить съ канатомъ, протянутымъ черезъ рѣку: вы можете натягивать канатъ до извѣстнаго предѣла, но онъ порвется, если вы захотите вытянуть его въ математически-прямую линію. Такъ какъ масса общества довольствуется самыми крупными чертами предмета, не вдаваясь въ подробности, и заботится болѣе о практическихъ результатахъ, чѣмъ объ общихъ правилахъ, то эта *гибкость* суда присяжныхъ способствуетъ популярности отправленія правосудія. Эта особенность жюри составляетъ такого рода выгоду, къ которой законодатель не долженъ стремиться намѣренно, но которую не слѣдуетъ легкомысленно уничтожать, если ужъ она существуетъ".

Въ исторіи англійскаго законодательства можно найти не одинъ случай, когда законодатель, прислушиваясь къ внушеніямъ „предохранительнаго клапана", *измѣнялъ* существующіе законы. Укажемъ на одинъ примѣръ. До тѣхъ поръ, пока за поддѣлку банковыхъ ассигнацій существовала смертная казнь, присяжные систематически оправдывали уличенныхъ подсудимыхъ, въ виду того, что народное сознаніе признавало наказаніе чрезмѣрно суровымъ. Правительство смягчило наказаніе, и присяжные стали судить эти дѣла наравнѣ съ другими [1]). „Присяжные,—говоритъ извѣстный англій-

[1]) *Судебн. сборникъ* Ламанскаго, вып. I, стр. XV.

скій юристъ Дж. Россель,—*не разъ* способствовали измѣненію дурныхъ законовъ, которые, по пристрастію къ нимъ судей, пожалуй, дѣйствовали бы въ Англіи и до настоящаго времени".

III.

Въ исторіи французскаго законодательства можно отмѣтить такое же благотворное вліяніе „предостереженій", дѣлаемыхъ судомъ присяжныхъ, причемъ здѣсь можно съ рѣдкою для соціальныхъ явленій точностію констатировать фактъ, что какъ только устранялась причина, вызывавшая оправданіе „очевидныхъ преступниковъ", т.-е. несоотвѣтствіе уголовнаго права общему народному сознанію, то прекращались и послѣдствія ея—„возмутительные приговоры". Въ 20-хъ годахъ текущаго столѣтія на французскій судъ присяжныхъ воздвигнуто было такое же гоненіе, какое наблюдается теперь у насъ. Число оправдательныхъ вердиктовъ доходило тамъ, какъ и у насъ, до 36%. Указывая на этотъ высокій процентъ оправданій, реакціонеры вопили, что присяжные колеблютъ законы, создаютъ безнаказанность, и требовали обузданія „произвола" присяжныхъ, — словомъ, tout comme chez nous.

Французское правительство, однако, взглянуло на дѣло шире и глубже. Въ 1832 г. состоялся пересмотръ Code Napoléon 1810 г., имѣвшій цѣлью устранить главнѣйшіе недостатки, вынуждавшіе часто присяжныхъ оправдывать уличенныхъ подсудимыхъ, а именно: чрезмѣрную суровость наказаній и крайнее стѣсненіе судей въ выборѣ мѣры наказаній. Независимо отъ этого приняты были мѣры къ улучшенію слѣдственной части и судебной полиціи.

Результатъ этой благой реформы не заставилъ себя долго ждать. Уже черезъ три года послѣ введенія ее въ дѣйствіе процентъ оправдательныхъ

вердиктовъ упалъ съ 36 на 30,25, а съ теченіемъ времени, понижаясь постепенно, дошелъ до 20% [1]).

По единодушному отзыву лучшихъ нашихъ процессуалистовъ, крупный процентъ нашихъ оправдательныхъ вердиктовъ обусловливается совершенно однородными причинами, а во главѣ ихъ на первомъ мѣстѣ стоитъ общепризнанная негодность дѣйствующаго у насъ уголовнаго уложенія. Что оправданіе „очевидныхъ преступниковъ“ слѣдуетъ приписать не „капризу“ и „сантиментальности“ присяжныхъ, а именно устарѣлости нашего уголовнаго уложенія, составленнаго почти полвѣка тому назадъ, на это имѣется [2]) свидѣтельство ученыхъ криминалистовъ и оффиціальное признаніе безусловной достовѣрности.

22 апрѣля 1881 г. удостоился Высочайшаго утвержденія совмѣстный докладъ главноуправляющаго II отдѣленіемъ Собственной Е. И. В. канцеляріи кн. С. Н. Урусова, пользовавшагося большимъ авторитетомъ въ консервативныхъ кругахъ, и бывшаго министра юстиціи Д. Н. Набокова объ образованіи комитета для составленія проекта новаго уложенія. Вотъ что, между прочимъ, читаемъ въ этомъ документѣ: „Многолѣтній опытъ новой судебной практики показалъ самымъ наглядымъ образомъ, что дѣйствующее уложеніе о наказаніяхъ не только *не соотвѣтствуетъ требованіямъ* новыхъ судебныхъ уставовъ, но и является *препятствіемъ*, со стороны технической своей обработки, къ *правильному* отправленію правосудія, *въ особенности на судѣ съ присяжными засѣдателями*“. Указывая затѣмъ на отсутствіе во многихъ случаяхъ точныхъ признаковъ преступленій и другіе недостатки уложенія, докладъ продолжаетъ: „Кромѣ того надлежитъ признать, что

---

[1]) См. *Оправдательныя рѣшенія присяжныхъ засѣдателей* проф. Фойницкаго въ *Журн. Гражд.* и *Уголов. Права* 1879, № 6, стр. 49.

[2]) См. ibid., § VIII, а также статью проф. Володимірова въ *Журн. Гражд. и Уг. Права* 1879, № 4, и рефератъ Н. В. Муравьева въ с.-петербургскомъ юридическомъ обществѣ 16 декабря 1880 г. въ томъ же журналѣ 1881 г., № 2.

уложеніе *не удовлетворяетъ* современному уровню государственныхъ потребностей и *расходится* съ обычно-правовыми *воззрѣніями* на степень преступности извѣстныхъ дѣяній—*существенный недостатокъ* въ странѣ, гдѣ дѣйствуетъ судъ присяжныхъ. Не предусматривая всѣхъ преступленій и оставляя даже безъ вниманія такія дѣянія, которыя надлежало бы подвергнуть преслѣдованію уголовнымъ закономъ, уложеніе облагаетъ весьма тяжкими карами такіе поступки, кои являются нынѣ *въ общемъ сознаніи или вовсе не преступными, или крайне маловажными*".

Таковы ipsissima verba двухъ авторитетнѣйшихъ коронныхъ юристовъ, категорически удостовѣряющихъ устарѣлость дѣйствующаго у насъ уголовнаго кодекса *) и, стало-быть, громко свидѣтельствующихъ, что и въ нашихъ руководящихъ сферахъ былъ установленъ совершенно правильный взглядъ на значеніе высокаго процента оправданій. Не ясно ли, послѣ этого, что не въ неумѣстномъ „сантиментализмѣ" и безотчетномъ „капризѣ" слѣдуетъ искать причину многочисленныхъ оправдательныхъ вердиктовъ, а именно „въ несоотвѣтствіи закона съ воззрѣніями народа"?! Для устраненія этого „неудобства" и былъ учрежденъ, согласно Высочайшему повелѣнію отъ 30 апрѣля 1881 года, комитетъ для составленія проекта новаго уложенія. Работы этого комитета, къ сожалѣнію, идутъ крайне медленно, чему виною, главнымъ образомъ то отсутствіе одушевленія и вѣры въ предпринятое дѣло, безъ которыхъ не спорится ни одна серьезная работа. Но когда окончится составленіе новаго уложенія, тогда, безъ сомнѣнія, устранится одна изъ главныхъ причинъ высокаго процента оправдательныхъ вердиктовъ присяжныхъ. Съ устраненіемъ же другихъ неблагопріятныхъ условій дѣятельности суда при-

*) Наши извѣстные криминалисты, сенаторъ Н. С. Таганцевъ и оберъ-прокуроръ Н. А Неклюдовъ, почти за 10 лѣтъ передъ этимъ научнымъ образомъ доказали негодность нашего уложенія 1845 г. См. *Журн. Гражд. и Уголов. Права* 1873, № 1 и *Руководство къ особенной части* Н. А. Неклюдова.

сяжныхъ, вполнѣ выясненныхъ нашею юридическою литературой (неустройство сыскной и слѣдственной части, погрѣшности обвинительныхъ камеръ, недостатокъ въ хорошихъ предсѣдателяхъ уголовныхъ сессій), и у насъ процентъ оправданій, по единогласному удостовѣренію нашихъ ученыхъ юристовъ и знатоковъ судебной практики, войдетъ въ норму [1]).

Конечно, *Times'y* до нѣкоторой степени извинительно было всего этого не знать, когда онъ высказывалъ свое легковѣсное сужденіе о русскомъ судѣ присяжныхъ и съ легкимъ сердцемъ приписывалъ неправосудіе (?) наше „неспособности *русскаго народа*, въ его нынѣшнемъ состояніи, съ пользою *примѣнять чужую систему суда*“ и проч.

Въ этомъ случаѣ англійская газета, безъ сомнѣнія, заплатила дань слабости, обычной надменнымъ британцамъ, привыкшимъ гордиться, и гордиться съ полнымъ правомъ, судомъ присяжныхъ, какъ однимъ изъ величайшихъ изобрѣтеній англійскаго генія, и видѣть въ немъ (судѣ) одну изъ основъ своего благосостоянія, но привыкшимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, считать судъ присяжныхъ и другіе институты высшей культуры пригодными только для себя и негодными, „чужими“ для другихъ, „некультурныхъ“ народовъ. Такое пренебрежительное отношеніе къ русской культурѣ понятно и, пожалуй, даже извинительно англійской газетѣ, не обязанной знать детально условія русской жизни. Но мы отказываемся понять, какъ *Московскія Вѣдомости* [2]), часто парадирующія своими „патріотическими чувствами“ и кстати и некстати выставляющія напоказъ и въ назиданіе иностранцамъ „духовную мощь“ русскаго народа, могли съ нескрываемымъ злорадствомъ протянуть руку *Times'y* и поспѣшить радостно росписаться въ полученіи пощечины, съ

---

[1]) См. вышеупомянутую статью проф. Фойницкаго, § IX, а также *Русскую Рѣчь* 1879 г., № 6, и *Юрид. Вѣстн.* 1891, № 3.

[2]) *Моск. Вѣд.* 1889 г., № 222.

чисто британскою безцеремонностью, посылаемою этою газетой по адресу «русскаго народа».

Если не побужденія національнаго самолюбія, то хоть простое уваженіе къ истинѣ, казалось бы, должно было заставить нашихъ «патріотовъ» раскрыть глаза иностранной газетѣ и показать ей, какъ она заблуждается въ своемъ сужденіи «о способностяхъ русскаго народа въ нынѣшнемъ его состояніи». Какой представлялся прекрасный случай показать свой патріотизмъ, если бы наши патріоты-крикуны не ограничивали задачи своего патріотизма безпрестаннымъ бряцаніемъ саблей и «сверканіемъ стальною щетиной»!

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не съ достойною національною гордостью можетъ выставить Россія предъ лицомъ всего свѣта—рядомъ съ лучшею страницей русской культуры, благополучнымъ освобожденіемъ русскаго народа въ 1861 г., — другую, не менѣе блестящую страницу — удачное примѣненіе этимъ молодымъ, даже «младенческимъ» народомъ института суда присяжныхъ съ *первыхъ* же шаговъ его дѣйствія, — фактъ, повергшій и до сихъ поръ повергающій въ изумленіе? .. Въ отвѣтъ на легкомысленную выходку *Times'a* „о неспособности русскаго народа въ настоящемъ его состояніи съ пользою примѣнять «чужую» систему суда“, развѣ не могли и не должны бы *Московскія Вѣдомости* указать на то, что русскій народъ доказалъ свою способность еще въ 1866 году, т. е. *на пятомъ году* своего „появленія на свѣтъ“? [1])

Извѣстный юристъ Миттермайеръ, горячо привѣтствуя учрежденіе въ Россіи суда присяжныхъ, но опасаясь за успѣхъ этого смѣлаго начинанія, дружески предостерегалъ русское правительство,

---

[1]) Я. И. Ростовцевъ, одинъ изъ виднѣйшихъ дѣятелей крестьянской реформы, въ письмѣ къ А. Ф. Орлову отъ 14 февраля 1859 года, мѣтко замѣчаетъ, что Александръ II „*создаетъ* въ Россіи народъ, котораго *досель* въ отечествѣ нашемъ не *существовало*“. См. *Освобожденіе крестьянъ* Н. П. Семенова. Спб., 1889 г., стр. 49.

чтобы оно, „не видя немедленно плодовъ, ожидаемыхъ отъ новыхъ учрежденій, не дало себя запугать приверженцамъ стараго порядка“ [1]). Но, въ виду блестящаго успѣха суда присяжныхъ, это предостереженіе оказалось излишнимъ. За *первое* же полугодіе 1866 года министръ юстиціи Д. Н. Замятинъ помѣстилъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ слѣдующія памятныя слова: „Присяжные засѣдатели,—писалъ онъ,—состоящіе *преимущественно изъ крестьянъ* (наприм., въ Ямбургѣ изъ 12 засѣдателей было *11 крестьянъ*), *вполнѣ оправдали* возложенныя на нихъ надежды: имъ предлагались *весьма трудные* для разрѣшенія вопросы, надъ которыми обыкновенно затрудняются люди, пріученные опытомъ къ правильному пониманію уголовныхъ дѣлъ, и всѣ эти вопросы, благодаря *поразительному вниманію*, съ которымъ присяжные засѣдатели вникаютъ въ дѣло, разрѣшались въ наибольшей части случаевъ *правильно* и *удовлетворительно*“ [2]).

Привѣтствуя указанный министерскій отчетъ, *Московскія Вѣдомости* замѣчали: „Поистинѣ, едва вѣрится, чтобы въ столь короткое время такъ *крѣпко* и такъ *успѣшно* принялось дѣло столь великое и возбуждавшее столько, *повидимому*, справедливыхъ сомнѣній... *Судъ присяжныхъ, лучшая гарантія гражданской свободы*, находится въ полномъ дѣйствіи на значительномъ пространствѣ нашего отечества и въ немъ (судѣ) принимаютъ участіе *крестьяне*,—тѣ самые крестьяне, которымъ только шесть лѣтъ тому назадъ дарована свобода,—и успѣхъ *превосходитъ самыя смѣлыя* ожиданія“ [3]).

Да, введеніе у насъ суда присяжныхъ тотчасъ послѣ отмѣны рабства было, по справедливому замѣчанію проф. Фойницкаго, смѣлымъ, даже дерзкимъ шагомъ. Но этотъ „дерзкій шагъ“ увѣнчался,

---

[1]) *Журналъ Министерства Юстиціи* 1864 г., № 10, стр. 15.

[2]) См. *Журналъ Министерства Юстиціи* 1867 г., № 2, стр. 114.

[2]) *Московскія Вѣдомости* 1867 г., № 69.

какъ доказываетъ тотъ же ученый, успѣхомъ [1]), и не порицанія, а великой похвалы заслуживаютъ какъ иниціаторы этого „дерзкаго шага“, питавшіе вѣру не на словахъ, а на дѣлѣ въ „способности“ русскаго народа [2]), такъ и этотъ послѣдній, этотъ „вчерашній рабъ“, такъ блистательно оправдавшій возложенныя на него надежды [3]).

Такая справедливая защита русскаго народа отъ неосновательнаго обвиненія въ „неспособности“ была бы, смѣемъ думать, болѣе къ лицу истинному

---

[1]) *Курсъ уголовнаго судопроизводства*, стр. 447.

[2]) Въ числѣ первыхъ провозвѣстниковъ и самыхъ горячихъ защитниковъ суда присяжныхъ долженъ быть поставленъ знаменитый дѣятель крестьянской реформы, получившій громкую извѣстность защитой „надѣла“ и интересовъ народа, А. М. Унковскій, бывшій тверскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства въ 1858—1860 гг. Въ замѣчательной Запискѣ 1859 г., приложенной къ Положенію Тверскаго Комитета объ освобожденіи крестьянъ, г. Унковскій приводилъ слѣдующіе доводы въ пользу введенія у насъ суда присяжныхъ.

„Невозможно ожидать, сказано въ Запискѣ, чтобы судъ присяжныхъ въ Россіи могъ имѣть съ самаго начала то же самое значеніе, какое онъ имѣетъ въ Англіи въ настоящее время. Но развѣ судъ присяжныхъ въ Англіи въ XV и XVI столѣтіямъ былъ то же, что теперь? Развѣ народъ Англіи того времени былъ болѣе образованъ, нежели нашъ? Англія вводитъ судъ присяжныхъ всюду, куда достигаетъ ея владычество, и вездѣ это учрежденіе оказываетъ благодѣтельныя послѣдствія. Судъ присяжныхъ существуетъ даже въ Новой Зеландіи. Неужели дикари этого острова болѣе развиты, чѣмъ нашъ народъ? Цѣловальники древней Россіи были тѣ же присяжные; при посредствѣ ихъ рѣшались уголовныя дѣла. Почему же не можетъ существовать такой порядокъ теперь? Дѣла по преступленіямъ, по существу своему, могутъ быть судимы только по совѣсти; законъ не въ состояніи исчерпать всѣ роды и виды доказательствъ и опредѣлить ихъ относительную важность. Для сужденія о виновности преступника нужны только здравый смыслъ и совѣсть—ничего болѣе. Неужели можно отвергать въ нашемъ народѣ и эти качества? это было бы слишкомъ много“ (стр. 30—31).

[3]) Новое доказательство «способности» русскаго народа къ вполнѣ разумному отправленію обязанностей присяжнаго засѣдателя находимъ въ послѣднихъ наблюденіяхъ извѣстнаго публициста, автора *Общ. хроники Вѣстн. Европы* (См. № 4 за 1890 г., стр. 894—904). См. также очеркъ мой „Какъ мы судили“ *въ Сѣверномъ Вѣстникѣ* 1891, № 4.

русскому патріоту, чѣмъ та незавидная роль услужливыхъ передатчиковъ незаслуженныхъ напраслинъ, которую предпочли взять на себя, по партійнымъ соображеніямъ, „патріотическіе“ органы печати.

IV.

Невольно спрашиваешь себя, откуда эта жестокая несправедливость враговъ нашего суда присяжныхъ, мѣшающая имъ видѣть очевидные для всѣхъ факты; откуда это пристрастное озлобленіе, притупляющее, когда рѣчь идетъ о судѣ присяжныхъ и о недавнихъ реформахъ, столь естественныя по отношенію къ отзывамъ иностранной печати осторожность и критическое отношеніе? Выше мы указывали на дальтонизмъ sui generis, но дальтонизмъ только симптомъ болѣзни, корень же лежитъ глубже, а именно въ органическихъ свойствахъ, присущихъ „умоначертанію“ реакціонныхъ публицистовъ.

Есть люди, которые по складу своихъ мыслей иначе не могутъ представить себѣ разумный общественный строй, какъ въ видѣ строго-соподчиненныхъ другъ другу бюрократическихъ учрежденій, лишенныхъ всякой самостоятельности и являющихся почти безсознательнымъ орудіемъ въ рукахъ центральныхъ учрежденій. Для людей съ такимъ міровоззрѣніемъ всѣ такъ называемыя *свободныя* учрежденія, т.-е. учрежденія, пользующіяся извѣстною свободой и самостоятельною въ кругу предоставленной имъ власти, предоставляются ни съ чѣмъ несообразнымъ „упраздненіемъ правительства“.

Даромъ, что эта власть дана самимъ правительствомъ послѣ того, какъ оно убѣдилось, что, при всемъ желаніи, оно не въ силахъ опекать и контролировать каждый шагъ своихъ агентовъ; даромъ, что правительство путемъ долгаго опыта убѣдилось въ несостоятельности системы, которая въ

Сводѣ Законовъ съ математическою точностью опредѣляла на 188 ступеняхъ лѣстницы наказаній наказаніе отъ 3-хъ ударовъ розгами до 100 ударовъ плетьми и 6000 ударовъ шпицрутенами, а въ процессуальныхъ законахъ, пренебрегая совѣстью и разумѣніемъ судей, производила за нихъ и разъ навсегда оцѣнку судебныхъ доказательствъ; даромъ, что, убѣдившись въ негодности этой системы, само правительство признало нужнымъ дать суду самостоятельность и ввести судъ по совѣсти. Ничего этого знать не хотятъ наши „реформаторы судебной реформы“ и, попрежнему, негодуютъ по поводу каждаго самостоятельнаго шага судебныхъ установленій, не совпавшаго съ ихъ взглядами.

Методъ ихъ давно извѣстенъ. Возьмутъ первый попавшійся подъ руку „возмутительный“ судебный приговоръ и—ну давай честить „судебную республику“. Если бы не непримиримая вражда къ „свободнымъ“ учрежденіямъ, то фальшивость такого метода была бы очевидна и для пользующихся имъ. Вѣдь суть дѣла не въ томъ или другомъ частномъ промахѣ. Допустимъ, что большинство указываемыхъ реакціонною печатью, sit venia verbo,—судебныхъ „сатурналій“ совершенно вѣрны. Что же изъ этого слѣдовало бы?... Кому же, напримѣръ, придетъ въ голову на основаніи таганрогскихъ или оренбургскихъ хищеній отвергать въ принципѣ *основы* административной власти? А, между тѣмъ, не на такой же ли ни съ чѣмъ несообразной точкѣ зрѣнія стоятъ враги судебныхъ учрежденій, крича, по поводу того или другаго промаха ихъ, о необходимости уничтоженія суда присяжныхъ, несмѣняемости судей и т. п.?

Самые „завзятые доктринеры“ судебной реформы никогда и нигдѣ не утверждали, что эти и имъ подобные институты новаго публичнаго права, служа гарантіею правосудія, сами абсолютно гарантированы отъ случайныхъ ошибокъ. Къ сожалѣнію, въ человѣческихъ учрежденіяхъ приходится довольствоваться не *абсолютнымъ* благомъ, которое и существуетъ только въ идеѣ, а *относительнымъ*. А если

это такъ, то отдѣльные и, притомъ, крайне рѣдкіе случаи ошибокъ ничего не говорятъ противъ *основнаго принципа* свободныхъ учрежденій, столь ненавистнаго реакціоннымъ публицистамъ.

Если же отказаться отъ точки зрѣнія, которая въ свободѣ и самостоятельности привыкла видѣть элементы, враждебные порядку, то придется согласиться съ Миттермайеромъ, что свободныя учрежденія—это такая цѣнная, хотя и медленно дѣйствующая школа для воспитанія гражданъ, ради которой слѣдуетъ примириться съ временными ея неудобствами.

Люди недальновидные думаютъ, что путемъ частичныхъ уступокъ можно удовлетворить принципіальныхъ враговъ свободныхъ учрежденій. На самомъ дѣлѣ они не перестанутъ вопить: „delenda est Carthago“ до тѣхъ поръ, пока не будутъ упразднены всѣ основы судебной реформы. „Для того, чтобы послѣдовательно осуществить стремленіе возникающихъ съ новою силой старыхъ воззрѣній на уголовный судъ,—писалъ еще въ 1879 г. проф. военно-юридической академіи В. М. Володимировъ,—необходимо уничтожить самостоятельность и независимость судей, отмѣнить выборное начало, судъ присяжныхъ и защиту.

„Но вѣдь это цѣлый переворотъ — заключаетъ авторъ.—Достаточно ли для этого подготовлена почва? Вѣдь русскіе юристы все еще имѣютъ слабость считать судебные уставы 20 ноября 1864 г. *гордостью и честью* русской юриспруденціи и само общество не отвыкло еще видѣть въ нихъ *блестящій вѣнецъ величайшихъ реформъ*“ [1]).

---

[1]) *Журналъ Гражд. и Уголовн. Права* 1879 г., № 7—8.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Устройство судебной части въ области земскихъ начальниковъ.

(Законъ 12-го іюля 1889 г.)

Наше дѣло крестьянское. Говорятъ для насъ и законъ не писанъ.

(Изъ наставл., даннаго ярославск. крестьянином сыну).

I.

Одной изъ важнѣйшихъ сторонъ Положенія о земскихъ начальникахъ, это—почти полное упраздненіе одного изъ крупнѣйшихъ институтовъ, созданныхъ судебнымъ законодательствомъ 20 ноября,—мироваго суда. Кой-какіе остатки этого института уцѣлѣютъ еще въ столицахъ и въ гор. Одессѣ и, быть можетъ, уцѣлѣютъ въ большихъ губернскихъ городахъ, когда министръ юстиціи воспользуется предложеніемъ государственнаго совѣта войдти, съ кѣмъ слѣдуетъ, въ сношеніе и обсудить вопросъ о возможности сохраненія мироваго института на основаніяхъ, опредѣленныхъ Уставами Александра II. Но это—дѣло будущаго, а въ настоящее время одно можно сказать съ увѣренностью, что мировой судъ не сегодня—завтра отойдетъ въ область прошлаго на обширной территоріи земскихъ губерній, сдѣлается достояніемъ исторіи. Не упреждая ея безпристрастнаго суда, но не сомнѣваясь вмѣстѣ

съ тѣмъ въ его окончательномъ выводѣ, мы считаемъ долгомъ отмѣтить теперь же изъ двадцатипятилѣтней исторіи мироваго института одинъ наиболѣе крупный и безспорный фактъ, который не въ состояніи исказить даже та систематическая клевета, которую съ неостывающею энергіею распространяла относительно этого учрежденія въ теченіе тѣхъ же 25-ти лѣтъ партія „революціонныхъ консерваторовъ“, по выраженію Ю. Ѳ. Самарина, словомъ партія людей, „неохотно входившихъ въ условія *новаго* гражданскаго порядка, созданнаго судебною реформою“.

Значеніе мироваго института станетъ ясно, если припомнить характеристику его, сдѣланную извѣстнымъ министромъ юстиціи Д. Н. Замятнинымъ.

23-го апрѣля 1866 года тогдашній министръ юстиціи Д. Н. Замятнинъ, открывъ московскія судебныя установленія, обратился къ мировыхъ судьямъ перваго избранія съ такими словами: „Вамъ, господа, впервые избраннымъ совокупно всѣми сословіями на эту важную должность, предоставленъ обширный кругъ дѣятельности: вамъ поручены дѣла тѣхъ именно лицъ, которыя *наиболѣе* нуждаются въ скоромъ и правомъ судѣ; на васъ лежитъ непремѣнная обязанность поставить должность мироваго судьи на ту *высокую степень значенія*, которая предназначена ей закономъ, и сдѣлать изъ него *краеугольный камень* гласнаго, скораго, праваго и милостиваго суда“ [1]).

Оправдалъ ли мировой судъ то высокое довѣріе, которое было ему оказано, и выполнилъ ли онъ отвѣтственную культурную миссію, которая выпала на его долю?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо припомнить тѣ ближайшія условія, при которыхъ возникалъ у насъ мировой судъ и въ которыхъ заключается ключъ къ уясненію только-что приведенныхъ словъ Д. Н. Замятнина. Если въ оффиціаль-

1) См. мою „Стран. изъ исторіи судебной реформы“ (Д. Н. Замятнинъ). М. 1883 г., стр. 88.

ной рѣчи, гдѣ не принято щеголять метафорами и гдѣ каждое слово имѣетъ свой смыслъ и значеніе, первый генералъ-прокуроръ новаго суда называетъ мировой институтъ „краеугольнымъ камнемъ", то на это должны были быть у него свои вѣскія основанія. Намекъ на нихъ мы находимъ въ той же рѣчи. Мировымъ судьямъ были поручены дѣла тѣхъ лицъ, которыя *наиболѣе нуждаются* въ правомъ судѣ, т.-е. правосудіи. Кто же эти лица? Это та многомилліонная народная масса, которая всего пять лѣтъ передъ тѣмъ возвращала себѣ, благодаря освободительному акту 19-го февраля, впервые послѣ трехсотлѣтняго рабства утраченныя гражданскія права и права свободнаго гражданина.

Крѣпостное право, налагавшее на всѣ отправленія частной и общественной жизни своеобразный или, лучше сказать, безобразный отпечатокъ насилія и неправды, было настоящимъ *instrumentum regni*, по выраженія Тацита. Императоръ Павелъ I въ одномъ изъ своихъ актовъ отмѣчаетъ, что Россія управляется только при содѣйствіи тѣхъ 100,000 полицеймейстеровъ, которые имѣются въ лицѣ помѣщиковъ-душевладѣльцевъ.

Въ 1861 г. происходитъ паденіе крѣпостнаго права и постепенное высвобожденіе личности „вчерашняго раба". На первое время создается переходное состояніе учрежденіемъ полуполицейскаго, полусудебнаго института мировыхъ посредниковъ. Эта переходная должность, корни коей уходятъ въ дореформенный строй съ его неизбѣжными розгами, есть предтеча новаго института мироваго суда, призваннаго насадить среди бывшихъ рабовъ вѣру въ судъ, или, что то же, въ законность.

Слишкомъ хорошо извѣстно всѣмъ, какъ велико было недовѣріе и страхъ русскаго народа къ суду, чтобы нужно было долго распространяться на эту тему. Онъ слишкомъ недвусмысленно выразилъ въ своихъ пословицахъ свое отношеніе къ начальству, чтобы тутъ могло быть какое-нибудь сомнѣніе. Приведемъ только одинъ фактъ, отлаженный, кажется, Г. И. Успенскимъ. Въ народномъ лѣчебникѣ

есть трава „одолѣнъ“ (корень, что бумага); она употребляется предъ тѣмъ, какъ идти къ начальству — для смягченія гнѣва его; приговоръ его: иду насупротивъ медвѣдя, упираюсь волкомъ. Въ апрѣльской книгѣ *Русской Старины* (1889, № 4) въ своихъ любопытныхъ запискахъ А. И. Тургеневъ, между прочимъ, передаетъ слѣдующее характерное напутствіе, данное ярославскимъ крестьяниномъ своему сыну: „Что другіе дѣлаютъ, не зарься на нихъ, не твое дѣло; твой отвѣтъ: видѣлъ не видалъ, слышалъ не слыхалъ — цѣлѣе будешь. Наше дѣло крестьянское, Ѳедулушка, *говорятъ, для насъ и законъ не писанъ*“.

Миссіею мироваго суда было внести въ народныя массы убѣжденіе, что прошли тѣ времена, когда законъ для нихъ былъ не писанъ; что отнынѣ судъ для всѣхъ равный; что послѣ времени, когда сложилась пословица: съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не тяжись, настало теперь другое, когда водворяется уваженіе къ закону, то *уваженіе къ закону*, безъ коего, какъ гласитъ памятный указъ 20-го ноября 1864 г., „невозможно общественное благосостояніе, и которое должно быть руководителемъ дѣйствій всѣхъ и каждаго, отъ *высшаго до низшаго*“. Водвореніе царства равнаго для всѣхъ закона на мѣсто произвола, благоусмотрѣнія или просто усмотрѣнія, мѣняющагося глядя по лицамъ,—вотъ высокая культурная миссія, поставленная мировому институту.

Водвореніе законности, безъ сомнѣнія, было задачею не исключительно только мироваго суда, а вообще всего цикла новыхъ судебныхъ установленій; но для мировой юстиціи задача эта получала особое значеніе, благодаря которому она дѣлалась, по справедливому замѣчанію Замятнина, краеугольнымъ камнемъ новаго суда.

Мировые судьи вѣдаютъ дѣла самыя обыденныя и многочисленныя. Можно вѣкъ свой прожить и не имѣть никакого дѣла ни въ гражданскомъ отдѣленіи окружнаго суда, ни на судѣ присяжныхъ. Можно вѣкъ свой прожить и ни разу не видѣть

даже засѣданія окружнаго суда, имѣющаго постоянное пребываніе въ губернскомъ городѣ и лишь изрѣдка выѣзжающаго въ уѣздные города. Но мировой судъ находится бокъ-о-бокъ съ массою сельскаго народонаселенія, которое такъ или иначе обязательно приходитъ въ соприкосновеніе съ мировыми судьями. Если существуетъ мнѣніе, и мнѣніе вполнѣ основательное, о воспитательномъ значеніи новыхъ судебныхъ учрежденій, то эта роль по преимуществу выполнялась мировыми учрежденіями, гдѣ народныя массы въ качествѣ тяжущихся, свидѣтелей или простыхъ зрителей должны были во-очію видѣть, дѣйствительно-ли это *новый* судъ, и въ чемъ заключается его *новизна*. Если губернскіе или окружные суды какъ бы соотвѣтствовали губернскимъ гимназіямъ, мало доступнымъ для народа, то мировой судъ соотвѣтствовалъ народной школѣ, единственному разсаднику просвѣщенія среди народныхъ массъ.

Чему же учила эта своеобразная народная школа гражданскаго воспитанія? Учила она многому и хорошему. Учила она прежде всего тому, что новый судъ—судъ *равный* для всѣхъ; что ни сословныя, ни имущественныя различія не даютъ на судѣ никакихъ преимуществъ; что знатный и богатый, простолюдинъ и бѣднякъ равны предъ закономъ; что законъ писанъ для всѣхъ. Училъ онъ тому, что прежнія спасительныя для ловкихъ мошенниковъ увертки: „знать не знаю, вѣдать не вѣдаю“, ни къ чему не служатъ на новомъ судѣ, который судитъ уголовныя дѣла по убѣжденію совѣсти. „Вчерашній рабъ“ сталъ убѣждаться, что и у него есть права личности, которыя нельзя нарушать безнаказанно, что „нынче драться не велятъ“, что „нынче нельзя гнать въ шею безъ разсчета и паспорта“, узналъ однако, что нынче нельзя безобразничать на улицѣ, что нельзя безнаказанно нарушать контракты и пр.

Это былъ цѣлый переворотъ въ народномъ и общественномъ правосознаніи и онъ былъ скоро

замѣченъ наблюдателями общественной жизни. Вотъ что писалъ извѣстный публицистъ В. П. Безобразовъ спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ открытія новаго суда:

„Если судебная реформа,—говоритъ онъ,—вноситъ къ намъ дѣйствительное живое право на мѣсто *призрака права*, то *мировая власть* вноситъ право въ такую сферу отношеній нашего общества, гдѣ не существовало и призрака права, *даже и понятія о возможности права*". „Чтобы убѣдиться, какъ мало въ этихъ словахъ преувеличенія,—продолжаетъ авторъ,—надо видѣть то *изумленіе* людей, которые въ своемъ самоуправствѣ должны подчиняться приговорамъ мировыхъ судей; надо видѣть то изумленіе, подавляющее своею силою даже раздраженіе, съ которымъ выслушиваютъ эти приговоры господа, прогнавшіе отъ себя служителей, не выдавъ имъ жалованья за полгода службы, только потому, что служители имъ не понравились; рабочіе, мастера, самовольно ушедшіе съ работъ до срока найма, вопреки письменному контракту, только потому, что цѣна на работы поднялась; пьяницы, никогда не слыхавшіе, чтобы нельзя было валяться или ругаться на улицахъ; мужья, не имѣвшіе никакого понятія о томъ, что нельзя избивать до полусмерти своихъ женъ; баринъ, ускакавшій на тройкѣ, даже не оглянувшись на ребенка, раздавленнаго имъ на дорогѣ и т. д." „Люди *не хотятъ вѣрить* своимъ глазамъ,—говоритъ далѣе авторъ,—чтобы покровительство, оказанное ими исправнику, не освобождало ихъ отъ *обязанности* платить жалованье слугамъ или чтобы дружественныя попойки съ засѣдателемъ полицейскаго управленія не давали имъ *права бить* не только рабочихъ, но и *самихъ полицейскихъ* служителей. Изумленіе однако быстро смѣняется другими чувствами, и *толпа* народа *валитъ* къ мировымъ судьямъ, вылѣзаютъ на свѣтъ божій изъ всѣхъ темныхъ закоулковъ и щелей такія дѣла, которыя на памяти людской иначе не рѣшались, какъ *кулачнымъ* правомъ, а въ самомъ лучшемъ

случаѣ *терпѣніемъ и забвеніемъ*“ [1]). (*Русск. Вѣстн.* 1866, № 10).

Вотъ въ такую-то дикую среду, съ такими извращенными понятіями о правахъ и обязанностяхъ и внесъ мировой судъ первые элементы истиннаго правосознанія, долженствовавшіе внушить жертвамъ кулачнаго права сознанія объ ихъ поруганномъ человѣческомъ достоинствѣ и объ ограждающемъ его правѣ. Про нашъ мировой судъ можно сказать то же самое, что сказалъ Вольтеръ про Монтескье: гражданская личность растеряла документы на свои права, а мировой судъ отыскалъ и возвратилъ потерянное.

Лучшая часть администраціи, мыслящаго общества и печати съ довѣріемъ привѣтствовала возникновеніе новаго института, призваннаго къ насажденію первой основы гражданственности, твердой законности и правоваго порядка [2]). Общество всѣми доступными ему способами выражало свое сочувствіе новому суду и мировому институту. С.-Петербургская городская дума въ 1867 г. во всеподданнѣйшемъ благодарственномъ адресѣ по случаю открытія новаго суда заявляла, что „событіе это наполнило тою радостью сердца *всѣхъ* вѣрноподданныхъ, какую Россія испытывала въ лучшія минуты своего историческаго существованія“.

Но составители адреса очевидно нѣсколько увлекались. Уже *a priori* нельзя было не видѣть, что далеко не всѣмъ придутся по вкусу новые судебные порядки. Легко ли было въ самомъ дѣлѣ лю-

---

1) По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, во всей Россіи осуждено было въ 1858–1859 гг. среднимъ числомъ около 500 человѣкъ за воровство-мошенничество. За то же преступленіе въ однихъ мировыхъ учрежденіяхъ осуждается около 1,500 человѣкъ въ годъ.

2) Въ оффиціальномъ органѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, въ *Сѣверной Почтѣ*, писали вскорѣ послѣ открытія новаго суда: „благодѣтельныя послѣдствія судебной реформы одинаково признаются *всѣми* (!) безъ исключенія правительственными вѣдомствами и свидѣтельствуются губернаторами всѣхъ губерній, гдѣ уже введены новыя судебныя установленія“.

дямъ, воспитаннымъ на крѣпостномъ самоуправствѣ и административномъ произволѣ, примириться съ порядками, при которыхъ баринъ и мужикъ, барыня и кухарка становились на одну доску? Съ первыхъ же дней дѣйствія мировыхъ учрежденій изъ лагеря крѣпостниковъ, органомъ коего служила *Вѣсть*, раздались вопли противъ мировыхъ учрежденій за колебаніе основъ. Почитатели дореформенныхъ порядковъ заподозрѣли даже искренность благодарственныхъ адресовъ по поводу открытія новаго суда.

Прекрасную отповѣдь на эти ламентаціи находимъ въ одной изъ тогдашнихъ московскихъ газетъ. Она справедливо замѣчаетъ, что скептики могутъ находить черезчуръ дешевымъ выраженіе сочувствія, ограничивающееся словеснымъ заявленіемъ, если даже заявленіе идетъ отъ учрежденій, уполномоченныхъ говорить отъ имени общества; но для скептицизма нѣтъ мѣста, когда сочувствіе выражается денежнымъ пожертвованіемъ и переводится на податные рубли, какъ это было въ московской городской думѣ, которая, при стѣсненныхъ городскихъ финансахъ, все же нашла нужнымъ сдѣлать добавочный расходъ на мировой судъ.

„А между тѣмъ, — продолжаетъ газета — именно мировая часть судебныхъ учрежденій подвергается у насъ наиболѣе злобнымъ нападкамъ со стороны нашихъ консерваторовъ извѣстнаго сорта, сердящихся повидимому на судебную реформу, какъ и на другія преобразованія, всего болѣе за то, что они идутъ не безъ успѣха. Мировые судьи замѣнили у насъ главнымъ образомъ разбирательство, происходившее въ съѣзжихъ домахъ. Кто не помнитъ, что это такое было?!... Думаютъ ли, — говоритъ въ заключеніе газета, — эти безстрастные рыцари до того отуманить своихъ читателей, чтобы убѣдить ихъ въ преимуществѣ стараго порядка судопроизводствъ предъ новымъ? (*Моск. Вѣд.* 1866 г., № 263).

Не много прошло времени со времени открытія перваго мироваго суда, но много воды съ тѣхъ поръ утекло. Многое, казавшееся крѣпкимъ и не-

зыблемымъ, пошатнулось, многое шатавшееся и падавшее укрѣпилось и вновь воспрянуло. Не мало превратностей испыталъ и мировой судъ, встрѣченный съ такимъ сочувствіемъ и надеждами. Какія бы судьбы ни ждали его въ будущемъ, безпристрастный историкъ недавняго прошлаго отмѣтитъ, какъ безспорный фактъ, что если только-что освобожденный изъ рабства народъ пересталъ бояться суда и и судей, сталъ вѣрить въ него, сталъ убѣждаться что „и для него законъ писанъ“, то этимъ громаднымъ, въ культурномъ отношеніи, переворотомъ Россія обязана главнымъ образомъ мировому суду. Дѣйствительно громадный переворотъ! Эта безспорная заслуга его никогда не забудется и за нее навѣрное

Спасибо скажетъ сердечное русскій народъ.

II.

На такомъ-то очищенномъ, значительно удобренномъ поприщѣ приходится нынѣ дѣйствовать земскимъ начальникамъ. Предстоящая имъ задача несравненно легче той, которая выпала на долю мировыхъ судей, этихъ первыхъ піонеровъ по водворенію у насъ въ глубокихъ народныхъ пластахъ первыхъ основъ культурнаго общежитія: сознанія своего достоинства и права, уваженія къ закону и рѣшимости отстаивать при помощи суда свои права. Отъ преемниковъ мировыхъ судей будетъ зависѣть, слѣдовать ли ихъ добрымъ традиціямъ и дать ли расцвѣсть этимъ молодымъ всходамъ культуры, или, слѣдуя столь опаснымъ для интересовъ правосудія сословнымъ предразсудкамъ и симпатіямъ, поколебать только-что образовавшуюся въ народѣ вѣру въ судъ и такимъ образомъ растратить тотъ драгоцѣнный духовный капиталъ, который съ такимъ трудомъ былъ накопленъ мировою юстиціею. Будущее укажетъ, какое именно направленіе приметъ институтъ, являющійся на смѣну мироваго суда. Теперь же, въ виду насту-

пающей уже исторіи для этой части судебной реформы, нелишнее будетъ замѣтить, что если эта, какъ и другія части ея, имѣла тотъ успѣхъ, который возможенъ былъ при данныхъ многотрудныхъ обстоятельствахъ, и если въ частности мировая юстиція могла произвести вышеуказанный „переворотъ въ умахъ“, то этимъ она обязана тому обстоятельству, что въ основу судебной реформы 1864 года положены были, согласно Высочайшему повелѣнію государственной канцеляріи отъ января 1862 года, „начала, несомнѣнное достоинство коихъ было признано наукою и опытомъ европейскихъ государствъ“. Въ числѣ этихъ „доктринерскихъ“ началъ были: полное отдѣленіе власти административной отъ судебной, несмѣняемость судей всѣхъ инстанцій.

Принципіальное значеніе законоположеній 2-го іюля, призвавшихъ къ жизни эти „новѣйшія“ учрежденія и допустившихъ подчиненіе низшихъ органовъ суда — общей и судебной администраціи, слишкомъ очевидно, чтобы нужно было на немъ долго останавливаться.

Являющіеся на смѣну этого симпатичнаго органа новаго суда, которому, повидимому, предстояло дальнѣйшее плодотворное развитіе [1]), новѣйшія административно-судебныя учрежденія въ низшей своей инстанціи состоятъ изъ должностныхъ лицъ чисто административнаго вѣдомства, каковы земскіе начальники, или полусудебнаго, полу-административнаго характера, каковы городскіе судьи, лишенные прерогативы несмѣняемости и подчиненные министерству юстиціи.

---

[1]) Въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* вскорѣ послѣ опубликованія закона о земскихъ начальникахъ 12 іюля 1889 г. сталъ печататься весьма любопытный и *лестный* обзоръ дѣятельности упразднявшихся мировыхъ судебныхъ установленій. Заимствуемъ данныя изъ этого обзора, приведенныя въ № 241 *Русскихъ Вѣдомостей* за 1889 г. Дѣятельность мировыхъ судебныхъ установленій въ разсматриваемый періодъ можетъ быть признана, по словамъ цитируемаго оффиціальнаго органа, *весьма удовлетворительною какъ въ смыслѣ правильности постановленныхъ мировыми судьями рѣшеній, такъ и въ отношеніи быстроты судопроизводства*, что выясняется въ особенности по сравненію съ

Ограничимся нѣсколькими словами, принадлежащими перу весьма извѣстнаго публициста. „Независимость суда отъ администраціи, писалъ М. Н. Катковъ, *есть самое существенное условіе* правильнаго суда. Безъ *полной* независимости суда отъ администраціи, наше новое судопроизводство не могло бы имѣть силы *какъ бы* оно не было обставлено и въ какія бы формы оно не облеклось. Оно было бы учрежденіемъ безъ всякой будущности, учрежденіемъ *мертворожденнымъ*“ [1]).

дѣятельностью сихъ установленій въ предъидущіе годы. Такъ, общее число дѣлъ, рѣшенныхъ мировыми судьями въ 1886 и 1887 гг., сравнительно съ числомъ дѣлъ вступившихъ, составило 102,5%, тогда какъ въ предъидущіе годы отношеніе между тѣми же величинами не превышало 93,4% въ 1885 году, 97% въ 1884 году, 94,1% въ 1883 году и 92% въ 1882 году. Равнымъ образомъ, замѣтное улучшеніе относительно *быстроты* производства послѣдовало и въ дѣятельности мировыхъ съѣздовъ. Такъ, отношеніе числа дѣлъ, рѣшенныхъ къ вступившимъ въ теченіе предшествующихъ годовъ, представляло въ 1885 году 99.8%, въ 1884 году 97.8% въ 1883 году 89,8%, тогда какъ за 1886 и 1887 годы, вмѣстѣ взятые, оно превышало 102%.

Замѣчаемое *улучшеніе* въ дѣятельности мироваго института за 1886 и 1887 гг. повидимому является, въ извѣстной степени, результатомъ мѣръ, принятыхъ правительствующимъ сенатомъ, въ видахъ устраненія нѣкоторыхъ установившихся въ практикѣ мировыхъ судовъ порядковъ, замедлявшихъ движеніе подсудныхъ означеннымъ установленіямъ дѣлъ. Признавая, что безотлагательное, по возможности, разрѣшеніе обращаемыхъ въ мировые суды просьбъ, жалобъ и сообщеній составляетъ такое условіе дѣятельности мироваго института, отсутствіе коего равносильно во многихъ случаяхъ по своимъ послѣдствіямъ отказу въ правосудіи, сенатъ, въ указѣ отъ 6-го іюня 1886 г., нашелъ нужнымъ, между прочимъ, разъяснить, что мировые судьи обязаны безъотлучно пребывать въ предѣлахъ участковъ и неуклонно исполнять требованія закона о разбирательствѣ дѣлъ во всѣ присутственные дни. Затѣмъ, въ видахъ устраненія медленности и въ дѣлопроизводствѣ мировыхъ съѣздовъ, сенатъ указалъ, что въ каждомъ срочномъ засѣданіи съѣздъ обязанъ разсмотрѣть всѣ дѣла, поступившія до открытія сессіи, и что, поэтому, продолжительность срочныхъ засѣданій съѣздовъ должна опредѣляться не заранѣе условленнымъ числомъ дней сессіи, а исключительно окончаніемъ разсмотрѣнія всѣхъ имѣющихся въ съѣздѣ дѣлъ. Изъясненный указъ

[1]) Моск. Вѣд. 1866 г. № 156.

Еще только два слова, принадлежащихъ перу другаго, тоже извѣстнаго публициста А. А. Головачева. Указавъ въ своей извѣстной книгѣ „Десять лѣтъ реформъ“ на администрацію какъ на хранительницу матеріальной силы государства, а на судъ—какъ на органъ для сообщенія этическаго содержанія этой силы, авторъ замѣчаетъ, что съ подчиненіемъ суда администраціи претерпѣваетъ ущербъ нравственное достоинство и суда и администраціи [1])....

сената, какъ видно изъ вышеприведенныхъ данныхъ, значительно содѣйствовалъ ускоренію производства дѣлъ, подсудныхъ мировой юстиціи.

Цифровыя данныя о дѣятельности мировыхъ судебныхъ установленій въ 1886—1887 годахъ представляются въ слѣдующемъ видѣ. Дѣлъ уголовныхъ въ 1886 году поступило къ мировымъ судьямъ 976,103, было разсмотрѣно 1.016,762, или 104,2% всего поступленія; осталось къ концу года 211,098, или 21,6% поступленія. Въ 1887 году вступило 1.007,055 дѣлъ, разрѣшено 1 038,642 или 103,1%, осталось къ концу года 179,511 дѣлъ, или 17,8% общаго числа вступившихъ. Касательно производства уголовныхъ дѣлъ, между прочимъ, достойно вниманія значительное увеличеніе за послѣдніе годы процента лицъ, осуждаемыхъ мировыми судьями, сравнительно съ числомъ лицъ, оправдываемыхъ ими. Такъ, въ 1886 году изъ общаго числа 1.488,379 подсудимыхъ было осуждено 767,926 человѣкъ, или 51,6%, и оправдано 720,453 человѣка, или 48,4%, а въ 1887 году изъ 1.509,403 подсудимыхъ было осуждено 785,871 человѣкъ, или 52,1%, и оправдано 723,532 человѣка, или 47,9%, тогда какъ за предшествующіе годы относительное число оправданій было гораздо значительнѣе и доходило даже, сравнительно съ общимъ числомъ подсудимыхъ, до 60,4% въ 1883 году.

Что касается дѣлъ гражданскихъ, то таковыхъ въ 1886 г. къ мировымъ судьямъ поступило 1.021,061, разсмотрѣно 1.034,534 дѣла, или 101,6% вступленія; осталось къ концу года неразрѣшенными 114,275 дѣла, или 11,2% всего вступленія. Въ 1887 году вступило дѣлъ 1,047,548, разсмотрѣно 1,067,481, или 101,9%; осталось неразрѣшенными 94,342, или 9% всего вступленія.

Въ итогѣ, при числѣ вступившихъ въ 1886 году дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ 1,997,119 и въ 1887 году 2,054,603 дѣлъ, разсмотрѣно въ 1886 году 2,051,236 и въ 1887 г. 2,106,123 дѣла, или 102,7% и 102,5% вступленія; осталось не разрѣшенными въ 1886 году 325,373, или 16,2% всего поступленія и въ 1887 году 273,856 дѣлъ, или 13,3% всего вступленія. Сред-

[1]) См. Десять лѣтъ реформъ, стр. 303—304.

Что же касается мѣста, которое должно занять законоположеніе 12 іюля въ исторіи русскаго законодательства, то оно опредѣляется слѣдующими словами извѣстнаго юриста гр. Д. Н. Блудова. Обозрѣвая исторію русскаго законодательства за время, начиная съ Петра Великаго и вплоть до царствованія Николая Павловича включительно, гр. Блудовъ отмѣчаетъ, какъ одну изъ характеристическихъ чертъ его, „постоянное стремленіе къ освобожденію судовъ отъ *всякаго* (замѣтьте—«всякаго») вмѣшательства властей административныхъ [1]). Дѣлаемая нынѣ попытка новаго судебнаго устройства покоится на противоположномъ принципѣ. Дай Богъ, чтобы не пришлось пожалѣть объ отступленіи отъ означенной коренной основы правильнаго судоустройства, разумность коей признана не только наукою и опытомъ западно-европейскихъ государствъ, но почти двухвѣковой исторіей русскаго законодательства Sapienti sat!.

нимъ числомъ каждое изъ дѣлъ, разсмотрѣнныхъ мировыми судьями, оставалось въ производствѣ около *полутора мѣсяца*.

Изъ общаго числа приговоровъ и рѣшеній, постановленныхъ мировыми судьями, было обжаловано во вторую инстанцію въ 1886 году 207,621, или 10,1%, въ 1887 году 211,875, или 10%; изъ нихъ отмѣнено въ 1886 году 52,733 рѣшенія, или 25,4%, а въ 1887 году 56,385 рѣшеній или 26,6%; иначе, опредѣленіями съѣздовъ отмѣнено въ 1886 году 2,1%, а въ 1887 г.— 2,7% всѣхъ постановленныхъ мировыми судьями рѣшеній.

Движеніе дѣлопроизводства *въ мировыхъ съѣздахъ* выразилось въ слѣдующихъ цифрахъ. Въ 1886 году вступило дѣлъ 226,167, рѣшено 231,941, или 102,6%; въ 1887 году вступило 234,400 дѣлъ, рѣшено 238,653, или 101,4%. Изъ общаго числа рѣшеній мировыхъ съѣздовъ, по жалобамъ и кассаціоннымъ протестамъ, разсмотрѣно кассаціонными департаментами правительствующаго сената въ 1886 г. 15,217 дѣлъ, изъ нихъ отмѣнено 4,197 рѣшеній, или 27%, и въ 1887 г. разсмотрѣно 10,960 дѣлъ, изъ нихъ отмѣнено 3,584 рѣшенія, или 32,5%; такимъ образомъ, изъ общаго числа жалобъ и протестовъ, поданныхъ въ кассаціонные департаменты сената, были признаны уважительными едва лишь одна четвертая часть, причемъ изъ общаго числа приговоровъ и рѣшеній мировыхъ съѣздовъ сенатомъ было отмѣнено въ 1886 г. всего лишь 1,8% и въ 1887 г. — не болѣе 1,5%.

[1]) См. Дѣло о преобразованіи судебной части т. IV стр. 25.

Теперь обратимся къ практической сторонѣ дѣла.

Какъ на главный мотивъ для упраздненія мировыхъ судебныхъ установленій реакціонная печать неоднократно указывала на неудобство существованія *множества* властей, затруднявшаго будто бы населеніе, и на *оторванность* мировыхъ учрежденій отъ общихъ, „дѣлающую“ изъ мировыхъ учрежденій *самосудъ*, свободный отъ высшаго контроля“ [1]). Таже печать, съ ликованіемъ торжествующаго побѣдителя, привѣтствовала новую административно-судебную организацію, созданную законоположеніемъ 12 іюля 1889 г., какъ осуществленіе идеала „единой и близкой къ населенію твердой и разумной власти“.

Посмотримъ, на сколько этотъ дифирамбъ соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

Что касается объединенія мѣстныхъ учрежденій съ цѣлью облегченія населенію обращенія къ содѣйствію общественной власти, то задача эта осталась неразрѣшенною новымъ закономъ, который, по отношенію къ судебнымъ дѣламъ, установилъ гораздо *болѣе сложный* порядокъ подсудности, нежели тотъ, который доселѣ существовалъ на основаніи Судебныхъ Уставовъ. Въ самомъ дѣлѣ, дѣла, подвѣдомыя, на основаніи ст. 29 уст. гражд. суд. и ст. 33 уст. угол. суд., одному учрежденію, а именно—мировому судьѣ, нынѣ раздѣлены между *четырьмя* установленіями: 1) земскимъ начальникомъ, 2) городскимъ судьею, 3) уѣзднымъ членомъ окружнаго суда и 4) волостнымъ судомъ. При этомъ, основаніемъ для подсудности принято частью различіе по роду дѣлъ, частью различіе по территоріи (городъ и уѣздъ), частью принадлежность къ извѣстному сословію.

Особенною оригинальностью отличаются постановленія, основанныя на этомъ послѣднемъ, сословномъ признакѣ. Такъ, къ вѣдомству земскихъ начальниковъ отнесены дѣла о наймѣ земельныхъ угодій и о наймѣ на сельскія работы, когда цѣна

[1]) Судъ и полиція В. Фукса, стр. 222—226, 135—136.

иска не превышаетъ 500 руб. Имѣя въ виду, что главнымъ контингентомъ лицъ, арендующихъ землю, являются крестьяне, а что касается нанимающихся на сельскія работы, то они являются таковыми исключительно, этотъ признакъ подсудности слѣдуетъ отнести къ категоріи сословной. Но самымъ чистымъ выраженіемъ его служитъ постановленіе ст. 61 полож. о земскихъ начальникахъ. До сихъ поръ въ дѣлахъ о неисполненіи законныхъ требованій правительственныхъ властей существовало полное равенство между сословіями, и дѣла эти разсматривались мировыми судьями, причемъ, на основаніи ст. 29 уст. о наказ., онъ могъ назначить только штрафъ не свыше 50 руб. По ст. 61, въ случаѣ неисполненія законныхъ распоряженій земскаго начальника *крестьянами*, онъ своею собственною властью, безъ всякаго формальнаго производства, имѣетъ право подвергнуть виновнаго аресту не свыше трехъ дней и денежному взысканію не свыше шести руб. Такія постановленія земскаго начальника считаются окончательными.

Такимъ образомъ, сословный характеръ новой судебной организаціи въ этомъ пунктѣ выступаетъ вполнѣ рельефно.

„Очень много конечно, зависитъ, отъ того, какъ будутъ пользоваться земскіе начальники правомъ налагать на крестьянъ взысканія по собственному усмотрѣнію, но за всѣмъ тѣмъ едва ли можно считать удачнымъ при-внесеніе въ судебную организацію сословнаго элемента, къ высвобожденію отъ котораго стремилось наше законодательство въ теченіи ста лѣтъ слишкомъ. Что такова именно была тенденція нашего судопроизводства, въ этомъ можно убѣдиться изъ записки такого авторитетнаго юриста, какъ графъ Д. Н. Блудовъ. Обозрѣвая, какъ уже сказано, исторію нашего судебнаго законодательства съ Петра Великаго, графъ Блудовъ отмѣчаетъ въ ней шесть основныхъ цѣлей, къ которымъ оно стремилось, „не взирая на случайныя уклоненія“. Въ числѣ этихъ шести пунктовъ графъ Блудовъ, между прочимъ, выставляетъ: стремленіе „къ

распространенію вѣдомства судовъ на всѣ сословія“ [1]). Необходимость устраненія сословнаго элемента сдѣлалась теперь такою аксіомою, что даже публицисты, высвободившіеся отъ баласта „устарѣлыхъ“ доктринъ и указаній исторіи, признаютъ значеніе этого принципа. Привѣтствуя введеніе судебныхъ уставовъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, *Московскія Вѣдомости* въ числѣ достоинствъ ихъ выставляютъ то, что „мѣсто сословнаго суда займетъ судъ общій, для котораго вопросъ о принадлежности истца или отвѣтчика къ тому или другому сословію не имѣетъ значенія“ (№ 217 1889 г.). Нужно думать, что выводъ, логически вытекающій изъ этого разумнаго положенія для внутреннихъ губерній, нельзя парализовать ссылкою на извѣстную пословицу о томъ, что не все одинаково здорово для русскаго и нѣмца.

Упомянутая ст. 61 полож. о земск. нач. интересна еще въ одномъ отношеніи. Приговоры, постановленные ими на основаніи этой статьи, какъ сказано, считаются „окончательными“. Но этотъ терминъ имѣетъ въ данномъ случаѣ совсѣмъ не тотъ условный, техническій смыслъ, какой онъ имѣлъ въ мировой юстиціи. По ст. 124 уст. угол. суд. приговоры мироваго судьи о присужденіи къ аресту не свыше трехъ дней тоже были „окончательными“, но здѣсь этотъ терминъ означалъ только то, что можно было обжаловать приговоръ судьи лишь въ кассаціонномъ, но не въ апелляціонномъ порядкѣ (п. 2 ст. 175 уст. угол. суд.), причемъ подача жалобы пріостанавливала приведенія приговора въ исполненіе. Замѣчательно, что прожектеры реформы „судебной реформы“ возмущались „такою широкою юрисдикціею мировыхъ судей и отсутствіемъ охранительныхъ для подсудимаго гарантій“ [2]).

Но по отношенію къ постановленіямъ земскаго начальника подсудимые лишены даже той гарантіи,

---

[1]) См. Дѣло о преобразов. судеб. части, т. IV, записка графа Блудова, стр. 33.

[2]) См. названное соч. Фукса, стр. 223.

которая существовала въ мировомъ судѣ. На основаніи ст. 64 полож. вышеуказанныя постановленія земскихъ начальниковъ считаются окончательными въ буквальномъ смыслѣ слова: на нихъ не допускаются *никакія* жалобы и постановленія эти подлежатъ немедленному исполненію.

Обращаясь къ другому недостатку, который всячески старались раздуть враги мироваго института, а именно—къ вопросу объ „оторванности“ его отъ общихъ судебныхъ учрежденій, слѣдуетъ замѣтить, что новый административно-судебный строй, созданный закономъ 12 іюля, еще болѣе усилилъ эту оторванность. Мировыя учрежденія связаны были съ общими учрежденіями, во-первыхъ, въ лицѣ того высшаго дисциплинарнаго надзора и управленія, который сосредоточенъ былъ въ сенатѣ безраздѣльно надъ всѣми судебными учрежденіями, а во-вторыхъ, благодаря единству кассаціоннаго суда, сосредоточеннаго также въ сенатѣ. Законъ 12 іюля создалъ въ этомъ отношеніи порядокъ вещей, едва ли не впервые отступающій отъ идеи, легшей въ основаніе учрежденія министерствъ 1801 г. Земскіе начальники, къ которымъ переходитъ большинство дѣлъ, подсудныхъ мировымъ судьямъ, не только отходятъ отъ общихъ судебныхъ учрежденій, но и вовсе уходятъ изъ вѣдомства министерства юстиціи въ вѣдомство министерства внутреннихъ дѣлъ (ст. 15, 18 полож.). Точно также „оторваны“ отъ общихъ судовъ и волостные суды, къ которымъ также перешла часть дѣлъ мировой подсудности. Городскіе судьи, въ порядкѣ высшаго дисциплинарнаго надзора, подчинены не сенату, а административному учрежденію — консультаціи министерства юстиціи, (ст. 7 правилъ 12 іюля) [1]) которая, съ утвержденія

---

[1]) Въ виду того, что городскіе судьи не пользуются правомъ несмѣняемости, едва ли правильно приглашеніе ихъ для пополненія состава присутствія окружнаго суда. Сенатъ, какъ извѣстно, не считалъ возможнымъ предоставить такое право такъ назыв. исправляющимъ должность судебныхъ слѣдователей. (Рѣш. угол. кассац. департ. 1870 г. № 1141, 1871 г. № 1260).

министра юстиціи, можетъ увольнять ихъ отъ должности. Правда, общій дисциплинарный надзоръ за городскими судьями предоставленъ окружнымъ судамъ, но имѣя въ виду, что въ апелляціонномъ порядкѣ они подчинены уѣзднымъ присутствіямъ, а въ высшемъ дисциплинарномъ—консультаціи министерства юстиціи, нельзя признать, чтобы связь ихъ съ общими судами была крѣпче, нежели связь мировыхъ учрежденій съ общими.

Что же касается уѣздныхъ членовъ окружныхъ судовъ, то число ихъ такъ незначительно и самая компетенція такъ ограничена, а положеніе ихъ такъ изолировано, что и они не могутъ образовать собою звено для связи низшихъ и высшихъ инстанцій судебныхъ учрежденій.

Въ нашемъ „новомъ“ (нынѣ „старомъ“) судоустройствѣ средствомъ для объединенія ихъ служила еще единая кассаціонная инстанція. По закону же 12 іюля эта связь совершенно уничтожена и для всѣхъ почти учрежденій, къ коимъ переходятъ обязанности мировыхъ установленій, кассаціонною инстанціею является особое административное учрежденіе [1])

Какъ по составу своему, такъ и по функціи, учрежденіе это такъ своеобразно, что на немъ слѣдуетъ остановиться. Въ каждой губерніи образуются для разсмотрѣнія жалобъ, въ кассаціонномъ порядкѣ, особыя губернскія присутствія, въ составъ которыхъ входятъ, подъ предсѣдательствомъ губернатора: вице-губернаторъ, губернскій предводитель дворянства, два непремѣнныхъ члена и одинъ представитель суда—предсѣдатель или членъ окружнаго суда. Съ осуществленіемъ этой части „реформы судебной реформы“ на пространствѣ всѣхъ тридцати шести земскихъ губерній, должно образоваться

---

[1]) По ст. 31 правилъ 12 іюля апелляціонною инстанціею относительно уѣзднаго члена служитъ окружный судъ. О кассаціонной же прямо не говорится, но по общему смыслу этой статьи слѣдуетъ заключить, что кассаціонная власть осталась за сенатомъ.

тридцать шесть кассаціонныхъ центровъ, имѣющихъ цѣлью направлять судебную практику къ „единообразному толкованію законовъ“. Не нужно быть пророкомъ, чтобы предугадать ту разноголосицу, которая неминуемо послѣдуетъ отъ благонамѣренныхъ, но безплодныхъ усилій этихъ безчисленныхъ кассаціонныхъ толковниковъ давать низшимъ инстанціямъ единообразные прецеденты изъ тридцати шести различныхъ пунктовъ. Когда при составленіи судебныхъ уставовъ возникла мысль о предоставленіи судебнымъ палатамъ кассаціонной власти надъ мировыми учрежденіями, то она была отвергнута въ силу того соображенія, что такой порядокъ создалъ бы „столько же различныхъ толкованій одного и того же закона, сколько будетъ палатъ“.

„Разнообразное толкованіе закона, читаемъ въ объяснительной запискѣ 1863 года, поставитъ гражданъ въ такое положеніе, что имъ нельзя будетъ разсчитывать на силу гражданскаго закона, на его неприкосновенность и ненарушимость. Тогда, вмѣсто ожидаемыхъ отъ судебнаго преобразованія улучшеній, явится самое ужасное зло, потому что для гражданъ не можетъ быть большаго зла, когда они не знаютъ, что законно и что противно закону, когда они теряютъ сознаніе о своихъ правахъ и обязанностяхъ, между тѣмъ какъ всякое гражданское общество существуетъ только подъ управленіемъ на твердомъ основаніи“ [1]). Правда, и при существовавшемъ доселѣ сосредоточеніи кассаціонной власти въ одномъ только сенатѣ не обошлось безъ противорѣчій въ толкованіи закона, вызванныхъ большею частью недостатками нашего законодательства; но, безъ сомнѣнія, съ раздробленіемъ кассаціонной функціи между тридцатью шестью административными коллегіями, разнообразіе въ толкованіи должно сдѣлаться общимъ правиломъ [2]). Ука-

---

[1]) См. т. VI Дѣла о преобраз. суд. части въ Россіи, стр. 92.

[2]) Непродолжительная практика губернскихъ присутствій уже доказала справедливость этого опасенія (см. *Юридич. Вѣсти.* 1891 г. № 3).

зываютъ на то, что и доселѣ мировые съѣзды раздѣляли съ сенатомъ кассаціонную власть. Но при этомъ упускаютъ изъ виду, что эта власть касалась самыхъ мелкихъ дѣлъ (гражданскія до 30 руб., уголовныя—арестъ до трехъ дней, которыя теперь земскіе начальники будутъ рѣшать безконтрольно) и что сами съѣзды, находившіеся подъ кассаціоннымъ руководствомъ сената по дѣламъ большей важности, не могли совсѣмъ эманципироваться отъ его вліянія и идти въ разрѣзъ проводимыхъ сенатомъ началамъ. Новыя же кассаціонныя инстанціи—губернскія присутствія—вовсе не подвѣдомы сенату. Они не всегда могутъ даже и при желаніи пользоваться его разъясненіями, потому что нѣкоторыя дѣла цѣликомъ перешли къ земскимъ начальникамъ и городскимъ судьямъ и, стало быть, окончательно отошли отъ сената. Таковы, напримѣръ, столь трудныя въ юридическомъ отношеніи дѣла о возстановленіи нарушеннаго владѣнія, объ оскорбленіяхъ, о самоуправствѣ, о неисполненіи требованій должностныхъ лицъ и проч.

По всѣмъ этимъ вопросамъ сенату, несмотря на присутствіе въ немъ лучшихъ нашихъ юристовъ съ трудомъ удавалось выработать однообразныя руководящія начала. Каково же будетъ положеніе губернскихъ присутствій, гдѣ на пять административныхъ членовъ полагается всего одинъ юристъ (прокуроръ только даетъ заключеніе). Вообще такого смѣшенія административно-судебныхъ функцій и такого преобладанія администраціи въ дѣлахъ чисто судебныхъ, какое замѣчается въ новой организаціи мѣстнаго управленія, у насъ не существовало уже *болѣе ста лѣтъ*, а именно — со времени изданія екатерининскаго учрежденія о губерніяхъ 9 ноября 1775 г. Во введеніи къ этому законоположенію, которое строго выдѣлило изъ общаго губернскаго управленія органы суда, Екатерина II указываетъ на существовавшія до этого времени неудобства, когда въ воеводской канцеляріи соединены были: „правленіе губерніи обще съ благочиніемъ и полиціею и кромѣ того еще гражданскія и уголовныя дѣла“. Къ

такому типу принадлежать и нынѣшнія уѣздныя и губернскія присутствія.

Резюмируя сущность созданныхъ на мѣсто мировой юстиціи порядковъ административно-судебныхъ, одна изъ газетъ характеризовала ихъ словомъ „судебное управленіе“ т.-е. административный судъ. Отличіе его — быстрота, свобода отъ формальностей и значительная доза личнаго усмотрѣнія. Но если всѣ эти качества „властной руки“ неудобны вообще при судопроизводствѣ, то они особенно нежелательны въ кассаціонной инстанціи, гдѣ не столько важна наличность „властной руки“, сколько участіе умудренныхъ наукою и опытомъ юристовъ, властныхъ своимъ юридическимъ авторитетомъ. На что скептически относятся „реформаторы судебной реформы“ къ значенію вышедшихъ изъ моды юридическихъ доктринъ, а все-таки и они признаютъ, что въ кассаціонной инстанціи должны „засѣдать ученые и опытные юристы“ [1]).

И на это есть свои серіозныя причины. Кассаціонный судъ только тогда удачно выполняетъ свою функцію, когда онъ подчиняетъ себѣ низшія инстанціи не путемъ начальственнаго приказа и іерархическаго давленія, а разумностью своихъ доктринъ—словомъ, когда онъ дѣйствуетъ на нихъ imperio rationis (властью разума), а не ratione imperii (силою предоставленной власти)

Окажутся ли на этой высотѣ новыя кассаціонныя судилища—покажетъ будущее, но одно можно сказать теперь же навѣрняка, что освобожденіе сената отъ дѣлъ мировой подсудности по крайней мѣрѣ на $^3/_4$ сократить число поступающихъ туда дѣлъ. Этотъ косвенный результатъ законоположенія 12 іюля, вѣроятно, не мало будетъ способствовать улучшенію кассаціонной практики по дѣламъ, подвѣдомымъ общимъ судебнымъ учрежденіямъ. Произойдетъ ли такое же улучшеніе и относительно дѣлъ, отошедшихъ въ область судеб-

[1]) См. В. Фукса „Судъ и полиція“ стр. 227.

наго управленія—вотъ вопросъ отвѣтъ на который дастъ ближайшее будущее.

Неудовлетворительность состоянія новыхъ кассаціонныхъ присутствій, учрежденныхъ закономъ 12 іюля, была такъ очевидна, что она была замѣчена еще до открытія ими своихъ дѣйствій. Высочайше утвержденное 29 декабря 1889 г. мнѣніе государственнаго совѣта поспѣшило принять мѣры къ водворенію нѣкотораго единства въ дѣйствіи этихъ своеобразныхъ кассаціонныхъ учрежденій и предупрежденію злоупотребленій. По ст. 129 пол. о земск. нач. министру внутреннихъ дѣлъ предоставлено было, по дошедшимъ до него свѣдѣніямъ или жалобамъ, принимать мѣры къ возстановленію нарушеннаго порядка и, въ надлежащихъ случаяхъ, входить въ сенатъ съ предоставленіемъ объ отмѣнѣ неправильнаго постановленія присутствія по дѣламъ административнымъ.

Что же касается судебныхъ дѣлъ, то губернскія присутствія вовсе были изъяты изъ подъ контроля сената или вообще кого бы то ни было. Опасность такого изолированія особенно усиливалась благодаря вышеуказанному составу его и тому, что губернскія присутствія даже и не состояли въ вѣдомствѣ министерства юстиціи.

Пунктъ III Высоч. утвержд. 29 декабря мнѣнія государственнаго совѣта стремится нѣсколько парализовать послѣдствія такой изолированности и могущихъ проистечь отъ нея дурныхъ послѣдствій. Законъ этотъ предоставляетъ министру юстиціи тѣ же права относительно судебныхъ дѣлъ, какія приведенный § 129 предоставлялъ министру внутреннихъ дѣлъ относительно административныхъ, съ довольно большими, впрочемъ, ограниченіями. Существенное отличіе между ролями того и другаго министра заключается въ томъ, что по судебнымъ дѣламъ сенатъ не отмѣняетъ опредѣленій губернскаго присутствія, которыя такимъ образомъ признаются безусловно обязательными для участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, а дѣлаетъ только

разъясненіе для единообразнаго примѣненія закона на будущее время. Чрезъ это вводится у насъ впервые обжалованіе рѣшеній помимо иниціативы сторонъ, исключительно въ интересахъ охраны силы закона, такъ наз. pourvoi dans l'interêt de la loi. Благодаря этому дополненію, министерство юстиціи получаетъ возможность, хотя и довольно проблематичную, удерживать дѣятельность губернскихъ присутствій въ предѣлахъ законности. Проблематичнымъ же намъ предоставляется контроль министерства юстиціи, во-первыхъ, потому, что довольно трудно ему слѣдить, въ особенности при келейности засѣданій губернскихъ присутствій, за дѣятельностью кассаціонныхъ центровъ, разбросанныхъ по всѣмъ концамъ Россіи, а во-вторыхъ потому, что даже въ случаѣ обнаруженія министерствомъ юстиціи безпорядка или нарушенія закона, ему очень трудно будетъ возстановить дѣйствіе закона, такъ какъ губернскія присутствія стоятъ внѣ сферы, непосредственнаго руководства и воздѣйствія министерства юстиціи и находятся не только въ іерархическомъ но и личномъ подчиненіи министра внутреннихъ дѣлъ.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Процессуальныя правила 29-го декабря 1889 года.

Основныя Положенія Судебныхъ Уставовъ истекаютъ не отъ произвола, а отъ началъ истины и справедливости въ той степени, въ какой они выработаны наукой и опытомъ.

(Пред. къ Уст. гр. суд.)

I.

Рѣдко какой законодательный актъ производитъ такое странное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отрадное впечатлѣніе, какъ процессуальныя правила 29 декабря 1889 г. о судопроизводствѣ въ административно судебныхъ учрежденіяхъ, созданныхъ законоположеніями 12 іюля того же года. Вы приступаете къ чтенію ихъ съ тѣмъ законнымъ скептицизмомъ, который приличенъ относительно предпріятія, задуманнаго было по чрезвычайно смѣлому плану—создать, *наперекоръ* многовѣковому опыту всего просвѣщеннаго человѣчества, новыя „самобытныя“ формы для раскрытія истины на судѣ; формы, долженствовавшія обезпечить, во первыхъ, торжество правды на судѣ, а во вторыхъ, вполнѣ свободное движеніе въ пространствѣ новаго органа правосудія, „твердой властной руки“. Вдохновляемые реакціею противъ европейскихъ или, лучше сказать, общечеловѣческихъ принциповъ, положенныхъ въ основу судебныхъ уставовъ Александра II, новыя правила должны были исходить изъ началъ новыхъ и никому невѣдомыхъ и тѣмъ наглядно засвидѣ-

тельствовать всю суетную хвастливость составителей уставовъ 1864 г., писавшихъ, „что законы ихъ истекаютъ не отъ произвола, а отъ началъ истины и справедливости въ той степени, въ какой они выработаны наукою и опытомъ“ [1]). Памятуя слова нашего извѣстнаго философа, что наша внѣевропейская и противо-европейская самобытность была и есть лишь пустая претензія невольно мысль настраивалась скептически по отношенію къ этому оригинальному эксперименту.

Чтеніе текста правилъ 29 декабря съ первыхъ же строкъ производитъ разочарованіе относительно указанныхъ ожиданій, а съ другой — вызываетъ чувство нравственнаго удовлетворенія при видѣ побѣды здраваго смысла и незыблемыхъ началъ судебной реформы 1864 г.

Послушать нынѣшнихъ газетныхъ критиковъ судебной реформы,—такъ все въ ней „гнило, безпочвенно и даже тлетворно“, что малѣйшее заимствованіе оттуда могло бы, казалось, подвергнуть серьезной опасности успѣхъ новыхъ учрежденій. Что́ же оказывается на повѣрку? Новыя Правила 29 го декабря такъ близко и большею частью буквально повторяютъ постановленія Уставовъ гражд. и угол. суд. 1864 г., что ихъ можно бы принять за новую редакцію этихъ Уставовъ, вносящую если не всегда, то довольно часто поправки и улучшенія, давно уже указываемыя сторонниками Судебныхъ Уставовъ. Поразительное сходство новыхъ Правилъ съ содержаніемъ Судебныхъ Уставовъ ясно сказывается съ первыхъ же статей „общихъ положеній“ и даже съ первыхъ же строкъ первой статьи. Всѣхъ статей новой редакціи, опредѣляющихъ *общія положенія*, — девятнадцать, причемъ эти статьи, съ небольшими передѣлками, вызванными новымъ наименованіемъ должности и отнесеніемъ ея въ вѣдомство внутреннихъ дѣлъ, повторяютъ соотвѣтственныя статьи изъ Уст. гражд. и угол. суд. о повѣренныхъ, о пререканіяхъ по под-

[1]) См. стр. III предисловія къ п. 1 суд. уст. изд. госуд. канц.

судности дѣлъ, о срокахъ и пр. Но замѣчательно, что главныя общія указанія о своей дѣятельности новыя должностныя лица должны искать не въ новыхъ Правилахъ, а въ статьяхъ Уставовъ Александра II, къ которымъ отсылаютъ эти Правила. По ст. 1 Правилъ 29-го декабря для земскихъ начальниковъ и городскихъ судей обязательны статьи 1—28 Уст. гражд. суд. и статьи: 2 (по прод. 1886 г.) 6, 7 (по прод. 1887 г.), 8, 12—16, 18—22, 23 (прод. 1887 г.), 23^1, 24—28, 29 (по прод. 1887 г.) и 30—32 Уст. угол. суд., — итого рядомъ съ 19-ю новыми или видоизмѣненными статьями сохранили силу въ цѣлости пятьдесятъ три статьи прежней редакціи. Но даже и эта цифра не опредѣляетъ размѣровъ дѣлаемаго новыми правилами заимствованія. § 17 правилъ снова отсылаетъ къ Уст. гражд. суд. и распространяетъ на процессъ у земскихъ начальниковъ еще 25 другихъ статей Устава гр. суд. (819, 832—838, 818—831, 866—868). Стало быть, всего въ однихъ общихъ положеніяхъ цѣликомъ заимствуется изъ Уставовъ 1864 г. — 87 статей.

Болѣе детальное же сличеніе текста новыхъ правилъ съ уставомъ гражданскаго судопроизводства приводитъ къ слѣдующему неожиданному заключенію. Въ первыхъ 15 главахъ [1]) новыхъ правилъ содержатся 140 §§, цѣликомъ или съ небольшими редакціонными поправками повторяющихъ постановленія судебныхъ уставовъ. Но и это не все. Рядомъ съ этимъ очевиднымъ фактомъ сильнаго и непосредственнаго вліянія судебнаго законодательства либеральной эпохи 60-хъ годовъ, мы замѣчаемъ другой, свидѣтельствующій, что это вліяніе было не только сильно, но и просто подавляющее. Въ самомъ дѣлѣ, рядомъ съ этими soit disant 140 подновленными статьями мы видимъ признаніе обя-

---

[1]) Изъ разсчета мы намѣренно исключаемъ XVI главу о понудительномъ исполненіи по актамъ, какъ законъ, давно уже проектированный для новыхъ судебныхъ учрежденій и по случайнымъ обстоятельствамъ еще не получившій законодательную санкцію.

зательными для новыхъ учрежденій 464 (четырехсотъ шестидесяти четырехъ!) Статей Судебныхъ уставовъ, къ которымъ отсылаютъ разныя параграфы правилъ 29 декабря [1]). Стало быть, на каждый параграфъ новыхъ правилъ приходится болѣе трехъ статей Судебн. Уставовъ, сохранившихъ цѣликомъ силу и въ новыхъ судебно-административныхъ учрежденіяхъ. Такъ что пожалуй удобнѣе было взять нумерацію статей Судебныхъ Уставовъ и подвергнуть ее легкой кодификаціонной обработкѣ, чѣмъ списывать большинство ихъ статей или дѣлать ссылки на нихъ.

Но какъ бы то ни было, отрадно отмѣтить, что не только въ основныхъ чертахъ (устность, состязательность, гласность и пр.) но и во второстепенныхъ подробностяхъ процессуальные порядки, создаваемые правилами 29 декабря, составляютъ сколокъ съ судебныхъ порядковъ 1864 г.

II.

Прежде чѣмъ перейти къ подробному анализу Правилъ 29-го декабря, посмотримъ, насколько они удовлетворяютъ требованіямъ раціональной кодификаціи и той спеціальной „не юридической“ среды, для которой они предназначались.

Высочайше утвержденное 12-го іюля 1889 г. мнѣніе государственнаго совѣта, упраздняя мировыя судебныя установленія и замѣняя ихъ новыми судебно-административными учрежденіями, разрѣшило только часть предположеннаго преобразованія, а именно вопросъ объ организаціи новыхъ учрежденій. Что же касается процедуры, правилъ о порядкѣ дѣйствія земскихъ начальниковъ и городскихъ судей, къ коимъ переходитъ большая часть дѣлъ мировой подсудности, то составленіе этихъ

---

[1]) См. §§ 1, 15, 17, 33, 40, 56, 72, 83, 106, 138, 140.

правилъ было поручено вышеупомянутымъ законом министрамъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи. Во исполненіе этого порученія и были составлены новыя Правила уголовнаго и гражданскаго судопроизводства, получившія законодательную санкцію 29-го декабря 1887 года.

Такимъ образомъ, въ отличіе отъ Судебныхъ Уставовъ 20-го ноября 1864 г., явившихся цѣльнымъ продуктомъ одного строго продуманнаго и точно выполненнаго кодификаціоннаго плана, наше новѣйшее судебное законодательство раздѣлило моменты выработки законовъ судоустройства (законоположеніе 12 го іюля 1889 г.) и судопроизводства (Правила 29-го декабря 1889 г.). Ошибочно было бы думать, что подобное отступленіе отъ правилъ раціональной кодификаціи имѣетъ только теоретическое, архитектоническое значеніе, нарушая, такъ сказать, гармонію и выдержанность законодательнаго стиля. Въ дѣйствительности раздѣленіе этихъ двухъ моментовъ нерѣдко имѣетъ довольно существенныя практическія послѣдствія. Какъ бы ни былъ незначителенъ промежутокъ времени между составленіемъ проектовъ судоустройства и судопроизводства, могутъ произойдти въ первомъ коренныя или частичныя измѣненія, которыя такъ или иначе должны отразиться и на обработкѣ процессуальныхъ правилъ. Справедливость этого соображенія наглядно подтверждается и на послѣднихъ законодательныхъ работахъ по преобразованію судебной части.

При составленіи разбираемыхъ нами новыхъ Правилъ составители проекта, очевидно, исходили изъ той организаціи новыхъ должностей, которая была имъ дана законоположеніемъ 12-го іюля. Между тѣмъ въ этомъ отношеніи произошла впослѣдствіи довольно существенная перемѣна. Тогда какъ для городскихъ судей образовательный цензъ остался безъ измѣненія, т. е. окончаніе курса въ высшемъ или среднемъ учебномъ заведеніи или обнаруженное на практикѣ знакомство съ судебною частью (§ 6 Правилъ объ устр. суд. части 12-го

іюля 1889 г.; ст. 200, 201, 202, 205 Учр. суд. уст.), относительно земскихъ начальниковъ введено въ новыя правила, сравнительно съ первоначальными предположеніями, важное измѣненіе. По закону 12-го іюля для нихъ требовалось, въ видѣ минимума, среднее образованіе; законъ же 29-го декабря 1889 г. отмѣнилъ этотъ обязательный цензъ и предоставилъ временно министру внутреннихъ дѣлъ назначать на должности земскихъ начальниковъ и лицъ, не обладающихъ этимъ цензомъ, если только онъ признаетъ кандидата достойнымъ занять означенную должность. Весьма вѣроятно, что если бы составители новыхъ процессуальныхъ Правилъ 29-го декабря имѣли въ виду это видоизмѣненіе первоначальнаго типа должности земскаго начальника, то измѣнили бы и содержаніе и редакцію своихъ правилъ.

Едва ли кто буетъ оспаривать, что однимъ требованіямъ долженъ отвѣчать сборникъ правилъ, который долженъ примѣняться лицами теоретически или практически знакомыми съ юриспруденціею или лицами съ высшимъ образованіемъ, и другимъ требованіямъ—сборникъ, предназначенный для лицъ, мало или вовсе незнакомыхъ ни съ юридическою терминологіею, ни съ техникою судебнаго дѣлопроизводства. Отмѣтимъ одну особенность, обусловливаемую различіемъ указанныхъ задачъ. Для законодательнаго сборника, примѣняемаго юристами, признается достоинствомъ: отсутствіе казуистики и строгая опредѣленность терминологіи. Тутъ каждому слову соотвѣтствуетъ въ умѣ исполнителя точное юридическое представленіе, и такія слова какъ владѣніе, искъ, третье лицо не введутъ никого въ заблужденіе. Совсѣмъ другое дѣло, когда законодательный сборникъ обращается къ лицамъ, незнакомымъ ни теоретически, ни практически съ правомъ и судебными порядками. Тутъ требуется не столько лапидарная краткость и монументальная рельефность римской юриспруденціи, сколько элементарная простота, ясность и воздержаніе отъ юридическихъ тонкостей. Укажемъ на одинъ примѣръ.

Ст. 366 Уст. граж. суд. Александра II постановляетъ, что истецъ долженъ доказать свой искъ, а отвѣтчикъ свои возраженія. Эта основная формула, предложенная еще римскими юристами, цѣликомъ перенесена въ ст. 51. Правилъ для зем. нач. Но кому неизвѣстно, что для правильнаго пользованія этою краткою формулою нужно знакомство съ крайне сложнымъ ученіемъ о раціональномъ распредѣленіи обязанности сторонъ по представленію доказательствъ (onus probandi), чего конечно, нельзя допустить у лицъ, хотя и, можетъ быть, достойныхъ во всѣхъ отношеніяхъ занять должность земскаго начальника, но незнакомыхъ съ теоріею и практикою судебнаго процесса. Въ виду этого, едва ли можно считать удачнымъ перенесеніе этой краткой и очень мало говорящей не-юристу формулы изъ Уст. граж. суд. въ сборникъ, назначенный для земскихъ начальниковъ, изъ коихъ вѣроятно немногіе могутъ быть знакомы съ правовѣдѣніемъ Безъ сомнѣнія нельзя было требовать отъ составителей проекта, чтобы они въ законодательномъ сборникѣ помѣстили подробный трактатъ о распредѣленіи доказательствъ, но болѣе детальное и общедоступное изложеніе основныхъ положеній ученія о доказательствахъ, въ виду спеціальнаго назначенія ихъ труда, было весьма желательно. Оно бы облегчило трудъ будущимъ земскимъ начальниковъ и дало бы имъ нѣкоторое опорные пункты, безъ которыхъ трудно оріентироваться въ этомъ сложномъ вопросѣ, отъ правильной постановки которая не рѣдко зависитъ исходъ дѣла.

Мы говорили о желательности выше очерченнаго общедоступнаго процессуальнаго сборника. Но что такой сборникъ и желателенъ, и возможенъ, тому доказательствомъ служатъ инструкціи, изданныя въ разное время прокурорами судебнахъ палатъ чинами полиціи. Примѣняясь къ условіямъ среды, въ которой должна была дѣйствовать инструкція, въ нее наряду съ требованіями закона вносились, какъ сказано въ предисловіи къ инструкціи прок. с.-петер. суд. палаты Н. В. Муравьева, и „основан-

ныя на указаніяхъ опыта правила о самыхъ пріемахъ примѣненія этихъ требованій" (см. стр. IV предисловія) Такія же дополнительныя разъясненія могли бы быть даны и въ новыхъ правилахъ для земскихъ начальниковъ, при чемъ съ большою пользою можно бы было воспользоваться, какъ это и сдѣлано въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ Правилъ, опытомъ тѣхъ учрежденій, на смѣну которыхъ являются они.

Что касается содержанія и редакціи новыхъ правилъ, мы еще будемъ имѣть случай къ нимъ возвращаться. Теперь же ограничимся однимъ замѣчаніемъ. Составленіе особыхъ отъ общихъ судебныхъ установленій „правилъ" судопроизводства вызвано, очевидно, желаніемъ дать будущимъ дѣятелямъ краткое и по возможности *исчерпывающее* предметъ судебное руководство. Такова была и цѣль составленія первыхъ книгъ Уст. гражд. и угол. суд. (стт. 29—201 У. граж. суд. и стт. 33—129 У. уг, суд.), выдѣлившихъ особо правила о мировомъ судопроизводствѣ Но не столько по винѣ составителей Уставовъ, сколько послѣдующихъ толкователей, границы между мировымъ и общимъ процессомъ стали всѣ болѣе и болѣе сглаживаться, къ явному ущербу для мировой юстиціи. Поводомъ для такого существеннаго измѣненія характера мироваго судоговоренія послужили ст. 80 Уст. гр. суд. и ст. 118 Уст. угол. суд., разрѣшавшія судьямъ, въ случаѣ встрѣченныхъ ими затрудненій при примѣненіи правилъ мироваго судопроизводства, обращаться къ подробнымъ наставленіямъ общаго судопроизводства. Въ новыхъ правилахъ 29-го декабря мы не находимъ постановленій, соотвѣтствующихъ названнымъ ст. 90 и 118. Новыя правила не даютъ однако-же земскимъ начальникамъ такого полнаго руководства, которое совершенно освобождало бы ихъ отъ необходимости обращаться къ Судебнымъ Уставамъ. Въ цѣломъ рядѣ статей (см §§ 1, 56, 83, 106, 138, 140, 192, 255) Правила отсылаютъ къ постановленіямъ Уставовъ граж. и уг. суд.

Но и помимо этого, связь новаго процесса съ нормальнымъ процессомъ, созданнымъ Уставами 1864 г., должна была отчасти сказаться въсилу вещей, несмотря на то, что судоустройство, введенное законоположеніемъ 12-го іюля 1889 г., стремилось изолировать новыя учрежденія. Въ отличіе отъ мировыхъ судебныхъ установленій, находящихся въ связи съ общими, благодаря одной общей кассаціонной инстанціи въ лицѣ сената, новыя судебно-административныя учрежденія имѣютъ высшую и послѣднюю кассаціонную инстанцію въ мѣстныхъ губернскихъ присутствіяхъ. Но не смотря на всю изолированность этихъ послѣднихъ, въ случаѣ встрѣченныхъ на практикѣ затрудненій по примѣненію новыхъ правилъ судопроизводства, особенно гражданскаго, у нихъ не было болѣе надежнаго источника для правильнаго разрѣшенія спорныхъ вопросовъ права и процесса, какъ обращеніе къ указаніямъ и опыту общихъ судебныхъ установленій. Но обращеніе къ этому источнику по первоначальному строю губернскихъ присутствій носило менѣе императивный характеръ, нежели теперь. Въ печати уже указывалось на возможность полной эмансипаціи практики губернскихъ присутствій, освобожденныхъ вовсе отъ контроля сената, отъ установленныхъ высшею кассаціонною инстанціею началъ. Вѣроятно, въ видахъ предупрежденія такого нежелательнаго явленія, въ числѣ другихъ дополненій и измѣненій, внесенныхъ закономъ 29-го декабря въ законоположеніе 12-го іюля, мы находимъ новое и очень полезное постановленіе, коимъ предоставлено министру юстиціи предлагать на разсмотрѣніе соединеннаго присутствія перваго и кассаціонныхъ департаментовъ сената случаи, когда губернскимъ присутствіемъ допущены были явныя отступленія отъ истиннаго смысла закона при *разбирательствѣ и рѣшеніи* судебнаго дѣла.

Это важное дополненіе, способное установить нѣкоторое единство въ рѣшеніяхъ многочисленныхъ мѣстныхъ кассаціонныхъ инстанцій, вводитъ къ

намъ доселѣ неизвѣстный видъ кассаціи рѣшеній, извѣстный во французскомъ и др. [1]) процессахъ подъ именемъ кассаціи въ интересахъ охраны закона.

Означенное право министра юстиціи въ связи съ предположеніемъ объ обязаніи прокуроровъ доносить ему о непринятыхъ губернскими присутствіями предложеніяхъ, быть можетъ, предупредитъ, по крайней мѣрѣ, слишкомъ крупныя отступленія въ практикѣ новыхъ административно-судебныхъ учрежденій отъ установленныхъ въ интересахъ правосудія формъ и порядковъ.

III.

Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію текста Правилъ 29-го декабря.

Обращаясь сначала къ содержанію допущенныхъ въ общихъ положеніяхъ измѣненій, отмѣтимъ, прежде всего, что измѣненія коснулись главнымъ образомъ уголовнаго процесса, при чемъ не всегда можно уяснить себѣ побудительныя причины, вызвавшія исключеніе или оставленіе той или другой статьи. Такъ, представляется непонятнымъ, почему исключены стт. 9—11 Уг. суд., опредѣляющія законныя формы для лишенія свободы и предоставляющія мировымъ судьямъ освобождать немедленно лицъ, задержанныхъ лицами, на то не уполномоченными, или содержащихся не въ надлежащемъ мѣстѣ заключенія. Учрежденіе должности земскаго начальника мотивировалось отсутствіемъ въ уѣздѣ власти, могущей *быстро* и *рѣшительно* водворять нарушенный порядокъ и возстановить дѣйствіе закона. Едва-ли можно указать болѣе настоятельный случай, когда бы требовалось быстрое и рѣшительное заступничество законной власти, какъ случай завѣдомо-

---

[1]) См. Курсъ граж. суд., Кр. Малышева, т. II, стр. 222.

незаконнаго лишенія свободы. Правда, власть мировыхъ судей, предоставленная имъ ст. 10 Уст уг. с., была значительно уменьшена впослѣдствіи и даже парализована на практикѣ, благодаря установленному сенатомъ толкованію этой статьи; но даже въ такомъ урѣзанномъ видѣ власть эта являлась хотя слабою опорою для невинно-страждущихъ и нѣкоторымъ ограниченіемъ [1]) возможности злоупотребленія властью. Едва-ли и должность земскаго начальника не потерпитъ ущерба, если онъ, убѣдившись въ явно незаконномъ нарушеніи правъ личности, долженъ въ безсиліи остановиться предъ фактомъ грубаго насилія или сдѣлать сношеніе съ кѣмъ слѣдуетъ,—другими словами—отложить дѣло въ долгій ящикъ.

Насколько лишеніе земскихъ начальниковъ означеннаго права, ограждающаго личную свободу, представляется немотивированнымъ, настолько же предоставленіе имъ установленныхъ 12 и 13 ст. Уст. уг. с. и 9 и 10 Уст. гр. суд. широкихъ правъ по толкованію закона, а въ случаѣ неполноты, неясности, недостатка или противорѣчія разрѣшеніе обращаться къ *общему смыслу* законовъ—представляется неудобнымъ. Противъ такого широкаго права толкованія сильно ратовали и ратуютъ принципіальные противники началъ судебной реформы, считая его опаснымъ для прочности закона. Мы не будемъ здѣсь входить въ обсужденіе основательности этого опасенія. Замѣтимъ только одно, что если это право признавалось опаснымъ по отношенію къ судебнымъ установленіямъ, персоналъ коихъ долженъ былъ состоять, если не во всѣхъ инстанціяхъ, то по крайней мѣрѣ въ высшей кассаціонной инстанціи. изъ спеціально подготовленныхъ юристовъ, теоритически и практически знакомыхъ съ правовѣдѣніемъ, то тѣмъ болѣе право это является неудобнымъ въ новыхъ учрежденіяхъ, гдѣ установленіе образовательнаго ценза, даже въ видѣ

---

[1]) См. рѣш. общ. собр. 1-го и касс. департ. сената 1876 г., № 10-й и циркул. указъ его отъ 20-го мая 1877 г.

средняго образованія, признано неудобнымъ и гдѣ высшая кассаціонная инстанція (губернское присутствіе) составлена почти исключительно изъ однихъ административныхъ должностныхъ липъ [1]). Правда, послѣдующимъ измѣненіемъ законоположенія 12-го іюля сдѣлана попытка къ устраненію отчасти тѣхъ неудобствъ, которыя могутъ произойти изъ такой организаціи, путемъ предоставленія министру юстиціи контроля надъ кассаціонною дѣятельностью губернскихъ присутствій (п. III §§ 1 и 2 Высоч. утвержд. 29-го декабря 1889 г. мнѣнія госуд. совѣта). Но не слѣдуетъ упускать изъ виду: во-первыхъ, того, что дѣйствіе такого контроля не распространяется на самую силу рѣшеній губернскаго присутствія, которыя для участвующихъ въ дѣлѣ лицъ получаютъ окончательную обязательную силу, а во-вторыхъ, и того, что съ осуществленіемъ преобразованія во всѣхъ 36 земскихъ губерніяхъ, самый контроль министра юстиціи, въ общихъ интересахъ урегулированія дѣятельности мѣстныхъ кассаціонныхъ трибуналовъ, сдѣлается весьма проблематичнымъ, въ особенности въ виду того, что онъ лишенъ одного изъ „лучшихъ источниковъ и способовъ“ для полученія нужныхъ свѣдѣній—гласности, которая, къ сожалѣнію, признана неудобною для кассаціонной инстанціи (ст. 134 и 241 правилъ).

Изъ другихъ нововведеній, вошедшихъ въ общія положенія, заслуживаютъ вниманія два постановленія: п. 7 § 8 и § 9. Первый увеличиваетъ списокъ лицъ, коимъ воспрещается веденіе дѣлъ въ новыхъ судебно-административныхъ учрежденіяхъ, а именно: къ прежнимъ категоріямъ прибавляетъ еще одну—чиновъ канцелярій губернскаго присутствія и съѣзда того уѣзда, гдѣ дѣло производится, а также лицъ, занимающихся письмоводствомъ у земскихъ начальниковъ и городскихъ судей. Это дополненіе дѣйствующей 45 ст. Уст гражд. суд. заслуживаетъ полнаго одобренія, устраняя одинъ изъ самыхъ двусмысленныхъ разрядовъ ходатаевъ,

---

[1]) См. предыд. главу.

которые, пользуясь своимъ служебнымъ положеніемъ, легко эксплоатировали довѣрчивыхъ просителей, не безъ ущерба для достоинства своихъ начальниковъ.

Другое постановленіе касается присяжныхъ повѣренныхъ и представляется менѣе удачнымъ. Постановленіе это предоставляетъ уѣздному съѣзду о предосудительныхъ и неправильныхъ дѣйствіяхъ присяжныхъ повѣренныхъ сообщать прокурору, вѣроятно, для возбужденія дисциплинарнаго производства. Нельзя не замѣтить, что вмѣсто сообщенія прокурору, во избѣжаніе совершенно излишней переписки, гораздо проще было бы сообщать подлежащему совѣту присяжныхъ повѣренныхъ или замѣняющему его окружному суду. Но не въ этомъ напрасномъ умноженіи переписки главная особенность § 9. Конецъ его предоставляетъ уѣздному съѣзду воспрещать присяжнымъ повѣреннымъ дальнѣйшее ходатайство по чужимъ дѣламъ въ подвѣдомственномъ съѣзду уѣздѣ, впредь до окончанія возбужденнаго по сообщенію съѣзда дисциплинарнаго производства о сихъ лицахъ. Эта часть § 9 предоставляется крайне неудобною и можетъ сдѣлаться источникомъ недоразумѣній и столкновеній. Она предоставляетъ уѣзднымъ съѣздамъ по отношенію къ присяжнымъ повѣреннымъ такія права, которыхъ въ настоящее время не имѣетъ *ни одно* присутственное мѣсто или должностное лицо Имперіи. Однимъ изъ основныхъ началъ судебной реформы было установленіе для адвокатуры независимости и, какъ послѣдствіе ея,—подчиненіе присяжныхъ повѣренныхъ одному только дисциплинарному суду совѣта и судебной палаты; § же 9 предоставляетъ весьма обширную дисциплинарную власть надъ присяжными повѣренными всѣмъ уѣзднымъ съѣздамъ, такъ какъ право временнаго воспрещенія практики не можетъ быть иначе разсматриваемо, какъ одинъ изъ тяжкихъ видовъ дисциплинарнаго взысканія. И замѣчательно, что въ этомъ отношеніи, по недосмотру, присяжные повѣренные очутились въ какомъ-то исключитель-

номъ безправномъ положеніи. Въ самомъ дѣлѣ, тогда какъ частные повѣренные могутъ быть подвергнуты даже замѣчанію не иначе, какъ по разсмотрѣнію дѣйствій ихъ (§ 5 прим. къ ст. 5 п. 4 правилъ 29-го декабря) въ дисциплинарномъ порядкѣ, присяжному повѣренному можетъ быть временно воспрещена практика даже безъ выслушанія отъ него объясненія. Если цѣлью внесенія такого постановленія было по возможности отстраненіе присяжныхъ повѣренныхъ отъ новыхъ учрежденій, то она, безъ сомнѣнія, будетъ достигнута.

Разбираемое мѣсто, помимо интересовъ сословія прясяжныхъ повѣренныхъ, затрогиваетъ также и интересы тяжущихся. Не совсѣмъ ясная редакція этого § даетъ основаніе думать, что присяжному повѣренному, коему временно воспрещена съѣздомъ практика, можетъ быть даже возбранено и окончаніе начатаго дѣла, что не можетъ не отразиться невыгодно на интересахъ его довѣрителей. Правда, въ такомъ же положеніи находятся довѣрители и тѣхъ повѣренныхъ, коимъ надлежащимъ дисциплинарнымъ судомъ воспрещена практика. Но здѣсь это неудобство вызывается силою вещей, которую устранить невозможно. Да кромѣ того здѣсь оно является результатомъ строго провѣреннаго въ двухъ инстанціяхъ дисциплинарнаго производства, между тѣмъ, какъ временное воспрещеніе, установленное § 15, есть предварительное взысканіе въ ожиданіи суда компетентнаго учрежденія. Въ какомъ положеніи окажется уѣздный съѣздъ, если судебная палата, вѣдающая въ апелляціонномъ порядкѣ дѣла о присяжныхъ повѣренныхъ, не найдетъ ничего предосудительнаго и неправильнаго въ дѣйствіяхъ опороченнаго съѣздомъ присяжнаго повѣреннаго и, вопреки мнѣнію уѣзднаго съѣзда, совершенно оправдаетъ обвиняемаго?

IV.

Мы имѣли случай выше отмѣтить при разборѣ „общихъ положеній“ новыхъ правилъ 29-го декабря о судопроизводствѣ у земскихъ начальниковъ сходство между ними и постановленіями Судебныхъ Уставовъ, вошедшими въ новыя правила частью буквально, частью съ небольшими редакціонными измѣненіями. Тотъ же выводъ получается и при детальномъ изученіи постановленій о гражданскомъ процессѣ правилъ 29-го декабря и сравненіи ихъ съ соотвѣтствующими отдѣлами Устава гражданскаго суд. 1864 г. Если не считать совершенно новыхъ правилъ о понудительномъ исполненіи по актамъ, то изъ 120 § новыхъ правилъ гражданскаго судопроизводства едва ли найдется десятокъ дѣйствительно новыхъ постановленій; всѣ же остальныя представляютъ собою либо редакціонныя измѣненія, либо частичныя поправки въ текстѣ статьи, либо, наконецъ, улучшенія, давно уже указанныя практикою мировыхъ учрежденій. Въ виду этого, считаемъ излишнимъ подробно останавливаться на содержаніи правилъ гражданскаго судопроизводства 29-го декабря и ограничимся лишь тѣми постановленіями, которыя вносятъ нѣчто новое или видоизмѣненное.

Изъ измѣненій въ правилахъ о подсудности прежде всего обращаетъ на себя вниманіе совершенно неожиданное устраненіе изъ вѣдомства земскихъ начальниковъ дѣлъ о правѣ участія частнаго. Этого рода дѣла были подсудны мировымъ судьямъ, если со времени нарушенія права прошло не болѣе года. Въ законѣ 12 іюля дѣла объ участіи частномъ отнесены были къ вѣдомству земскихъ начальниковъ. На это указывала, во первыхъ, общая ссылка (см. п. 3 § 48 Полож. о З. Н.) на ст. 29 уст. гражд. суд., гдѣ упоминаются и эти дѣла, а во вторыхъ, *непоименованіе* въ § 50, въ числѣ другихъ изъемлемыхъ дѣлъ, исковъ объ участіи частномъ. Правила же 29-го декабря въ числѣ другихъ дѣлъ, изъ-

ятыхъ изъ вѣдѣнія земскихъ начальниковъ прямо указали и иски о правѣ участія частнаго (ст. 21, п. 1). Едва ли такое измѣненіе закона 12-го іюля можно признать удачнымъ Казалось бы, такія дѣла, какъ искъ о возстановленіи права прохода, проѣзда, водопоя и т. п., болѣе всего нуждаются въ скорой помощи близкой къ населенію власти, какою долженъ быть земскій начальникъ.

Въ статьяхъ о подсудности мы встрѣчаемъ редакціонные недосмотры, частью повторяющіе прежнія ошибки, частью новаго происхожденія. П. 1 ст. 20 признаетъ подсудными земскимъ начальникамъ *и городскимъ судьямъ* иски по найму *земельныхъ угодій* до 500 р. [1]), т.-е. буквально повторяетъ лит. а, п. 1 § 48 закона 12-го іюля. Если принять во вниманіе исторію этой послѣдней статьи, первоначально имѣвшей въ виду земскихъ начальниковъ съ ихъ участками, обнимающими только уѣзды, но не города (7 § Пол. о зем. нач.), то выраженіе „земельное угодье“, въ смыслѣ поземельной собственности, находящейся въ уѣздѣ, могло быть допущено, хотя оно и рѣдко встрѣчается въ такомъ смыслѣ въ нашихъ гражданскихъ законахъ. Но съ признаніемъ необходимости изданія однообразныхъ правилъ какъ для земскихъ начальниковъ, такъ и городскихъ судей (п. XI Высочайше утвержденнаго 12-го іюля мнѣнія государственнаго совѣта) слѣдовало употребить другое выраженіе, такъ какъ „земельное угодье“ въ смыслѣ городскихъ строеній, городской земли или „двороваго мѣста“ почти никогда не употребляется ни въ законахъ [2]), ни въ литературѣ [3]). Проще всего было бы взять терминъ „недвижимость“, который обнимаетъ понятіе и го-

---

1) Въ т. X подъ „угодьями“ большею частью разумѣется не самая земля, а поземельные сервитуры (право участія частнаго), см. отд. II главы II разд. II книги 2 т. X ч. 1 Зак. гражд., или иногда вообще земельная собственность (ст. 1451, 384 т. X ч. 1.)

2) Non contra, п. 2 ст. 414 т. X ч. I.

3) См. Курсъ гражд. права Побѣдоносцева, ч. I, стр. 348. 356, 466 и др.

родской и уѣздной земли и который весьма удачно употребленъ въ слѣдующей 21 ст.

Другая редакціонная неточность встрѣчается въ п. 4 ст. 20, говорящемъ объ искахъ „по *личнымъ* договорамъ и обязательствамъ". Онъ можетъ дать поводъ думать, что рѣчь идетъ только о личныхъ, а неимущественныхъ договорахъ. Правда, тотъ же недосмотръ мы встрѣчаемъ и въ 29 ст. Уст. гр. суд., но правила 29 декабря, какъ позднѣйшій законодательный актъ, могли и должны были исправить редакцію. Проще всего было, во избѣжаніе недоразумѣнія, взять термины, встрѣчающіеся въ зак. гражд. (договоры на имущества и обязательства личныя по договорамъ). Если эта терминологія не отличается безукоризненностью, то по крайней мѣрѣ она общеизвѣстна.

Не останавливаясь на другихъ второстепенныхъ неточностяхъ (см. ст. 22, 23 Правилъ), укажемъ еще на конецъ ст. 23, которая находится въ прямомъ противорѣчіи съ ст. 21 или, по крайней мѣрѣ, стоитъ не на мѣстѣ. Ст. 21 признаетъ абсолютно неподсудными земскимъ начальникамъ иски о правѣ собственности или о правѣ на владѣніе недвижимостью, утвержденномъ на формальномъ актѣ. Между тѣмъ ст. 22 признаетъ подсудными земскимъ начальникамъ иски желѣзныхъ дорогъ противъ владѣльцевъ земель вдоль линій желѣзныхъ дорогъ по уничтоженію сооруженій, складовъ и пр. Это было постановлено закономъ 6-го января 1869 г. и впослѣдствіи присоединено къ ст. 34 Уст. гр. суд., а отсюда цѣликомъ заимствована и ст. 22 Правилъ 29-го декабря. Прежде всего представляется спорнымъ, отчего это исключеніе изъ общаго правила, значащагося въ ст. 21, не выражено именно какъ исключеніе, если имѣлось въ виду создавать таковое. Но и помимо этого чисто-редакціоннаго неудобства, ст. 23 представляется неудобною по содержанію своему. Она признаетъ вышеупомянутые иски подсудными земскимъ начальникамъ безъ ограниченія суммы. Стало быть, новыя судебно-административныя учрежденія будутъ имѣть право сносить зда-

нія, стоющія десятки и сотни тысячъ. Положимъ и при искахъ о нарушенномъ владѣніи цѣна имѣнія также не играетъ роли, но не слѣдуетъ упускать изъ вида, что по дѣламъ такого рода вся роль земскаго начальника исчерпывается возстановленіемъ владѣнія, безъ уничтоженія чего бы то ни было, при чемъ отвѣтчикъ не лишается права начать въ окружномъ судѣ особый искъ о правѣ собственности. По дѣламъ же, предусмотрѣннымъ ст. 23, земскій начальникъ и уѣздный съѣздъ получаютъ право уничтожать цѣнныя сооруженія, безъ ограниченія стоимости ихъ, другими словами наносить вредъ, иной разъ непоправимый, если даже и признать за отвѣтчикомъ право начать впослѣдствіи въ окружномъ судѣ искъ о правѣ собственности на уничтоженное сооруженіе.

Не лишено значенія и постановленіе ст. 22, по которой при смѣшанной подсудности (при нѣсколькихъ отвѣтчикахъ) предъ земскимъ начальникомъ отдается предпочтеніе городскому судьѣ, а предъ городскимъ судьею мировому судьѣ.

Во второй главѣ, трактующей о предъявленіи иска и вызовѣ къ разбирательству, находимъ также нѣсколько новыхъ постановленій. Ст. 31 допускаетъ на-ряду съ присылкою прошенія по почтѣ присылку прошенія „инымъ способомъ“. Этого выраженія не зналъ Уст. гр. суд.. но внесеніе его было не лишено значенія. Практика кассаціоннаго сената допустила сношеніе съ судомъ при посредствѣ телеграфа. Ст. 31 идетъ дальше и не возбраняетъ сношеніе съ новыми учрежденіями даже путемъ телефона.

Въ постановленіяхъ о вызовѣ въ судъ снова сдѣлана платоническая попытка къ возможному сбереженію времени тяжущихся и вообще лицъ, вызываемыхъ въ судъ Такое постановленіе было и въ Уст. гражд. суд. (ст. 16 Уст. гр. суд.), но оно ни къ чему не привело. Какъ извѣстно, у насъ и до сихъ поръ въ большинствѣ случаевъ въ повѣсткахъ судовъ вовсе не обозначается „часъ“ явки въ судъ, вслѣдствіе чего вызываемые въ судъ дол-

жны нерѣдко терять цѣлый день. Къ сожалѣнію, эта новая попытка парализуется прибавленіемъ словъ „если нужно“. Было бы понятно, если бы вмѣсто словъ „если нужно“ было сказано „если возможно“; но какое же можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что „нужно“ обозначать часъ явки вызываемаго, разъ это возможно. Остается еще надежда, что этотъ на первый взглядъ второстепенный, но въ сущности для обыденной жизни далеко не праздный вопросъ получитъ болѣе правильную, т. е. рѣшительную постановку при составленіи предусмотрѣнной п. II, Высочайше утвержденнаго 29-го декабря 1889 г. мнѣнія государственнаго совѣта, инструкціи, имѣющей быть составленной по соглашенію министровъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи для опредѣленія внутренняго распорядка вновь вводимыхъ установленій.

Въ главѣ III-й о порядкѣ разбирательства мы находимъ одно существенное улучшеніе. Въ отличіе отъ 587 ст. Уст. гр. суд., установляющей абсолютную возможность отдѣльнаго обжалованія опредѣленія суда по вопросу о подсудности и дающей возможность недобросовѣстнымъ отвѣтчикамъ оттягивать разборъ по существу путемъ заявленія завѣдомо вздорнаго отвода, ст. 45 дозволяетъ разрѣшать по усмотрѣнію земскаго начальника споръ о подсудности отдѣльно или совмѣстно съ существомъ дѣла. Тутъ только представляется одна опасность, какъ бы новыя учрежденія не стали черезчуръ широко пользоваться этимъ „усмотрѣніемъ“, что представляло бы тѣмъ болѣе опасности, что вопросы о подсудности, въ особенности, на первыхъ порахъ, затрудняютъ даже и опытныхъ юристовъ, а земскіе начальники, какъ извѣстно, назначаются не изъ юристовъ.

Глава IV-я о доказательствахъ повторяетъ, съ

До настоящаго времени инструкція эта не составлена, но прокуроръ Московской судебной палаты г. Муравьевъ издалъ „Руководство для волостн. судовъ“. Оно имъ рекомендовано мин-мъ внутр. дѣлъ.

небольшими редакціонными измѣненіями, постановленія Уст. гр. суд. Правила о свидѣтеляхъ дополнены вполнѣ разумнымъ постановленіемъ, заимствованнымъ изъ ст. 704 Уст. угол. суд., о воспрещеніи допроса священниковъ и повѣренныхъ по предмету признанія, сдѣланному на духу или въ объясненіяхъ съ повѣреннымъ. Какъ особенность новыхъ правилъ, можно отмѣтить совершенное устраненіе изъ числа доказательствъ присяги тяжущихся, которая, впрочемъ, фактически совсѣмъ не примѣнялась у насъ съ времени судебной реформы 1864 г.

Въ главѣ V-й, въ правилахъ объ обезпеченіи исковъ, встрѣчаются нѣсколько поправокъ, указанныхъ опытомъ судебной практики и точнѣе опредѣляющихъ время, порядокъ обезпеченія, сроки для приведенія его въ исполненіе (§ 80, 83, 84).

Въ общемъ нельзя не замѣтить, что въ правилахъ 29-го декабря сохранено то гуманное стремленіе къ сокращенію сакраментальной формалистики, которое составляло отличительную черту нашего новаго процесса 1864 г., взявшаго себѣ девизомъ „правду и милость“ [1]).

V.

Самая оригинальная часть новыхъ процессуальныхъ правилъ судопроизводства у земскихъ начальниковъ, это—постановленія о заочныхъ рѣшеніяхъ.

Едва-ли какія добрыя законодательныя намѣренія подвергались большей эксплоатаціи, нежели дѣйствующія постановленія о заочныхъ рѣшеніяхъ. Внушенныя гуманнымъ побужденіемъ охраны интересовъ добросовѣстныхъ отвѣтчиковъ, постановленія эти сдѣлались орудіемъ для оттяжки процесса въ рукахъ кляузниковъ и недобросовѣстныхъ дѣль-

[1]) Ср. статью г. Гольмстена въ Юрид. Лѣтописи 1890 г., № 1.

цовъ-адвокатовъ. Къ сожалѣнію, какъ учитъ опытъ, никакая законодательная предусмотрительность не въ силахъ оградить вполнѣ благія постановленія закона отъ искаженія ихъ при помощи тонкаго, но дурно направленнаго юридическаго анализа; принять, однако, всевозможныя мѣры предосторожности и можно, и должно. И въ этомъ отношеніи правила 29-го декабря представляютъ собою шагъ впередъ сравнительно съ Уст. гражд. судопр. По ст. 152 этого Устава съ подачею отзыва на заочное рѣшеніе ео ipso оно теряло всякую силу. Постановленіе это было вполнѣ абсолютно, такъ что судья обязанъ былъ назначить новое разбирательство и пріостановить исполненіе рѣшенія, если оно уже было начато, какъ бы ни было вздорно содержаніе отзыва. Самъ законъ до нѣкоторой степени вводилъ въ искушеніе, такъ какъ недобросовѣстный отвѣтчикъ не несъ никакой или почти никакой отвѣтственности предъ истцемъ за напрасную затяжку дѣла [1]).

§ 96 новыхъ правилъ имѣетъ цѣлью устраненіе этого злоупотребленія. Право отвѣтчика на подачу отзыва изъ абсолютнаго дѣлается относительнымъ и пользованіе имъ поставлено въ зависимость отъ „усмотрѣнія“ земскаго начальника. Онъ принимаетъ отзывъ только въ томъ случаѣ, если онъ признаетъ причину неявки отвѣтчика „*уважительною*“. Но признавая необходимость устраненія злоупотребленій правомъ подачи отзыва, вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не замѣтить, что § 96 вдался въ крайность и употребилъ черезчуръ общее выраженіе, практическое примѣненіе коего можетъ дать поводъ къ неосновательнымъ или основательнымъ нареканіямъ на земскихъ начальниковъ. Не нужно забывать, что большинство земскихъ начальниковъ лишено юридическаго образованія, что новый поря-

---

[1]) Установленная ст. 723 Уст. гр. суд. отвѣтственность нецѣлесообразною судебною практикою сведена почти къ нулю. См. статью мою „Судебныя издержки заочнаго процесса“ въ *Судебн. Вѣстн.* 1874 г. 5 октября.

докъ заочнаго производства не можетъ имѣть опоры въ нынѣшней судебной практикѣ, и потому едва-ли легко будетъ новымъ административно-судебнымъ учрежденіямъ, лишеннымъ вдобавокъ органа одного общаго толкованія закона, установить точный легальный смыслъ термина „уважительныя причины“. Есть, конечно, случаи, когда выраженіе это не вызоветъ никакого сомнѣнія; таково, напр., прекращеніе или чрезвычайное затрудненіе въ путяхъ сообщенія. Но какъ смотрѣть на другіе случаи, напр., на болѣзнь? Тутъ затруднился бы и опытный юристъ, потому что разныя законодательства и даже разныя части одного и того же законодательства не сходятся во взглядахъ на этотъ вопросъ. Такъ, нашъ старый уст. граж. судопр. къ числу законныхъ препятствій къ явкѣ въ судъ относитъ: физическія непреодолимыя препятствія, лишеніе свободы, государственную нужду по службѣ, помѣшательство отъ нашествія непріятеля, несчастіе, потерпѣнное отъ пожара, нападеніе воровъ, смерть родителей, жены и дѣтей, болѣзнь вызваннаго въ судъ или его жены, сумасшествіе (ст. 284 т. X ч. 2).—Если сопоставить эти законные поводы неявки съ тѣми, которые исчислены въ ст. 1542 Уст. судопр. въ коммерческихъ судахъ, то замѣтимъ большую разницу. Сходятся они только относительно физическихъ препятствій, во всемъ же остальномъ они расходятся. Такъ, кончина родителей отвѣтчика служитъ законною отговоркою только въ томъ случаѣ, если они жили „въ его домѣ“, болѣзнь—только въ томъ случаѣ, если была „тяжкая“. Постановленія Уст. уг. суд. (ст. 388) о законныхъ причинахъ неявки къ слѣдствію и суду, въ свою очередь, вносятъ еще видоизмѣненія. Если прибавить къ сказанному, что неявка по болѣзни должна разсматриваться въ связи съ вопросомъ о возможности прислать повѣреннаго (ст. 286 т. X. ч. II, ст. 1549 т. XI. ч. I), то легко понять, какія трудности ожидаютъ земскихъ начальниковъ при рѣшеніи щекотливаго вопроса объ „уважительности“ причины неявки въ судъ.

Внесеніе въ правила 29-го декабря какихъ-нибудь твердыхъ началъ по этому предмету, въ видѣ ли приблизительнаго исчисленія законныхъ причинъ неявки или различія въ порядкѣ врученія повѣстки [1]), могло бы оказать земскимъ начальникамъ большое облегченіе. Такое точное руководство со стороны закона было тѣмъ необходимѣе, что земскимъ начальникамъ придется не разъ разбирать столкновенія тяжущихся довольно остраго характера, и они склонны будутъ малѣйшую льготу въ пользу той или другой стороны, не имѣющую опоры въ законѣ, приписать личному пристрастію судящаго.

Мы были бы невѣрно поняты, если бы наше замѣчаніе было истолковано въ смыслѣ рекомендаціи казуистическаго изложенія текста закона. Вредъ этого способа, который Іерингъ мѣтко уподобляетъ китайскому языку, неспособному выразить новое понятіе иначе какъ посредствомъ особеннаго знака, признается всѣми юристами [2]). Но все хорошо на своемъ мѣстѣ. Если въ законодательномъ сборникѣ, предназначенномъ для юристовъ, казуистическая дробность или мелочность считается вредною, то далеко нельзя сказать того же о сборникахъ, которые должны примѣнять лица, лишенныя возможности пополнять общія положенія закона руководящими указаніями изъ отечественной юриспруденціи и юридической литературы.

Выше мы указывали на случаи злоупотребленія правомъ отзыва со стороны отвѣтчиковъ. Такія злоупотребленія возможны, хотя они и не такъ часты, и со стороны истцовъ. Они могутъ безнаказанно привлекать неоднократно отвѣтчика къ суду, сами не являясь на судъ. Неявившійся истецъ ничѣмъ не рискуетъ, кромѣ внесенной судебной пошлины, и въ теченіе земской давности можетъ возобновлять свой искъ сколько угодно. Противъ такой судебной волокиты самыя рѣшительныя мѣры

---

[1]) Итал. Уст. суд. (ст. 382) придаетъ большое значеніе вопросу о томъ, вручена ли отвѣтчику повѣстка лично или нѣтъ.

[2]) *Ihering*. Geist des römischen Rechts, I. 44.

принимаетъ германскій Уст. гражд. суд. 1877 г., предписывающій отказъ въ искѣ въ случаѣ неявки истца (§ 295) и такимъ образомъ навсегда ограждающій отвѣтчика отъ возобновленія иска. Нашъ Уст. гражд. суд. 1864 г. давалъ отвѣтчику право взыскивать съ истца судебныя издержки и убытки (п. 2 ст. 718 Уст. гр. суд.). Правила 29-го октября не даютъ никакого удовлетворенія отвѣтчику за напрасное привлеченіе къ суду и никакой гарантіи противъ повторенія его. Въ этомъ отношеніи мы находимъ въ новыхъ правилахъ сравнительно съ дѣйствующимъ законодательствомъ даже лишнюю льготу въ пользу истца: по § 99 правилъ по иску, основанному на договорномъ листѣ о личномъ наймѣ, истецъ вправѣ не явиться на вторичное разбирательство, назначенное по отзыву отвѣтчика на заочное рѣшеніе, состоявшееся въ пользу истца.

Въ правилахъ о заочныхъ рѣшеніяхъ встрѣчается одно новое постановленіе, которое устранитъ давно уже замѣченную въ судебной практикѣ путаницу по исчисленію срока на принесеніе апелляціонной жалобы при заочныхъ рѣшеніяхъ. Срокъ этотъ исчислялся для истца со дня *объявленія* рѣшенія (ст. 162 Уст. гражд. суд.), т.-е. большею частью въ день разбора дѣла; между тѣмъ срокъ для отзыва исчислялся со дня *врученія* отвѣтчику копіи съ заочнаго рѣшенія (ст. 151 Уст. гражд. суд.). Для истца этотъ порядокъ имѣлъ то неудобство, что онъ, не зная ничего о намѣреніи отвѣтчика воспользоваться правомъ подачи отзыва, могъ, во избѣжаніе пропуска мѣсячнаго срока на аппелляцію, подать ее, а между тѣмъ она оставалась безъ разсмотрѣнія, если поступалъ отзывъ отвѣтчика. Послѣдній въ свою очередь терпѣлъ то неудобство, что если поданный имъ отзывъ по какимъ-нибудь основаніямъ не принимался, то онъ уже не могъ большею частью воспользоваться правомъ обжалованія въ мировой съѣздъ, такъ какъ мѣсячный срокъ обыкновенно оказывался истекшимъ. Нынѣ всѣ эти неудобства устранены очень просто: по § 98 срокъ на принесеніе аппеляціонной жалобы противъ перваго за-

очнаго рѣшенія какъ для истца, такъ и для отвѣтчика исчисляется со времени врученія ему копіи означеннаго рѣшенія, а въ случаѣ непринятія отзыва—со дня объявленія постановленія объ оставленіи заочнаго рѣшенія въ силѣ.

Въ главѣ VII о рѣшеніяхъ мы находимъ еще одно новое постановленіе, взятое изъ закона 12-го іюня 1886 г. и касающееся предварительнаго исполненія рѣшенія. Оно допускается, между прочимъ, по дѣламъ о личномъ наймѣ, когда рѣшеніемъ вмѣнено въ обязанность нанимателю отпустить служившаго у него работника. Кромѣ того, по просьбѣ рабочаго, допускается истребованіе отъ нанимателя вида и договорнаго листа рабочаго, а въ случаѣ *невозвращенія* — земскій начальникъ выдаетъ рабочему удостовѣреніе для полученія *немедленно* (?) новыхъ вида и листа. Постановленіе это, имѣющее цѣлью придти на помощь брошенному нанимателемъ на произволъ судьбы и безъ разсчета рабочему, конечно, заслуживаетъ полнаго сочувствія, но, къ сожалѣнію, оно отличается нѣкоторою нерѣшительностью, а потому можетъ на практикѣ оказаться мѣрою палліативною. Въ самомъ дѣлѣ, если сравнить послѣдствія нарушенія договора найма, заключеннаго по договорному листу, то они окажутся крайне различными для двухъ договорившихся сторонъ. Неравноправность была и въ законѣ 12-го іюня 1886 г., о наймѣ по договорному листу, но теперь она усугубилась. За самовольное и недобросовѣстное нарушеніе условій найма, даже заключеннаго безъ договорнаго листа, рабочій можетъ быть подвергнутъ аресту и наказанію розгами или даже обоимъ наказаніямъ совмѣстно (§ 38, 17 временныхъ правилъ о волостномъ судѣ 12-го іюля 1889 г.). Между тѣмъ самовольное нарушеніе со стороны рабочаго нерѣдко можетъ быть вызвано неправильными дѣйствіями нанимателя, или по крайней мѣрѣ рабочій можетъ считать ихъ таковыми. А съ другой стороны наниматель, самоуправно задерживающій видъ и договорный листъ рабочаго, не смотря *на прямое*

предписаніе суда, и потому никоимъ образомъ не могущій оправдываться добросовѣстнымъ заблужденіемъ, совершаетъ, какъ выражалось наше старое законодательство, „явное ослушаніе и наглый поступокъ“, (ст. 283 т. X., ч. 2). Но за такое „явное ослушаніе“ наниматели ни гражданской, ни уголовной отвѣтственности не подвергаются. Единственное удовлетвореніе, которое получаетъ рабочій, это—удостовѣреніе для „немедленнаго“ полученія паспорта и договорнаго листа изъ волостнаго правленія. Но принимая во вниманіе наши разстоянія и процедуру сношеній крестьянъ съ ихъ начальствомъ, не трудно догадаться, къ чему можетъ свестись на практикѣ это „немедленное“ полученіе необходимыхъ для рабочаго документовъ. Конечно если наниматель по капризу, недобросовѣстности, или изъ мести не исполняетъ предписанія судьи о возвратѣ документовъ, то нѣтъ возможности прямо вынудить его исполнить рѣшеніе суда. Но уже римская юриспруденція научила, какъ путемъ цѣлесообразно скомбинированныхъ штрафовъ отнимать у строптивыхъ отвѣтчиковъ охоту къ явному ослушанію суда. Примѣру ея послѣдовалъ и германскій Уставъ [1]), но нашъ Уставъ 1864 г. незнакомъ еще съ этими косвенными мѣрами принужденія, и, къ сожалѣнію [2]), и правила 29-го декабря 1889 г. также не пошли въ этомъ отношеніи дальше, хотя указанный случай давалъ къ тому достаточный поводъ.

---

[1]) По § 774 герм. Уст. отвѣтчикъ, не исполняющій вообще возложенную судомъ обязанность, подвергается штрафу до 1,000 марокъ или *аресту*.

[2]) См. Курсъ Гражд. Суд. Малышева, т. II, стр. 104—106.

VI.

Въ заключеніе не можемъ не отмѣтить одно прискорбное отступленіе отъ Судебныхъ Уставовъ допущенное Правилами въ кассаціонной инстанціи, гдѣ дѣла слушаются при закрытыхъ дверяхъ. За двадцатипятилѣтнее время дѣйствія гласнаго суда благодѣтельное воздѣйствіе гласности обнаружились такъ наглядно для всѣхъ, что даже дѣлается какъ-то неловко подробно доказывать пользу или необходимость гласности, служащей, по опредѣленію одного изъ симпатичнѣйшихъ дѣятелей судебной реформы, Н. А. Буцковскаго, „самымъ надежнымъ контролемъ для всякой общественной дѣятельности и единственно прочною уздою для удержанія общественныхъ дѣятелей въ предѣлахъ законности“[1]).

Трудно представить себѣ, какія солидныя соображенія могли заставить лишить гласности высшую кассаціонную инстанцію новыхъ судебно-административныхъ учрежденій, которая и по организаціи своей, какъ мы старались показать въ гл. XV, представляется столь неудачной — лишить одной изъ сильнѣйшихъ гарантій правильности дѣйствій и вѣрнѣйшихъ способовъ для завоеванія симпатій или, по крайней мѣрѣ, довѣрія публики. А оно, какъ извѣстно, составляетъ conditio sine qua non для успѣшнаго функціонированія судебныхъ учрежденій.

Лѣтъ 25 тому назадъ гласность могла еще пугать или шокировать людей въ родѣ извѣстнаго министра юстиціи графа Панина, который принимая, скрѣпя сердце, гласность въ низшихъ и среднихъ инстранціяхъ, отвергалъ ее въ сенатѣ. Воспитанный въ потемкахъ канцелярской тайны и сжившійся съ душной и темной атмосферой бюрократической изолированности, „недосягаемый“, какъ его назвалъ И. С. Тургеневъ, Панинъ могъ еще въ 1862 г. высказать въ государственномъ совѣтѣ мнѣніе, что

---

1) См. записку Буцковскаго, IX т. Дѣла о преоб. судеб. части

гласность не соотвѣтствуетъ „довѣрію“, подобающему высшему въ имперіи судилищу [1]). Но этотъ эксцентричный взглядъ на гласность и тогда прозвучалъ одиноко, не найдя никакого сочувствія. Теперь же, послѣ продолжительнаго опыта нашего съ гласностью, этимъ, какъ выразился М. Н. Катковъ, „всеоживляющимъ, всевозбуждающимъ началомъ, дающимъ всему свѣтъ“, такой странный взглядъ не нашелъ бы защитниковъ даже на страницахъ самыхъ ретроградныхъ изданій.

Гласность не роняетъ, а возвышаетъ авторитетъ учрежденій. Наглядным доказательствомъ справедливости этого наблюденія служитъ исторія нашего новаго или гласнаго суда. Вотъ уже 10—15 лѣтъ какъ на него изливаются безъ перерыва потоки грязной sentinae со столбцовъ реакціонныхъ изданій, и что же? Развѣ эти нечистыя діатрибы загрязнили его, развѣ онѣ пошатнули довѣріе къ нему, доказали неправильность его строя или поколебали солидность его основъ?... Лишь слабое и хрупкое созданіе боится свѣта и критики. Въ горнилѣ же гласности производится настоящая проба внутренней крѣпости и солидности учрежденій. Министръ Маковъ такъ мало былъ увѣренъ въ жизненности своего дѣтища — института урядниковъ, что онъ не рѣшился подвергнуть это хрупкое созданіе перекрестному огню гласной критики. Но дѣйствительно здоровыя и крѣпкія учрежденія выходятъ только укрѣпленными изъ пламеннаго горнила гласности:

Такъ тяжкій млатъ,
Дробя стекло, куетъ булатъ.

Вотъ почему нельзя не пожелать, прежде всего, съ точки зрѣнія интересовъ доброй репутаціи и успѣшной дѣятельности новыхъ кассаціонныхъ судилищъ,

---

[1]) См. мнѣніе графа Панина въ т. XIX Дѣла о преобразованіи судебной части, въ журналѣ государственнаго совѣта 1862 г., № 65 стр. 181.

чтобы они въ скоромъ времени разстались съ своимъ прискорбно-привилегированнымъ положеніемъ, которое справедливо можетъ быть названо privilegium odiosum и чтобы они стали дѣйствовать при свѣтѣ гласности, „безъ которой, по глубоко вѣрному замѣчанію М. Н. Каткова, ничто не можетъ правильно и плодотворно развиваться, ничто не можетъ *уберечься отъ порчи и гніенія, ничто не можетъ быть обезпечено отъ злоупотребленій и обмановъ*“ (*Москов. Вѣд.* 1866 г., № 198).

Будемъ надѣяться, это коренное отступленіе отъ одного изъ основныхъ началъ судебной реформы продержится не долго. Но это дѣло будущаго, а теперь нельзя не радоваться тому, что въ Правилахъ 29 декабря допущено только это одно единственное серьозное отступленіе отъ судебныхъ порядковъ 1864 года. Во всемъ же остальномъ Правила или буквально повторяютъ или перефразировываютъ, какъ мы уже замѣтили, постановленія Уставовъ 20-го ноября.

Чѣмъ же объясняется этотъ любопытный и неожиданный фактъ, на который нельзя не обратить вниманія? Вѣдь прожектеры „реформы судебной реформы“ давно уже признали легкомысленными и даже опасными основы либеральнаго законодательства 1864 г. Какъ же могло случиться, что пересмотръ его, предпринятый въ наше время, не только равнодушное, но почти враждебное къ этимъ основамъ, привелъ къ сугубому торжеству этихъ началъ, такъ какъ разумность и даже необходимость ихъ признана лицами, далеко не солидарными съ „лже-либералами“? Какъ объяснить это странное явленіе?.

Аналогическій этому явленію, фактъ констатированъ въ интересной Запискѣ гр. Блудова, составленной имъ въ 1860 г.[1]) при внесеніи въ государственный совѣтъ проекта устава о судопроизводствѣ. Записка эта заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что авторъ ея пользуется репутаціею непререкаемаго авторитета въ кругахъ, враждебныхъ Судебнымъ

[1]) См. выше, стр. 65.

Уставамъ [1]). Гр. Блудовъ указываетъ, что геніальный преобразователь Россіи еще въ 1718 г. призналъ необходимымъ раздѣленія властей и освобожденіе судебной власти отъ „стѣснительной опеки властей правительственныхъ“. Но преемники его, говоритъ авторъ, „нашли, что удобнѣе, т. е. легче, разрушить все имъ созданное“ и снова допустили смѣшеніе властей по мотиву, который и въ наши дни воскрешенія давно и недавно схороненныхъ покойниковъ, воскресъ на нашихъ глазахъ, по мотиву, что „люди не знаютъ, *куда* обращаться по дѣламъ своимъ“. Продолжая свой историческій очеркъ, Блудовъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: „но идеи и дѣйствія людей великихъ имѣютъ то свойство, что производятъ вліяніе даже и на тѣхъ, которые не умѣютъ или почему-либо не хотятъ понять ихъ значенія и пользы. Такъ было и въ настоящемъ случаѣ и вскорѣ оказалось, что понятіе о существующемъ между судебною и чисто правительственною властью *различіи* пустило глубокіе корни въ общественномъ мнѣніи и началось *какъ бы невольное* обращеніе къ мыслямъ Петра“ [2]).

Такое же „невольное обращеніе“ къ кореннымъ основамъ судебной реформы 1864 г. мы замѣчаемъ и при составленіи правилъ 29 декабря, и оно-то служитъ самымъ краснорѣчивымъ доказательствомъ незыблемости ихъ. Когда Аристотеля просили указать для его царственнаго питомца сокращенный путь къ наукѣ, онъ отвѣтилъ: путь къ истинѣ одинъ для всѣхъ смертныхъ. То же самое нужно сказать о пути къ правосудію. Онъ былъ указанъ въ уставахъ Александра II и, несмотря на все скептическое отношеніе къ нимъ и на желаніе новаторства, пришлось волею-неволею вернуться къ нимъ, потому что этотъ путь, начертанный виновниками судебной реформы, тотъ единственный нормальный путь, который указанъ и юридическою *наукою*, и *опытомъ* цивилизованнаго человѣчества. Не муд-

---

1) *В. Фукс*, Судъ и полиція, стр. 1—70.
2) Дѣло о преобразованіи судебной части, т. IV, стр. 25.

рено, что это новое торжество „послѣдняго слова науки“, надъ которою привыкли издѣваться обскуранты какъ надъ продуктомъ гнилаго Запада, повергло ихъ въ уныніе. Они въ неразумiи своемъ безъ устали старались подкопаться, какъ въ извѣстной баснѣ Крылова, подъ то дерево знанія, которое одно питало и питаетъ людей своими плодами....

Не образумитъ ли хотя нѣсколько это неожиданное торжество основъ судебной реформы 1864 г. непримиримыхъ враговъ ея; торжество, притомъ, явившееся въ такое время и съ той стороны, откуда менѣе всего можно было ожидать? Кто знаетъ, быть можетъ эта новая побѣда „вѣчныхъ истинъ“ судебнаго законодательства внушитъ ихъ противникамъ такое же невольное уваженіе, pietas къ нимъ, какое испытывали средневѣковые варвары предъ лицомъ вѣчнаго города, собираясь брать его приступомъ?!...

ОПИСЬ

ДѢЛА О ПРЕОБРАЗОВАНІИ СУДЕБНОЙ ЧАСТИ

ВЪ РОССІИ.

ОПИСЬ

ДѢЛА О ПРЕОБРАЗОВАНІИ СУДЕБНОЙ ЧАСТИ ВЪ РОССІИ.

Проекты втораго отдѣленія Собственной ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА канцеляріи.

Т. I.

1. Проектъ устава судопроизводства гражданскаго, внесенный въ 1857 году статсъ-секретаремъ графомъ Блудовымъ, заключающій въ себѣ девять раздѣловъ:

1. О судопроизводствѣ гражданскомъ вообще.
2. О тяжбахъ и искахъ.
3. О производствѣ дѣлъ въ первой степени суда.
4. О производствѣ дѣлъ во второй степени суда.
5. О производствѣ тяжебныхъ дѣлъ въ правительствующемъ сенатѣ.
6. О подаваемыхъ внѣ апелляціоннаго порядка жалобахъ.
7. О пересмотрѣ рѣшеній, вошедшихъ въ законную силу.
8. О порядкѣ исполненія судебныхъ рѣшеній по дѣламъ гражданскимъ.
9. О порядкѣ производства взысканій по безспорнымъ актамъ о обязательствахъ.

2. Проектъ положенія о производствѣ дѣлъ гражданскихъ порядкомъ сокращеннымъ.

Т. II.

1. Общая объяснительная записка къ проекту устава судопроизводства гражданскаго.
2. Особыя по нѣкоторымъ вопросамъ записки къ проекту устава судопроизводства гражданскаго.
3. Общая объяснительная записка къ проекту объ исполненіи судебныхъ рѣшеній по дѣламъ гражданскимъ.
4. Общая объяснительная записка къ проекту о порядкѣ производства взысканій по актамъ безспорнымъ о обязательствахъ (разд. IX уст. судопр. гражд.)
5. Объяснительная записка къ проекту положенія о производствѣ дѣлъ гражданскихъ порядкомъ сокращеннымъ.
6. Записка управляющаго министерствомъ юстиціи о взысканіяхъ по долговымъ актамъ.

Т. III.

1. Раздѣлъ X устава гражданскаго судопроизводства о примирительномъ разбирательствѣ съ объяснительною запискою.
2. Приложеніе I-е. Уставъ третейскаго совѣтнаго суда, составленный въ 1801 году Державинымъ.
3. Приложеніе II. Отзывы предсѣдателей коммерческихъ судовъ о третейскихъ судахъ.
4. Раздѣлъ XI устава гражданскаго судопроизводства, о судопроизводствѣ по особеннымъ родамъ тяжбъ и исковъ съ объяснительною запискою.

Т. IV.

1. Проектъ правилъ о порядкѣ производства спорныхъ гражданскихъ дѣлъ, подлежащихъ вѣдомству судовъ мировыхъ.
2. Проектъ правилъ о порядкѣ производства дѣлъ по маловажнымъ преступленіямъ и проступкамъ, подлежащимъ вѣдомству судовъ мировыхъ.

3. Проектъ постановленія о присяжныхъ стряпчихъ.
4. Проектъ положенія о судоустройствѣ.
5. Объяснительная записка къ проекту правилъ о порядкѣ производства спорныхъ гражданскихъ дѣлъ, подлежащихъ вѣдомству судовъ мировыхъ.
6. Объяснительная записка къ проекту правилъ о порядкѣ производства дѣлъ по маловажнымъ преступленіямъ и проступкамъ, подлежащимъ вѣдомству судовъ мировыхъ.
7. Объяснительная записка къ проекту постановленій о присяжныхъ стряпчихъ.
8. Общая объяснительная записка къ проекту положенія о судоустройствѣ.
9. Приложенія къ объяснительной запискѣ по проекту положенія объ устройствѣ судебныхъ мѣстъ.
10. Соображенія министра юстиціи по проекту о судоустройствѣ.
11. Замѣчанія товарища министра юстиціи на раздѣлъ VIII проекта гражданскаго судопроизводства.
12. Журналъ департамента законовъ за № 72, по представленію министра юстиціи, объ установленіи новаго порядка распредѣленія жалованья между канцелярскими служителями правительствующаго сената.

Т. V.

Труды комитета о судебныхъ сборахъ, учрежденнаго при второмъ отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи.

Т. VI.

Проектъ устава судопроизводства по преступленіямъ и проступкамъ, заключающій въ себѣ семь раздѣловъ.

1. О судопроизводствѣ по преступленіямъ и проступкамъ вообще.
2. О обязанностяхъ полиціи по производству дѣлъ о преступленіяхъ и проступкахъ.
3. О порядкѣ слѣдствій по преступленіямъ и проступкамъ.

4. О порядкѣ разсмотрѣнія и рѣшенія дѣлъ по преступленіямъ и проступкамъ.

5. О случаяхъ отмѣны окончательныхъ приговоровъ по дѣламъ о преступленіяхъ и проступкахъ.

6. О порядкѣ исполненія приговоровъ по дѣламъ о преступленіяхъ и проступкахъ.

7. Объ особенныхъ родахъ судопроизводства въ дѣлахъ по преступленіямъ и проступкамъ.

Т. VII.

1. Общая объяснительная записка къ проекту новаго устава судопроизводства по преступленіямъ и проступкамъ.

2. Объяснительная записка къ проекту раздѣла VII судопроизводства уголовнаго объ особенныхъ родахъ судопроизводства.

3. Записка втораго отдѣленія № 648 о лицахъ гражданскаго вѣдомства, подлежащихъ за преступленія и проступки суду военному.

Т. VIII.

Проектъ устава о взысканіяхъ за проступки, подвѣдомые мировымъ судьямъ, съ объяснительными къ нему записками.

Работы государственной канцеляріи съ 1857 по 1861 г.

Т. IX.

Предварительныя работы государственной канцеляріи по проекту устава гражданскаго судопроизводства (1857—59).

1. Общее замѣчаніе князя П. П. *Гагарина* о проектѣ новаго устава гражданскаго судопроизводства.

2. О значеніи мироваго судьи и словеснаго порядка судопроизводства.

3. О дѣлахъ охранительнаго порядка.

4. Объ отдѣленіи вопросовъ о дѣлѣ и правѣ въ рѣшеніяхъ судебныхъ инстанцій.

5. О производствѣ дѣлъ въ сенатѣ.

6. Проектъ статей о производствѣ дѣлъ въ сенатѣ.

7. Объ отмѣнѣ окончательныхъ рѣшеній судебныхъ мѣстъ.

8. Первый проектъ статей объ отмѣнѣ рѣшеній, составленный въ соединенныхъ департаментахъ.

9. Дополнительныя объясненія къ статьямъ перваго проекта объ отмѣнѣ рѣшеній.

10. Второй проектъ статей объ отмѣнѣ рѣшеній (составленный во второмъ отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи).

11. Объ адвокатахъ при словесныхъ или мировыхъ судахъ.

12. Проектъ положенія о присяжныхъ повѣренныхъ.

13. Судопроизводство по дѣламъ казны и по особымъ 16-ти родамъ тяжбъ.

Т. X.

Изданіе I.

1. Журналъ соединенныхъ департаментовъ законовъ и гражданскаго о главныхъ началахъ, принятыхъ при разсмотрѣніи новаго устава гражданскаго судопроизводства (съ 15 ноября 1857 г. по 23 сентября 1859 года).

2. Проектъ устава судопроизводства гражданскаго, разсмотрѣнный соединенными департаментами.

3. Журналъ соединенныхъ департаментовъ законовъ и гражданскаго по проектамъ устава судопроизводства гражданскаго о сокращенномъ порядкѣ и объ исполненіи рѣшеній (съ 15 ноября 1857 г. по 23 сентября 1859 года), съ приложеніями: 1) новой редакціи статьи 707 т. X ч. 1 и 2) таблицы сроковъ по уставу гражданскаго судопроизводства.

4. Проектъ положенія о присяжныхъ повѣренныхъ.

5. Журналъ соединенныхъ департаментовъ по проекту о присяжныхъ повѣренныхъ 1859 года.

Т. XI.

Такой же томъ. Изданіе II.

Т. XII.

1. Часть I. Сводъ общихъ замѣчаній на проектъ и главныя начала судопроизводства гражданскаго, принятыя соединенными департаментами.

2. Часть II. Сводъ частныхъ замѣчаній на отдѣльныя статьи проекта устава судопроизводства гражданскаго съ приложеніемъ.

3. Часть III. Сводъ общихъ и частныхъ замѣчаній на проектъ положенія о присяжныхъ повѣренныхъ.

Замѣчанія доставлены отъ членовъ государственнаго совѣта: *князя Голицына, Княжевича, Ланскаго, Литке, графа Панина, князя Меншикова, Муравьева, Сухозанета, Игнатьева, князя Долгорукова, Анненкова, графа Сумарокова, Чевкина, Танѣева.*

Изъ министерства юстиціи доставлены замѣчанія слѣдующихъ лицъ: *Буцковскаго, Ровинскаго, Побѣдоносцева, с.-петербургскихъ оберъ прокуроровъ Любощинскаго, Матюнина, Фриша, Арсеньева, Роговича, Жизневскаго, Романовскаго, Бера, Старицкаго, князя Оболенскаго, Богуславскаго, Кавелина, Перегудова, Малковскаго, Предсѣдателя коммерческаго суда барона Корфа, Смѣпцова, Языкова, Андреевскаго, Энгельмана и Шахова.*

Т. XIII.

Сводъ замѣчаній на проекты втораго отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи по проекту устава судопроизводства гражданскаго (част. 1 и 2).

1. О взысканіяхъ по безспорнымъ актамъ о обязательствахъ (разд. IX).

2. О спорныхъ гражданскихъ дѣлахъ, подлежащихъ судамъ мировымъ.

3. О дѣлахъ по маловажнымъ преступленіямъ и проступкамъ, подлежащимъ судамъ мировымъ.

4. О судоустройствѣ; въ 1-й части свода приложеніе—проектъ учрежденія словесныхъ судовъ въ Москвѣ.

Сводъ замѣчаній на раздѣлъ X проекта судопроизводства гражданскаго, о примирительномъ разбирательствѣ.

1. Часть I, общія замѣчанія.

2. Часть II, частныя замѣчанія.

Сводъ замѣчаній на раздѣлъ XI, проекта объ особыхъ родахъ судопроизводства гражданскаго:

Часть I. Сводъ общихъ замѣчаній на сей раздѣлъ.

Часть II. Сводъ частныхъ замѣчаній на отдѣльныя статьи этаго раздѣла.

Изъ министерства юстиціи, кромѣ замѣчаній товарища министра юстиціи Т. С. *Замятнина*, доставлены замѣчанія слѣдующихъ лицъ: *Буцковскаго, Побѣдоносцева, Ровинскаго, Стояновскаго (об. пр.), Спасовича, Стасова, Роговича, Перегудова, Фрига, Зубарева, Богуславскаго, Фриде, Чемадурова, Тизенгаузена и князя Шаховскаго.*

Т. XIV.

Сравнительный проектъ гражданскаго судопроизводства съ дѣйствующими законами.

Т. XV.

Охранительные законы гражданскаго права и записка о способахъ исполненія Высочайше утвержденнаго начала объ отдѣленіи исполнительной власти отъ судебной *С. Зарудняго*. Изданіе 1859 года.

Т. XVI.

Журналы соединенныхъ департаментовъ законовъ и гражданскаго.

1. 1860 г. № 62 по общимъ замѣчаніямъ на проектъ и главныя начала судопроизводства гражданскаго (часть 1).

2. 1861 года № 44 по частнымъ замѣчаніямъ на статьи проекта судопроизводства гражданскаго (Сводъ замѣчаній ч. II).

3. 1861 года № 45 по замѣчаніямъ на проектъ о присяжныхъ повѣренныхъ (Свод. замѣч. ч. III).

4. 1861 г. № 46 по проекту раздѣла X о примирительномъ разбирательствѣ.

5. 1861 года № 47 по проекту о взысканіяхъ по актамъ безспорнымъ о обязательствахъ.

6. 1861 года № 48 объ основныхъ началахъ судоустройства.

Т. XVII.

Матеріалы.

Соображенія разныхъ лицъ о преобразованіи судебной части (1861 и 1862 годовъ)

1. Замѣчанія министра юстиціи на проектъ уголовнаго судопроизводства.

2. Замѣчанія святѣйшаго синода на тотъ же проектъ.

3. Отношеніе управляющаго министерствомъ финансовъ, о судебныхъ издержкахъ.

4. Свѣдѣнія о преобразованіи судебной части по военному вѣдомству.

5. Такія же свѣдѣнія по морскому вѣдомству.

6. Извлеченіе изъ обзора князя *Васильчикова* о преобразованіяхъ судоустройства во ввѣренныхъ его управленію губерніяхъ.

7. Проектъ постановленія о подсудности и производствѣ дѣлъ между обывателями Имперіи и Великаго Княжества Финляндскаго.

8. Замѣчанія на проектъ уголовнаго судопроизводства (оберъ-прокурора *Гольтгоера*).

9. О недостаткахъ дѣйствующаго уголовнаго судопроизводства и о примѣненіи преобразованій къ Закавказскому краю *Е. Старицкаго*.

10. О производствѣ слѣдствія въ судѣ, обвинительномъ началѣ и проч. *Д. Ровинскаго*.

11. Устройство уголовнаго суда *Д. Ровинскаго*.

12. Соображенія о нѣкоторыхъ главныхъ вопросахъ уголовнаго судопроизводства (Возраженіе противъ статьи Ровинскаго, *Е. Бреверна*).

13. Общія соображенія о составѣ уголовнаго суда (*С. Зарудняго*).

14. О спеціальныхъ присяжныхъ для особаго рода дѣлъ въ Англіи, Франціи и Италіи *С. Зарудняго*.

15. Объ основныхъ началахъ уголовнаго судопроизводства *Н. Буцковскаго*.

16. О теоріи доказательствъ въ уголовномъ судопроизводствѣ *Н. Буцковскаго*.

17. Объ условіяхъ для хорошаго дѣйствія присяжныхъ судовъ *Капписта*.

18. Объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній *Д. Ровинскаго*.

19. Устройство гражданскаго суда *Д. Ровинскаго*.

20. Соображенія объ устройствѣ гражданскаго суда (Возраженіе противъ статьи *Ровинскаго*, товарища предсѣдателя черниговской гражданской палаты *В. Баршевскаго*).

21. Извлеченіе изъ доклада *Сардинскаго министра* юстиціи (*Дефореста*), о преобразованіяхъ *гражданскаго* судопроизводства въ Италіи 1859 году *С. Зарудняго*.

22. О связи правила объ обязательности явки тяжущихся въ судъ съ монополіею повѣренныхъ *С. Зарудняго*.

23. О реформахъ судоустройства въ Италіи въ 1862 году *С. Зарудняго*.

24. Предварительныя замѣчанія о планѣ и главныхъ основаніяхъ судоустройства *К. Побѣдоносцева*.

25. О должностныхъ лицахъ судебнаго вѣдомства *Д. Ровинскаго*.

26. Примѣненіе предлаемаго судоустройства въ московской губерніи (*Д. Ровинскаго*).

27. Разборъ замѣчаній на проектъ о присяжныхъ повѣренныхъ (*Е. Бреверна*).

28. О необходимости вводить въ дѣйствіе новыя начала судоустройства и судопроизводства не ожидая полныхъ проектовъ (*Д. Ровинскаго*).

29. О переходныхъ мѣрахъ отъ существующаго нынѣ къ новому порядку судебнаго устройства (*Н. Буцковскаго*).

30. Возраженія противъ соображеній государственной канцеляріи, объ основныхъ началахъ гражданскаго судопроизводства (*Бунге*).

31. Возраженія противъ соображеній государственной

канцеляріи, объ основныхъ началахъ уголовнаго судопроизводства (*К. Лебедева*).

32. Отношеніе оберъ-прокурора святѣйшаго синода 10 іюля 1862 года № 4377, о производствѣ уголовныхъ дѣлъ, касающихся духовнаго вѣдомства.

Т. XVIII.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Записки и соображенія государственной канцеляріи о главныхъ началахъ преобразованія судебной части въ Россіи.

1. Историческая записка, съ изложеніемъ прежнихъ соображеній и предположеній соединенныхъ департаментовъ законовъ и гражданскихъ дѣлъ Государственнаго Совѣта и втораго отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи.

2. Соображенія государственной канцеляріи:

а) О судопроизводствѣ гражданскомъ.

б) О судопроизводствѣ уголовномъ.

в) О судоустройствѣ.

3 Основныя положенія, составленныя государственною канцеляріею.

4. Сравненіе дѣйствующихъ нынѣ законовъ съ предположеніями соединенныхъ департаментовъ и втораго отдѣленія:

а) По судопроизводству гражданскому.

б) По судопроизводству уголовному.

в) По судоустройству.

5. Сравненіе предположеній государственной канцеляріи съ предположеніями соединенныхъ департаментовъ:

а) По судопроизводству гражданскому.

б) По судопроизводству уголовному.

в) По судоустройству.

6. Свѣдѣнія о суммахъ, отпускаемыхъ на содержаніе правительствующаго сената и судебныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ, подвѣдомственныхъ министерству юстиціи.

Т. XVIII.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Соображенія государственной канцеляріи.

Т. XVIII.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Работы по составленію журнала соединенныхъ департаментовъ 1862 года.

Т. XIX.

Журналъ 1862 года № 65 соединенныхъ департаментовъ законовъ и гражданскаго объ основныхъ положеніяхъ преобразованія судебной части.

1. По гражданскому судопроизводству.
2. По уголовному судопроизводству.
3. По судоустройству.

Т. XX.

1. Журналы общаго собранія Государственнаго Совѣта объ основныхъ началахъ 1862 года:

а) Судопроизводства гражданскаго, 27 августа 1862 года.

б) Судопроизводства уголовнаго, 3 сентября 1862 года.

в) Судоустройства, 4 сентября 1862 г.

2. Выписка Высочайшихъ резолюцій, послѣдовавшихъ по меморіи общаго собранія Государственнаго Совѣта, по журналамъ о преобразованіи судебной части, предъявленная Государственному Совѣту.

3. Высочайше утвержденныя 29 сентября 1862 г. основныя положенія преобразованія судебной части.

4. Высочайшее повелѣніе, объявленное Г. Предсѣдательствующимъ въ Государственномъ Совѣтѣ касательно порядка составленія проектовъ уставовъ и положеній о судопроизводствѣ и судоустройствѣ, на основаніи удостоенныхъ разсмотрѣнія Его Величества главныхъ началъ преобразованія судебной части.

Замѣчанія разныхъ лицъ о развитіи основныхъ положеній преобразованія судебной части (въ 6 частяхъ).

Т. XXI.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

1. Помѣщика калужской губерніи тарускаго уѣзда *С. Дурново.*

2. Статскаго совѣтника *Дмоховскаго.*

3. Коллежскаго ассесора *Акимова.*

4. Исправляющій должность секретаря (по 8-му департаменту сената) коллежскаго секретаря *Антонова.*

5. Переяславскаго уѣзднаго стряпчаго владимірской губерніи *Маурера.*

6. Столоначальника с.-петербурской гражданской палаты *Филаретова.*

7. Курляндскаго вице-губернатора барона *Гейкинга.*

8. Нижегородской губерніи макарьевскаго уѣзднаго стряпчаго *Михайлова.*

9. Владимірской губерніи переяславскаго уѣзднаго предводителя дворянства *Родышевскаго,*

10. Нижегородской губерніи семеновскаго уѣзднаго стряпчаго *Вишневскаго*

11. Стряпчаго при с.-петербурскихъ уѣздныхъ мѣстахъ коллежскаго ассесора *Свѣчина.*

12. Могилевской губерніи оршанскаго уѣзднаго стряпчаго *Чумицкаго.*

13. Гродненской губерніи слонимскаго уѣзднаго стряпчаго титулярнаго совѣтника *Заха.*

14. Псковской губерніи островскаго уѣзднаго стряпчаго *Ляпунова*.

15. Секретаря 2-го отдѣленія 6-го департамента сената надворнаго совѣтника *Шереметева*.

16. Товарища предсѣдателя владимірской палаты уголовнаго суда статскаго совѣтника *Пущина*.

17. Виленской губерніи лидскаго уѣзднаго стряпчаго *Бутаровскаго*.

18. С.-Петербургскаго мироваго посредника 3-го участка *П. Жуковскаго*.

19. Бывшаго казанскаго губернскаго прокурора *Жизневскаго*.

20. Могилевской губерніи мстиславскаго уѣзднаго судьи *Илинича*.

21. Александра *Сагатовича*.

22. Судебнаго слѣдователя московской губерніи дмитровскаго уѣзда 1-го участка *Гринева*.

23. Секретаря 2-го отдѣленія 6-го департамента сената надворнаго совѣтника *Ивана Шестакова*.

24. Предсѣдателя нижегородской палаты уголовнаго суда коллежскаго ассесора *Саламыкова*.

25. Секретаря 2-го отдѣленія 6-го департамента сената коллежскаго ассесора *Алферова*.

26. Товарища предсѣдателя архангельской палаты уголовнаго и гражданскаго суда статскаго совѣтника *Абрамовича*.

27. Вятскаго губернскаго прокурора статскаго совѣтника *Алексѣя Сырнева*.

28. Пермской губерніи осинскаго уѣзднаго стряпчаго коллежскаго секретаря *Михаила Вершинина*.

29. Костромской губерніи галичскаго уѣзднаго стряпчаго *Апушкина*

30. Оберъ-секретаря общаго собранія с.-петербургскихъ департаментовъ сената коллежскаго совѣтника *А. Половцова*.

31. Орловской губерніи кромскаго уѣзднаго стряпчаго *Георгіевскаго*.

32. Статскаго совѣтника *Дмоховскаго*.

33. Минской губерніи борисовскаго уѣзднаго стряпчаго *Пржибытека*.

34. Пензенской губерніи наровчатскаго уѣзднаго стряпчаго *Соколова*.

35. Нижнеломовскаго уѣзднаго судьи поручика *Фролова*.

36. Исправляющаго должность судебнаго слѣдователя волынской губерніи 2-го участка дубенскаго уѣзда коллежскаго секретаря *Владковскаго*.

37. Исправляющаго должность товарища предсѣдателя симбирской палаты уголовнаго суда надворнаго совѣтника *Ивана Васильева*.

38. Олонецкой губерніи пудожскаго уѣзднаго стряпчаго *Зиновьева*.

39. Новгородской губерніи тихвинскаго уѣзднаго стряпчаго *Нѣмова*.

40. Могилевской губерніи быховскаго уѣзднаго судьи *Есьмана*.

41. Предсѣдателя московской уголовной палаты коллежскаго совѣтника *И. Селиванова*.

42. Оберъ-секретаря сената *Люминарскаго*.

43. Нижегородской губерніи макарьевскаго уѣзднаго судьи *Затыкевича*.

44. Предсѣдателя гродненской палаты уголовнаго суда *Фененко*.

45. Гродненской губерніи пружанскаго уѣзднаго стряпчаго *Абрамовича*.

46. Городненской губерніи пружанскаго уѣзднаго суда засѣдателя отъ правительства коллежскаго ассесора *Рожбицкаго*.

47. Товарища предсѣдателя нижегородской уголовной палаты *Михайлова*.

48. Товарища предсѣдателя гродненской гражданской палаты *Вержбицкаго*.

49. Предсѣдателя вятской судебной палаты *Поппе*.

50. Товарища предсѣдателя вологодской палаты уголовнаго суда коллежскаго ассесора *Окулова*.

51. Предсѣдателя витебской палаты гражданскаго суда *Могучаго*.

52. Помощника секретаря витебской гражданской палаты *Вышинскаго*.

53. Товарища предсѣдателя витебской гражданской палаты статскаго совѣтника *Богуцкаго*.

54. Витебскаго губернскаго уголовныхъ дѣлъ стряпчаго надворнаго совѣтника *Чулицкаго*.

55. Новгородской губерніи череповскаго уѣзднаго стряпчаго *Дорогомилова*.

56. Костромскаго губернскаго прокурора коллежскаго совѣтника *Кащіева*.

57. Валдайскаго помѣщика Петра *Щукина*.

58. Присяжнаго стряпчаго при одесскомъ коммерческомъ судѣ *Рабиновича*

59. Московской губерніи волоколамскаго уѣзднаго стряпчаго *Рожественскаго*.

60. Архангельской губерніи шенкурскаго уѣзднаго судьи *Крыкова*.

61. Екатеринославской губерніи новомосковскаго уѣзднаго стряпчаго *Костюрина*.

62. Тамбовской губерніи лебедянскаго уѣзднаго стряпчаго *Гессинга*.

63. Товарища предсѣдателя оренбургской уголовной палаты коллежскаго совѣтника *Гонифовскаго*.

64. Нижегородской губерніи арзамасскаго уѣзднаго судьи коллежскаго ассесора *Яшерова*.

65. Псковскаго губернскаго прокурора статскаго совѣтника *Иванова*.

66. Ярославскаго губернскаго прокурора коллежскаго совѣтника *Вешнякова*.

67. Полтавской губерніи переяславскаго уѣзднаго стряпчаго *Суходольскаго*.

68. Предсѣдателя подольской уголовной палаты статскаго совѣтника *Андреева*.

69. Подольской губерніи ямпольскаго уѣзднаго стряпчаго *Звиноградскаго*.

70 Исправляющаго должность симбирскаго губернскаго уголовныхъ дѣлъ стряпчаго титулярнаго совѣтника *Грина*.

71. Подольской губерніи могилевскаго уѣзднаго судьи *Чернискаго*.

72. Столоначальника кіевскаго уѣзднаго суда *Яновскаго*.

75. Судебнаго слѣдователя нижегородской губерніи ардатовскаго уѣзда 2 участка коллежскаго ассесора *Кирчевскаго*.

74. Тульскаго губернскаго казенныхъ дѣлъ стряпчаго *Васильева*.

75. Товарища предсѣдателя костромской палаты уголовнаго суда статскаго совѣтника *Филимонова*.

76. Костромскаго губернскаго казенныхъ дѣлъ стряпчаго *Домерникова*.

77. Кіевскаго губернскаго прокурора статскаго совѣтника *Давыдова*.

78. Астраханской губерніи дворянскаго засѣдателя енотаевскаго уѣзднаго суда *Яковенко*.

79. Вятской губерніи котельническаго уѣзднаго стряпчаго *Хлопина*.

80. Предсѣдателя черниговской палаты гражданскаго суда *Тризны*.

81. Черниговской губерніи суражскаго уѣзднаго судьи *Максимовскаго*.

82. Товарища предсѣдателя архангельской палаты уголовнаго и гражданскаго суда статскаго совѣтника *Абрамовича*.

83. Исправляющаго должность товарища предсѣдателя тамбовской палаты уголовнаго суда *Дмитріевскаго*.

84. Товарища предсѣдателя олонецкой судебной палаты статскаго совѣтника *Плетнева*.

85. Предсѣдателя рязанской палаты уголовнаго суда подпоручика *Бурцова*.

86. Предсѣдателя ставропольской палаты уголовнаго и гражданскаго суда статскаго совѣтника *Монтанскаго*.

87. Вятской губ. малмыжскаго уѣзднаго судьи *Усольцова*.

88. Товарища предсѣдателя архангельскаго коммерческаго суда надворнаго совѣтника *Рейнфельда*.

89. Смоленской губерніи ельнинскаго уѣзднаго стряпчаго *Холодковскаго*

90. Московскаго губернскаго уголовныхъ дѣлъ стряпчаго надворнаго совѣтника *Уманца*

91. Нижегородской губерніи балахнинскаго уѣзднаго стряпчаго *Амасійскаго*.

92. Херсонской губерніи александрійскаго уѣзднаго стряпчаго *Томашевскаго*.

93. Ковенской губерніи новоалександровскаго уѣзднаго стряпчаго *Цидзика*.

94. Могилевской губерніи быховскаго уѣзднаго стряпчаго *Дробышевскаго*.

95. Полтавской губерніи прилуцкаго уѣзднаго стряпчаго *Иваницкаго*.

96. Астраханской губерніи енотаевскаго уѣзднаго судьи *Сачавеца*.

97. Бессарабскаго уроженца Николая *Кречунеско*

98. Воронежскаго губернскаго уголовныхъ дѣлъ стряпчаго *Малышева*.

99. Нижегородскаго уѣзднаго судьи коллежскаго секретаря *М. Попова*.

100. Товарища предсѣдателя рязанской гражданской палаты надворнаго совѣтника *Латышева*.

101. Предсѣдателя новгородской палаты уголовнаго суда надворнаго совѣтника *Азарьева*.

102. Олонецкаго губернскаго прокурора коллежскаго совѣтника *Дротаевскаго*.

103. Товарища предсѣдателя орловской гражданской палаты коллежскаго ассесора *Смирнова*.

104. Виленской губерніи свенцянскаго уѣзднаго судьи *Каменскаго*.

105. Витебскаго губернскаго прокурора статскаго совѣтника *Фогеля*.

106. Предсѣдателя витебской палаты уголовнаго суда статскаго совѣтника *Садовничаго*.

107. Предсѣдателя таврической уголовной палаты статскаго совѣтника Дмитрія *Грязнова*.

108 и 109. Рязанской губерніи касимовскаго уѣзднаго судьи *Рыкачева* и уѣзднаго стряпчаго *Савича*.

110. Ярославской губерніи любимскаго уѣзднаго стряпчаго *Виноградова*.

111. Минской губерніи рѣчицскаго уѣзднаго стряпчаго *Ельницкаго*.

112. Минской губерніи пинскаго уѣзднаго судьи *Михайловскаго*.

113. Владимірской губерніи юрьевскаго уѣзднаго стряпчага *Корицкаго*.

114. Вологодской губерніи никольскаго уѣзднаго стряпчаго *Степанова*.

115. Московской губерніи рузскаго уѣзднаго стряпчаго *Иванова*.

116. Смоленской губерніи краснинскаго уѣзднаго судьи *Караванова*.

117. Ярославской губерніи ростовскаго уѣзднаго стряпчаго *Орлова*.

118 Предсѣдателя минской палаты гражданскаго суда дѣйствительнаго статскаго совѣтника *Пищалло*.

119. Псковской губерніи новоржевскаго уѣзнаго стряпчаго *Клюквина*.

120. Исправляющаго должность судебнаго слѣдователя херсонской губерніи 1-го участка ананьевскаго уѣзда *Шеміота*.

121. Предсѣдателя симбирской палаты уголовнаго суда статскаго совѣтника *Р. Рененкампфа*.

122. Исправляющаго должность судебнаго слѣдователя 1-го участка алатырскаго уѣзда симбирской губерніи фонъ-*Берхольца*..

123. Симбирскаго судебнаго слѣдователя *Черникова*.

124. Предсѣдателя симбирской палаты гражданскаго суда *Арапова*.

125. Исправляющаго должность товарища предсѣдателя пензенской палаты уголовнаго суда *Долинскаго*.

126. Бывшаго саратовскаго губернскаго прокурора надворнаго совѣтника *Кузнецова*.

127. Бессарабской области бендерскаго уѣзнаго прокурора *Местерази*.

128. Пензенской губерніи керенскаго уѣзднаго стряпчачо *Шуструнскаго*.

129. Оберъ секретаря 7 го департамента сената *Дейера*.

130. Оберъ-секретаря сената *Стригоцкаго*.

131. Вологодскаго губернскаго казенныхъ дѣлъ стряпчаго *Макшеева*.

132. Симбирской губерніи ардатовскаго уѣзда губернскаго казеннхъ дѣлъ стряпчаго *Соболевскаго*.

133. Симбирской губерніи ардатовскаго уѣзднаго стряпчаго *Каменскаго*.

134. Архангельской губерніи мезенскаго уѣздаго судьи *Страхета*.

135. Виленскаго уѣзнаго судьи надвораго совѣтника *князя Жагеля*.

136. Кіевской губерніи радомысльскаго уѣзднаго судьи надворнаго совѣтника *Каньскаго*.

137. Пензенскаго уѣзднаго судьи *Громницкаго*.

138. Тульской губерніи богородицкаго уѣзднаго судьи *Полунина*.

Особый указатель замѣчаній, вошедшихъ въ первую часть *(Г Рѣпинскаго)*.

Т. XXII.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

1. Калужской губерніи дворянина Гавріила *Батенькова*.

2. Рязанскаго губернскаго казенныхъ дѣлъ стряпчаго надворнаго совѣтника *Ноинскаго*.

3. Московской губерніи клинскаго уѣзднаго стрпчаго *Нѣмова*.

4. Коллежскаго ассесора Василія *Соболева*.

5. Начальника отдѣленія коммисаріатскаго департамента военнаго министерства *князя Церетелева*.

6. Оберъ-секретаря межеваго департамента сената *Матисена*.

7. Рязанскаго губернскаго прокурора *Ланге*.

8. Предсѣдателя могилевской уголовной палаты *Бржостовскаго*.

9. Лифляндскаго губернскаго прокурора коллежскаго совѣтника *Шютце*.

10. Предсѣдателя херсонской гражданской палаты титулярнаго совѣтника *Золотницкаго*.

11. Предсѣдателя самарской палаты уголовнаго суда *Смирнитскаго*.

12. Письмо тайнаго совѣтника доктора *Вехтера* изъ Лейпцига къ Ея Императорскому Высочеству Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ.

13. Астраханскаго губернскаго прокурора коллежскаго ассесора *Фукса*.

14. Тамбовскаго губернскаго предводителя дворянства гвардіи поручика *Никифорова*.

15. Предсѣдателя самарской палаты гражданскаго суда *Маркова*.

16. Члена владимірскаго губернскаго присутствія *Гаврилова*.

17. Присяжнаго стряпчаго московскаго коммерческаго суда *Левенштейна*.

18. Секретаря кременчугскаго уѣзднаго суда полтавской губерніи коллежскаго секретаря *Негеевичъ*.

19. Секретаря кіевской палаты уголовнаго суда титулярнаго совѣтника *Тарновскаго*.

20. Новгородскаго губернскаго прокурора статскаго совѣтника *Аксенова*.

21. Псковской губерніи холмскаго уѣзднаго стряпчаго *Вавилова*.

22. Ярославской губерніи угличскаго уѣзднаго стряпчаго коллежскаго ассесора *Тугаринова*.

23. Пензенской губерніи городищенскаго уѣзднаго стряпчаго *Кипарисова*.

24. Полтавской губерніи кременчугскаго уѣзднаго стряпчаго *Неводовскаго*.

25. Состоящаго за оберъ-прокурорскимъ столомъ. въ 1-мъ отдѣленіи 5-го департамента правительствующаго сената, статскаго совѣтника *князя* Михаила *Шаховскаго*.

26. Новгородской губерніи бѣлозерскаго уѣзднаго стряпчаго *Михайлова*.

27. Новгородской губерніи череповецкаго уѣзднаго стряпчаго коллежскаго секретаря *Дорогомилова*.

28. Новгородской губерніи тихвинскаго уѣзднаго стряпчаго коллежскаго ассесора *Нѣмова*.

29. Новгородской губерніи крестецкаго уѣзднаго стряпчаго *Соловьева*.

30. Таврической губерніи симферопольскаго уѣзднаго судьи *Муликовскаго*.

31. Оберъ-секретаря 8 департамента правительствующаго сената *Аристова*.

32. Секретаря департамента герольдіи правительствующаго сената, коллежскаго ассесора Льва *Андреева*.

33. Старшаго секретаря 1 департамента правительствующаго сената *Катурницкаго*.

34. Секретаря виленской палаты уголовнаго суда *Вышомирскаго*.

35. Волынскаго губернскаго уголовныхъ дѣлъ стряпчаго *Короновскаго*.

36. Коллежскаго секретаря Михаила *Филипова*.

37. Вятской губерніи малмыжскаго уѣзднаго стряпчаго *Авчинникова*.

38. Витебскаго уѣзднаго стряпчаго коллежскаго ассесора *Реутта*.

39. Вятской губерніи уржумскаго уѣзднаго судьи надворнаго совѣтника *Тянгинскаго*.

40. Архангельскаго уѣзднаго судьи титулярнаго совѣтника *Ядовина*.

41. Вятской губерніи слабужскаго уѣзднаго судьи надворнаго совѣтника Александра *Горбалева*.

42. Помѣщика Петра *Леонардова*.

43. Предсѣдателя архангельскаго коммерческаго суда статскаго совѣтника *Михайлова*.

44. Предсѣдателя гродненской палаты гражданскаго суда *Кереновскаго*.

45. Товарища предсѣдателя ярославской палаты гражданскаго суда *Христіановича*.

46. Предсѣдетеля ярославской палаты гражданскаго суда *Топорскаго*.

47. Предсѣдателя черниговской палаты уголовнаго суда надворнаго совѣтника Ильи *Петрункевича*.

48. Оберъ-секретаря 8 департамента правительствующаго сената коллежскаго совѣтника *Горянова*.

49. Предсѣдателя рязанской палаты гражданскаго суда надворнаго совѣтника Николая *Смѣпцова*.

50. Предсѣдателя могилевской гражданской палаты Евстрофія *Червинскаго*.

Т. XXIII.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

1. Предсѣдателя пермской судебной палаты *Яна* и пермскаго губернскаго прокурора *Газенвинкеля*.

2. Капитана Павла Маркова *Ефимьева*.

3. Пермской губерніи оханскаго уѣзднаго судьи Михаила *Такарева*.

4. Ярославской губерніи ростовскаго уѣзднаго судьи коллежскаго совѣтника *Леонтьева*.

5. Вологодской губерніи вельскаго уѣзднаго судьи *Ааронова*.

6. Симбирской губерніи курмышскаго дворянскаго засѣдателя *Василисова*.

7. Виленской губерніи ошмянскаго уѣзднаго стряпчаго *Сковронскаго*.

8. Нижегородской губерніи васильскаго уѣзднаго стряпчаго *Касаткина*.

9. Тобольскаго губернскаго уголовныхъ дѣлъ стряпчаго *Н. Знаменскаго*.

10. Костромскаго губернскаго уголовныхъ дѣлъ стряпчаго *Лебедева*.

11. Нижегородскаго губернскаго прокурора *Головкова*.

12. Товарища предсѣдателя минской гражданской палаты надворнаго совѣтника *Наумова*.

13. Товарища предсѣдателя владимірской гражданской палаты *Износкова*.

14. Секретаря 7 департамента сената *Дружинина*.

15. Отставнаго коллежскаго регистратора *Владиміра Захарьевскаго*.

16. Воронежскаго губернскаго прокурора *А. Шахматова*.

17. Товарища предсѣдателя черниговской гражданской палаты *В. Баршевскаго*.

18. Товарища предсѣдателя казанской палаты гражданскаго суда *Готмана*.

19. Товарища предсѣдателя саратовской палаты гражданскаго суда *Горбунова*.

20. Товарища предсѣдателя бессарабскаго областнаго гражданскаго суда *Джунковскаго*.

21. Засѣдателя отъ короны могилевской палаты уголовнаго суда *Польковскаго*.

22. Гродненской губерніи пружанскаго уѣзднаго судьи *Выслоуха*.

23. Тамбовской губерніи темниковскаго уѣзднаго судьи *Веденяпина*.

24. Владимірской губ. шуйскаго уѣзднаго судьи *Вирпша*.
25. Симбирской губерніи сенгилѣевскаго уѣзднаго судьи коллежскаго ассесора *Шаумана*
26. Пермской губерніи екатеринбургскаго уѣзднаго судьи *Кермика*.
27. Витебскаго губернскаго казенныхъ дѣлъ стряпчаго *Лейченко*.
28. Владимірской губерніи шуйскаго уѣзднаго стряпчаго *В. Орлова*.
29. Секретаря пензенской палаты уголовнаго суда коллежскаго ассесора *Петропавловскаго*.
30. Ярославскаго помѣщика Петра *Протопопова*.
31. Предсѣдателя волынской палаты уголовнаго суда дѣйствительнаго статскаго совѣтника *Карпиловича*.
32. Товарища предсѣдателя черниговской палаты уголовнаго суда статскаго совѣтника *Ивашкевича*.
33. Секретаря алексинскаго уѣзднаго суда титулярнаго совѣтника *Троицкаго*.
34. Олонецкой губерніи повѣнецкаго уѣзднаго стряпчаго коллежскаго ассесора *Лотоцкаго*.
35. Волынской губерніи заславскаго уѣзднаго стряпчаго коллежскаго ассесора *Корчинскаго*.
36. Олонецкой губерніи вытегорскаго уѣзднаго стряпчаго коллежскаго ассесора *Смирнова*.
37. Вятскаго уѣзднаго стряпчаго титулярнаго совѣтника *Мусерскаго*.
38. Вятскаго губернскаго уголовныхъ дѣлъ стряпчаго коллежскаго ассесора *Клименко*.
39. Исправляющаго должность петрозаводскаго уѣзднаго стряпчаго коллежскаго ассесора *Полякова*.
40. Олонецкой губерніи пудожскаго уѣзднаго судьи титулярнаго совѣтника *Дьячкова*.
41. Самарской губерніи бугурусланскаго уѣзднаго судьи титулярнаго совѣтника *Петрова*.
42. Оберъ-секретаря 8 департамента сената коллежскаго совѣтника *Горянова*.
43. Курской губерніи корочанскаго уѣзднаго судьи штабсъ-капитана *Улиха*.
44. Минской губерніи пинскаго уѣзднаго стряпчаго коллежскаго ассесора *Ивановскаго*.

45. Таврической губерніи симферопольскаго уѣзднаго стряпчаго *Супруненко*.

46. Орловской губерніи мценскаго уѣзднаго стряпчаго коллежскаго ассесора *Попенченко*.

47. Исправляющаго должность предсѣдателя ковенской палаты уголовнаго суда *Славинскаго*.

48. Предсѣдателя кутаисскаго губернскаго суда дѣйствительнаго статскаго совѣтника князя *Туманова*.

49. Харьковской губерніи волчанскаго уѣзднаго судьи штабсъ-капитана *Богдановича*

50. Судьи 2 департамента московскаго уѣзднаго суда коллежскаго ассесора *Головина*.

51. Екатеринославской губерніи состоящаго въ должности стряпчаго по г. Маріуполю и округу, коллежскаго ассесора *Грахольскаго*.

52. Екатеринославской губерніи старшаго члена таганрогскаго коммерческаго суда коллежскаго совѣтника *Знаменскаго*.

53. Пермской судебной палаты секретаря гражданскаго отдѣленія титулярнаго совѣтника *Тихонравова*.

54. Бессарабскаго областнаго прокурора статскаго совѣтника *Кудрявцева*.

55. Бессарабской области аккерманскаго уѣзднаго прокурора коллежскаго ассесора *Лъсецкаго*.

56. Ковенскаго губернскаго прокурора надворнаго совѣтника *Жерве*.

57. Предсѣдателя смоленской палаты гражданскаго суда статскаго совѣтника *Кондырева*.

58. Товарища предсѣдателя симбирской палаты гражданскаго суда коллежскаго совѣтника *Ольшевскаго*.

59. Владимірской губерніи вязниковскаго уѣзднаго судьи коллежскаго ассесора *Шумилова*.

60. Коллежскаго секретаря Михаила *Филипова*.

61. Новгородской губерніи череповецкаго уѣзднаго судьи *Кравкова*.

62. Харьковской губерніи изюмскаго уѣзднаго суда: судьи *Науменко*, дворянскихъ засѣдателей *Гессъ де Кальве* и *Таранова-Бѣлозерова*.

63. Оренбургской губерніи мензелинскаго уѣзднаго стряпчаго *Хорошкевича*.

64. Архангельской губерніи шенкурскаго уѣзднаго стряпчаго *Андреева*.

65. Полтавской губерніи исправляющаго должность константиноградскаго уѣзднаго стряпчаго *Раковича*.

66. Костромской губерніи нерехотскаго уѣзднаго стряпчаго *Варфоломѣева*.

67. Дворянина Федора *Воропонова*.

Т. XXIV.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

1. Московской губерніи помѣщика верейскаго уѣзда коллежскаго регистратора *Никласъ*.

2. Дворянина витебской губерніи суражскаго уѣзда коллежскаго регистратора *Манцевича*.

3. Исправляющаго должность предсѣдателя архангельской судебной палаты статскаго совѣтника *Макаренко*.

4. Воронежской губерніи бирюченскаго уѣзднаго судьи надворнаго совѣтника *Башкирева*.

5. Псковской губерніи новоржевскаго уѣзднаго судьи поручика *Офросимова*.

6. Нижегородскаго губернскаго уголовныхъ дѣлъ стряпчаго коллежскаго ассесора *Дранищына*.

7. Нижегородской губерніи семеновскаго уѣзднаго стряпчаго *Вишневскаго*.

8. Тамбовской губерніи козловскаго уѣзднаго стряпчаго коллежскаго ассесора *Зыкова*.

9. Тамбовской губерніи усманскаго уѣзднаго стряпчаго коллежскаго секретаря *Кашменскаго*.

10. Тульскаго губернскаго прокурора надворнаго совѣтника *Ковалевскаго*.

11. Занимающагося при дѣлахъ кіевской уголовной палаты *Яновича*.

12. Полтавской губерніи пирятинскаго уѣзднаго судьи коллежскаго ассесора *Богдановича*.

13. Смоленской губерніи порѣчскаго уѣзднаго судьи *Троицкаго*.

14. Харьковской губерніи волковскаго уѣзднаго судьи титулярнаго совѣтника *Костыря*.

15. Нижегородской губерніи княгининскаго уѣзднаго судьи титулярнаго совѣтника *Мальчиковскаго*.

16. Симбирской губерніи ардатовскаго уѣзднаго судьи штабсъ-ротмистра *Батурина*.

17. Пермской губерніи оханскаго уѣзднаго стряпчаго *Протектова*.

18. Полтавской губерніи пирятинскаго уѣзднаго стряпчаго *Глоба*.

19. Присяжнаго стряпчаго при одесскомъ коммерческомъ судѣ *Лихтенштейна*.

20. Симбирской губерніи курмышскаго уѣзднаго стряпчаго коллежскаго ассесора *Брызгалова*.

21. Царскосельскаго судебнаго слѣдователя Петра *Александрова*.

22. Предсѣдателя астраханской судебной палаты статскаго совѣтника *Гриненко*.

23. Предсѣдателя курской палаты уголовнаго суда дѣйствительнаго статскаго совѣтника *Клечановскаго*.

24. Члена отъ правительства ростовскаго (на Дону) и славяно-сербскаго мировыхъ съѣздовъ коллежскаго ассесора *Рышкова*.

25. Предсѣдателя бессарабскаго коммерческаго суда *Гризова*.

26. Бессарабской области сорокскаго уѣзднаго прокурора *Голишевскаго*.

27. Новгородской губерніи бѣлозерскаго уѣзднаго судьи *Григорьева*.

28. Самарской губерніи ставропольскаго уѣзднаго стряпчаго *Виноградова*.

29. Тамбовской губерніи борисоглѣбскаго уѣзднаго стряпчаго *Александрова*.

30. Виленской губерніи вилейскаго уѣзднаго стряпчаго коллежскаго ассесора *Домбровскаго*.

31. Витебской губерніи полоцкаго уѣзднаго судьи *Сумарокова*.

32. Воронежскаго уѣзднаго судьи штабсъ-ротмистра *Мишина*.

33. Херсонской губерніи уволеннаго отъ службы по

болѣзни чиновника особыхъ порученій коллежскаго совѣтника *Макарова*.

34. Одесской губерніи магистра уголовнаго права, профессора Ришельевскаго лицея, *Богдановскаго*, кандидата юридическаго факультета непремѣннаго члена одесскаго приказа общественнаго призрѣнія *Пояркова*, одесскаго городоваго стряпчаго *Занчевскаго*, кандидата юридическаго факультета правителя канцеляріи одесскаго градоначальника *Потапова*.

35. Смоленской губерніи краснинскаго уѣзднаго судьи *Карабанова*.

36. Подольской губерніи ямпольскаго уѣзднаго судьи надворнаго совѣтника *Яворскаго*.

37. Костромской губерніи юрьевецкаго уѣзднаго стряпчаго коллежскаго ассесора *Соколова*.

38. *А. Шапошникова*.

39. Кишиневско-оргѣевскаго окружнаго предводителя дворянства *Бантыша*.

40. Судебнаго слѣдователя харьковской губерніи ахтырскаго уѣзда 1-го участка коллежскаго ассесора *Лебединскаго*.

41. Предсѣдателя тобольскаго губернскаго суда статскаго совѣтника *Папкевича* и исправляющаго должность товарища предсѣдателя коллежскаго ассесора *Андроникова*.

42. Предсѣдателя пензенской палаты уголовнаго суда статскаго совѣтника *Кишенскаго*.

43. Исправляющаго должность предсѣдателя олонецкой палаты уголовнаго и гражданскаго суда коллежскаго ассесора *Пришелавскаго*.

44. Предсѣдателя бакинской палаты уголовнаго и гражданскаго суда дѣйствительнаго статскаго совѣтника *Значко-Яворскаго*.

45. Харьковскаго губернскаго прокурора статскаго совѣтника *Флуки*.

46. Исправляющаго должность предсѣдателя витебской палаты уголовнаго суда статскаго совѣтника *Садовничаго*.

47. Астраханскаго уѣзднаго судьи надворнаго совѣтника *Давыдова*.

48. Тульской губерніи веневскаго уѣзднаго судьи коллежскаго совѣтника *Руднева*.

49. Кіевской губерніи сквирскаго уѣзднаго судьи *Лоскевича* и уѣзднаго стряпчаго *Видавскаго*.

50. Черниговской губерніи борзенскаго уѣзднаго судьи *Гороновича*.

51. Гродненской губерніи кобринскаго уѣзднаго судьи коллежскаго секретаря *Савицкаго*.

52. Ковенской губерніи россіенскаго уѣзднаго судьи коллежскаго секретаря *Биллевича*.

53. Кіевской губерніи радомысльскаго уѣзднаго суда засѣдателя коллежскаго ассесора *Штефана*.

54. Рязанской палаты гражданскаго суда засѣдателя отъ дворянства *Еропкина*.

55. Воронежской губерніи павловскаго уѣзднаго стряпчаго титулярнаго совѣтника *Якимова*.

56. Подольской губерніи ушинскаго уѣзднаго стряпчаго коллежскаго секретаря *Клопотовскаго*.

57. С. Петербургской губерніи шлиссельбургскаго уѣзднаго стряпчаго титулярнаго совѣтника *Гумовскаго*.

58. Херсонской губерніи бобринецкаго уѣзднаго стряпчаго коллежскаго секретаря *Волкова*.

59. Черниговской губерніи глуховскаго уѣзднаго стряпчаго *Шумицкаго*.

60. Служившаго въ Воронежѣ уголовныхъ дѣлъ стряпчимъ *Богданова*.

61. Минской губерніи борисовскаго уѣзднаго стряпчаго *Пржибытекъ*.

62. Князя Григорія *Шаликова*.

Т. XXV.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

1. *Голенищева-Кутузова*.

2. Отставнаго коллежскаго регистратора *Петрова*.

3. Коллежскаго совѣтника *М. Висковатова*.

4. Волынской губерніи секретаря ровенскаго уѣзднаго суда коллежскаго секретаря *Алферова*.

5. Помѣщика волынской губерніи, коллежскаго совѣтника *Радыньскаго*.

6. Могилевской губерніи мстиславскаго уѣзда коллежскаго ассесора *Сердюкова*.

7. Мироваго посредника с.-петербургской губерніи *Лильенфельда*.

8. Ярославской губерніи ростовскаго уѣзднаго стряпчаго *Орлова*.

9. Одесскаго присяжнаго стряпчаго *Рабиновича*.

10. Рязанскаго губернскаго прокурора *Ланге*

11. Предсѣдателя казанской уголовной палаты *А. Головинскаго*.

12. Предсѣдателя владимірской палаты уголовнаго суда надворнаго совѣтника *Кишкина*.

13. Предсѣдателя тифлисскаго коммерческаго суда статскаго совѣтника князя *Андроникова* и старшаго члена того же суда коллежскаго ассесора *Джакели*.

14. Товарища предсѣдателя могилевской гражданской палаты *Гильдемана*.

15. Товарища предсѣдателя виленской палаты гражданскаго суда надворнаго совѣтника *Пашковскаго*.

16. Бывшаго саратовскаго губернскаго прокурора, надворнаго совѣтника *Кузнецова*.

17. Члена тамбовскаго губернскаго присутствія коллежскаго совѣтника *Крюковскаго*.

18. Чиновника особыхъ порученій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ князя *Мещерскаго*.

19. С.-Петербургской губерніи ямбургскаго уѣзда судебнаго слѣдователя титулярнаго совѣтника *Лелонга*.

20. С.-Петербургской губерніи гдовскаго уѣзда судебнаго слѣдователя *Илинича*.

21. Гродненской губерніи волковыскаго уѣзднаго судьи титулярнаго совѣтника *Буткевича*.

22. Тверской губерніи вышневолоцкаго уѣзднаго стряпчаго *Федоренко*.

23. Нижегородской губерніи васильскаго уѣзднаго судьи коллежскаго ассесора *Петровскаго*.

24. Уроженца бессарабской области *Оханова*.

25. Судебнаго слѣдователя перваго участка херсонской губерніи ананьевскаго уѣзда *Шеміота*.

26. Коллежскаго совѣтника *Москвитинова*.

27. Служащаго въ канцеляріи острогожскаго уѣзднаго предводителя дворянства *Рощина*.
28. Секретаря нижегородской палаты уголовнаго суда титулярнаго совѣтника *Геніева*.
29. С.-Петербургской губерніи шлиссельбургскаго уѣзднаго судьи коллежскаго ассесора *Федорова*.
30. Гвардіи подпоручика Владиміра *Юрлова*.
31. Исправляющаго должность нухинскаго уѣзднаго прокурора коллежскаго ассесора *Ревуцкаго*.
32. Петра *Бланка*.
33. Губернскаго секретаря Павла *Быкова*.
34. Помѣщика черниговской губерніи, остерскаго уѣзда, надворнаго совѣтника *Калиновскаго*.
35. Судебнаго слѣдователя 3 участка г. Саратова *Скрипицына*.
36 Титулярнаго совѣтника *Крапивина*.
37. Губернскаго секретаря Василія *Измайлова*.
38. Могилевскаго губернскаго стряпчаго *Липкина*.
39. Статскаго совѣтника *Дмоховскаго*.
40. Статскаго совѣтника *Крашенинникова*.
41. Статскаго совѣтника *Мухачева*.
42. Правителя дѣлъ межевой коммиссіи терскаго казачьяго войска титулярнаго совѣтника *Вильчинскаго*.
43. Кутаисскаго губернскаго прокурора статскаго совѣтника *Корка-Швили*.

Безъимянныя замѣчанія.

1. Отъ имени тяжущихся.
2. Голосъ тяжущихся въ Москвѣ.
3. О повѣренныхъ при судебныхъ мѣстахъ.
4. О тяжущихся по новому судопроизводству.
5. О присяжныхъ повѣренныхъ.
6. Объ условіяхъ для поступленія въ число присяжныхъ повѣренныхъ.
7. О судоустройствѣ.
8. О судоустройствѣ.
9. О нотаріальной части.
10. Объ означеніи подсудимости лицъ въ ихъ формулярахъ.
11. О возможности скорѣйшаго примѣненія Высочайше утвержденнаго проекта реформы судебной.

Т. XXVI.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

1. Записка съ таблицей о числѣ лицъ, получившихъ юридическое образованіе въ русскихъ университетахъ съ 1860 по 1863 г. *Окунева.*

2. Справка изъ дѣлъ Государственнаго Совѣта относительно возвышенія окладовъ содержанія чиновниковъ судебнаго вѣдомства, *Вилинбахова.*

3. Замѣчанія объ учрежденіи мировой судебной власти, *Калужскихъ мировыхъ посредниковъ.*

4. О порядкѣ выборовъ на должности мировыхъ судей, *Н. Принтца.*

5. О развитіи правилъ, относящихся до мироваго суда, графа *Комаровскаго.*

6. Замѣчанія профессора казанскаго университета *Чебышева-Дмитріева.*

7. О волостныхъ судахъ у временно обязанныхъ крестьянъ, судебнаго слѣдователя *Побѣдимова.*

8. Объ отношеніяхъ полиціи къ судебной части въ Англіи, коллежскаго секретаря *Демидова.*

9. Объ устройствѣ судебной части въ Сибири, *Никитина.*

10. Записка о гражданскомъ судопроизводствѣ. Составлена въ декабрѣ 1861 г. *К. Побѣдоносцевымъ.*

11. О кассаціи судебныхъ рѣшеній, *К. Побѣдоносцева.*

12. О публичныхъ продажахъ недвижимыхъ имуществъ, *Карпова.*

13. О разбирательствѣ дѣлъ по договорамъ и обязательствамъ, князя *Цертелева.*

14. Объ устройствѣ и порядкѣ производства третейскаго суда, *Комитета акціонеровъ правленія страховаго отъ огня общества*

15. Проектъ о присяжныхъ повѣренныхъ и о подсудности въ гражданскомъ судопроизводствѣ, надворнаго совѣтника *Горскаго.*

16. Проектъ о примѣненіи къ вѣдомству государствен-

ныхъ имуществъ основныхъ положеній преобразованія судебной части, надворнаго совѣтника *Горскаго*.

17. Нотаріальное положеніе 1861 г. для баварскихъ владѣній по сю сторону Рейна, переводъ *А. Фриде*.

18. Соображенія о гражданскомъ судопроизводствѣ въ окружныхъ судахъ, колл. ассес. *Новаковскаго*.

19. О коммерческихъ судахъ, *Мотовилова*.

20. О коммерческихъ судахъ и о дѣлахъ торговой несостоятельности, *М. Филипова*.

21. О судопроизводствѣ по преступленіямъ служебнымъ, колл. сов. *Любимова*.

22. Записка управляющаго министерствомъ финансовъ (№ 17, 127) объ измѣненіи редакціи двухъ статей таможеннаго устава.

23. Соображенія по нѣкоторымъ статьямъ судопроизводства уголовнаго, сенатора Бар. *Фонъ Деръ-Ховена*.

24. О содержаніи подсудимыхъ подъ стражею, оберъ-прокурора *Шахова*.

Т. XXVII.

Предположенія объ устройствѣ и обязанностяхъ мировыхъ судей (*С. Шульцъ*).

1. Введеніе.—О мировыхъ судьяхъ въ Англіи и Россіи (о главныхъ началахъ учрежденія англійскихъ мировыхъ судей и нашихъ прежнихъ губныхъ старостъ и будущихъ мировыхъ судей).

2. Судоустройство мировыхъ судей.

3. Обязанности мировыхъ судей и судебныхъ слѣдователей по уголовному судопроизводству.

4. Обязанности мировыхъ судей по гражданскому судопроизводству.

Т. XXVIII.

Сводъ замѣчаній и предположеній о развитіи основныхъ положеній 29 сентября 1862 г.

Т. XXIX.

Замѣчанія о примѣненіи къ Сибири основныхъ положеній.

Т. XXX.

Свѣдѣнія о положеніи дѣлъ судебнаго вѣдомства въ губерніяхъ московскаго округа *(Д. Ровинскаго)*.

Т. XXXI.

Соображенія о составѣ будущихъ судебныхъ мѣстъ въ губерніяхъ с.-петербургскаго округа *(М. Ковалевскаго)*.

Т. XXXII.

Судебно-статистическія свѣдѣнія по харьковской губерніи *(С. Зарудnаго)*.

Т. XXXIII.

Свѣдѣнія о мировыхъ учрежденіяхъ.

1. Отзывъ министра внутреннихъ дѣлъ относительно сліянія спеціальныхъ мировыхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій съ общими судебными мировыми учрежденіями.

2. Двѣ вѣдомости №№ 1 и 2 й о мировыхъ участкахъ, съ двумя объяснительными записками.

Переводы иностранныхъ законоположеній.

Т. XXXIV.

Уставъ гражданскаго судопроизводства Сардиніи 1854 г. и Венгріи 1852 года *(С. Зарудnаго)*.

Т. XXXV.

Законы 1859 г. судоустройства Піемонта и присоединенныхъ къ нему провинцій Италіи, а также провинціальнаго и общиннаго устройства Піемонта *(С. Зарудная)*.

Т. XXXVI.

Уставъ гражданскаго судопроизводства италіанскаго королевства 1859 года *(князя М. Волконскаго)*.

Т. XXXVII.

Наказъ судебнымъ мѣстамъ для приведенія въ дѣйствіе устава гражданскаго судопроизводства италіанскаго королевства *(князя М. Волконскаго)*.

Т. XXXVIII.

Законы о судопроизводствѣ и судоустройствѣ женевскаго кантона *(Н. Рембелинскаго)*.

Т. XXXIX.

Проектъ бельгійскаго судопроизводства *(Н. Рембелинскаго)*.

Т. XL.

1. Законы о доказательствахъ по французскому гражданскому уставу *(С. Зарудная)*.
2. Судебныя доказательства по австрійскому, виртембергскому и баденскому кодексамъ *(барона М. М. Корфа)*.
3. Объ устройствѣ судовъ въ Пруссіи *(тоже)*.

4. Распредѣленіе суммъ по ганноверскому уставу *(А. Тюрина)*.

5. Распредѣленіе суммъ по баварскому уставу *(А. Тюрина)*.

Изслѣдованія разныхъ лицъ.

Т. XLI.

Сравнительный указатель статей уставовъ гражданскаго судопроизводства, русскаго, французскаго, женевскаго и италіанскаго *(Н. Рембелинскаго)*.

Т. XLII.

Очеркъ судопроизводства и гражданскаго процесса по бывшимъ статуту литовскому и конституціямъ *(Новаковскаго)*.

Т. XLIII.

Объ ипотечномъ порядкѣ *(Фрейберга)*.

Т. XLIV.

Матеріалы для разработки вопроса объ охранительномъ порядкѣ производства. Изданіе 1863 года *(С. Зарудняго)*.

Предварительныя работы гражданскаго отдѣленія коммиссіи.

Т. XLV.

Работы редакторовъ гражданскаго отдѣленія.

Т. XLVI.

Работы гражданскаго отдѣленія коммиссіи. Часть 1-я.

Т. XLVII.

Работы гражданскаго отдѣленія коммиссіи. Часть 2-я.

Т. XLVIII.

Замѣчаніе практиковъ по судебной части на книги I—V гражданскаго судопроизводства.

Замѣчанія сіи доставлены отъ слѣдующихъ лицъ: *Сбитнева, Флуки, Штукина, Лаврова, Новопашеннаго, Серпуховскаго мироваго съѣзда, Гриненко, Фукса, Крушинскаго, Кущева, Сырнева, Абрамовича, князя Туманова, Энгельмана, Головкова, Уманца, Коркошвили, Аксенова, Кавелина, Дротаевскаго, Христіановича, Фогель, Золотницкаго, Соколова, Поппе, Н. Ланге, Серпѣева, Селиванова, Яна, Газенвинкеля, Гизетти, Бунге, Латышева, Вержбицкаго, Л. Ланге, Износкова, Пржецлавскаго, Кащеева, Плетнева, Лейченко, Левдикова, Штукина, Смѣпцова, Филиппова, Баумартена, Рабиновича, Смирнова, Андріяшева.*

Замѣчанія Статсъ-Секретаря *Графа Панина*:

на первую книгу гражданскаго судопроизводства (ст. 1—117);
на вторую книгу (ст. 7—64);
на послѣднія (IV и V) главы I-го раздѣла второй книги (ст. 88—112);
на 1 главу II раздѣла второй книги (ст. 118—200);
на главу о доказательствахъ (ст. 211—334);
на главу о повѣркѣ доказательствъ (ст. 365—444);
на главу о частныхъ производствахъ (ст. 451—535).

Проекты и объяснительныя записки коммиссіи о преобразованіи судебной части, внесенные въ Государственный Совѣтъ 24 декабря 1863 года.

Т. XLIX.

Проектъ учрежденія судебныхъ мѣстъ.

Т. L.

Объяснительная записка къ этому учрежденію.

Т. LI.

Проектъ устава уголовнаго судопроизводства.

Т. LII.

Объяснительная записка къ сему проекту.

Т. LIII.

Проектъ второй книги, объ изъятіяхъ изъ общаго порядка уголовнаго судопроизводства, съ объяснительною запискою.

Т. LIV.

Проектъ устава гражданскаго судопроизводства.

Т. LV.

Часть первая объяснительной записки къ проекту устава гражданскаго судопроизводства.

Т. LVI.

Часть вторая той же объяснительной записки.

Т. LVII.

Проектъ шестой книги устава гражданскаго судопроизводства съ объяснительною запискою.

Проектъ книги седьмой устава гражданскаго судопроизводства съ объяснительною запискою.

Т. LVIII.

Замѣчанія министровъ и главноуправляющихъ отдѣльными частями на проекты о преобразованіи судебной части вообще.

Т. LIX.

Замѣчанія министра юстиціи, сенаторовъ и оберъ-прокуроровъ на тѣ же проекты.

Т. LX.

Журналы соединенныхъ департаментовъ законовъ и гражданскаго по составленнымъ коммиссіею преобразованія судебной части проектамъ.

1. № 44-й 1864 года по уставу гражданскаго судопроизводства
2. № 47-й 1864 года по уставу уголовнаго судопроизводства.
3. № 48-й 1864 года по учрежденію судебныхъ мѣстъ.
4. № 46-й 1864 года по уставу о проступкахъ, подвѣдомыхъ мировымъ судьямъ.

Т. LIX.

Судебные уставы, исправленные по замѣчаніямъ соединенныхъ департаментовъ:

1. Уставъ гражданскаго судопроизводства;
2. Уставъ уголовнаго судопроизводства;
3. Учрежденіе судебныхъ установленій;
4. Уставъ о проступкахъ, подвѣдомыхъ мировымъ судьямъ.

Т. LXII.

Записка коммиссіи о классахъ, разрядахъ и окладахъ чиновъ судебнаго вѣдомства.

Замѣчанія министровъ юстиціи, внутреннихъ дѣлъ и финансовъ на сію записку.

Замѣчанія министра юстиціи.

Журналъ соединенныхъ департаментовъ законовъ и гражданскаго Государственнаго Совѣта 9 октября 1864 г. № 69 о классахъ, разрядахъ и окладахъ чиновъ судебнаго вѣдомства.

Журналъ соединенныхъ департаментовъ законовъ и гражданскаго Государственнаго Совѣта 9 и 21 октября 1864 г. № 75 по тому же предмету.

Журналъ общаго собранія Государственнаго Совѣта 2 ноября 1864 г. по тому же предмету.

Работы по введенію судебныхъ уставовъ въ дѣйствіе.

Т. LXIII.

Работы юристовъ-практиковъ по преобразованію судебной части въ Россіи:

1. Разсужденіе о порядкѣ введенія въ дѣйствіе новаго положенія о судоустройствѣ и судопроизводствѣ *(К. Фишера)*.

2. О переходныхъ мѣрахъ отъ стараго порядка судопроизводства къ новому. предсѣдателя екатеринославской уголовной палаты *Штанскаго*.

3. Соображенія о примѣненіи новыхъ началъ судопроизводства къ старымъ дѣламъ (симферопольскаго уѣзднаго судьи *Муликовскаго*).

4. Предположенія о порядкѣ перехода отъ правилъ существующаго порядка судопроизводства къ новому (предсѣдателя рязанской палаты гражданскаго суда *Слѣпцова* и столоначальника той же палаты *Зотова*).

5. Объ измѣненіяхъ въ порядкѣ судопроизводства для скорѣйшаго окончанія старыхъ дѣлъ (*Г. Мотовилова*).

6. О мѣрахъ съ скорѣйшему окончанію судебныхъ гражданскихъ дѣлъ, сопряженныхъ съ казеннымъ интересомъ (столоначальника суднаго отдѣленія лѣснаго департамента министерства государственныхъ имуществъ *П. Грешищева*).

7. Записка полтавскаго прокурора *В. Гурина*, объ упрощеніи и отмѣнѣ нѣкоторыхъ формъ дѣлопроизводства въ судебныхъ мѣстахъ.

8. Систематическій сводъ предположеній харьковскихъ судебныхъ чиновъ объ упрощеніи судопроизводства въ старыхъ судебныхъ мѣстахъ (барона *М. М. Корфа*).

9. Судебно-статистическія свѣдѣнія по курской губерніи и соображенія о числѣ окружныхъ судовъ и мировыхъ судей въ этой губерніи (предсѣдателя курской гражданской палаты *С. Шечкова*).

10. О нѣкоторыхъ преобразованіяхъ по судоустройству въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ будутъ открыты одни мировыя учрежденія (полтавскаго губернскаго прокурора *В. Гурина*).

11. О упрощеніи дѣлопроизводства (секретаря полтавской гражданской палаты *Домонтовича*).

12. Записка судьи симферопольскаго уѣзднаго суда *Муликовскаго* о вакуфныхъ дѣлахъ, производившихся и производящихся въ симферопольскомъ уѣздномъ судѣ.

13. О волостныхъ судахъ и объ отношеніи ихъ къ мировымъ учрежденіямъ (предсѣдателя екатеринославской уголовной палаты *Штанскаго*).

14. Мнѣніе тамбовскаго губернскаго предводителя дворянства *Никифорова*, объ участковыхъ и почетныхъ мировыхъ судьяхъ.

15. Соображенія особой коммиссіи, учрежденной при министерствѣ финансовъ, по вопросу о примѣненіи основныхъ положеній уголовнаго судопроизводства къ дѣламъ о нарушеніи казенныхъ уставовъ.

16. Присяжные повѣренные при будущемъ нашемъ гласномъ судѣ и разборъ законодательныхъ работъ по этому предмету *(Бѣликова)*.

17. Замѣчанія на проектъ гражданскаго отдѣленія коммиссіи объ особыхъ родахъ гражданскаго судопроизводства *(Филипова)*.

18. Отзывъ намѣстника кавказскаго, относительно сліянія спеціальныхъ мировыхъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ съ общими судебными мировыми учрежденіями по ставропольской губерніи.

19. Соображенія о примѣненіи къ Западной Сибири основныхъ положеній преобразованія судебной части въ Россіи (тайнаго совѣтника *Падалки*).

20. Соображенія о нотаріальной части *(Г. Перозіо)*.

21. Судебно статистическія свѣдѣнія и соображенія о числѣ окружныхъ судовъ и мировыхъ судей по екатеринославской губерніи *(С. Делюсто)*.

22. Такія же свѣдѣнія и соображенія по воронежской губерніи *(С. Шечкова)*.

Т. LXIV.

Предварительныя работы по введенію въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ (1863 и 1864 г.) часть 1-я

1. Записка о числѣ судебныхъ мѣстъ, личномъ ихъ составѣ и размѣрѣ содержанія *(составлена въ министерствѣ юстиціи)*.

2. Примѣрное исчисленіе судебныхъ мѣстъ и состоящихъ въ оныхъ лицъ съ показаніемъ стоимости содержанія *(тоже)*.

3. Нормальные штаты для мировыхъ судей, ихъ съѣздовъ, окружныхъ судовъ и судебныхъ палатъ,

а равно для судебныхъ слѣдователей и лицъ прокурорскаго надзора *(тоже)*.

4. Приложенія по собраннымъ въ 1862 г министерствомъ юстиціи свѣдѣніямъ о числѣ гражданскихъ исковъ, начатыхъ въ 1860 и въ 1861 годахъ въ судахъ 1-й и 2-й степени *(тоже)*.

5. Записка о раздѣленіи Россіи на округи судебныхъ палатъ *(тоже)*.

6. Примѣрное распредѣленіе округовъ судебныхъ палатъ съ показаніемъ, какія губерніи входятъ въ составъ каждаго округа *(тоже)*.

7. Переходныя мѣры отъ существующаго нынѣ судебнаго порядка къ порядку новому *(тоже)*.

8. Соображенія о раздѣленіи могилевской губерніи на судебные округи и мировые участки, съ приложеніемъ таблицъ о раздѣленіи мировыхъ участковъ *(Попова)*.

9. Соображенія о раздѣленіи новгородской губерніи на судебные округи и мировые участки, съ приложеніемъ таблицы *(Принтца)*.

10. Представленіе министра внутреннихъ дѣлъ № 9006 о расширеніи предметовъ вѣдомства мировыхъ посредниковъ.

11. Приложеніе къ представленію министра по тому же предмету.

12. Справка о дѣйствіяхъ волостныхъ судовъ въ обществахъ временно-обязанныхъ крестьянъ *(доставлена изъ земскаго отдѣла)*.

13. О возложеніи на мировыхъ судей и мировые съѣзды обязанностей по крестьянскимъ дѣламъ *(С. Жуковскаго и К. Домонтовича)*.

14. Проектъ временныхъ правилъ о порядкѣ производства дѣлъ межевыхъ въ судебныхъ установленіяхъ *(Рѣпинскаго)*.

15. Соображенія коммиссіи относительно введенія въ дѣйствіе новыхъ судебныхъ уставовъ *(Принтца)*.

16. Общій временный штатъ мировыхъ судебныхъ учрежденій *(его же)*.

17. Временный штатъ с.-петербургской судебной палаты и судебныхъ учрежденій ея округа *(его же)*.

18. Росписаніе судебныхъ чиновъ, потребныхъ для образованія окружныхъ судовъ въ округахъ с.-петербургской и московской судебныхъ палатъ *(его же)*.

19. Временный штатъ московской судебной палаты и судебныхъ учрежденій ея округа *(его же)*.

20. Таблица о числѣ жителей, пространствѣ и степени населенности каждаго уѣзда нѣкоторыхъ губерній *(его же)*.

21. Временный штатъ кассаціонныхъ департаментовъ правительствующаго сената *(его же)*.

22. Объяснительная записка къ правиламъ о порядкѣ введенія въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ (*его же*).

23. Правила о порядкѣ введенія въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ главы VI и VII-я *(его же)*.

24. Правила о введеніи въ дѣйствіе мировыхъ судебныхъ установленій *(его же)*.

25. Правила о порядкѣ введенія въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ проектъ № 1.

26. Правила о порядкѣ введенія въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ проектъ № 2 *(Принтца)*

27. Предварительныя соображенія о порядкѣ введенія въ дѣйствіе уставовъ *(его же)*.

28. Глава четвертая, о порядкѣ первоначальнаго введенія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ общихъ судебныхъ учрежденій *(его же)*.

29. Положеніе о порядкѣ производства гражданскихъ дѣлъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ будутъ введены одни мировыя судебныя учрежденія *(Квиста)*.

30. Правила о порядкѣ введенія въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ *(Принтца)*.

31. Особыя соображенія объ устройствѣ мировыхъ судебныхъ учрежденій въ столицахъ *(его же)*.

Работы по введенію въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ (часть 2).

Т. LXV.

1. Отношеніе министра юстиціи 1864 г. № 6440, объ облегчительныхъ правилахъ судопроизводства въ нынѣшнихъ судебныхъ мѣстахъ.

2. Записка его же 1864 г. № 6439 по сему же предмету.

3. Записка его же 1864 г. о судопроизводствѣ по частнымъ жалобамъ на дѣйствія судебныхъ мѣстъ.

4. Проектъ измѣненія статей свода законовъ, изд. 1857 г. по сему же дѣлу.

5. Представленіе министра юстиціи о производствѣ полиціями взысканій по обязательствамъ, и проектъ измѣненія и дополненія статей.

6. Записка министра внутреннихъ дѣлъ 1860 г. № 260, о соединеніи магистратовъ и ратушъ съ уѣздными судами.

7. Записка его же 1863 г. № 251 по сему же предмету.

8. Соображенія коммиссіи о порядкѣ введенія въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ.

9. Приложенія къ мнѣнію трехъ членовъ о томъ же.

10. Приложенія къ мнѣнію восьми членовъ о томъ же.

11. Соображенія коммиссіи по проектамъ облегчительныхъ правилъ.

12. Соображенія коммиссіи о сліяніи мировыхъ крестьянскихъ учрежденій съ мировыми судебными установленіями.

13. Планъ введенія въ дѣйствіе судебнаго преобразованія *(трехъ членовъ: Буцковскаго, Заруднаго и Квиста)*.

14. Мнѣніе *Н. Буцковскаго*.

15. Соображенія о порядкѣ введенія въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ (мнѣніе *Сенатора Буцковскаго)*.

16. Правила о порядкѣ введенія въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ *(Н. Буцковскаго)*.

Работы по введенію въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ (часть 3-я).

Т. LXVI.

1. Замѣчанія практиковъ на планъ трехъ членовъ коммиссіи *съ объясненіями трехъ членовъ коммиссіи (Буцковскаго, Заруднаго и Квиста)*.

Замѣчанія сіи доставлены отъ слѣдующихъ лицъ: *Поппе, Сырнева, Никитина, Штанскаго, Штукина, Кущева,*

Цвѣткова, Износкова, Латышова, Серѣева, Тимченко-Островерхова, Баженова, Костыря, Де-Росси, Алещенко, Никифорова, Фукса, Ланге, Карпова, Яна, Нахимова, и Шульца.

2. Замѣчанія практиковъ на работы коммиссіи о введеніи въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ (часть 1-я).

3. Замѣчанія практиковъ на работы коммиссіи (часть 2-я).

Замѣчанія сіи доставлены отъ слѣдующихъ лицъ: *Фукса, Астафьева, Скіадо, Мирецъ-Имшенецкаго, Буцикова, Кольцова, Градовскаго, Цвѣткова, Муликовскаго, Гриненко, Мордухай-Болтовскаго, Абрамовича, Клокотовскаго, Давыдова, Яна, Штанскаго, Слѣпцова, Сырнева, Никитина, Поппе, Тырнева, Юферова, Орѣшникова, Шемякина, Головинскаго, Андреева, Раевскаго, Лонцкаго, Маркевича, Баршевскаго, Смирницкаго, Васильева, Филимонова, бывшаго мироваго посредника орловской губерніи, Устимовича, Кащеева, Штукина, Ивашкевича, Фонъ-Ашеберга, Логиновскаго, Бетлинга, Колбасьева.*

4. Статьи повременныхъ изданій о введеніи въ дѣйствіе судебнаго преобразованія.

Статьи сіи напечатаны въ слѣдующихъ изданіяхъ: *въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1865 года №№ 79, 80, 81, 82, 86, 87, 90, 92 и 93, въ Голосѣ 1865 года №№ 120, 122, 126, 127, 129, 134, 138 и 150, въ Днѣ 1865 года №№ 9, 19, 20 и 21, въ Рускомъ Инвалидѣ 1865 года №№ 116, 117, 139 и 140, и въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ 1865 г. № 5.*

Т. LXVII.

Работы по введенію въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ (часть 4-я).

1. Замѣчанія министра финансовъ на соображенія коммиссіи о порядкѣ введенія въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ.

2. Замѣчанія министра государственныхъ имуществъ на проекты коммиссіи о введеніи судебнаго преобразованія.

3. Замѣчанія министра внутреннихъ дѣлъ на соображенія коммиссіи о введеніи судебнаго преобразованія.

4. Замѣчанія его же о сліяніи мировыхъ крестьянскихъ учрежденій съ мировыми судебными.

5. Мнѣніе его же о подвѣдомственности крестьянскихъ дѣлъ по введеніи мировыхъ судей.

6. Предположеніе о распредѣленіи предметовъ вѣдомства мировыхъ посредниковъ между ними, мировыми судьями, полиціями и вытными головами.

7. Замѣчанія министра юстиціи на соображенія коммиссіи о порядкѣ введенія судебныхъ уставовъ.

8. Записка министра юстиціи № 7758 объ облегчительныхъ правилахъ.

9. Проектъ редакціи статей о облегчительныхъ правилахъ.

10. Замѣчанія министра юстиціи на содержанія коммиссіи о сліяніи мировыхъ крестьянскяхъ учрежденій съ мировыми судебными установленіями.

11. Записка министра юстиціи за № 7564 о временномъ росписаніи окружныхъ судовъ по округамъ с.-петербургской и московской судебныхъ палатъ.

12. Замѣчанія сенаторовъ и оберъ прокуроровъ на соображенія коммиссіи о сліяніи и о порядкѣ введенія въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ.

13. Замѣчанія шестнадцати сенаторовъ (с.-петербургскихъ департаментовъ) на соображенія коммиссіи о сліяніи и о порядкѣ введенія въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ.

14. Замѣчанія тринадцати сенаторовъ (московскихъ департаментовъ) на соображенія коммиссіи о сліяніи и о порядкѣ введенія въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ.

Т. LXVIII.

Работы по введенію судебныхъ уставовъ (часть 5).

1. Окончательныя соображенія коммиссіи о порядкѣ введенія въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ.

2. Особое мнѣніе *трехъ членовъ коммиссіи* о порядкѣ введенія судебныхъ уставовъ.

3. Приложенія къ мнѣнію трехъ членовъ о планѣ введенія въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ.

4. Проектъ указа правительствующему сенату о введеніи въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ.

5. Проектъ положенія о введеніи въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 года.

6. Приложеніе I, проектъ временнаго штата кассаціонныхъ департаментовъ сената.

7. Приложеніе II, проектъ временныхъ штатовъ для с.-петербургской и московской судебныхъ палатъ.

8. Приложеніе III, проектъ временнаго росписанія окружныхъ судовъ по округамъ с.-петербургской и московской судебныхъ палатъ.

9. Приложеніе IV, проектъ временнаго росписанія числа товарищей прокуроровъ въ 19 губерніяхъ, въ которыхъ вводятся въ дѣйствіе одни мировыя судебныя установленія.

10. Правила о порядкѣ введенія въ дѣйствіе однихъ мировыхъ судебныхъ установленій.

11. Окончательное мнѣніе трехъ членовъ коммиссіи *(Буцковскаго, Зарудnаго и Квиста)* по вопросу о введеніи въ дѣйствіе судебнаго преобразованія.

12. Окончательныя соображенія коммиссіи объ облегчительныхъ правилахъ судопроизводства, дѣлопроизводства и прокурорскаго надзора.

13. Проектъ измѣненія и дополненія нѣкоторыхъ статей свода законовъ по сему же предмету.

14. Окончательныя соображенія коммиссіи о сліяніи мировыхъ крестьянскихъ учрежденій съ мировыми судебными установленіями.

15. Журналъ особаго соединеннаго присутствія департаментовъ Государственнаго Совѣта 1865 года № 42 о порядкѣ введенія въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ.

16. Проектъ указа сенату, составленный по заключенію особаго соединеннаго присутствія департаментовъ Государственнаго Совѣта.

17. Проектъ положенія о введеніи въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г., составленный тѣмъ же присутствіемъ.

18. Временное росписаніе окружныхъ судовъ, составленное по заключенію того же присутствія.

19. Временный штатъ кассаціонныхъ департаментовъ, составленный по заключенію того же присутствія.

20. Временные штаты судебныхъ палатъ, составленные по заключенію того же присутствія.

21. Временное росписаніе числа товарищей прокуроровъ въ 19 губерніяхъ, въ которыхъ вводятся одни мировыя учрежденія.

22. Правила о введеніи въ дѣйствіе однихъ мировыхъ учрежденій, составленныя по заключенію того же присутствія.

23. Журналъ особаго соединеннаго присутствія департаментовъ 1865 года № 43, объ измѣненіи и дополненіи статей свода законовъ объ облегчительныхъ правилахъ судопроизводства и дѣлопроизводства.

24. Журналъ того же присутствія за № 44, о сліяніи мировыхъ крестьянскихъ учрежденій съ мировыми судебными установленіями.

25. Журналъ общаго собранія Государственнаго Совѣта 20 и 27 сентября 1865 года о порядкѣ введенія судебныхъ уставовъ.

26. Выписка изъ меморіи общаго собранія Государственнаго Совѣта.

27. Журналъ общаго собранія Государственнаго Совѣта 20 сентября 1865 г. объ измѣненіи и дополненіи статей свода законовъ, касающихся судопроизводства и дѣлопроизводства въ нынѣшнихъ судебныхъ мѣстахъ.

28. Выписка изъ меморіи общаго собранія Государственнаго Совѣта по сему же предмету.

29. Журналъ общаго собранія 27 сентября и 4 октября 1865 г. о разграниченіи обязанностей мировыхъ судебныхъ установленій и мировыхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій.

30. Выписка изъ меморіи общаго собранія Государственнаго Совѣта по сему дѣлу.

31. Указъ правительствующему сенату 19 октября 1865 года.

32. Положеніе о введеніи въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ, утвержденное 19 октября 1865 года.

33. Временные росписанія и штаты, утвержденные 19 октября 1865 года.

34. Высочайшее повелѣніе объ исполненіи послѣдовавшаго въ Государственномъ Совѣтѣ мнѣнія объ измѣненіи и дополненіи статей свода законовъ, касающихся судопроизводства и дѣлопроизводства въ нынѣшнихъ судебныхъ мѣстахъ 11 октября 1865 г.

Т. LXIX.

Журналы общаго собранія Государственнаго Совѣта о преобразованіи судебной части въ Россіи.

1. 16 и 18 сентября 1864 года по проекту устава гражданскаго судопроизводства.

2. 23 и 25 сентября 1864 г. по проекту устава уголовнаго судопроизводства.

3. 30 сентября 1864 года по проекту устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями.

4. 2 октября 1864 года по проекту учрежденій судебныхъ установленій.

5. 2 ноября 1864 года о классахъ, разрядахъ и окладахъ чиновъ судебнаго вѣдомства.

6. Выписка изъ меморіи Государственнаго Совѣта Высочайшихъ разрѣшеній, послѣдовавшихъ по всѣмъ означеннымъ журналамъ.

7. Журналъ 20 сентября 1865 года о дополненіи статей свода законовъ, касающихся судопроизводства и дѣлопроизводства въ нынѣшнихъ судебныхъ мѣстахъ съ выпискою изъ меморіи.

8. Журналъ 20 и 27 сентября 1865 года о введеніи въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 года съ выпискою изъ меморіи.

9. Журналъ 27 сентября и 4 октября о разграниченіи обязанностей мировыхъ судебныхъ установленій и мировыхъ крестьянскихъ учрежденій съ выпискою изъ меморіи.

Т. LXX.

Высочайше утвержденные 20 ноября 1864 года судебные уставы.

Т. XI—LXXIV.

Судебные уставы съ изложеніемъ разсужденій, на коихъ они основаны, въ четырехъ томахъ. Изданіе Государственной канцеляріи 17 апрѣля 1866 года.

ч. 1 уставъ гражданскаго судопроизводства.

ч. 2 уставъ уголовнаго судопроизводства.

ч. 3 учрежденіе судебныхъ установленій.

ч. 4 уставъ — о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями.